Ангелы бедствий

White Pawn

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

2179 год. Люди пережили мировой конфликт, последующую серию мелких разрушительных войн, природных, экологических и техногенных катастроф и десятилетия всеобщего упадка. Теперь остаткам человечества предстоит пережить последнее испытание, которое определит, останется ли род людской на Земле в том виде, в котором он существовал до начала катаклизма. Ничто не меняется. Даже сейчас, перед лицом полного уничтожения со стороны безликого монстра, в течение полувека поглощающего экосистему планеты, главным врагом человека по-прежнему остается только он сам.

- White Pawn
- I. Новое место
- II. Прошлое
- III. Душа мира
- IV. Новая жизнь
- Эпилог

White Pawn
Ангелы бедствий

Зачем кричать, когда никто не слышит.
О чем мы говорим…
Мне кажется, что мы давно не живы
Зажглись и потихоньку догорим
Когда нас много начинается пожар
И города похожи на крематорий и базар
И все привыкли ничего не замечать,
Когда тебя не слышат, для чего кричать?
LUMEN, "Гореть"

This is the end
Beautiful friend
This is the end
My only friend, the end
Of our elaborate plans, the end
Of everything that stands, the end
No safety or surprise, the end
I'll never look into your eyes…again
Can you picture what will be
So limitless and free
Desperately in need…of some… stranger's hand

Doors, "The End"

I. Новое место

Человек зашевелился и тут же поморщился, заморгав и прикрывая глаза ладонью. Оранжевый свет бьющий из иллюминатора в лицо ослеплял, вызывая не самые приятные ассоциации, и мысли, спутанные и сбивчивые после короткого сна казались ему странными и пугающими. Спросонья ему почудилось, будто за стеклом полно огня, и пассажирский винтокрыл вместо пункта назначения прибыл в адское пекло.

"Фрактал… Здорово. Просто здорово. Чистый воздух, много питьевой воды, никакой радиации. И до Ткани будет очень далеко…"

Его сон был странным и тревожным. Ему снился большой осенний лес под Красноярском, наполненный зловещей тишиной. Стас был там несколько лет назад, и это воспоминание стало навязчивым настолько, что это место до сих пор порой преследовало его в сновидениях. Стас мог понять, почему: большой огненно-рыжий лес, уже пораженный осенью тогда вызвал у него ассоциацию со всей планетой, уже готовой погрузиться в свою особенную пору тишины и покоя.

Стас слабо встрепенулся, окончательно просыпаясь, чувствуя головную боль. Недовольно щурясь, он отвернул и опустил голову, пряча глаза от яркого света. Его

старая светло-синяя куртка с дюжиной мелких ремешков и с символикой милиционной армии была расстегнута. Пластиковый пропуск и его личностный информационный накопитель, висящие на разных шнурках на шее, ослепительно блестели на солнце. Ощущая тупую боль в висках, он тяжело переставил затекшие ноги, заерзав на своем месте. Собственное тело было неуклюжим и непослушным, словно бы чужим, и кресло казалось донельзя неудобным.

Короткая дрема не избавила от усталости. Стас чувствовал себя разбитым и заторможенным после такого отдыха. Приглушенный стрекот винтов лишь усиливал неприятные ощущения. Морщась, Стас сомкнул воспаленные веки, с трудом поднял сложенные на груди руки и прижал ладони к глазницам.

"По крайней мере, удалось хоть немного отогнать сон".

Хоть что-то хорошо. Он опустил кажущиеся непослушными ватными руки и осторожно ткнул каблуком ботинка сумку под сиденьем — на месте ли? В ней были все его вещи, которые он по праву мог бы назвать своими. Не то чтобы он сильно дорожил ими, но и терять их было бы более чем неразумно.

Стасу ранее никогда не приходилось летать на подобных

аппаратах, и этот первый перелет для него значил многое. Он чувствовал что именно сейчас, в эти часы он совершает путешествие не только в пространстве и времени. В этом было нечто другое, неразрывно связанное с ним и его судьбой. Этот полет стал переломным моментом в его жизни. Будущее являло собой загадку, и Стас не брался решать ее сейчас, строить какие-то прогнозы и предположения, которые наверняка будут неверными. Его настоящее сжалось до размеров маленького мирка, размером всего лишь с салон винтокрыла. Прошлая жизнь, проведенная в Форте-9, созданного для защиты Красноярска и мнимого спокойствия горожан, которых с каждым годом становилось все меньше и меньше, осталась позади. Сейчас Стасу меньше всего хотелось думать об этом, но малоприятные воспоминания все равно назойливо тревожили его.

Пассажиров было немного. Стас обернулся чтобы увидеть их, сам не понимая, зачем. Быть может, чтобы почувствовать себя спокойней убедившись, что он не один в этот беспокойный момент в его жизни? Девушка, сидящая у противоположной стены, застыла с очками светопроектора на лице. Сидящий позади Стаса мужчина в черном кителе с незнакомой Стасу символикой какой-то службы, дремал скрестив руки на груди и устроив голову на бежевой думке.

Стас отвернулся. Пересечь пространство над кажущейся бескрайней тайгой, чтобы добраться до места своей новой службы и нового дома, Стас был вынужден в хоть и небольшой, но все же компании других людей. Это успокаивало. Точка его прибытия — Фрактал, одно из самых надежных и хорошо защищенных мест на всей Земле, и он направляется туда не один. Стас подумал и том, что ему раньше никогда не приходилось предпринимать поездки так далеко и так надолго, но сейчас эти мысли не вызвали в нем никаких чувств.

Через полтора часа он будет на месте.

На шее Стаса вместе с его личностным информационным накопителем и новым пропуском висели и провода с мягкими подушечками проектора на гибкой дужке, но читать ему не хотелось, равно как и смотреть какую-нибудь транслируемую ерунду. Стас, скрестив руки на груди, с сонным и мрачным выражением на лице уставился в иллюминатор, стараясь не обращать внимания на слабость и ломоту во всем теле. Садящееся солнце исчезло из зоны видимости. Оно заливало ярким светом все вокруг, свирепо отражаясь от линз небольших озер, над которыми летел винтокрыл. Вода казалась стеклянной, неподвижной массой. Тайга внизу приобретала зловещий темно-желтый оттенок, словно бы вся земля была поглощена огнем

одного огромного пожара.

"Фрактал", подумал Стас, снова устало и покорно закрывая глаза и вновь погружаясь в оранжевые сумерки, царящие под веками, "он будет моим новым домом".

* * *

Невысокие по меркам мегаполисов здания окружали центральную исполинскую площадь города, в центре которой располагался белоснежный трехкилометровый купол штаб-квартиры "Уаджет". Человек в черном мундире, стоящий перед большим окном с бронированным стеклом, смотрел, как солнце исчезает за высотными домами, превращая их в силуэты зловещих черных прямоугольников, тянущиеся к темнеющему небу, и думал о многом. О том что эти дома и улицы, располагающиеся вокруг "Панциря мира", да и другие удаленные от центра города районы самые комфортные и безопасные места на многие километры вокруг. Так же мужчина думал и о том что в случае нападения на штаб-квартиру именно центр города станет самым опасным местом.

Мужчина в черном мундире с кроваво-красными погонами был высок и широкоплеч, но годы, проведенные на опасной и ответственной службе и важном посту уже сделали свое дело: зеленые глаза поблекли, волнистые волосы поседели и поредели, на грубом испитом лице прибавилось глубоких морщин, появился избыточный вес и вконец испортился характер. Тем не менее, несмотря на шестидесятидвухлетний возраст главнокомандующий "Уаджет" все еще твердо держался на ногах, не лебезил перед политиками из "Цитадели-1" и крепко брался за своих подопечных и молодых специалистов штаба. Он неоднократно задавался вопросом — а когда напивался в одиночестве, или во время редких и коротких отпусков и редких отгулов доходил до маловменяемого состояния при помощи разрешенных наркотиков и нервных стимуляторов, задавался им чаще и чаще — достоин ли он занимать столь высокий пост, нести на плечах такую ответственность? Главнокомандующий не знал, как ответить на это самому себе.

Жаркий июньский день подходил к концу. Большая часть дел была сделана, и главнокомандующий генерал-лейтенант Анатолий Кириченко решился покинуть свой кабинет в надежде, что ничего экстренного на сегодня не предвидится. Неторопливая прогулка по незапланированному маршруту, пролегающему по внутренним секциям и уровням штаб-квартиры, всегда была

полезной, как и для уже не молодого генерал-лейтенанта, так и для его подчиненных. Еще не было придумано более эффективного стимула к работе как внезапное появление начальника на рабочем месте.

Что касается работы то ее для "Уаджет" хватало везде и всегда, даже не смотря на пассивную стадию функционирования, в которой секретный корпус пребывал уже почти как год. За это время "Уаджет" не предпринимал никаких активных действий против Ткани, проводя операции по уничтожению лишь дрейфующих одиночных кластеров, которые подходили слишком близко к территориям, принадлежавшей Азиатской Конфедерации Содружества. Сбор и анализ информации, необходимой для выявления "блуждающих" кластеров и разведка — вот основная деятельность большинства специалистов, располагавшихся в штаб-квартире.

Кириченко остановился именно здесь, перед этим окном, сам не зная, почему. Его взгляд совсем случайно упал на открывшуюся за ним картину и он не шевелился, завороженный этим зрелищем: черные прямоугольные силуэты высотных строений на фоне горящего оранжевого неба. Глядя на эту мрачную картину главнокомандующий "Уаджет" силился понять, с кем же он воюет на протяжении почти десяти лет.

В его распоряжении по нынешним меркам были мощные силы. Небольшая, хорошо вооруженная армия, хотя формирования из оперативников не являлись таковой в прямом смысле; моторизированный полк, небольшая танковая дивизия, воздушный флот из нескольких десятков транспортных и боевых самолетов и скоростных винтокрылов. Плюс ко всему протекторат самой "Цитадели-1", новой столицы и политического центра России, собственный инженерный и исследовательский корпус, а так же залог их будущей победы — "мимезис". Однако обладая даже таким потенциалом, сразить нового врага людей оказалось не так просто. Этот противник не был похож ни на что виденное ранее. Люди воевали только против друг друга, и столкнувшись с чем-то иным, совершенно непохожим на них, зашли в тупик. Иногда казалось, что Ткань не способна действовать как полноценный противник, но десять дней назад более семидесяти оперативников "Уаджет" при проведении операции по уничтожению нескольких блуждающих кластеров, именуемых "бродягами", поплатились за эту всеобщую самонадеянность собственными жизнями. Пять кластеров, дрейфующих на расстоянии несколько километров друг от друга, вдруг начали действовать координировано и слажено, словно единая группа. Бой закончился в течение нескольких страшных минут. Биомасса,

хлынувшая из "распустившихся" кластеров, смела и поглотила оперативников и несколько огнеметных танков. Они погибли не самой лучшей смертью в считанные секунды. Не спасло и секретное оружие "Уаджет", хваленые капсульные пули, наполненные "мимезисом".

"Я погубил этих ребят. Среди них было множество первоклассных спецов… Как я мог допустить такую ошибку? "

Кириченко не мог найти ответа. Как глава особой секретной службы, он имел почти что неограниченный доступ к ресурсам, в том числе и человеческим. Но нужно было быть полным идиотом, чтобы не понимать одной очевидной вещи: рано или поздно могущественные покровители "Уаджет" — отнюдь не те, кто заправляет делами в новой России из надежно укрепленной и защищенной "Цитадели-1", о месторасположении которой не знал и сам генерал-лейтенант — перестанут закрывать глаза на промахи и оплошности своего детища. Кириченко как никто другой знал и помнил, сколько промахов за все время своего существования допустил "Уаджет". История этой организации — сплошная череда проб и ошибок, так как путь, по которому двигались люди из этого специального корпуса был уникальным. Дорогу к победе в нынешних условиях прокладывали не только они, но, бесспорно, "Уаджет" был первопроходцем. Однако рано или поздно главнокомандующему придется отвечать за свои решения и поступки. Когда терпение истинных хозяев "Уаджет" лопнет, ему припомнят сразу все его ошибки.

"Нашей главной задачей является понять, как действует Ткань".

Кириченко усмехнулся собственному легкомыслию. Легко сказать — "понять, как действует". Но это был тот самый вопрос, от разрешения которого зависела в дальнейшем вся тактика "Уаджет". Чтобы поразить Ткань, нужно было знать ее слабое место. Над этой задачей до сих пор бились лучшие специалисты научно-исследовательского комплекса "Стагирита-2" как и другие научные центры Конфедерации вот уже почти пятьдесят лет. Найти способ быстро избавить Землю от Ткани оказалось неимоверно трудно, но призрачные шансы были, и Кириченко был готов использовать и их. В конце концов, именно от действий "Уаджет" зависит, останется ли человечество на Земле, или же полностью будет поглощено чужеродной формой жизни.

Глядя за окно на садящееся солнце, главнокомандующий с содроганием думал о подобной перспективе. Это тоже было очень трудно — осознать всю ответственность, лежащую на своих плечах.

* * *

Кондиционер исправно справлялся с духотой, нагнетая прохладный воздух внутрь салона автомобиля. День выдался прохладным, но к вечеру снова стало жарко. На небе у горизонта сгущались тучи, и Анна с унынием подумала о предстоящем жарком вечере, который и этой ночью, наверное, вновь закончится ливнем. Черная куртка с ярко кроваво-красными погонами казалась тяжелой, глухая водолазка и узкие брюки липли к телу.

"Скорее бы забраться в душ", с грустью подумала она. Раскрытая консоль в ее руке мигнула индикатором приема информации и на экран начали поступать данные.

Аня скептически поджала губы.

-..Сходим в ресторан?

Она встрепенулась, покосившись на Дениса, сидящего справа. Он смотрел на нее с уверенным, спокойным выражением на лице, спокойно улыбаясь и ожидая ее ответа.

— Мм, — задумчиво протянула Аня, вновь переводя глаза на консоль. — Хорошо, давай съездим в "Малахит".

— Договорились, — Денис с довольным видом откинулся на спинку сиденья. — В восемь часов тебя устроит?

Аня задумчиво прикусив губу, скептически, без особого интереса просматривала короткую сводку-резюме на человека, которого ей предстояло встретить.

— Анют?

— Мм… Да. То есть… Давай в половине десятого. У меня сегодня работа.

— Даже в выходной день… И кто у тебя сегодня?

— Только один недотепа, из Форта-9. Потом нужно заехать в "Панцирь", утрясти кое-какие мелкие проблемы.

— Форт-9?.. Эмм, кажется, это возле Красноярска?

— Ага, — Аня с улыбкой показала ему раскрытую консоль, где были высвечены все данные и фотография новоприбывшего. — Видишь? Нечего здесь ревновать.

— Ну-ну, — с улыбкой сказал Денис.

— Ладно, в девять часов, договорились, — Анна закрыла консоль, наблюдая, как муж с видимой неохотой открывает дверцу машины.

— Все, пока, — быстро подавшись вперед, она звучно чмокнула его в щеку. — Как освобожусь, я тебе позвоню.

— Хорошо Анют, — с теплом сказал Денис, выбираясь из машины. Анна с легкой улыбкой смотрела ему в след, чувствуя приятное чувство предвкушения и ожидания. Жара и духота

снаружи теперь не волновали ее: Аня встретит очередного новобранца, объяснит ему, что и как, и скорее, скорее отдыхать. Ее смена почти через двенадцать часов, и это время Аня намеревалась потратить с максимальным удовольствием.

Она убрала консоль во внутренний карман своей короткой форменной куртки старшего координатора "Уаджет". С урчанием ожил электродвигатель, и Аня направила машину в сторону южной окраины Фрактала. Именно там располагались главные транспортные узлы всего города.

По дороге она с удовольствием думала о предстоящем отдыхе, стараясь не думать об утренней ссоре с Денисом. Его предложение посетить ресторан Аня воспринимала как попытку загладить вину. Как и прошлый раз, он первый заговорил на ребенке, но теперь ей казалось, что над этим вопросом стоит подумать как следует.

"Не сейчас", решительно подумала она, "не сегодня, не завтра… Но потом, обязательно".

Ее машина выскочила на широкую трассу, минуя громоздкие сооружения с посадочными площадками для винтокрылов, то и дело ныряя под пешеходные и железнодорожные мосты с замершими на путях составами. До шестнадцатого сектора, куда должен был прибыть новенький, оставалось совсем чуть-чуть.

Аня увидела новоприбывшего сразу. Он сидел на одной из скамей перед пустой посадочной площадкой, скрестив руки на груди и вытянув перед собой ноги. Чуть в стороне тихо переговаривались два специалиста службы охраны Фрактала, люди в черных беретах и камуфляжах, с короткоствольными автоматами, обвешанные чуткой и внимательной ко всему подозрительному аппаратурой. Представители службы безопасности были первыми, кто встречал всех прибывающих в этот город. Аня притормозила в стороне, наблюдая за новоприбывшим. Человек, сидящий к ней спиной, или спал, или был погружен в раздумья, сидя лицом к исчезающему за зазубренной кромкой леса солнцу.

Аня бросила короткий взгляд в зеркальце бокового вида, убедившись, что черные волосы не слишком растрепались, и что на ее лице спокойное дружественное выражение. Открыв дверцу, она выбралась наружу.

Он повернул голову на звук ее шагов, когда она начала подниматься по стальным ступенькам на площадку. Молодой мужчина, один из многих, с кем старшему инструктору пришлось иметь дело за время своей службы. "Уаджет" была полувоенной организацией, и соотношение мужчин и женщин по-прежнему было неравным в перевес первых.

Глядя на его узкое лицо с близко посаженными глазами, Аня не подала виду, что в реальности он выглядит не очень привлекательно — еще хуже, чем на фото из личного дела. Так же она не преминула заметить, что одет новоприбывший был как типичный выползень из всех этих Фортов: те же полувоенные куртки и изношенные армейские ботинки.

"Видимо, командование милиционных формирований в последнее время не очень хорошо снабжает свои базы", подумала Аня, наблюдая, как при ее приближении он поднялся со своего места, подхватывая лямки своего рюкзака.

— Здравствуйте, — дежурно улыбаясь произнесла она, останавливаясь в нескольких шагах перед ним и складывая руки перед собой.

"Ну и специалистов мы набираем", с невозмутимым выражением на лице подумала она, глядя сверху вниз на угловатого и в общем-то ни чем непримечательного мужчину. Он был молод и не то чтобы некрасив, а скорее неприятен.

— Добрый вечер, — ответ прозвучал настороженно и сухо. Стас прямо, хотя и с легким ошеломлением смотрел на высокую молодую женщину.

"Она из "Уаджет"?"

Глупые сомнения, понял он. Ее черная куртка с кроваво-красными погонами говорила сама за себя. Стас с трудом заставил себя не пялиться на золотой глаз Гора, вышитый на ее груди слева.

— Станислав Юрьевич Кавелин? Меня зовут Анна Ковалева, я старший координатор "Уаджет", глава вспомогательного аналитического центра "Перстень".

"Перстень". Это от них я получил уведомление о переводе в "Уаджет".

— Рад знакомству, — кивнул Стас.

— Могу я увидеть Ваши документы и пропуск?

— Конечно, — он снял с шеи свои пластинки, протягивая их старшему координатору. Анна чиркнула пропуском новоприбывшего по приемной щели анализатора — тихий писк, зеленый огонек индикатора.

— Пропуск в первое время держите наготове, его у Вас еще не раз проверят, — Анна опустила стальную пластинку информационного личностного накопителя в разъем своей консоли.

Стас, приняв от нее свой пропуск, исподлобья наблюдал за ней. Стоящая перед ним женщина прикрыв глаза и спокойно умиротворенно улыбаясь, ждала, когда компьютер закончит свою работу. Она вовсе не была похожа на ведущего специалиста

секретной военной структуры. Стас с интересом взглянул на коммуникатор в ее руке. Он был наслышан о подобных штуках, выполняющих функции компьютера и светофона, но видел эту вещь нечасто. Коммуникаторы использовались представителями правоохранительных органов и военными уже более двух десятков лет. Не смотря на то, что коммуникаторы уже давно и безнадежно устарели, даже сейчас их было почти невозможно приобрести частным лицам.

— Вот и все, — Аня вернула его ЛИН, — теперь Ваши данные внесены в общую базу "Уаджет". Добро пожаловать во Фрактал.

— Спасибо, — сказал Стас, глядя, как она, резко развернувшись, пошла к машине, поманив его рукой за собой.

— Подвезу Вас до места расквартировки, — бросила она через плечо. — Заодно покажу город.

"Расквартировки?" Стас поморщился, чувствуя, что головная боль, развеянная за время его пребывания на открытом воздухе начала возвращаться.

"Ладно, посмотрим", он зашагал вслед за ней.

— Красивая машина, — произнес Стас, с удовольствием устраиваясь в пассажирском месте.

— С личным транспортом во Фрактале практически нет проблем, — бойко и охотно ответила Анна. — Это так, прихоть… Другое дело, что ездить практически никуда не приходиться.

— Почему?

— Город не такой уж и большой, — пояснила Анна, заводя двигатель. — К тому же, более-менее нормальные улицы — только в центре. В любую же точку Фрактала проще и удобнее всего добраться на метро.

Они выехали в узкий проезд между высокими фермами посадочных площадок. Анна вывернула на узкую симпатичную улицу с виду самого обычного города. Стас с удовольствием озирался, глядя на опрятные чистые дома, неширокие и немноголюдные улицы. Он сразу же увидел главную достопримечательность — огромный белый купол, виднеющийся за крышами опрятных невысоких построек.

"Что это?"

— Как добрались?

— Спасибо, неплохо, — сказал Стас, не отрывая взгляда от исполинского белоснежного холма, который то исчезал за домами и фермами подвесной монорельсовой дороги метро то появлялся вновь.

— Вы ведь из Форта-9? Долго добирались?

— Вначале поездом три часа до Форта-11. Потом еще час сюда по воздуху. Что это такое?

— "Панцирь мира", — ответила Анна, сворачивая направо, и купол исчез из вида. — Наш главный командный центр.

— Разве… мы едем не туда? — беспомощно спросил Стас.

— Нет, туда Вы попадете только через несколько дней. У Вас ведь с собой достаточно денег, чтобы прожить с неделю?

Стас молча кивнул в ответ, решив больше не задавать вопросов. Эта новая жизнь, связанная со всем этим переездом через полстраны пока что принесла с собой головную боль. Стас внимательно отнесся к краткой инструкции, прилагавшейся к его билету и пропуску во Фрактал. Он взял с собой почти все свои накопления, оставив и значительную часть матери. Стас не знал, как долго он сможет протянуть на эту сумму в городе, о котором он ничего не знает.

Через пару минут машина притормозила у большого подъезда белой пятиэтажки.

— Это здесь, — бодро проговорила Анна, выбираясь из машины. — Идем.

"Здесь?!" не поверил Стас, выбираясь наружу и задирая голову вверх. Кажется, этот дом был построен совсем недавно. Стас с недоумением оглядывал просторные открытые этажи, плоские белые панели, окрасившиеся светом садящегося солнца в темно-розовый цвет, ряды матовых плафонов фонарей на стенах.

Он оглядел соседние дома, и здания на противоположной стороне улицы, выглядевшие точно так же, и перевел взгляд на старшего координатора:

— Я правда буду жить здесь?

Она только улыбнулась, зашагав к двустворчатой двери и вращая на указательном пальце цепочку с магнитным ключом. Стас последовал за ней; вдруг именно сейчас все это показалось какой-то дурацкой шуткой.

Не очень чистая и тесная кабина пневматического лифта подняла их на четвертый этаж. Стас, шагая вслед за своей проводницей, озирался по сторонам. Ряд дверей других квартир, тянущийся вдоль стены слева, широкий коридор, больше похожий на единый общий балкон, и высокий парапет справа, за которым открывался вид на пустую и тихую улицу и соседние ряды жилых домов точно такой же конструкции.

— Так, — Анна, держа перед собой ключи с биркой, остановилась перед дверью с ярко отблескивающей в лучах садящегося солнца цифрой "34".

— Это здесь.

Она вставила считывающий элемент электронного ключа в гнездо и замок тихо чирикнул. Анна толкнула открывшуюся дверь, обернувшись к Стасу:

— Смотрите, открываете дверь, вынимаете ключ, — она шагнула в сумрачную прихожую, двигаясь и держась так, чтобы Стасу были видны все ее манипуляции.

— Теперь этим же ключом включаете "домового", — Аня вновь вставила ключ в настенный приемник. Процессор, отвечающий за поддержание порядка и чистоты в доме, ожил с тихим и приятным гудением. Стас слегка поморщился. Звук ожившей системы контроля и зажегшийся свет, осветивший прихожую и стоящую в ней старшего координатора, почему-то произвел на него отталкивающее впечатление.

— Понятно? — спросила Анна, протягивая ему ключ и спокойно улыбаясь одними губами, как мамаша, только объяснившая малышу прописную истину.

Стас, мрачно глядя на нее исподлобья, медленно вытер подошвы своих чудовищных ботинок о коврик, молча шагнул внутрь, быстро озираясь и вновь поднимая на нее глаза.

— Я знаю, как обращаться с подобными вещами, — сказал он, принимая от нее ключи от квартиры.

— Извините, я не знаю… — ее улыбка стала растерянной, и Анна неловко пожала плечами. — ..Не знаю, как обстоят дела в Красноярске и Форте-9.

— Ерунда. В этом здании… Здесь живут еще военные?

— Имеете в виду оперативников из "Уаджет"?

— Да.

— Конечно. Весь Фрактал заселен именно по такому образу.

"Неужели они обходятся без казарм? Что же за военную организацию она представляет?" несколько отрешенно подумал Стас.

— Видимо, у Вас много людей в подчинении…

— Да нет. Просто этот город на самом деле не такой уж и большой, как я уже и говорила.

— Что ж, не буду Вас задерживать, — сказал Стас, оглядывая узкую и не длинную прихожую. — Думаю, дальше справлюсь без Вас. Спасибо, что подвезли и показали, что здесь и как…

— В течение нескольких дней ожидайте звонка, — торопливо проговорила Анна, бросая быстрый взгляд на часы. — С Вами должны будут связаться утром, с восьми до одиннадцати утра. Никуда не выходите в это время. Еще увидимся, всего хорошего!

И она быстро вышла из квартиры, явно радуясь перспективе быстрого избавления от лишней обузы.

— Всего хорошего, — негромко бросил Стас ей вдогонку.

Он остался стоять на своем месте. Лишь спустя несколько секунд после того, как стихли шаги Ковалевой, он закрыл входную дверь.

"Да, парень. Это и вправду новая жизнь".

Станислав выпустил из пальцев ручки своей сумки, и она с невыразительным шумом упала на мягкое ворсистое покрытие пола. Эта квартира казалась совершенно незнакомым местом, пустым и чужим. Стас в полной мере прочувствовал это, оставаясь в тишине узкой светлой прихожей, слушая лишь тихое усыпляющее гудение кондиционера и едва различимое жужжание "домового". Ему вдруг стало не по себе, он почувствовал легкую усталость и волнение.

Стас впервые выбрался за пределы Форта-9 так далеко и так надолго.

"Быть может, и на всю жизнь", подумал он, снимая ботинки.

Квартира оказалась совсем небольшой. Маленькая спальня, небольшая кухня и более-менее просторная гостиная. Стас не страдал от клаустрофобии, и даже эти относительно маленькие помещения показались ему очень симпатичными.

"Хотя они совсем чужие".

Ничего особенного: тихо, чисто, уютно. Стены, пол и потолок сплошь светло-бежевые тона. Минимум роскоши, из бытовой техники можно было отметить лишь черный диск светофона на тумбочке в спальне и неплохой проектор трехмерного изображения в гостиной. В ванной обнаружилась вполне приличная стиральная машинка. В холодильнике оказалось небольшое количество свежих продуктов, позволяющее прожить дня два-три… Так и есть, одни полуфабрикаты и консервы.

Изучая свое новое жилье, Стасу показалось, будто здесь до него никто не жил. Однако его необычная находка в спальне заставила его призадуматься. На небольшом письменном столе, поверх листа бумаги с гербовым изображением золотого глаза Ра в верхнем левом углу, лежала серебристая свето-ячейка, сигарета и зажигалка. "Добро пожаловать! Приятно провести время", гласила надпись от руки на листе. Ниже была нарисована улыбающаяся рожица.

"Кто бы мог это оставить?" Стас поднял сигарету, приблизив к лицу и вдохнув аромат. По запаху он узнал безобидный препарат, который расслабляет и вводит человека в спокойное, умиротворенное состояние на несколько часов.

Стас не имел ни малейшего понятия, кто мог бы оставить ему эти вещи. Он сильно сомневался, что это был тот, кто раньше проживал здесь. Вопрос, куда подевался жилец, заставил Стаса задуматься. Быть может, этого неизвестного повысили в звании, и он перебрался в более комфортное место? А может быть, он погиб? Тоже не исключено. Возможно, это была традиция — оставлять новичку расслабляющий препарат и свето-ячейку.

Стас чувствовал, что сейчас ему ничего не хочется, но все же решил, что традиции нехорошо нарушать.

* * *

Стас принял душ и разогрел в микроволновой печи ужин, состоящий из консервированных овощей. Даже такая пища выглядела и пахла очень соблазнительно. Стас, как выходец из города, считающегося провинцией по меркам Конфедерации, знал в этом толк.

Одетый в темно-фиолетовый махровый халат, он сидел на кухне и медленно ел в полной тишине, стараясь глядеть прямо перед собой и не напрягаться каждый раз, когда до его слуха доносились тихие, едва различимые звуки с улицы. Стасу нравился запах шампуня, исходящий от его влажных выпрямившихся волос и от вкусной неприхотливой еды.

Стас вернулся в спальню и в задумчивости остановился перед своей сумкой. Он так и не распаковал ее, подумав, что его убогие вещи в этом маленьком царстве тишины и чистоты покажутся чем-то кощунственным. Поколебавшись несколько мгновений, Стас все же раскрыл боковой карман и достал из него обернутый в плотный прозрачный материал фото в жесткой рамке. Подойдя к прикроватной тумбочке, он поставил на нее фото, изображающее улыбающегося человека в коричневом костюме техника бронетанковых войск, держащего на сгибе локтя четырехлетнего мальчишку. Стараясь не задерживать взгляд на этом фото, Стас отвернулся в сторону сигареты и свето-ячейки, ждущих на своем месте.

Он мог бы посмотреть содержимое информационного носителя и по своему портативному старенькому проектору. Порт устройства и разъем ячейки на вид казались совместимыми. Но Стас, прихватив сигарету и зажигалку, прошел в гостиную. Ему приглянулось тамошнее кресло, к тому же Стасу захотелось попробовать в деле здешний проектор.

Он не стал прибегать к помощи голографических очков. Стас подсоединил ячейку к проектору, захватив с собой пульт, с удовольствием устроился в кресле, вытянувшись во весь рост. Проектор перед ним тихонько пискнул и включился. Перед Стасом развернулось полупрозрачное прямоугольное полотно света. Стас нажал на пульте клавишу запуска, и мягкий свет, льющийся из "окна-призрака" потемнел, слившись с сумраком царящим в комнате, обозначив свое существование лишь яркой белой рамкой. В центре на черном фоне появилось название

записанного на ячейку фильма: "Фрактал. Последний оплот".

Стас щелкнул зажигалкой и, глубоко затянувшись, медленно выдохнул пьянящие струи дыма через ноздри. Возможно, сейчас не стоило забивать себе голову такой чепухой, как этот фильм. Сладковатый запах препарата и приятное расслабление, больше похожее на смертельную усталость, стремительно разлившееся по телу дали прочувствовать насколько ему хочется спать. Но Стас решил не сдаваться так быстро: учитывая его недавнее хобби, этот фильм представлял собой некоторый интерес для него.

Эти сведения словно бы не предназначались для глаз и ушей тех, кто обитал за пределами Фрактала, хотя на самом деле никакой секретной информации здесь не было. Перед Стасом развернулась захватывающая дух полномасштабная картина развивающихся событий, охватывающих недалекое прошлое. Строительство города-крепости, удаленного от плотно заселенных городов, началось весной две тысячи сто сорок второго года. Это происходило почти сорок лет назад, когда дефицит ресурсов и материалов еще не был таким острым, но уже потихоньку давал о себе знать. Слушая статистику и цифры, Стас подумал о том, что неизвестный создатель Фрактала, так и не названный в фильме, обладал воистину огромной властью. Вначале несколько строительных роботизированных бригад за предельно краткие сроки проложили по сибирской тайге монорельсовую линию железной дороги, в самое сердце Западно-Сибирской равнины. Чуть позже по ней к месту строительства рекой потекут материалы и новые строительные машины. Их количества хватило для того, чтобы в краткие сроки на восточном берегу Енисея выровнять огромную площадь, освободив ее от лесного массива и болотистой почвы для начала возведения самых основных конструкций. Создателям этого проекта удалось построить настоящее чудо. Большой и красивый город, включивший в себя все блага развитого, современного мегаполиса и отлично оснащенной военно-научной базы, способной самостоятельно защитить себя. Аналогов Фракталу не было по всему миру до сих пор, не только в Азиатской Конфедерации Содружества.

Грандиозное строительство продолжалось пятнадцать лет, но уже спустя восемь лет после начала первых работ Фрактал уже функционировал, как полноценный секретный полигон и штаб, расположенный в таежной глуши. Окруженный тремя крупными военными базами, образующими так называемый наружный периметр, он пережил свое полноценное рождение лишь в тот момент, когда белоснежный купол будущей штаб-квартиры "Уаджет" был возведен, но еще не начал свою работу. Сам

специальный корпус нападения и обороны будет сформирован лишь спустя двадцать два года после начала строительства.

"Уаджет", Фрактал, взаимосвязанные проекты, затянувшиеся на десятки лет. Тот, кто задумал построить этот город-базу, знал, что "Уаджет" рано или поздно начнет существовать именно здесь".

Это было ясно как день, но размышлять на эту тему не хотелось. Стас заторможено притушил окурок сигареты, стараясь двигаться осторожно и аккуратно. Он чувствовал, что после этой сигареты готов вырубиться в любой момент, и был благодарен неизвестному, который оставил ему этот подарок. Смотреть фильм дальше он не стал, решив, что ячейка никуда от него не денется. Приятное расслабление было настолько велико, что Стас сомневался, найдется ли у него сил подняться с кресла, чтобы перебраться в спальню.

Позже Стас лежал на кровати, заложив руки за голову, глядя в потолок. Не смотря на приятную вселенскую слабость сон пришел не сразу. За пару часов, проведенных в одиночестве, он чувствовал что немного привыкает к окружающей обстановке. Хотя странный, чужой запах, присущий любому незнакомому жилью все еще немного тревожил Стаса, равно как и приглушенный шум, доносящийся за окном с улицы. Голоса проходящих мимо людей, отдаленный шум пролетающих вдалеке винтокрылов, шум двигателей проезжающих редких машин — все это заставляло его непроизвольно прислушиваться к этому. Когда уже порядочно стемнело Стас услышал, как начался дождь.

"Фрактал", думал он, переворачиваясь на бок и медленно проваливаясь в тяжелый сон под звук бьющихся о стекло капель, "какое странное место. Я думал, что меня поселят в казарме, но мне отвели отдельную квартиру. Какое все странное…"

* * *

Стас не всегда был военным. Служба в Объединенных Вооруженных Силах Конфедерации могла лишь дать хорошие деньги, а ему, как сыну ветерана-участника Второй экспедиции против Ткани, возможность взять оружие в руки даже на стороне милиционной армии открывала хорошие перспективы для карьеры военного в дальнейшем будущем. Стас мог считаться хорошим солдатом, но он никогда не любил оружие и свою службу. В своей юности он увлекался историей, внезапно загоревшись мыслями о том, почему вокруг все устроено именно так, а не иначе, выражаясь точнее — почему настолько погано? Глядя на разрушающейся, пустеющий с каждым годом Красноярск

и медленно ветшающую базу, обязанную оборонять этот город, подобный вопрос рано или поздно должен был возникнуть в голове у любого, кто имел глаза и уши.

Возможность получить образование, специальность и любые другие информационные сведения в это время зависела лишь от желания и финансовых возможностей человека. Как правило, второго почти всегда не хватало — операция по "внушению" всех необходимых навыков и знаний была дорогостоящей. Стас, которому в ту пору было только девятнадцать лет, все же использовал часть собственных денег, полученных в качестве страховки от правительства за смерть отца на подобную процедуру. Так он получил свою первую профессию и удовлетворив свое любопытство, став сборщиком свето-ячеек.

За последние два века человечество создало многое, и многое же разрушило. Прорывы в науке имели место быть, и многие из них смогли уцелеть и к сегодняшнему дню. Экологически чистое топливо для всех видов наземных и воздушных машин; медицина, поставившая крест на большинстве смертельных болезней и достигшая значительных прорывов в различных направлениях; успешно реализованная программа по защите таяния ледников и спасения от уничтожения оставшихся лесных массивов. Но люди так и не создали единое государство, так и не достигли звезд, хотя на пике развития человечества на Луне и Марсе существовали несколько достаточно крупных и развитых колоний. Сейчас многие, кто хорошо знал историю, любили повторять — произошел коренной перелом в развитии и цивилизация покатилась по наклонной.

Все началось чуть более ста лет назад, весной две тысячи семьдесят шестого года. Началось то, чего ждали и боялись многие, но не решались начинать противодействие, боясь начать цепную реакцию и сделать только хуже. Кризис на Ближнем Востоке стремительно перерос в новый конфликт, в который оказались вовлечены десятки крупнейших концернов, располагающих почти что неограниченными возможностями в сферах управления и влияния. Непростое время расцвета человечества и глобальная гегемония этих трансконтинентальных исполинов — Союза Концернов — сменилось еще более жестокими условиями. Несколько новых, крупных государств на Ближнем Востоке, Аравийском полуострове и Африке, втайне от своих концернов-"покровителей" стремительно слились в единое супергосударство, провозгласившее себя Халифатом. Не нужно было гадать, что последовало за этим — духовный и военный лидер Халифата, Хасан Абу-л-Хайр ибн Мухаммад Саад-эд-дин призвал всех мусульман мира к объединению и объявил джихад

всем остальным.

Стас в свое время получил доступ к тем старым, редким кадрам выступлений Хасана. Этот человек, нежно, проникновенно говоривший о новом рае на Земле и тут же срывающийся на гневные выкрики и угрозы по отношению к Союзу Концернов, мог напугать кого угодно. Учитывая обстановку, в которой теперь жили потомки тех, кто был только свидетелем начинавшегося кошмара, испугаться было несложно.

По миру прокатилась волна ужасающих терактов, навсегда изменивших и принесших серьезные изменения в ту цивилизацию, которая существовала на Земле в течение ста пятидесяти лет до этого. Халифат бездумно применил химическое и атомное оружие, "грязное" и низкокачественное, и хваленные системы обороны Союза Концернов оказались бессильными к такому напору и диверсионной тактике ведения борьбы на выживание. Столицы крупнейших государств всего мира исчезли, как и верхушки правительств, начиная от марионеточных министров и президентов, выполнявших лишь роль "дани традициям демократического общества" до истинных руководителей стран — советами директоров и аналитических административных органов. Многие из мест, где ранее располагались древние города, до сих пор оставались непригодными для посещения без средств спецзащиты.

Вслед за Войной терактов начался упадок невиданной силы. Количество "горячих точек", вспыхнувших по всей планете за период в десять лет побило все рекорды. Гражданские войны и революции последовали одна за другой. Возникали целые новые государства, откалывающиеся от крупных, некогда процветавших стран, которые спустя несколько лет быстро увядали и распадались. Эта же участь постигла и Халифат, который полностью прекратил свое существование в девяносто седьмом, спустя двадцать один года после своего возникновения. Его распаду поспособствовали и отошедшие от шока войны террора страны и различные альянсы, применившие по Халифату разные виды оружия, в том числе и атомное. Огромные территории стали стремительно пустеть. Люди уходили, спасаясь от распространяющейся радиации и банд сумасшедших головорезов, религиозных фанатиков сотен различных новоявленных сект и орденов. По всему миру в кратчайшие сроки возникла почти что идентичная ситуация: правительство, порядок и стабильность исчезли в один момент. Остатки армий, подконтрольные старому, уже исчезнувшему правительству, чудом уцелевшим министрам и генералам, не справлялись со своими задачами. Военные в ту пору были вынуждены держать под контролем огромные

территории, обращенные в хаос, одновременно с этим пытаясь противостоять нашествию новых противников, которые появлялись стремительно в этих новых жутких условиях. Так было в России, когда спустя год после уничтожения Москвы и начавшихся беспорядков по всей Земле Китай совершил массированное вторжение, которое с большим трудом удалось остановить.

Кризис продолжался в течение сорока лет по всему миру. Те, кто пережил его, были вынуждены смириться с тем, что мир изменился уже навсегда. Россия лишилась своих западных территорий, где огромное радиоактивное облако убило все, что не успело вовремя убраться оттуда на восток. Западные границы теперь пролегали чуть дальше Уральских гор; Европа почти опустела, хотя довольно сносная жизнь там продолжалась еще какое-то длительное время — химические бомбы не смогли причинить большого ущерба природе, но сильно сократили местное население, которое, впрочем, быстро перебралось в Америку, Азию и Австралию. Атлантический блок, некогда влиятельный альянс, заключивший в себе Канаду, Мексику и США, за время Войны терактов и последовавшего многолетнего хаоса перенес тяжелые лишения и утраты. До сих пор этот старейший блок держался обособлено от остального мира, представляя собой то ли угрозу, то ли выгодного партнера для молодой Азиатской Конфедерации Содружества.

Менее всего в ходе всеобщего упадка пострадали страны Океании, Восточной Азии и Южной Америки. Жизнь там практически не изменилась, но всеобщий кризис сильно сказался и на их развитии.

Спустя десять лет после того, как мирная жизнь вроде бы стала налаживаться, и вновь возрожденные правительства начали всерьез задаваться вопросами сохранения глобальной экологии, едва не исчезнувшей из-за произошедших событий. Это было нешуточным делом — очистить и обеззаразить огромное количество земли, воздуха и воды. Плюс ко всему оставались и другие проблемы: разрушенная мировая экономика, крупные гражданские войны на североамериканском и африканском континентах, неисчислимое количество самых разномастных банд-формирований, большая часть которых оставалась на территориях уже погибших государств. Именно в это время в уцелевших городах России стали появляться защитные базы, именуемее Фортами. Им были присвоены порядковые номера, и каждая база должна была держать под контролем территории вокруг одного определенного города, чтобы пересекать возникновение беспорядков и уничтожать любых врагов,

способных угрожать мирному населению в это неспокойное и весьма тревожное время.

До сих пор не было достоверно известно, что послужило причиной возникновению Кольца Майера. По одной из версий ею стал неудачный эксперимент одного из секретных научно-исследовательских ведомств, стремившихся получить новый источник энергии. Все источники информаций — досье и учебники по истории — отделывались лишь скупыми сведениями на этот счет: в две тысячи сто тридцать втором году над британскими островами появилась аномалия, которой позже дали название Кольцо Майера. С виду это и вправду напоминало пятикилометровое огненное кольцо, расположившегося на высоте восьми километров перпендикулярно плоскости Земли, из которого начали прибывать крупные чужеродные организмы.

Так на Земле появилась Ткань.

Вначале никто не знал, как поступить с огромными сферами из полупрозрачной плоти с темно-синей сердцевиной, достигавших размеров в несколько километров в диаметре, медленно дрейфующими в воздухе на приличной высоте. Потом, когда эти формы Ткани, которые позже так и классифицировали — Сфера — начали оседать с высокой орбиты, лопаясь и заливая поверхность планеты собственной жидкой массой, стало слишком поздно. Безликий организм-чудовище, способный принимать различные формы и поглощающий любые чужеродные формы жизни, начал стремительно распространятся по территории Европы, покрывая землю и поверхность воды. Радиация лишь усиливала рост Ткани, и огромные, полупрозрачные живые "горы" ее биомассы в считанные годы особенно активно росли именно в тех районах, где применялось атомное оружие или где ранее располагались атомные электростанции. Бороться традиционными видами оружия против Ткани оказалось неэффективно; стало лишь известно, что Ткань очень не любит открытое высокотемпературное пламя. Даже атомное оружие не дало должного эффекта.

Что же касается феномена Кольца Майера, то ученый, фамилию которого получил этот "портал" погиб во время хаоса бегства из пораженной Тканью Европы. Само же Кольцо по-прежнему оставалось на своем месте все эти годы. В хорошую погоду его можно было наблюдать в мощный бинокль или телескоп на значительном расстоянии.

Через десять лет в Сибири началось строительство Фрактала, сочетающего в себе элементы хорошо защищенной базы, индустриального и производственного центра, а так же место нового сосредоточения будущего противостояния новому

противнику всего человечества. В то время ходили слухи, что проект спонсируется никому неизвестной могущественной транснациональной корпорацией. Спустя еще три года Япония, Китай Индия, Австралия и Россия объединились в Азиатскую Конфедерацию Содружества, обязуясь общими силами сдерживать распространение Ткани и наводить порядок на Земле. Уже спустя четыре года Конфедерация инициировала главный и самый важный проект, ради которого она и была создана. Программа "Эллада", заключавшаяся в бегстве выжившего населения Земли на Марс, на старые и заброшенные базы, должна была привлечь к себе огромное количество специалистов, ресурсов и времени, но именно в этом лидеры Конфедерации видели спасение всех людей. Победить Ткань в открытом бою оказалось невозможно и Земля медленно умирала в радиоактивной грязи. Было ясно что полное исчезновение людей остается лишь вопросом времени. Выход был один — обреченную планету оставалось только бросить, и остатки человечества в числе чуть более одного миллиарда должны были медленно, без суеты и спешки по многоэтапному и неторопливому плану перебраться на Марс, пока первые переселенцы-колонисты и многочисленные роботы постепенно расширяют и приводят в порядок старые города и поселения на красной планете. В год утверждения проекта "Эллада" на орбите Земли началось строительство огромной космической верфи и каркас первого межпланетного транспорта, по своему завершению способного достичь Марса в предельно короткие сроки с первой партией колонистов.

За время реализации этого глобального плана по эвакуации всех людей Ткань нужно было ослабить в своем развитии и распространении. В Совете Конфедерации это прекрасно понимали все, и поэтому в две тысячи сто пятьдесят третьем году была организована Первая экспедиция против Ткани. Огромная, хорошо оснащенная армия Объединенных Сил Конфедерации под командованием маршала Ши Чена атаковала огромные скопления Ткани, называемыми Садами, уже добравшейся до Восточной Европы и начавшей распространятся по Африке.

Сто двадцать тысяч человек, как и сам генерал, не вернулись обратно. Экспедиция была уничтожена полностью в течение нескольких месяцев. Любая подмога и подкрепление не давали никаких результатов, и последние силы были разбиты так стремительно, что никто не сумел выбраться живым. Возможно, тогда это было даже к лучшему: массовое бегство подразделений привлекло бы Ткань, которая устремилась за отступающими на развитые и не способные отразить такой удар мегаполисы

Конфедерации. Ткань, подобно зверю, быстро и жадно поглотила всех участников этой крупномасштабной операции.

В этом же страшном году родился и сам Станислав Кавелин. Это произошло девятнадцатого сентября, холодной и дождливой осенью, когда далеко на западе стремительно таяли последние силы Первой экспедиции.

Спустя два года после ее гибели на свет появился и "Уаджет" — полувоенная структура, обязующаяся противостоять Ткани с использованием новейших биологических технологий, о которых еще никто никогда не слышал. "Уаджет" начал и продолжил свое существование именно во Фрактале. Город принял на себя функции крупного развитого центра, в котором будут проживать все те, кто обязан обслуживать эту секретную крупнейшую базу и все служащие самого "Уаджет".

Дальнейшие события сам Стас мог бы рассказать, если бы его попросили, ведь он сам являлся очевидцем происходящего. Спустя десять лет после разгрома Ши Чена состоялась Вторая экспедиция, призванная с учетом ошибок Первой и с новой тактикой вновь противостоять чужеродной форме жизни, взять реванш — но и она провалилась. Спустя год противостояния Садам Ткани из ста тысяч военных специалистов домой могли вернуться лишь тридцать тысяч. Весь ужас этой второй провалившейся операции можно было описать лишь тем фактом, что командующий Второй экспедицией Диир Моканди, по своему возвращению ставший маршалом, покончил с собой в шестьдесят седьмом, спустя три года после своего возращения. Он оказался не в силах вынести посттравматический синдром и последствия психических нарушений, начавшихся после увиденного им в Восточной Европе. То, что ему удалось вытащить оттуда остатки своей армии не привлекая за собой и Ткань — это уже само по себе было чудом.

В этой экспедиции участвовал и отец Стаса. Он не вернулся, официально признанный пропавшим без вести, как и тысячи других солдат и офицеров.

Когда началась Вторая экспедиция Стасу было десять лет. Не смотря на это, он плохо помнил отца, хотя в его распоряжении остались несколько старых фото и гало-записей. Одно из изображений Стас взял с собой во Фрактал. Он сам мало чем был похож на этого коренастого мужчину с аккуратной короткой бородой и усами, и лишь его глаза и улыбка говорили о том, что этот человек — его отец.

Дальше была юность, ускоренное обучение по программе "внушения", за которую его матери пришлось выложить солидные деньги — образование стоило дорого, а позже — получение

специальности и работы. Навыки сборщика свето-ячеек и историка были мало востребованы в постепенно пустеющем Красноярске, как, впрочем, и в любом другом мегаполисе. Людям не нужна была история прошлого, и они почти не думали о будущем. Они думали лишь о том, как выжить здесь и сейчас. Наступили времена, когда пресная вода и пища стали намного важнее чем информация о чем-то, что с первого взгляда кажется таким бесполезным.

По своей специальности Стас работал недолго. Платили слишком мало, работа была невостребованной. Когда Стасу исполнилось двадцать один, он уволился и подал заявку на вступление в ополчение. Его приняли почти сразу, когда узнали что его отец участвовал во Второй экспедиции. Это были хорошие деньги, даже по меркам не очень пострадавшего от кризиса и запустения города. Потянулись годы, проведенные в постоянных учениях, и даже боях против местных сепаратистов и криминальных банд, переживающих сейчас свой расцвет, и просто сумасшедших с оружием в руках. Собственная жизнь казалась Стасу пустой, лишенной какой-либо надежды что-либо изменить в своей жизни. Еще больше удручало и то, что люди вокруг не могли и не стремились изменить что-то, словно бы понимая, что это бесполезно и уже все кончено. Это было страшным и безумным временем, тянущимся, как тяжелый сон, пока, наконец, Стас не получил уведомление о переводе в "Уаджет".

Станиславу было двадцать семь лет, когда это случилось.

Начиналась новая жизнь на новом месте.

* * *

Ему позвонили спустя два дня.

Все это время Стас исправно никуда не выходил из дома в первую половину дня, стараясь не отходить далеко и от светофона. Тишина и безделье действовали ему на нервы. Стас скучал, но он терпеливо ждал с восьми до одиннадцати утра, таращась в свето-проектор и без особого интереса переключая с одного канала на другой. Особенно тяжело ему было от мысли что все его знакомые остались далеко, и он совсем один в чужом городе. Он уже отыскал местный Коммуникационный Центр, располагающийся в центре города, но чтобы позвонить домой матери за минуту разговора по междугородней связи требовалось выложить большую сумму денег.

В первый же день, когда установленное время для выхода на связь истекло, он оделся и вышел прогуляться. Вчера, когда он

ехал к своему новому дому в машине с Ковалевой, он не смог вдоволь полюбоваться на Фрактал. Он слишком устал, был подавлен этим переездом, и его чувства были притуплены после тяжелой дремы в дороге. Но теперь Стас чувствовал, что этот город — настоящая легенда.

"Неужели когда-то давно все города были такими же?", думал он, шагая по влажным от дождя тротуарам мимо блистающих витрин множества магазинов, увеселительных заведений и самых разнообразных учреждений. Увидев свое отражение в большой витрине, Стас, спохватившись, направился на поиски магазина, и чуть позже не сильно расстраивался по поводу того, что на покупку одежды и обуви у него ушла половина денег с его кредитки. Днем машин на улицах прибавилось, но было видно, что это и вправду не самый популярный вид транспорта. Этим же вечером Стас прокатился по монорельсовой дороге в вагоне метро.

Глядя на город из широкого окна, Стас чувствовал себя дикарем с неизвестного острова, впервые попавшим в цивилизованный мир. Первый день самостоятельной жизни во Фрактале очаровал его. Стас понял, что ни за что не хочет уезжать отсюда.

Щурившийся на солнце Стас вспоминал свою жизнь, которую он провел до этого в Форте-9, вспомнил родной Красноярск, который с каждым годом приобретал все более брошенный вид. Пустынные окраины и опустевшие жилые дома — это было уже привычным, все это Стас видел с самого детства, и мертвое кольцо запустения постепенно расширялось, пока люди теснились в относительно неплохо обустроенном центре города или же вовсе покидали его.

"Это так не похоже на Фрактал".

Этот город вобрал в себя все то, что не досталось остальным городам. Стас видел это собственными глазами и понимал это. Именно своим спокойствием и высоким уровнем жизни Фрактал сразу же очаровывал и пленял всех, кто прибывал в него извне.

Утром следующего дня Стас испытал тревожное и томящее душу чувство, внезапно подумав о том, что, возможно, в штабе еще раз наводят справки на него, и проверяют все еще раз. Что будет, если теперь они в последний момент примут решение отказаться от его кандидатуры?

Он плохо спал следующей ночью, думая о том, что поддался на спокойную жизнь в большом, развитом городе, какого он не видел раньше, при этом чувствуя, что всегда хотел жить именно так, именно здесь.

Сегодня снова шел дождь, начавшийся рано утром. Стас,

лежащий на кровати в спальне со скрещенными на груди руками и с натянутыми на глаза свето-очками, перечитывал уже много раз прочитанный роман писателя, умершего почти семьдесят лет назад во время всеобщего хаоса, начавшегося после уничтожения Священного Халифата и Войны терактов.

В тишине, нарушаемой лишь тихим стуком капель о карниз и оконное стекло, раздался тихий мелодичный звук. Стас, полностью пребывающий в мире произведения, даже не сразу понял, что это. Он стянул с глаз очки и приподнял голову. Трель повторилась, на этот раз громче.

"Звонок", подумал он. В горле пересохло, и Стас почувствовал жар. Он порывисто сел на своем месте, глядя на плоский диск светофона так, как будто тот был готов взорваться в любое мгновение. Сенсорная клавиша приема сигнала ярко мерцала синим огнем.

Стас сглотнул, усаживаясь перед светофоном и нажимая клавишу.

Перед ним, прямо над черным диском, возник призрачный экран толщиной не более одного миллиметра. Изображение становилось все четче и "плотнее", словно бы материализуясь, и Стас уже не так настороженно смотрел на синее плотно перед собой, на котором светились буквы "Адрес засекречен, источник сигнала не определен".

"Штаб-квартира", подумал Стас, нажимая клавишу приема сигнала еще раз, и на двадцатидюймовом экране возникло изображение молодого человека в черном мундире с красными погонами, сидящего в кресле. На темном фоне за спинкой его кресла то и дело вспыхивали и медленно гасли красные и синие огни на какой-то аппаратуре.

Офицер был молод — гораздо моложе Стаса — и на момент установки связи он смотрел куда-то вверх и вправо. Вид его формы и его окружение произвели на Стаса должное впечатление, и когда сотрудник "Панциря мира" взглянул на него, Стас с неудовольствием ощутил, как буквально оцепенел под взглядом этого мальчишки.

— Станислав Кавелин? — говорил офицер быстро и звонко, словно бы подтверждая тем самым догадку Стаса о возрасте и уровне самоуверенности этого молодого специалиста.

— Я, — чужим голосом ответил Стас.

— Сегодня в восемнадцать ноль-ноль, будьте готовы. Держите при себе пропуск и ЛИН. За Вами заедут, — изображение вновь сменилось синим полотном с надписью "Связь прервана, время контакта 00:11".

Псевдо-экран уже давно погас, пока Стас сидел еще какое-то

время, пытаясь привести в порядок мысли. Он был несколько обескуражен этим коротким разговором, хотя в груди теплилась искра легкого счастья.

"Они не отказались от меня".

Весь день он провел как на иголках. Даже гуляя по городу, под мрачным дождливым небом, с которого то и дело срывались капли, следуя уже по знакомому ему маршруту, он думал только об одном. Сегодня он узнает нечто больше, увидит и прикоснется к тому, о чем он раньше не мог и мечтать. Жизнь в таком городе как Фрактал и служба в таком подразделении как "Уаджет" сейчас казались ему сбывшимися мечтами. Но Стас не чувствовал полного облегчения и воодушевления. Он волновался, вполне оправданно полагая, что такие перемены в жизни сулят и новые трудности и проблемы.

Вернувшись домой, Стас нетерпеливо ждал оставшееся время.

В пять минут седьмого в квартире раздался новый звук — звонок в дверь. На пороге, заложив руки за спину и широко расставив ноги, стоял крупный мужчина, своими габаритами полностью заслонявший выход. На нем была странная форма: камуфляж окраски "город" — темные пятна и разводы на молочном фоне — а вовсе не черно-красный мундир, который ожидал увидеть Стас. Черный берет, заложенный под правый погон, ярко отблескивал на солнце незнакомым Стасу символом. Стоящий на пороге человек излучал силу и спокойствие.

— Пропуск и накопитель при себе? — не здороваясь, глухо спросил военный.

Стас кивнул.

— За мной, — коротко бросил он Стасу, резко разворачиваясь и направляясь к лифту. Гость не тратил слова попусту, видя, что хозяин квартиры обут и одет, явно ожидая человека из штаба.

Стас последовал за ним, сохраняя молчание. Человек из "Панциря мира", громко ступая тяжелыми черными ботинками с высокой стойкой, не оборачивался и ничего не говорил, пока они шли к лифту и спускались вниз. Снаружи их ждал легковой двухместный автомобиль ядовито-зеленого цвета.

"Однако", подумал Стас, останавливаясь перед дверью пассажирского места, ожидая, пока немногословный владелец авто не обойдет машину и не кивнет ему, давая понять, чтобы Стас забирался внутрь.

"Это для маскировки? Или у них так принято?.."

Военный вел автомобиль в сторону штаб-квартиры. На дорогу проведенную в полном молчании у них ушло не больше пятнадцати минут. Стас заворожено смотрел, как посеревший от дождя купол "Панциря мира" становится все больше и больше,

постепенно превращаясь в одну единую стену, заслоняющую весь обзор впереди. Дорога, ведущая к черному плоскому провалу в куполе штаб-квартиры, заканчивалась обширной площадкой, явно огибающей кольцом весь купол по периметру. Стас приметил в темно-сером керамическом покрытии площади отдельные плиты. Под ними явно что-то было спрятано, и, как подозревал Стас, это были оборонительные системы внешнего периметра обороны на случай прямого нападения на штаб.

Сопровождающий Стаса военный притормозил у группы самых разнообразных автомобилей, припаркованных у въезда внутрь на специально размеченной площадке. Неподалеку прохаживались одинокие фигуры людей в светлой военной форме, вооруженные неизвестными Стасу видами автоматического оружия.

Стас последовал примеру своего проводника, выбравшись из автомобиля и последовав за ним к чернеющему провалу большого входа в исполинский купол, огромной покатой стеной встающим перед маленькими фигурками людей.

У входа-въезда дежурили люди, одетые так же, как и молчаливый проводник Стаса. Они спокойно и расслабленно переговаривались, не обращая на шагающих в их сторону новоприбывших ни малейшего внимания. Некоторое оживление все же возникло, когда они подошли на расстояние нескольких шагов.

— Ваш пропуск и ЛИН, — кивнул Стасу высокий худой солдат с анализатором в руке и пристегнутой к поясу консолью. Значок на его черном берете ярко блестел в солнечных лучах садящегося солнца. Стас, протягивая ему запрашиваемые вещи, сумел его рассмотреть. Это было уже знакомое ему изображение глаза Гора на фоне серебристой пятилучевой звезды.

— Все в порядке, проходите. Ваша группа вон там — оперативник указал на нескольких человек в гражданском, стоящих неподалеку.

Стас неуверенно шагнул за цепь военных, вешая на шею цепочки с карточками. Впереди, прямо на исполинском пороге исполинского входа стояли несколько человек в гражданской одежде, рядом с которыми стоял молодой офицер в черно-красном мундире с раскрытой консолью в руке. Он махнул Стасу, и тот узнал в нем того человека с которым он говорил сегодняшним утром по светофону.

"Меня ждут", подумал Стас, шагая к ним уже более уверенно.

* * *

В группе новоприбывших было всего одиннадцать человек. Четыре женщины и семь мужчин, все разного возраста, разного достатка, если судить по их одежде и внешнему виду в целом. Их объединяло одно — все военные, все прибыли сюда из разных городов и баз. Глядя на них Стас думал о том, что сейчас они больше всего похожи на разношерстную группу туристов, посещающих местную достопримечательность, скрытую под исполинским белым куполом.

Стас торопливо озирался, стараясь увидеть многое. Это ему не удавалось: их группа, ведомая молодым офицером, ни разу не задержалась на своем пути. Было ясно, что их ведут куда-то вглубь этой конструкции по большей степени обходными путями. Внутри купола было много света, обилие пластика, стекла и стали светлых тонов.

Прогулка закончилась достаточно быстро; как и ожидалось, их не повели в самое сердце комплекса. Их провели в огромный зал-аудиторию, рассчитанный больше, чем на одиннадцать человек. Ряды удобных черных кресел с жидкостным наполнителем с высокими спинками занимали большую часть этого помещения. Навскидку, здесь могли разместиться около ста человек, и, наверное, еще бы оставались места.

Кресла были обращены к стене, в центре которой, в небольшом углублении, тускло светили синими и красными огнями какие-то сенсоры. В полу виднелась тусклая полуметровая линза свето-проектора. Справа, на значительном удалении от линзы, находилась кафедра, за которой, в черном высоком кресле сидел еще один офицер "Уаджет". Мужчина средних лет, с прямыми, абсолютно седыми волосами, зализанными назад и аккуратной ухоженной такой же седой короткой бородой и усами, молча, как-то неодобрительно смотрел на новоприбывших, сложив руки перед собой. Напротив кафедры располагалось огромное витражное окно, и косые лучи солнца, к вечеру выглянувшего из-за туч, падали прямо на офицера, ярко освещая его черный мундир. Золотое око на его куртке ярко блестело, а красные погоны на его плечах словно бы налились кровью.

— Присаживайтесь, — сказал молодой офицер и его голос прокатился по пустому залу, резонируя от стен. Естественно, никто не стал подниматься по ступеням, чтобы занять дальние от кафедры места: все одиннадцать человек разместились на первом ряду.

— Свободны, Васильев, — кивнул в сторону связиста седой офицер, медленно поднимаясь из-за своего места. Видимо, перед этим он включил проектор, так как перед сидящими в креслах людьми развернулся огромный свето-экран. Стас увидел на нем одиннадцать "иконок", в которых появились фотографии всех присутствующих здесь. Он нашел и себя. Ниже, под каждым портретом высветились короткие сводки: имя, возраст, место предыдущей службы, звание. Бегло просмотрев информацию Стас обнаружил, что здесь помимо сержантов и старшин присутствуют и младший офицерский состав, как из милиционной армии так и из Объединенных Вооруженных Сил.

— Меня зовут Левашов Василий Николаевич, — сказал седой офицер, выходя из-за кафедры и закрывая своей фигурой нижнюю часть голограммы. Стас уже когда-то видел людей с такой странной неестественно осторожной походкой. Глядя на этого человека он попытался угадать, когда и при каких условиях Левашов потерял обе ноги.

— Я старший координатор "Уаджет", выполняю обязанности старшего брифинг-инструктора штаб-квартиры "Панцирь мира" и специалиста по подготовке новых оперативников.

Левашов обвел пристальным взглядом сидящих перед ним людей:

— Все вы служили в разных частях, в разных районах России. Теперь вы попробуете свои силы у нас. И прежде всего я хочу чтобы вы уяснили одну важную вещь: мы — специальный корпус нападения и обороны "Уаджет", — Левашов покачал головой. — Не считаем себя элитой Объединенных Вооруженных Сил Конфедерации, хотя многие придерживаются этого мнения. Мы не обычные военные, и не являемся частью вооруженных сил ни Азиатской Конфедерации Содружества, ни Российской Федерации. "Уаджет" представляет собой военизированную научно-исследовательскую организацию. Пятнадцать лет назад, согласно приказу, исходящему из "Цитадели" был сформирован наш корпус для противостояния нашествию Ткани. Это наша главная задача, и мы подчиняемся только особым приказам, исходящим из "Цитадели" — и только им.

Стас ощутил неприятный холодок, поняв, что слухи были небезосновательными. Он и раньше слышал, что "Уаджет" подчиняется только приказам самого правительства, но теперь Стас прочувствовал в полной мере всю ответственность, которую уже подготавливают к тому чтобы взвалить ее на его плечи и плечи тех, кто сидит в этих креслах.

— Большую часть информации вы получите уже после окончательной вербовки и зачислению в ряды оперативников

нашего корпуса. Вы должны будете пройти подготовку в самые краткие сроки. При успешной сдаче всех дисциплин и завершения финальных испытаний вы будете зачислены в штат наших оперативников, с окончательным лишением всех своих воинских званий — у нас вы начнете с самого нуля. Сейчас, как обычные новобранцы, вы обладаете красным — самым низким — уровнем допуска к информации архивов "Уаджет". Вы получите все необходимые для изучения материалы в виде инструкций, как в бумажном издании, так и в виде свето-ячеек. При желании вы сможете ознакомиться и с полной историей Фрактала и "Уаджет", но пока что эта информация будет распространяться среди вас в очень умеренных количествах. Теперь, — Левашов резко вскинул голову, вновь обводя взглядом присутствующих, — ваши вопросы. Вставайте и представляйтесь, пожалуйста.

Стас не шевелился, однако краем глаза сумел приметить, как люди, сидящие слева и справа, обмениваются взглядами. Пауза затянулась ненадолго: сидящий справа от Стаса крупный молодой мужчина в черно-синей куртке поднялся со своего места:

— Сержант ОВСК Евсеев, — он говорил твердо и громко, и его голос мог бы посоревноваться с хорошо поставленным голосом Левашова:

— Это правда, что на вооружении "Уаджет" есть секретное биологическое оружие?

— С обращением.

-..Товарищ старший брифинг-инструктор.

Ответ Левашова был предсказуем:

— Это секретная информация. На этот вопрос вы получите ответ, когда придет время.

"Значит, секретное оружие все же есть", подумал Стас, беспокойно заерзав на своем месте. Он слышал об этом, но никогда не придавал этому значения, ведь "Уаджет" всегда берег свой главный секрет как зеницу ока, и тогда Фрактал казался таким далеким и недосягаемым…

— Быть может, вы скажите мне, что вы сами знаете о "Уаджет"? — спросил Левашов, обращаясь к явно разочарованному ответом Евсееву, который не успел сесть.

— Ну… — сержант замялся. — Это секретная военная служба, очень развитая, стоящая на полном содержании и под контролем со стороны государства… Очень секретная… — Евсеев окончательно стушевался и умолк.

— Ясно, — сказал Левашов. — Кто-нибудь желает что-то добавить к сказанному?..

Остальные молчали. Стас подумал, что сказать лучше сержанта о секретном корпусе он и сам бы не мог.

— Что ж, в целом, все хорошо, — с мрачным ободрением кивнул Левашов. — Ваше молчание сейчас означает что информация, касающаяся "Уаджет", не распространяется стихийно среди гражданских и военных других родов войск. Если же, конечно, вы и впрямь ничего не знаете кроме всех тех слухов, которые ходят о "Уаджет" за пределами этого города. Скоро вы получите возможность восполнить эти пробелы. Еще вопросы?

Евсеев тяжело опустился в свое кресло, и Стас повернул голову направо, заметив поднявшуюся с кресла женскую фигуру:

— Младший лейтенант милиции Андреева. Почему выбрали именно нас, товарищ старший брифинг-инструктор?

Голос у нее был мягкий и тихий-тихий. Стас перевел взгляд на экран и там он нашел фотографию Андреевой, миловидной блондинки с длинными прямыми волосами, заодно узнав, что ее зовут Анастасия, она младше его на два года и раньше служила в ополчении в Форте-4 под Иркутском.

— Хороший вопрос, младший лейтенант, — кивнул Левашов. — Мы внимательно изучаем личные дела кандидатов для службы в "Уаджет". Перед каждым набором мы сверяемся с обширной базой со всех Фортов и других военных баз по территории России. Я пока не могу сказать, на чем мы основываемся, когда отбираем людей.

— Старший сержант милиции Скрипник, — гаркнул кто-то еще, с шумом вскакивая со своего места. — Это правда, что недавно специальный корпус понес большие потери, товарищ старший брифинг-инструктор?

— Точно так, старший сержант, — отозвался Левашов. — Две недели назад во время крупной операции по испытанию новых образчиков оборудования, в результате ошибки разведки мы потеряли семьдесят человек. Как видите, мы не непобедимые. Мы не лучшие и допускаем ошибки. Но мы совершенствуемся.

Стас мрачно, исподлобья смотрел на Левашова.

"Легко же вы говорите о своих поражениях. Быть может, весь ваш хваленый корпус — просто очередная чушь? Быть может, здесь одна рутина, скука, муштра и глупая смерть "во время испытания новых образчиков"?.."

* * *

Подготовка началась на следующий день.

Их вновь собрали в аудитории и разделили на две группы, которые влились в состав других команд новоприбывших, уже обучающихся в академии "Панциря" одну-две недели. В группе, в

которую попал Стас были и Евсеев, и Андреева. Спустя уже несколько дней после зачисления в большую группу новобранцев они и еще несколько человек из их набора незаметно друг для друга, быстро и непринужденно наладили между собой контакты. Стас понимал что их "роднит" тот факт, что они впервые прибыли в "Панцирь мира" вместе. В первый же день после завершения официальной части по вступлению новоприбывших в группы обучающихся, Евсеев первым предложил своим новым знакомым зайти в кафе. Согласились не все, и сам Стас в любой другой раз отказался бы от этой затеи, но дома было слишком скучно и одиноко, поэтому он поддержал это предложение без особых колебаний. Они поболтали на тему развивающихся событий в своих родных городах и своего ближайшего будущего, но мало что конкретного узнали друг о друге.

Теоретической подготовки почти не было. Все материалы, которые было положено знать новобранцам, умещались на одной свето-ячейке и в тонкой памятке-инструкции. Это были скудные данные для новобранцев с "красным уровнем допуска", касающиеся истории постройки Фрактала и некоторых моментов формирования специального корпуса "Уаджет", без подробностей. Практические же занятия были короткими: разнообразные и не сложные тесты на физическую подготовку, стрельба из пистолетов и штурмовых винтовок "романов-70", специальной разработки военных "Уаджет". Спустя неделю началось обучение езды на "волкодаве", быстром одноместном мотоцикле на воздушной подушке, основном виде транспорта для оперативников на поле боя. Этому скоростному аппарату инструкторы уделяли много времени, достаточно быстро усложняя задания и упражнения, заставляя оттачивать новобранцев мастерство вождения с одновременным использованием оружия. От регулярных падений новички то и дело получали синяки и ушибы, и Стас не был исключением.

Для Станислава и остальных военных эти занятия не показались чем-то сложным. Подготовка носила спокойный и ничуть не обременительный характер. Инструкторы не делали грозный вид и не орали на новобранцев, когда те допускали ошибки или делали что-то не так. В ангарных помещениях-полигонах и на закрытых стрельбищах штаба был часто слышан смех. Стас, украдкой приглядывая за старшими офицерами "Уаджет", часто присутствовавших на их учениях и что-то отмечавших в своих консолях, быстро понял, что эта атмосфера всеобщей безмятежности искусственна. Было ясно что всех их тестируют, тщательно фиксируя все успехи и ошибки, выявляя неблагонадежных. Вскоре нашлись и такие. Видимо, на них

повлиял относительно спокойный образ жизни: несколько человек были отстранены от дальнейшей подготовки в связи с употреблением спиртного и легких стимуляторов в неподходящее время; еще нескольких постигла та же участь за банальную неявку на службу. Инструкторы говорили, что очень скоро исключенные из подготовительных команд будут депортированы из Фрактала и вернутся домой. Эти слова и сам факт вылетевших из состава горе-вояк произвели впечатление на многих, в том числе и на Стаса: возвращаться обратно никто не хотел. Мир казался таким пугающим и враждебным, и после посещения Фрактала эти ощущения только усиливались.

* * *

— Знаешь что… Мне здесь нравится.

Евсеев с уже трудом ворочал языком, и его взгляд медленно блуждал по стоящим на многочисленных полках бара бутылках. Все они были разных цветов, да и миниатюрные светильники подсвечивали их определенным образом, так, что они казались наполненными жидкостями самых невероятных оттенков. Стас, тяжело привалившийся к стойке, как и напарник наблюдал это завораживающее сияние.

Этот небольшой бар, располагавшийся неподалеку от штаба, они облюбовали уже давно. Здесь почти всегда, в любой вечер было тихо и спокойно. Стас считал, что это подходящая обстановка для неспешной беседы и спиртного после очередной недели занятий.

Стас и Леша быстро и легко сошлись в общении. Отчасти из-за того, что из всех новобранцев этого призыва они оба были зачислены в третью грань третьей колонны — так в "Уаджет" назывались подобия взводов и рот соответственно. Им было нечего делить, и Стас постепенно присматривался к этому человеку, считая, что в будущем из этого знакомства он может получить какие-то выгоды.

Они вдвоем только что прикончили свои относительно небольшие порции, положенные им бесплатно по особым талонам. Бывший сержант мотопехоты считал, что эти талончики — самое замечательное, что есть в заслуженных отгулах, коротких перерывах отдыха в напряженных неделях их подготовки к настоящему дежурству. Нужно было лишь уложиться в отведенное время, чтобы к началу новой недели быть как стеклышко.

Стас почти не слушал напарника. Его взгляд тонул в широкой

темно-синей бутылке напротив, а мысли медленно кружили свой хоровод вокруг сконцентрированного ощущения полного умиротворения и спокойствия. Стас думал о том, что испытывает покой, о каком ранее не мог и мечтать.

Локоть Алексея воткнулся в его руку:

-..есть здесь кое-что странное, не находишь?..

"Так, о чем мы говорили?"

Стас нахмурился и попытался вернуться из медленного и теплого растворения в собственной сонливости в ускользающую реальность.

— Ну… — он помолчал, собираясь с мыслями. — Как сказать… Это ведь секретная организация. Мы здесь недавно. Здесь все… все такое непонятное… Слушай, а чем ты занимался раньше?.. До перевода в "Уаджет"?

— Служил в Форте-8.

— А еще раньше?

— Ничего.

— То есть как?

— Как… А вот так. Как восемнадцать исполнилось — пошел в мотопехоту.

Стас замялся, не зная, что сказать на это. Он приглядывался к этому человеку с тех самых пор, как они познакомились, решив, что Алексей не такой уж плохой человек, каким может показаться с виду. Евсеев производил устрашающее впечатление на любого одним лишь своим видом, но на деле он оказался простоватым и добродушным, слегка туповатым и безрассудным увальнем. Сейчас, лишь покосившись на массивную фигуру Евсеева, Стас подумал, что он не кривит душой и говорит правду относительно своего прошлого. Другого этому типу было не дано. В этом мире и в этих условиях ему было с рождения написано заниматься военным делом, разрушать и убивать, а на чьей стороне — выбирать ему самому. Можно сказать, война была его предназначением. Стас думал, что Леша вполне мог связать свою жизнь с криминалом. Не исключено, что бывший сержант имел свои дела с представителями криминального мира и Стас был бы сильно удивлен, если бы это оказалось не так. Сильные были нужны всем, и федералам, и тем, кто противостоит им. Стас подумал, что Леша выбрал закон и теперь щедро награжден за "правильный" выбор. Сейчас он пьян и доволен жизнью, находясь на службе секретной организации, а не тухнет в каком-нибудь подвале.

— Фрактал… — пробормотал Стас, пытаясь привести мысли в порядок. — Охрененный город.

— Я не хочу улетать отсюда, — отозвался Леша, глядя прямо

перед собой. Стас чертовски понимал его в этот момент.

— Ни-за-что. Остальной мир… такое дерьмо…

— Знаешь, Лех… мне здесь тоже нравится, — проговорил Стас почти внятно. Переведя взгляд на напарника, он встретился с его мутными глазами.

"Здоровый, лось, а развезло-то как", безразлично подумал Стас, и повторил еще раз чуть громче:

— Мне здесь тоже чертовски нравится. Вот только я не пойму, когда они начнут действовать…

Дверь за их спинами открылась, и мужчины синхронно повернули головы. В бар вошли мужчина и молоденькая девушка.

— Ого, — глухо сказал Леша.

— Что?

— Не узнаешь, что ли…

Стас посмотрел на Лешу и попытался сконцентрировать свое внимание на парочке, которая уже двигалась в их сторону. Перед глазами все поплыло, и Стас поспешно отвернулся обратно к стойке. Он узнал коротко стриженного мужчину с широченными плечами, красивым лицом и злым, колючим взглядом. За месяц службы в "Уаджет" Стас пока имел плохое представление о своем непосредственном начальстве, но постепенно у него складывалось впечатление, что большинство офицеров не отличается доброжелательностью по отношению к оперативникам, особенно необстрелянным. Уверенность в этом лишь крепла день ото дня.

— А-ага, — процедил за его спиной Вяземский, приближаясь к ним и взбираясь на высокий табурет слева от Стаса. Судя по голосу и движениям старшего ведущего, командира третьей грани, он тоже был пьян; однако в его движения была все та же спокойная неторопливость и уверенность в собственной силе.

— В чем дело? Где воинское приветствие?

Стас обмер от этой фразы, несколько обескураженный не столько вопросом, сколько тем, что Вяземский знает его в лицо и по фамилии, не смотря на то, что до этого он никогда не обращался к Стасу лично.

— Да шучу я, — пробормотал старший ведущий. — Нечего тут стрематься, сейчас я заправлюсь и мы дальше пойдем…

Стас мельком глянул на девушку, которая села рядом с Вяземским. Ее лицо показалось ему смутно знакомым. Кажется, он видел ее в числе командиров других звеньев.

Пока Вяземский заказывал спиртное, Стас заторможено перевел взгляд на Лешу и вздрогнул, наткнувшись на его тупой взгляд, обращенный на старшего ведущего.

— Стало быть, пьете…

— Ага, — кивнул Стас, заглядывая в свой стакан.

— И это правильно. В "Уаджет" многие пьют так, как вам и не снилось.

— Они могут себе позволить во время отдыха, товарищ старший ведущий…

— К дьяволу эти обращения, — хрипло засмеялся Вяземский. — Сейчас мы не на службе, за пределами этого чертового купола. Для вас я просто Саша.

Он посмотрел на Стаса и перевел взгляд на Евсеева:

— Верите в нашу победу?

"Он мертвецки пьян", подумал Стас, "по сравнению с ним мы трезвые".

— Конечно, — уверенно кивнул Леша.

— Мы уничтожим Ткань?

— Безусловно.

— Хорошо, — пробормотал Александр, стискивая в кулаке стакан. Он медленно выпил, словно бы цедя сквозь зубы. Стас и Леша заворожено наблюдали за этим действием.

— Это хорошо, — сказал старший ведущий, возвращая стакан на стойку. — Мы уничтожим это дерьмо. Конечно. Сметем его, и потом яйцелобые придумают способ закрыть Кольцо Майера. Бесспорно. И не нужно будет бежать на Марс…

— Я слышал, что в Конфедерации не очень верят в это, — осторожно сказал Леша. — В нас, — поправился он. Вяземский подействовал на него отрезвляюще, и сам Стас так же заметил, что в голове немного прояснилось.

— Конфедерация — чушь собачья, и вы знаете это не хуже меня. Черт, долбанная политика… Это сборище ублюдочных толстозадых выродков будет следующим, за что мы возьмемся сразу же, как покончим с Тканью, — проговорил Александр, повернув к ним голову и зловеще улыбнувшись, едва слышно добавил:

— Я обещаю вам.

У Стаса продрал мороз по коже.

— Ты. Ты ведь из Форта-9?

— Да.

— Милиционная армия! — с горькой усмешкой сказал Вяземский. — Слышал, как два года назад раздолбали ваших из Форта-3?

— Да, — кивнул Стас, поджимая губы. Форт-3 защищал Новокузнецк, и два года назад база оказалась неспособной остановить внезапное нападение объединенных крупных банд налетчиков. Город и база были уничтожены за несколько дней. Из области удалось выбраться лишь жалким остаткам вооруженных сил.

— Мой брат был там. Какой-то мудак-генерал испугался и посчитал нужным просто отдать ублюдкам базу и город. Конечно, не жалко. Все равно сдохнут…

— Брат выжил? — спросил Стас.

— Нет, — поморщился Вяземский. — Куда там… Ну, а ты? — он перевел взгляд на Лешу.

— Форт-8. Мотопехота, — поспешил уточнить Алексей.

— А-а, — протянул старший ведущий. — Ну да, тоже… — он недоговорил и глубоко вздохнув, умолк.

— Короче… Вот что я хочу вам сказать… Пьете? Пейте. Есть возможность — пейте обязательно. Скоро мы… будем работать. У нас ведь много работы, знаете?..

— Да, да, — Леша энергично закивал.

— Как скоро нас задействуют? — рискнул спросил Стас.

— Все "зеленые" только этим и интересуются, — вздохнул Вяземский. — Расслабьтесь, воевать с Тканью вы будете еще не скоро. Год подготовки — это минимум.

Стас и Леша переглянулись.

— На вашем месте я бы и не трепыхался. Живите и радуйтесь тишине и спокойствию, пока есть возможность. Пейте! Вы уже вытянули свой счастливый билет в этой жизни, — Вяземский спрыгнул с табурета, покачнувшись и едва не упав. Его молчаливая спутница бережно подхватила его под руку.

— Ничего лучше чем Фрактал вам в этой жизни не видать, — пренебрежительно бросил старший ведущий, направившись к выходу.

Стас и Леша смотрели, пока они не вышли из бара, и отвернулись к стойке только тогда, когда Вяземский и его девушка не скрылись из виду за широким витражным стеклом бара.

Они оба потрясенно молчали. Стас чувствовал, что своим появлением пьяный старший ведущий словно бы выбил их из колеи спокойной непринужденности и расслабленности. Его слова и кажущиеся бессвязными фразы не выходили из головы.

Стас не мог сказать. Как долго они просидели на своих местах, не говоря ни слова и глядя каждый прямо перед собой.

— Эй, — тихий голос заставил их обоих вздрогнуть и через секунду замешательства обернуться. За их спинами стояла Настя. Сложив на груди руки, словно бы чувствуя здесь себя неуютно, с закинутой на плечо сумочкой она скептически смотрела то на одного, то на другого.

— А, привет, — тупо проговорил Алексей. — Выпьешь с нами?..

Стас смотрел на нее. Его взгляд никак нельзя было назвать

неприличным — слишком много неподдельного ошеломленного восторга было сейчас в нем. Вяземский вылетел из головы, едва он увидел перед собой Аню. Через мутную пелену опьянения Стас ощущал чувства, кажущиеся давно забытыми и вместе с этим чем-то новым. Он чувствовал, как его мысли растворяются в чем-то теплом и удивительно приятном.

— Нет, спасибо, — она внимательно посмотрела на Стаса и тот догадался. Только сейчас он вдруг понял, что за чувство ласково затеплилось в его груди. Он чувствовал его, при этом ощущая себя законченным кретином. Стас даже знал, что сейчас скажет, и знал, что сейчас его дурость, теплящаяся в его груди, вот-вот хлынет через край.

— Ты что здесь делаешь? — с улыбкой спросил Евсеев. Кажется, появление Насти повлияло на него благотворно.

— Возвращалась от подруги, просто шла мимо, — Настя кивнула на широкие витринные окна бара, давая понять, что увидеть и узнать их двоих не составило труда.

— Кажется, вам двоим уже достаточно, — тихо, но уверенно добавила она. — Пожалуйста, идите домой. Очень не хотелось бы, чтобы вы двое не пришли в норму вовремя…

— Ну что ж, — согласился Алексей, опираясь кулаками о стойку. — Только из уважения перед твоим бывшим званием лейтенанта… Пора двигать отсюда, что скажешь, Стас?

Стас тепло и счастливо улыбался, тяжело привалившись локтем о стойку.

— Ты очень красивая, — внятно проговорил он глядя на Настю. Она не захихикала и ничего не сказала, просто спокойно улыбнувшись в ответ.

— Ну-ну, — хрипло посмеиваясь, Алексей подхватил Стаса под локоть и не очень бережно сдернул его с табурета, ставя на ноги. — Пошли-ка, нечего тут…

— Вызвать вам такси?

— На метро, — пробурчал Стас, несколько разочарованный холодной реакцией Насти.

"Чего я ожидал?" мрачно думал он, вырываясь из лапы Евсеева и одергивая куртку, "что она кинется ко мне в объятья?"

Стас и Леша вывалились из двери на улицу, залитую огнями. Стас, запнувшись о порожек, выругался, едва не упав. Свежий воздух мгновенно ударил в голову мягким, но сокрушающим молотом, и все поплыло перед глазами.

Под бессмысленное бормотание изрядно перебравшего Алексея они направились в сторону ближайшей станции метро. Вдохнув полной грудью, Стас обернулся. Настя вновь спокойно улыбнулась ему, мягко и едва заметно кивнув. Девушка шла

следом за ними, и когда впереди послышалось характерное гудение вагона, спускающегося вниз к тротуару по подвесному монорельсу, мужчины прибавили ходу. Стас слушал, как позади стучат по асфальту ее каблучки.

Леша обернулся, когда двери вагона открылись перед ним:

— Едешь с нами?

— Да, мне по пути.

Стас и Алексей тяжело уселись на удобные диваны с жидким наполнителем, в то время как Настя осталась стоять, прислонившись спиной к поручню. Она разглядывала Стаса и Лешу с совершенно спокойным выражением на лице, и Евсеев только пьяно посмеивался, пренебрежительно глядя на девушку.

Стас перевел взгляд за окно, где медленно проплывали ярко освещенные дома с тускло горящими окнами, фонари, закрепленные на фермах монорельсовой железной дороги, по которым двигались огни других вагонов. От этого зрелища сильно закружилась голова. Вагон с глухим урчанием плавно взмыл вверх по монорельсу, проскользнул в щель между двумя жилыми зданиями, и теперь Стас смог увидеть штаб. Как казалось Стасу, этот купол не оправдывал свое название и смахивал на панцирь лишь отдаленно. Исполинская полусфера даже в густых августовских сумерках казалась подсвеченной, словно огромный сугроб, и на самом деле походила скорее на исполинское иглу эскимосов, или на мороженное, венчающее вафельный стаканчик.

Глядя на купол Стас закрыл глаза и опустил голову, закрывая лицо ладонями.

"Мы уже вытащили счастливый билет в этой жизни".

Спустя какое-то время он с трудом ответил на рукопожатие Леши, который собрался выходить. Когда он, наконец, пришел в себя после короткого- короткого ли? — забытья в вагоне был только он и Настя, отвернувшаяся к широкому окну, за которым медленно проплывали огни ночного города.

Подавшись внутреннему порыву Стас поднялся на ноги. Хмель почти отпустил его или же ему так только казалось? Он бросил быстрый взгляд за окно — судя по всему очень скоро будет его остановка.

"У меня есть свой шанс", вдруг подумал он, шагнув к ней, неловко переступая ногами. Вся его неуверенность мигом исчезла когда он осторожно прикоснулся к ней. Когда его ладони легли на ее талию, девушка не напряглась. Его сердце застучало тяжело и по груди вновь начала расплываться приятная волна тепла. Он дотронулся до нее замер, ощущая ее тепло и запах ее волос. Настя не шевелилась, пока его ладони не переместились на ее бока и взмыли вверх, под ее сложенные на груди руки.

"Что это я делаю?" не очень своевременно подумал Стас, и в этот момент она быстро повернулась к нему, легко выскальзывая из его пьяных объятий. Ее светлые волосы щекотнули его лицо, и Стас в следующий момент увидел ее глаза, впервые так близко. Темно-зеленые…

Звон в голове на какое-то время заглушил шум движущегося вагона, и ослепленный Стас, покачнувшись, отступил назад. Он слепо посмотрел на нее, ощущая, как по левой стороне лица начинает расплываться нестерпимо жгучее, липкое пятно боли.

Жалкая попытка и достойное ей поражение. Он понял это, сжимая челюсти, ощущая невидимый ожог на своем лице и внутреннюю пустоту — обида и злость не пришли на вызов боли. Стас сделал еще несколько неверных шагов назад, и тяжело уселся на свое место, бессильно свесив руки.

"Ну что ты натворил, кретин"?

Настя так и не проронила ни слова и на ее лице не отобразилось ни призрение, ни отвращение. Вновь отвернувшись от Стаса, девушка не шевелилась до тех пор, пока через две остановки не вышла.

Стас остался один, ощущая всю тяжесть неудачного вечера.

* * *

Жаркое лето две тысячи сто семьдесят девятого закончилось. Фрактал быстро терял свои краски вместе с наступлением холодов. город стал мрачным, и даже множество огней по вечерам и ночам лишь придавали окружающим вещам мертвенно-серый оттенок. Осень стремительно отступала, и грядущая зима обещала быть холодной.

Стас стоял у большого окна вагона, привалившись спиной к стенке и облокотившись на поручень. Повернув голову, он наблюдал как за окном быстро падают мелкие, набухшие снежинки, тающие почти моментально, едва коснувшись крыш, тротуаров и дорог. Он никогда не обращал внимания на подобные мысли но сейчас думал о том, что стал свидетелем первого снега этой зимой.

За несколько месяцев, проведенных во Фрактале, Стас медленно привыкал к спокойной жизни в этом городе. Он по-прежнему присматривался к нему, каждый раз, отправляясь на прогулку, или же совершая быстрое и короткое путешествие от дома до места службы и обратно. Стас по-прежнему был очарован Фракталом, даже просто его видом, не говоря о тех вещах и возможностях, которые город давал ему. Он наблюдал, как

меняется город вместе со сменой времен года, и как ушедшее душное, жаркое и дождливое лето забрало вместе с собой с неброской зеленью маленьких парков и скромных газонов что-то еще. Наступившая осень принесла с собой неприятный ветер и еще больше дождей, моросящих почти каждый день. Теперь, кажется, миновала и эта пора. Стас задумчиво смотрел на падающий снег, с какой-то неприятной для него застенчивостью и сожалением ощущая что жалеет о том, что не в силах запечатлеть это на картине, или даже на обычной фотографии.

Вагон начал спуск по подвесному монорельсу, сбавляя скорость, и Стас, отстранившись от стены, шагнул к дверям. Два дня назад он познакомился с хорошенькой девушкой из первой формации, и теперь спешил к месту встречи.

Стас вышел на пустынной остановке. Город в эти дни вообще казался безлюдным, и дело было вовсе не в том, что деятельность тех, кто проживал во Фрактале, так или иначе была связана с функционированием города и всей базы "Уаджет". Плохая погода разогнала всех по своим домам, и Стас, зная своих новых знакомых, знал, что сейчас многие свободные от работы люди торчат у свето-экранов проекторов, за книгами и прочем, чтобы ближе к вечеру, быть может, встретится в одном из баров. Или, разбившись на парочки, отправиться по ресторанам. Стас, думая о предстоящей встрече с Леной, сильно надеялся, что он скоро присоединится ко второй категории. На ходу он с искренним удовольствием запрокинул голову вверх, бросив взгляд в мутное, серое небо, ощутив легкие холодные уколы упавших на лицо снежинок. Он бросил взгляд на часы — без десяти пятнадцать. Через несколько минут Стас достиг места встречи в чужом для него районе Фрактала, остановившись перед входом в небольшой парк. Подняв воротник черного пальто, он опустил руки в карманы, провожая взглядами редкие автомобили и изредка косясь на белоснежный купол штаб-квартиры. Исполинское строение было частично видно даже отсюда, и Стас иногда размышлял, есть ли в городе места, с которых не видно "Панцирь мира" — строение, которое в это неспокойное время было сосредоточением силы и мощи, способной изменить весь этот мир. Но Станислав со временем иногда ловил себя на мысли, что ему не нравится вид этого купола, и если бы его спросили он не смог бы объяснить, почему.

Не смотря на абсолютно не напрягающие тренировки, набившие оскомину виртуальные тренажеры, на которых он остальные отрабатывали навыки ведения боя, и "информационный голод", в состоянии которого держали почти всех новобранцев пока что занимающих должности обычных

стрелков-оперативников, в целом ему нравилась новая служба. Стас оказался прав в своих надеждах и догадках касательно Фрактала и своей новой работы. Здесь было все то, чего не было в остальном мире, в котором он родился и вырос, и здесь не было всего того, что так страшило и угнетало там, за пределами Фрактала, и за мрачными таежными лесами Сибири. Вся его жизнь теперь делилась на две части — до начала службы в "Уаджет" и после. И он был готов поспорить, что остальные люди, пребывающие сюда со всех городов России, мыслят так же.

Этой осенью ему исполнилось двадцать восемь лет, и сам Станислав думал об этой цифре с безразличием. Лучшую часть своей жизни он уже потратил. Молодость прошла, пролетела в безвыходности и серых и непримечательных днях, чем-то неуловимо похожих на этот. Здесь же время летело быстро, и Стасу с трудом верилось, что прошло уже почти полгода его пребывания здесь.

"Вот и она".

Лена не опоздала. Стас, увидевший приближающуюся молодую женщину, слабо улыбнулся, пожелав себе удачи. Ему надоело быть одному, и пара попыток ухлестнуть за молоденькими женщинами за это время не увенчались успехом.

Стас часто думал о Насте.

— Привет, — сказал он, когда Лена подошла ближе. Она нравилась ему, своим маленьким ростом и ладно сложенной фигуркой. Во время их первой встречи Стас был едва ли изумлен ее оптимизмом и чувством юмора.

— Привет, — бодро отозвалась она, приветливо улыбаясь.

— Быстро же ты… я было полагал, что проторчу здесь минимум полчаса.

— Вероятно, это оттого, что я живу поблизости, — ее светло-карие глаза смеялись, когда она неотрывно смотрела на Стаса. И он не чувствовал смущения — наоборот, ее присутствие расслабляло.

— Хорошо выглядишь.

— Спасибо.

— Пойдем, прогуляемся… Раз уж ты живешь рядом, подскажешь, где здесь хороший ресторанчик?

Они повернули в сторону парка, шагая по алее мимо деревьев, уже избавившихся от листвы. Рука Лены обвила руку Стаса под локоть и Стас подумал о том, что, возможно, в своих ощущениях она близка к нему. Ей тоже надоело быть одной в этом городе? Ее тоже постигали неудачи в личной жизни?..

Стас не знал ответа, но знал, что ему приятно быть с нею и чувствовал ответное чувство, исходящее от этой женщины. Нет,

это не любовь и не влечение — просто желание чувствовать кого-то рядом.

Они медленно шли вперед, негромко и неторопливо болтая о всякой ерунде, пока легкие и мелкие снежинки, быстро оседая вниз, стремительно умирали, не в силах противостоять и побороть еще не полностью ушедшее от земли тепло. Стас в эти минуты думал о том, что, пожалуй, почти что счастлив.

Они прервали разговор и остановились, когда послышался нарастающий гул приближающихся летательных аппаратов. Меньше чем через минуту Стас и Лена смотрели, как над их головами постепенно снижаясь, прошла пятерка "Титанов". Похожие на закованных в бежевую броню фантастических существ или моллюсков из морской глубины, транспортные винтокрылы, сверкающие красными и зелеными маячками, похожими на биение пульса, плавно двигались в сторону "Панциря мира". Следом двигались еще пять подобных машин в походном построении. Огромные, кажущиеся неповоротливыми монстрами в грязно-сером небе, эти транспорты только что вышли из режима ускорения, позволявшего им двигаться со значительной скоростью на большой высоте подобно скоростным самолетам.

— Группа Тихорева, — сказала Лена, глядя вверх и прикрывая от снежинок лицо рукой в черной перчатке. Стас, откинув с лица длинную черную прядь волос, перевел взгляд на нее.

— Их отправляли три дня назад на восточное побережье Африки.

— Ткань, — сказал Стас, помрачнев.

— Да. Сразу одиннадцать "бродяг". Испытывали новобранцев в боевых условиях…

"Скоро среди них будем и мы", подумал Стас. До сих пор он не принимал участия в редких боевых операциях против Ткани. Это было связано не только с тем, что новобранцев "Уаджет" никогда сразу же не бросали в самое пекло. Из того что он видел и слышал из тех материалов, которые он мог себе позволить, Стас быстро уяснил что война с Тканью совсем и совсем не похожа на обычные конфликты. Врагами людей на этот раз являлись не им подобные существа. Чтобы стать профессиональным уничтожителем Ткани, прежде всего, требовалась долгая подготовка психики.

Стас так же слышал и то, что за последние годы число операций по уничтожению Ткани значительно уменьшилось. Командование "Уаджет" планировало в скором будущем привести в действие давно разрабатываемую и подготавливаемую к

осуществлению стратегию действий всего корпуса. Начало ведение боевых действий по этой стратегии стало бы переломным моментом в ходе всего противостояния человечества с внеземным организмом. Командование "Уаджет" готовилось в определенный момент задействовать все свои резервы и силы, и пока придерживалось пассивной тактики обороны. Сейчас "Уаджет" отправлял своих людей за пределы Фрактала и других вспомогательных баз только в случае, когда блуждающие кластеры — "бродяги" — вторгались в относительно чистое от Ткани пространство, еще пригодное для обитания людей, или же когда требовалось провести обучение в бою свежей партии долго и тщательно подготавливаемых специалистов, закрепив теорию практикой.

До сих пор Стасу нравилась служба и Фрактал. Но он панически боялся того момента, когда его бросят с остальными воевать против Ткани. Он представлял, на что он идет когда соглашался на контракт, но теперь — стоило признаться в этом хотя бы самому себе — Стас совсем не был готов принять участие в войне против Ткани, как остальные. Он ненавидел себя за эту трусость.

"Нас не бросят в бой с Тканью так быстро. Неизвестно, что там задумали в штабе. Это будет еще не скоро… Через полгода, через год, два? За это еще время многое изменится. Ты привыкнешь, страх уйдет".

Глядя на снижающиеся транспорты, Стас очень сильно на это надеялся. Ему придется очень сложно, если его волнение и страхи не утихомирятся. Шанс удержаться во Фрактале есть только у тех, кто сражается. Это плата за все те блага, которые город давал своим обитателям. Стас думал, что должен побороть страх еще до того, как "Уаджет", отработав тактику, начнет действовать по своему плану, до того, как начнется полномасштабное вторжение на запад.

— Ладно… — он встрепенулся, поежившись, и перевел взгляд на Лену. — Где здесь есть хороший ресторан?

Ему предстояло спокойно провести время в приятной компании, ведь завтра — снова тренировки на полигонах штаб-квартиры. Не смотря на это, Стас долго не мог вернуться мыслями к Лене и их совместной прогулке, и чувствовал, что остаток дня безнадежно испорчен.

* * *

Коммуникационный Центр снова был почти пуст. Настя,

осмотревшая огромный холл, в котором все звуки отдавались эхом у сводов далекого потолка, подумала, что, должно быть, это красивое здание, расположенное в центре Фрактала никогда не испытывает избытка в посетителях. Войдя внутрь через прозрачные пневматические двери, своими размерами больше напоминающие ворота, Настя остановилась, опуская на плечи капюшон своего светлого пальто. Она была здесь уже третий раз. Когда она появилась здесь впервые, в конце августа, эта тишина и пустота внутри Центра удивили ее. Она не ожидала увидеть здесь огромных очередей у кабинок с междугородними светофонами, но и несколько человек внутри большого здания, явно не являющиеся сотрудниками службы Дальней связи казались ей странным зрелищем. Настя появилась здесь спустя месяц, и второе посещение Коммуникационного Центра лишь смутило ее еще больше. Этот город казался оторванным от всего окружающего мира, он сам по себе был миром, и Настя видела что люди, населяющие его, не рвутся общаться с теми, кто жил "снаружи".

"Конечно, ведь это секретный объект".

Через большие панорамные окна за ее спиной внутрь зала лился тусклый свет. Солнце показывалось все реже и реже, и сегодня выпал первый снег, и это сказалось на настроении Насти. Она не любила зиму.

Из десяти кабинок дальней связи, расположенных у дальней стены, сейчас пустовали целых восемь. Прежде, чем добраться до них, Насте пришлось предъявить свой личностный информационных накопитель и пропуск дежурному офицеру охраны. Эти кабинки — единственный способ связаться с окружающим их миром. Конечно же, в штаб-квартире были мощные трансляторы, аналогичные тому, что был расположен здесь, но жителям Фрактала приходилось довольствоваться услугами Коммуникационного Центра.

Настя вошла внутрь кабинки, плотно закрыв за собой дверь. Здесь было лишь кресло и стандартный светофон на столике. Бросив взгляд на часы, она устроилась в кресле, набрав на сенсорной панели номер из двенадцати цифр, который помнила наизусть. Настя хорошо помнила домашний номер, хотя звонить ей по нему доводилось лишь только отсюда.

Перед ней возникло синий экран с отображенным набранным номером, и надписью "Идет вызов". Чуть ниже еще одна надпись — "Линия прослушивается". Это было честно и просто, хотя Настя была вынуждена признать, что подобное заявление несколько обескураживало. Конечно, кто-то должен следить за тем, чтобы оперативники и другие, так или иначе имеющие отношение к

деятельности "Уаджет", не трепали языком и не болтали о том, о чем следовало молчать. Настя помнила, как их предупреждали об этом инструкторы. Того, кто захочет поделиться секретами Корпуса по междугородней связи, ждут большие неприятности.

Настя тепло улыбнулась, думая о муже, который сейчас примет вызов. Она скучала о нем, часто думала, оставаясь одна по вечерам. Все это время она достаточно зубасто огрызалась на многочисленных поклонников, число которых со временем поубавилось. Каждый раз она болезненно реагировала на всякого рода ухаживания и заигрывания, с тоской думая о том, как там сейчас Сергей. Ей ужасно не хватало здесь этого человека…

Заставка исчезла, и на экране появилось лицо Сергея.

— Привет! — Настя широко улыбнулась. В этот миг она напрочь забывала предупреждение о прослушивании, все ее внимание переключалось только на этого человека. У нее в распоряжении было только полторы минуты — об этом предупреждал и начавший обратный отсчет таймер в нижнем левом углу экрана.

Разговор с внешним миром был безумно дорогим.

— Привет, Настен. Ждал твоего звонка полдня!..

— Помнишь о нашей договоренности?

— Конечно. Еще бы, как такое можно забыть.

— Спасибо, Сереж. Рада тебя видеть.

— Я-то как рад, солнце. Рассказывай, как дела?

— Все как обычно. Тренировки, полигоны…

— Надеюсь, тебя там не сильно замучили?

— Нет, что ты. Пока держусь молодцом.

— Умничка. Если бы ты знала, как я скучаю…

— Ох, Сереж… В этом городе у меня есть все, кроме тебя.

— Еще ничего не слышно об увольнительной?

— Слышно, — уныло сказала Настя. — Только в следующем году.

— Это же столько ждать!

— Да… Ну, как ты там без меня?

— Мрак. У нас повальное сокращение. Боюсь, через несколько недель останусь на улице на пособии.

— Из-за чего?!

— Я не знаю, Настен. Скорее всего, из-за сокращения численности населения в Иркутске. Сама знаешь, люди валом валят на восточное побережье. Кто как может, выбирается из этой дыры.

— Что ты будешь делать? Я могла бы высылать тебе часть жалования…

— Забудь об этом, Настя, не вздумай мне тут, — он шутливо

подмигнул. — У меня отец во Владивостоке. Если станет совсем худо, переберусь туда. Но это если станет уж совсем невмоготу.

— Как цены?

— Держатся. Продовольствия хватает, но торговые центры… Сама знаешь, их осталось всего шесть. Вроде все есть, с голоду не помру, хотя эти километровые очереди просто добивают.

— Ясно. Что на улицах?

— Опасно. Кажется, после твоего отъезда стало совсем неспокойно. Вечером никуда не выхожу, пистолет всегда наготове.

— "Вега"? — она улыбнулась.

— Да, тот самый, — он так же улыбнулся.

— Стало быть, пригодился… — она посмотрела таймер. — Рада была тебя повидать. Безумно по тебе скучаю…

— Ну не надо, Настя, только не плачь. Я люблю тебя. Только тебя.

— И я тебя, — Настя улыбнулась дрожащими губами. Слезы, подступившие к глазам от внезапно накатившего ужаса и тоски, теперь мешали, и она быстро вытерла из тыльной стороной ладони, чтобы видеть лицо Сергея еще несколько секунд до завершения связи.

— Фрактал чудесен, Сереж, но без тебя здесь очень одиноко. Я люблю тебя.

Настя нажала на сенсор и лицо Сергея и кусочек их квартиры, видимый за его спиной, вновь сменился синим экраном.

Она еще сидела перед светофоном, поникнув и опустив плечи. Она думала о том, что забыла сказать Сергею о том, что сегодня у них пошел снег, и почему-то это упущение казалось ей донельзя обидным. Она все еще чувствовала этот душащий страх, который охватывал ее с каждой секундой, отсчитываемой в нижнем углу свето-экрана, с каждым словом, произнесенным ее мужем. Она вспоминала родной Иркутск, этот страшный город с маленьким населением, с огромными очередями за товарами первой необходимости, с этим чудовищным выбором профессии — без каких-либо связей ты был никем, и в этом случае тебя ждала только служба в милиционной армии. Сережа так и не сумел пристроить ее на работу в компании, занимающейся обслуживанием аэропорта. Он был всего лишь обычным водителем, и Настю ждала только служба в Форте-4. Почти все выходцы из этих вымирающих городов прошли через это — те, кто не хотел пополнять огромные армии криминальных структур, чувствующих себя вольготно на окраинах городов и за их пределами. Жестокая война с ними велась почти всегда, почти по всей территории современной России.

Она подумала о "Веге", небольшом семизарядном пистолете, который Сережа подарил ей на ее день рожденья. Оружие — не самый романтичный подарок для молодой женщины, но Настя понимала, что этот красивый, мощный пистолет не просто подарок. Это средство защитить себя на улицах города, где можно было влипнуть в крупные неприятности даже средь бела дня. Настя помнила, как она и Сережа провели июнь прошедшего лета — он учил ее стрелять из этого пистолета. Она помнила, как он обнимал ее сзади, помогая держать в обеих руках перед собой тяжелый пистолет, и она смеялась, так как к тому моменту стреляла лучше его. Сказывалась служба… Через две недели она получила уведомление о подготовке к скорому переезду во Фрактал.

"Вега".

Настя вышла из кабинки, чувствуя себя значительно лучше. Разговор с Сергеем, его лицо и голос придали ей бодрости и сил. Мимолетная мысль о том, что она выложила значительную сумму денег за этот разговор, показалась ей смешной. На эти несколько секунд ей удалось вырваться за пределы Фрактала, увидеть и поговорить с любимым человеком. Это было главным, самым значимым событием каждый месяц, проведенный здесь, в этом городе.

В тот момент, когда Настя шла к выходу из Коммуникационного Центра, она отчетливо почувствовала, как атмосфера Фрактала гнетет и душит, заставляет слиться с ним, чтобы уже никогда не отпустить. Это было подобно легкому, но явственному уколу изнутри. После каждого разговора с мужем по междугородней линии она чувствовала, что словно бы теряет что-то, как невидимая нить, связывающая ее и Сергея, новую жизнь с прежними неспокойными годами жизни в Иркутске, становится все тоньше, растворяется за чередой недель, проведенных вдали от настоящего дома.

Самый защищенный город на всей Земле оказался ловушкой для одинокого человека.

* * *

Легкий четырехместный винтокрыл, своими изящными формами напоминающий морского ската, начал сбавлять скорость. Этот транспорт, предназначенный для перелетов высокопоставленных лиц из числа сотрудников "Стагирит-2", никогда не передвигался по иным маршрутам. Сам винтокрыл, проверенные временем пилоты, работавшие по сменам, и лишь

несколько километров маршрута, разделяющих две посадочных площадки — за годы работы доктор биохимических наук уже привыкла к этому, но до сих пор она не могла ужиться с чувствами, которые каждый раз охватывали ее.

Юля испытывала легкий дискомфорт, находясь в замкнутом пространстве, и в салоне этого винтокрыла она чувствовала себя немного неуютно. Облокотившись на подлокотник и подперев рукой голову, Юлия смотрела в узкий иллюминатор. Раньше глухой рокот двигателей и турбин убаюкивал, но только не сегодня. Сейчас мысли доктора были заняты о предстоящем эксперименте. Теперь, к неудовольствию Юлии, она ощущала и волнение, с которым ничего не могла поделать. Ожидая прибытия на место, она смотрела, как темнеет небо, и как тайга внизу растворяется в густом сумраке.

Каждое посещение научно-исследовательского комплекса "Стагирит-2" будило в ней страх. Он был легким, но вполне ощутимым, раздражая одним лишь своим присутствием, приходя к доктору именно в тот момент, когда она закончила одно дело, но еще не взялась за следующее. Именно поэтому Федорова, находясь на своем рабочем месте, стремилась свести свое бездействие к нулю. За время всего своего существования комплекс часто менял свой рабочий состав. Многие из нанимающихся работать сюда видели в "Стагирите-2" идеальное рабочее место, подходящее им по роду своей деятельности. Впрочем, бездари и лентяи здесь не задерживались, как впрочем, и во всем "Уаджет".

Доктор не боялась возложенной на нее ответственности. Ее стремление к познаниям и феноменальное трудолюбие, а так же врожденная аккуратность и порядочность являлись редкими качествами для нынешнего времени, и вкупе делали ее уникальным человеком. Федорова проработала на "Уаджет" уже более девяти лет, и за это время успела зарекомендовать себя со стороны начальства и главнокомандующего как доверенное лицо, полностью оправдывающего возложенные на него обязательства. Ответственность за ведение всех работ в "Стагирите-2" было не самой лучшей и легкой ношей, но доктор справлялась с ней без особых проблем.

Страх крылся в другом.

Винтокрыл начал плавный разворот, продолжая снижаться. Теперь он заходил на посадку левым бортом, и Юлия могла видеть в иллюминаторе черный, приземистый корпус комплекса, не освещенного никакими огнями. Эта структура, располагавшаяся в стороне от города, была хорошо защищена несколькими автоматическими системами обороны. Никто не

брался экранировать или маскировать этот комплекс каким-либо способом. Многие страны-союзники России, входящие в Конфедерацию Содружества, прекрасно осведомлены об этом объекте — за этим регионом в Сибири наблюдало огромное количество спутников. Не смотря на это, все секреты этого объекта были надежно сохранены.

У многих наделенных властью людей встали бы волосы дыбом, узнай они о том, что скрывает внутри себя "Стагирит-2". Доктор иногда тоже боялась, думая об этом. И она видела, как боятся все остальные осведомленные лица, все, от других научных сотрудников до главнокомандующего. Но Федорову тревожило не это.

— Приземляемся, — донесся голос пилота. Комплекс был уже совсем близко, и его черный корпус уже закрыл все перед иллюминатором. Казалось, будто что-то шевелится в этой темно-синей зловещей тьме.

Винтокрыл выпустил шасси, мягко опускаясь на посадочную площадку, и Федорова отстегнула ремень безопасности. Подумав о том, как снаружи холодно она невольно поежилась.

"Стагирит-2" был самой старой постройкой в этом регионе. Можно сказать, он начал свою деятельность еще в то время, когда Фрактал еще только-только возводился. Его предназначение уже тогда было предопределено — изучать Ткань.

Думая об этом, Федорова с грустью подумала о том, что за все время своего существования, "Стагирит-2" сделал лишь маленькие, крохотные шаги в сторону истины. И, конечно же, каждый ответ порождал новые вопросы.

Турбины винтокрыла умолкли, и теперь посадочная площадка медленно возвращалась внутрь небольшого ангара. Юлия слушала, как снаружи завывает морозный воздух. Посадочная площадка находилась на некотором возвышении, и здесь наверху дул пронизывающий ледяной ветер.

"Эта зима будет холодной", думала Юлия, спускаясь по трапу и пересекая решетчатое покрытие площадки, из которого вверх шли потоки горячего воздуха.

— Укладываемся в график? — спросил один из ученых, шедших впереди.

— Да, еще полчаса в запасе.

— Не терпится еще раз взглянуть на эту штуку… — заявил третий, нервно ухмыляясь.

Они вошли внутрь комплекса, и шлюз за их спинами закрылся. Пока они двигались по широкому коридору с белоснежными стенами, потолком и полом, Юлия на ходу открыла коммуникатор:

— Таня, я на месте.

— Все в норме, — отозвалась ассистентка. — "Принцесса" готова.

— Держи меня в курсе, я буду у себя, — доктор закрыла коммуникатор. Она и ее коллеги достигли разветвляющихся коридоров, где на встречу прибывшим вышли заместитель Федоровой и начальник охраны объекта.

— Рады видеть вас. С прибытием.

— Алексей, что там у нас с костюмом?

— В норме, — отозвался Юсупов, отвечая на рукопожатия мужчин. — Давыдов так же готов. Немного волнуется, но держится.

— Вот как? Волнуется?

— С ним все в порядке. Любой бы на его месте переживал.

— Хорошо. У нас есть замена, если Давыдов все же откажется?

— Боюсь, что нет.

"Плохо", подумала Юлия, досадливо поджав губы. Кажется, они упустили эту немаловажную деталь.

— Ладно, мы посмотрим, как поступить, если дела пойдут таким образом, — негромко сказала она, поворачивая направо. — Я буду в своем кабинете, если что.

"Мы готовились к этому дню два месяца, и теперь все может сорваться. Это будет очень скверно, если Давыдов откажется идти к "Принцессе" в последний момент", думала Федорова, шагая в сторону своего кабинета. Она миновала несколько залов, приветствуя встречаемых по пути знакомых работников. До важного эксперимента оставалось совсем немного, и, судя по докладам своих помощников и повстречавшихся знакомых, уже все было готово.

Чтобы добраться до своего кабинета, Юлии пришлось пересечь почти весь комплекс. Кабинеты для научных сотрудников были обустроены в отдельном блоке, и многие из них жили здесь. Доктор сама проводила много времени в "Стагирите-2", иногда неделями не выбираясь наружу, полностью погруженная в работу. А ее всегда хватало, особенно в высокотехнологичном научном центре, в котором работало более двухсот научных сотрудников "Уаджет". Юлия всегда ужасалась, как быстро в этом случае летит время, но ей нравилась ее деятельность. Конечно, время летело, и она сама не заметила, как прошло девять лет с тех самых пор, как она прибыла во Фрактал. Поначалу она думала, что город станет ее новым домом, но она ошиблась. Новым домом стал "Стагирит-2".

Она вошла в свой кабинет, закрыв дверь и остановившись, не

в силах сдержать теплой улыбки. Ее взгляд прошелся по белоснежному помещению, больше напоминающему кабинет врача, чем ученого; пол, стены и потолок — сплошь белый пластик. Свет, включившийся в комнате сразу же, как дактилоскопический замок открыл пневматическую дверь, оживил сумрак, превратив его в пространство, залитое белым светом. Рабочий стол в дальнем углу слева. Узкая кровать справа. Полки с книгами, старыми подшивками уже давно не печатающихся научных журналов и свето-ячейками. Единственными предметами, не имевшими белый цвет, и поэтому сразу же бросающимися в глаза здесь были плоский черный диск светофона, очки для посещения Сети, декоративный светильник и вместительный аквариум у самой стены, с подсветкой и тигровым оскаром внутри. Из-за прозрачности аквариума и белого фона стен казалось, будто рыба плавает в воздухе.

Юля приблизилась к столу, нажав клавишу на панели столешницы. Пока плотные шторы раздвигались, открывая стекло, не пропускающее свет изнутри, Юля включила светофон и поставила его на режим ожидания. Усевшись в кресло, она включила встроенный в столешницу компьютер, и перед ней развернулся свето-экран.

Просматривая новости из общей внутренней базы данных комплекса, она вновь почувствовала знакомые ощущения дискомфорта, давящей атмосферы, источником которой, казалось, были эти стены. Доктор биохимических наук лишь тяжело и прерывисто вздохнула — страх возвращался.

Не смотря на весь свой научный интерес к Ткани, не смотря на годы, проведенные в "Стагирите-2" и на "Принцессу", доктор боялась этого безликого монстра, боялась всего того, что они узнали о нем и что еще предстоит узнать. Ткань страшила Юлию не самим своим присутствием на планете — хотя, конечно, это тоже было страшно, не смотря на то, что до зараженных территорий были многие километры, и огромный Фрактал и сам "Уаджет" создавали видимость защищенности и абсолютной несокрушимости. Страх перед загадками Ткани стоял обособленно, и именно его Федорова ощущала во время пребывания в комплексе.

Раскрыть сущность этого монстра означало победить его. Но вместе с этим тайны этого внеземного организма, такого враждебного и не похожего ни на что, существующее на Земле, могли быть и отталкивающими. Неизведанное было настолько же притягательным для ума исследователя, насколько и устрашающим, непременно таящим в себе жало иной, скрытой опасности. Юлия почти не сомневалась в этом. Познания людей о

Ткани до сих пор были скудны, и прожорливое чудовище таило в своей природе еще множество неприятных сюрпризов.

Федорова подумала о "Принцессе". Что случится, если ей удастся освободиться из своей капсулы? Доктор знала ответ на этот вопрос, но каждый раз, когда ей приходилось иметь дело с "Принцессой", она взвешивала шансы уцелеть тем, кто окажется внутри "Стагирита-2" в этот момент. Они казались смешными.

Быть может, они напрасно считают себя уникальной структурой? Возможно, в мире существуют секретные аналоги "Уаджет", о которых действительно мало кто знает, и по сравнению с которыми, Фрактал — уже ставшая популярной живая легенда и то, что можно увидеть с орбиты планеты? Сколько может быть секретных комплексов, в которых люди пытаются разгадать секрет быстрого уничтожения Ткани?..

Подобные мысли не были лишены оснований. Доктор даже полагала, что и другие страны, входящие в Конфедерацию, предпринимали попытки захватить одиночный кластер Ткани, применяя свои технологии. Кто знает, быть может, их попытки увенчались успехом?

"Мы играем с огнем".

Федорова понимала это, равно как и то, что Ткань куда опаснее любого пожара. "Принцесса", захваченная в Восточной Европе более тридцати лет назад, была тайно доставлена во Фрактал, который тогда еще строился, но научно-исследовательский комплекс к тому времени уже функционировал. Уникальная разработка, позволяющая создать материал, подавляющий активность Ткани, позволила провернуть эту сложную и опасную операцию. Так называемая "сталь-3", сложнейший сплав, полученный на основе первых результатов тестов и наблюдения за действиями Ткани, обещала стать залогом успешного противостояния захватчику. Вполне вероятно, что уже сейчас ситуация в мире была бы совершенно иной, если бы промышленной отрасли всей Конфедерации удалось бы наладить массовое производство брони для техники и боевых скафандров для пехоты с использованием этого материала. Однако "сталь-3" оказалась настолько же ценной, насколько и дорогой и трудоемкой в производстве. Научные же ведомства и промышленность переживали не самые лучшие времена. Формулу "стали-3" получили совершенно случайно, можно сказать, что методом тыка и, к большому сожалению многих посвященных специалистов, массовое производство подобного сложного материала было невозможным на ближайшие несколько лет.

"Сталь-3" была и здесь, в научно-исследовательском комплексе. Из нее была собрана ячейка, в которую была

помещена "Принцесса" во время ее захвата, и этим же материалом были покрыты пол, стены и потолок помещения, в котором располагалась "Принцесса". Последнее приобретение "Уаджет" — скафандр из "стали-3" — было дорогостоящим, но многообещающим.

Время приближалось к началу эксперимента. Юлия поднялась со своего места, подойдя к шкафу и переодевшись в белый комбинезон научного сотрудника "Стагирит-2". Прихватив с собой коммуникатор, она вышла из кабинета, отправившись в седьмой блок комплекса. Именно там хранилась "Принцесса".

"Этот кластер — наш шанс раскрыть природу Ткани, чтобы уничтожить ее, и единственный козырь, который может обернуться против нас самих".

Доктор двигалась по коридорам комплекса в сторону отсека — так называлось помещение, в котором уже долгие годы располагалась "Принцесса". Когда-то давно там было обычный склад, позже который было выбран для места, в котором будет заключен кластер. Когда план захвата одиночного кластера-бродяги был разработан, и когда "Уаджет" удалось получить определенное количество "стали-3", достаточное для обработки всех внутренних поверхностей этого помещения, склад и прилегающие к нему комнаты и блоки были переоборудованы на скорую руку. Работа была проведена быстро и качественно, и вскоре весь седьмой блок, заключающий в себя два десятка объединенных между собой залов и помещений, был готов к работе. Специально отобранные сотрудники "Стагирита-2" были готовы занять свои рабочие места для наблюдения за созданным отсеком, который должен стать тюрьмой для чужеродного организма.

На коммуникатор Юлии поступали сообщения от ассистентов. Испытания нового скафандра должны были начаться с минуты на минуту. Доктор перешагнула через порог блока номер семь за пять минут до начала эксперимента.

Наблюдательный пост был одним из двух помещений, напрямую примыкающих к отсеку "Принцессы". За толстым, бронированным стеклом, наружную сторону которого покрывала тонкая пленка распыленной "стали-3" были видны белоснежные стены и пол. Каждый раз, когда Юлия заходила внутрь она всегда смотрела за стекло — на источник разрешения всех проблем и главную угрозу всему живому в радиусе многих и многих километров.

Здесь было тихо, особенно сейчас, перед самым началом важного и опасного эксперимента. Несколько операторов сидели за своими местами перед компьютерами, сложив руки и

ожидающие поступления данных на свето-экраны. Перед стеклянной стеной стояли прибывшие в "Стагирит-2" месте с Юлией ученые, еще несколько сотрудников научно-исследовательского комплекса, ассистентка доктора и заместитель.

Юля молча приблизилась к ним, складывая руки на груди и глядя в сверкающую комнату за стеклом.

— Давыдов готов, — тихо сказал Юсупов, заметив ее появление. Доктор кивнула, рассматривая капсулу с кластером.

Капсула была совсем небольшой, своей формой напоминая куриное яйцо, верхняя часть которого была сейчас приподнята на тонких выдвижных штангах. Ячейка в закрытом состоянии была полностью герметична, и сейчас, даже не смотря на солидную защиту, подавляющую активность Ткани, вид открытой капсулы всегда нервировал сотрудников научного комплекса, знавших о том, что таится внутри.

Юлия видела кластер, и до сих пор не могла привыкнуть к этому зрелищу. Склизкая, полупрозрачная масса, сейчас бесформенная и совсем не кажущаяся опасной. Холмик живой, мутной полупрозрачной плоти, вздымающийся над срезом открытого "яйца", вызывал отвращение. По сути, "Принцесса" была лишь частью кластера, которая поместилась внутри капсулы во время ее захвата. Все остальное было сожжено на месте. "Сталь-3", окружающая этого маленького монстра, все эти годы подавляла его силу и активность.

"Это — часть единого целого. Чего-то несоизмеримо большого, бесконечного".

Это всегда наталкивало Федорову на мысль, что Ткань похожа на "мимезис". Можно сказать, что эти "живые" субстанции были родными братьями — но при этом ненавидящие друг друга. Юлия часто думала об этом, как и многие другие ее коллеги, выдвигавшие подобные теории "родства" этих двух квази-организмов. Действительно, и у "мимезиса" и у Ткани было много чего общего в глазах людей: единые, огромные образования живой материи, чужеродные земной биосфере, способные безбоязненно расставаться с "частями" собственной массы. Люди точно знали, что "мимезис" в своем большинстве всегда уничтожает Ткань — и сейчас это было тем самым заветным откровением, пренебрегать которым значило обречь себя на вымирание. "Мимезис" мог стать оружием победы над прожорливой, стремительно растущей массой Ткани.

— Все показатели в норме, — громко объявил один из ученых, сидящих перед свето-экраном. — "Принцесса" реагирует на раздражители. Тест по активности закончен.

— Внимание, мы начинаем.

Стоящие у стекла люди нервно замялись, переступая с ног на ногу. Теперь их вниманием полностью завладел открывшийся проем шлюза. На фоне белой стены этот черный прямоугольник казался кощунственным.

Из шлюза в отсек с открытой капсулой вошел человек. Его скафандр, обработанный "сталью-3", несколько отличался от обычных боевых костюмов оперативников. Это была чуть более громоздкая модель, делающая похожего Давыдова на космонавта. Впрочем, даже в нем человек мог двигаться уверенно и свободно.

Люди по другую сторону стеклянной стены затаили дыхание, наблюдая за ним. Человек, робко вошедший внутрь, замер у порога, не шевелясь, даже когда дверь за его спиной беззвучно закрылась.

— Отлично, Александр, — сказал один из операторов, держащий связь с ученым. — Все в порядке. Попробуй подойти чуть ближе.

Давыдов сделал несколько шагов вперед к небольшому квадратному возвышению, на котором покоилась раскрытая ячейка.

— Хорошо, — Юлия чуть повернула голову в сторону своих ассистентов, не отрывая взгляда от фигуры в скафандре, — что "Принцесса"?..

— Все показатели на уровне прежних.

— Никакой активности.

Губы доктора чуть дрогнули в нервной улыбке. Некоторые ученые переглянулись: выражения их лиц были каменными, но глаза смеялись.

"Прекрасно. "Сталь-3" действительно подавляет всю активность Ткани".

— Вы знаете, чем должен закончиться эксперимент, — сказала Юлия, наблюдая, как Давыдов приближается к "яйцу" и уже ставит ногу на постамент, чтобы подойти вплотную.

— Александр. Давай. Ты знаешь, что должен сделать.

Канал связи был открыт. Ученый молчал, и его страх был ощутим. Стоило видеть лишь его колебания, и то, как он замер перед капсулой, наполненной смертельно опасной живой плотью, способной думать и поглощать все чужое. Федорова не могла представить себе, какие чувства может испытывать человек, оставшийся наедине в замкнутом пространстве с этим монстром.

Юлия заворожено смотрела, как Александр медленно протягивает руку. Его пальцы едва заметно дрожали — это было видно даже отсюда, даже не смотря на толстые перчатки скафандра.

Кончики пальцев прикоснулись к поверхности Ткани, и люди, наблюдавшие за действиями Александра, зааплодировали. Ученые поздравляли друг друга, оператор тараторил что-то ободряющее в микрофон, и Федорова чувствовала непомерное облегчение и что она сейчас улыбается. Они сильно рисковали, отправляя человека внутрь отсека, и только сейчас было ясно, что этот риск оправдан. Если скафандры этого поколения позволяют проделать подобное, то это значило, что новый шаг к победе сделан. Доктор понимала, что, по сути, они ничего не добились, но даже такой эксперимент, подтверждающий теорию о том, что активность Ткани можно подавить, подойти вплотную и притронутся к ней, являлся прорывом.

"Невероятно"… думала доктор, аплодируя смелости ученого, все еще стоящего у ячейки, "человек впервые приблизился и прикоснулся к своему врагу, которого ранее у него никогда не было".

* * *

Солнце скрылось за горизонтом несколько мгновений назад, и теперь таяли его последние лучи. Тьма быстро захватывала все внизу, тайга стремительно погружалась в темно-синие, густые потемки. Анна видела, как темно-оранжевое марево на западе темнеет и растворяется. В небе проглядывали первые звезды, и на чистом небосводе их свет казался пронзительным.

Анна покосилась на лицо своего двойника, отражающееся на стекле иллюминатора, заглянув в глаза самой себе.

"Тебе страшно?"

Она видела, что это так. Каждая осень и зима казались для Ани непомерным испытанием на прочность. Она плохо переносила накатывающие в эту пору депрессии. Как глава особого ведомства, она имела доступ и к кое-какой секретной информации, и, если судить по ней, с каждым годом дела приходили все в более поганое состояние. Это касалось абсолютно всего, что происходило на этой планете, не только в "Уаджет". Анна не любила осень и зиму.

"Тебе страшно".

Она снова поссорилась с Денисом. И снова из-за ребенка. Анна с тоской думала о том, что, наверное, ей вовсе не стоило создавать семью с человеком, который настроен так решительно и непреклонно в таком ответственном вопросе. Она кляла себя последней дурой и трусихой.

Анна покосилась на сидящую рядом Юлю и

главнокомандующего, расположившегося напротив доктора биохимических наук. Упершись подбородком в сцепленные перед собой пальцы, Кириченко уже более получаса изучал данные последних исследований, связанных с работой "Стагирита-2". Доктор терпеливо ждала вердикта, глядя в столешницу перед собой. Кроме них троих в небольшом салоне для важных персон никого не было. За пневматической дверью за спиной Анны располагался другой салон для обычных пассажиров этого самолета, но на этот рейс из четырех десятков мест множество пустовало. Кроме них к секретному объекту, надежно скрытому от посторонних глаз — в своем большинстве представленных в виде орбитальных спутников — направлялись лишь несколько оперативников "Уаджет" для несения двухмесячного караула и пара сменных инженеров.

Юлия и главнокомандующий почти не шевелились, и тихое гудение турбин начинало действовать на нервы. Она мельком глянула на часы и с облегчением вздохнула: полуторачасовой полет на северо-восток подходил к концу. Вероятно, в течение последующих пятнадцати-двадцати минут самолет начнет снижаться и сбавлять скорость.

— Хм, впечатляет, — негромко сказал Кириченко, не отрывая взгляда от псевдо-экрана.

— Простите? — встрепенулась доктор, поднимая на него взгляд.

— Отличная работа. Наконец-то, первый прорыв в этом направлении за столько лет… — лицо главнокомандующего оставалось бесстрастным. Он откинулся на спинку кресла.

— Я могу смело поздравить вас, Юля, с этим успешным экспериментом. Кажется, наши надежды оправдались. Мы потратили это время и ресурсы не зря.

Юля, еще несколько секунд назад выглядевшая несколько растерянной, неуверенно улыбнулась:

— Видите ли, в этом нет моей заслуги, только…

— Прекратите, — Кириченко прикрыл глаза, едва заметно улыбаясь. — Вы были куратором всего проекта по созданию первого скафандра с использованием "стали-3". Я знаю, что на протяжение последних трех лет, пока создавался этот скафандр, вы терпеливо ждали. Я могу вас понять: с помощью этого костюма человек может подойти вплотную к Ткани без опаски, что она сожрет его.

Кириченко протянул руку и развернул в сторону доктора коммуникатор с все еще открытым псевдо-окном, на котором застыли строки текста из доклада Юли.

— Вот видите? У вас и вашей команды из "Стагирита-2" все

получилось. Поздравляю вас. Прекрасная работа.

— Спасибо, — Юля смотрела вниз, и Анна видела, как доктор нервно теребит собственные пальцы, сложенные на коленях.

— Люди боролись с Тканью на протяжении сорока семи лет, — едва слышно сказала она. — И только сейчас у нас появился шанс посмотреть на нее через микроскоп.

— Да, как я и говорил, это прорыв. Скафандр из "стали-3" будет нашим вторым беспроигрышным козырем после "мимезиса", — Кириченко с довольным видом усмехнулся. — "мимезис" и "сталь-3" — великолепная формула победы. Нам бы побольше средств и связей, и, глядишь, через годик-полтора мы могли бы оснастить небольшое подразделение оперативников подобными костюмчиками.

Главнокомандующий с улыбкой посмотрел на Анну, и вновь перевел взгляд на доктора:

— Солдаты в таких скафандрах, вооруженные винтовками с капсульными пулями, наполненными "мимезисом". Представляете?

Он довольно усмехнулся и тут же помрачнел:

— Однако, мечтать не вредно.

Аня мысленно кивнула. Она думала о том же. В нынешних условиях процесс формирования даже небольшого подразделения с подобным оснащением, как скафандры из "стали-3", могло стоить слишком дорого для "Уаджет". Внедрение подобной разработки уже пережило себя, и открытие чудо-сплава произошло слишком поздно: если ничего не изменится, уже спустя год "Уаджет" приступит к планомерному уничтожению Ткани в Восточной Европе. Третья военная компания против внеземного организма будет вестись только теми силами и средствами, какими секретный корпус располагал на данный момент.

"У нас отличные шансы победить и без этих скафандров", подумала Аня.

— Но такие скафандры могут найти отличное практическое применение в науке, — сказал вслух она. — ткань поглощала все живое, но теперь у нас есть против нее действенная зашита. Мы можем изучить Ткань более подробно.

— Мы и намерены заняться именно этим, — сказала Юля. — Думаю, в ближайшие месяцы мы узнаем много нового о Ткани.

— Не боитесь? — спросил главнокомандующий.

— Конечно же, я боюсь, — улыбнувшись, ответила доктор. — Порой некоторые тайны лучше оставлять нераскрытыми.

— От следующих серий испытаний и исследований зависит очень и очень многое, — сказал Кириченко. — Вы прекрасно

понимаете это. "Принцесса" и этот скафандр, даже в одиночном экземпляре…

Он замолчал, опустив голову и покачав ею:

— М-м, даже не знаю, как сказать… После этого успеха, сейчас как никогда от деятельности "Стагирита-2" и результатов ваших исследований, доктор, зависит будущее нашего корпуса. Вы ведь понимаете, что это значит.

— Да. Деятельность "Уаджет" влияет на ход противостояния с Тканью.

— Именно. А значит, и влияет на важнейший вопрос, — Кириченко вновь сцепил перед собой руки, нервно потирая их друг о друга. — Вопрос, останемся ли мы на этой планете.

Кириченко бросил еще один косой взгляд на Анну и Юлю и отвел глаза.

— Посадка через десять минут, — сообщил по динамику капитан воздушного судна. Аня, пристегнув ремень, отвернулась и вновь уставилась в иллюминатор, чтобы встретиться там с собственным призрачным отражением своего лица. Снаружи было уже совсем темно, и в этой густой и зловещей черноте близ стекла мелькали, пролетали мимо белые пушистые хлопья снега.

В ее сознании проскользнули обрывки воспоминаний: вчерашний день, нудный разбор старых дел, ссора с Денисом.

Аня устало закрыла глаза и прислонилась виском к стеклу.

"Тьма, тьма над всей Землей. Останемся ли мы на этой планете"…

Оставшееся время полета они провели в молчании, каждый погруженный в собственные мысли.

Через несколько минут самолет начал постепенно сбавлять скорость, переводя подъемную силу с крыльев на вертикальные газовые струи. Тихое гудение турбин сменилось громким рокотом вспомогательных движков. Самолет заметно закачался из стороны в сторону, окончательно зависая в воздухе и выпуская шасси. Через минуту томительного ожидания самолет качнулся на мощных амортизаторах лап шасси, и гул двигателей начал стремительно затихать.

Аня отстегнула ремень, поднимаясь на затекшие ноги. Мысль о том, что ей предстоит короткая прогулка по метели, от трапа до входного шлюза комплекса, заставила ее вздрогнуть и поежится. Она застегнула куртку до самого ворота, с некоторой тревогой шагая следом за доктором и главнокомандующим по коридору в сторону выхода. Навстречу ударил легкий поток холодного ветра — дверь уже была открыта.

Прячущая руки в карманы Аня вышла на верхнюю площадку трапа, щурясь от ветра и колючих снежинок. Она была здесь уже

дважды, каждый раз ее приглашали как одно из уполномоченных лиц, руководителя особого отдела и негласного заместителя главнокомандующего.

Комплекс, носящий кодовое название "Колодец" внушал ей странные и смешанные чувства, как и большинству тех людей, которые были вынуждены работать и жить здесь. Сам комплекс был небольшим, и большая его часть скрывалась под этими горами в северо-восточной части Сибири, богом забытых местах. Эта удаленность от населенных пунктов, зловещий вид и внушительный возраст этой конструкции были не самым главным.

Аня окинула коротким взглядом широкую посадочную площадку, расположившуюся на небольшом участке. Ее восточная часть упиралась в широченный и низкий шлюз ангара, куда в ближайшие минуты должен был отправится самолет; северная часть заканчивалась контрольным пунктом, стальным коротким обрубком выступавшим из скал. Юг и запад были открыты для взора, и Аня была рада, что из-за наступившей темноты и начинающейся метели она не видит этих тоскливых болотистых просторов древней и мертвой тайги.

"Его предназначение", подумала она, убирая прядь волос с лица и поспешно накидывая на голову капюшон, "предназначение "Колодца" — вот что главное".

Посадочная площадка была погружена в сумрак. Никаких осветительных огней, никаких видимых маяков на поверхности. Это старое сооружение, возведенное еще в двадцать первом веке, пожалуй, было самым главным во всем мире. Важнее, чем Фрактал, чем все города Конфедерации. Вполне вероятно, что не будь этого комплекса, то сейчас бы род людской исчез с лица земли.

"Все люди обязаны своими жизнями тем, кто когда-то нашел это место и построил "Колодец". Неведомый храм всего мира".

Аня, придерживая капюшон рукой, спустилась по трапу след за Юлей и Кириченко. Ветер набирал силу, и Аня подумала, что они прибыли очень вовремя. Кто знает, сумел бы пилот посадить машину в условиях начинающейся метели. Она шагала в самом конце их маленькой группы, глядя лишь себе под ноги, пряча лицо и глаза от ледяного ветра. Из-под края капюшона он видела, как порывы ветра треплют длинные полы шинели нахохлившегося главнокомандующего, шагающего к пропускному пункту.

Им навстречу уже шли фигуры в утепленных камуфляжах.

Аня краем глаза следила, как Кириченко кивнул офицеру охраны, показывая ему удостоверение. Оперативник, лицо

которого было скрыто обтягивающей маской с окулярами, вытянулся в струнку и откозырял. Аня и доктор так же предъявили свои ЛИН и карты допуска, и оперативники перевели свое внимание на инженеров и караульных, идущих следом за троицей высокопоставленных лиц "Уаджет".

Внутри стальной арки было не теплее, но здесь не было этого пронизывающего ветра и снега. Здесь было совсем темно, и лишь когда в этой темноте что-то зашевелилось, и перед ними стремительно вырос прямоугольник света из открывшегося дверного проема, Аня смогла различить фигуры Кириченко и Федоровой. Свет ложился на массивную фигуру в дутом камуфляже у открывшейся двери, отблескивая на темно-красных окулярах капюшона-маски.

— Добро пожаловать, — глухо сказал оперативник, отдавая честь.

Кириченко, прячущий руки в карманах шинели, мрачно кивнул и вошел внутрь.

Перешагивая высокий порог и входя следом за доктором, Анна почувствовала, как тяжелый обруч сжимается под грудью. Ощущение загнанности и предчувствие нависшей угрозы над всеми, кто оказался внутри "Колодца", легкий страх и волнение — они были главными "темами" эмоций для Ани каждый раз, когда она бывала здесь. Нечто подобное она испытывала и тогда, когда ей доводилось спускаться на нижние уровни штаб-квартиры "Панцирь мира". Обе эти конструкции роднило многое. Например, факт того, что от их существования зависит дальнейшая судьба всей планеты. Помимо этого, "Колодец" отличался от штаб-квартиры одной тайной, которая превращала весь этот комплекс в один стратегически важный объект.

"Мимезис". Он покоится здесь, единственный источник борьбы против Ткани".

Они прошли по нескольким коротким коридорам, добравшись до большой коробки старого пневматического лифта. Спуск вниз был долгим, и за гулом воздуха снаружи Аня потеряла счет времени. Когда лифт достиг самых глубин комплекса, ей показалось, будто она простояла прислонившись к стенке несколько минут.

"Как тщательно мы скрываем свои секреты", подумала Анна, криво усмехнувшись, "и все время глубоко под землей. Как мы боимся, что о наши тайны раскроют люди, непричастные к "Уаджет". Мы не доверяем им, но при этом намерены спасти от Ткани, вселить уверенность в том, что с этой планеты никуда не нужно бежать, дать надежду на то, что на Земле еще можно жить. Мы поступаем правильно, и лучше бы никому не знать о том, что

мы утаиваем, но… Все равно, какая же это глупость"…

Короткий и ярко освещенный коридор, вдоль обеих стен которого шли кроваво-красные полосы-указатели, упирался в широкую дверь, больше напоминающую шлюз космического корабля для выхода в открытый космос. Здесь дежурили еще двое офицеров охраны. Судя по их реакции, они были уже предупреждены о том, что главнокомандующий "Уаджет" и его сопровождение прибыли на место для проверки "Колодца" и разговора с директором комплекса насчет увеличения добычи "мимезиса" в научно-исследовательский комплекс "Стагирит-2".

— Добро пожаловать, товарищ главнокомандующий, — отчеканил старший. — Директор Звягинцева ожидает вас.

— Как и договаривались, — кивнул Кириченко, доставая из нагрудного кармана карту пропуска с темно-синей полосой. Чиркнув ее по щели замка, он неподвижно замер на своем месте, дожидаясь, когда шлюз поднимется, освободив проход.

Аня поежилась. Она чувствовала себя совсем неуютно здесь, глубоко под землей, направляясь в сторону древнего и чуждого всему привычному, что существовало на этой планете.

"Лучше не думать об этом".

Им навстречу дыхнуло древней затхлостью и сыростью, и даже современные системы вентиляции не могли избавиться от этого страшного и гнетущего запаха. Аня подумала о том, что так должно пахнуть в логове спящего — пока что спящего — неведомого создания, загадку и природу которого люди не разгадают до тех пор, пока оно не проснется. Они прошли широкий коридор, выйдя на широкую решетчатую площадку. Вид, который открывался с этого своеобразного "балкона", кольцо опоясывающего стены огромной шахты. Анна ступила на решетчатое покрытие с большой неохотой.

Пещера была огромной, и большая часть этой естественной пустоты располагалась внизу. Это и был тот самый так называемый "колодец мимезиса", открытый во второй половине двадцать первого века, незадолго до начала Войны терактов.

"Колодец", с неприязнью оглядывая пещеру, Аня шагнула еще ближе, стараясь не смотреть вниз, "именно с него все началось…"

Аня знала о "колодце" совсем немного. Впрочем, сейчас навряд ли кто знал полную историю этого загадочного полого образования предположительно естественного образования, на дне которого находились несколько десятков тонн загадочной прозрачной густой субстанции. "Колодец мимезиса" был открыт неизвестной независимой научно-исследовательской группой "Мефистофель" в две тысячи шестьдесят восьмом году. Исследования были закрытыми, но именно этой

исследовательской группе "Уаджет" был обязан этим комплексом, доставшимся по наследству, равно как и некоторыми данными, касающимися "мимезиса", которые уцелели в хаосе Войны терактов и последующем мировом кризисе. Группа исчезла, и из тех скудных сведений, оставленных после себя и позже обнаруженными создателями "Уаджет" было неясно, что случилось с "Мефистофелем". Скорее всего, вместе с началом стремительного разрушения цивилизации группа распалась в первые годы Войны терактов, как это случалось в ту пору со многими организациями, большими и маленькими, секретными и известными на весь мир. Второе открытие "Колодца" произошло в две тысячи сто пятидесятом, когда Ткань уже как восемнадцать лет обживалась на Земле, и когда информация о загадочном природном образовании всплыла в узких научных кругах. К сожалению, главное ценное свойство "мимезиса" было открыто лишь в две тысячи сто шестьдесят четвертом, когда Первая и Вторая экспедиции против Ткани закончились поражениями людей. Ни у кого из верхушки "Уаджет" не было сомнений: своевременное открытие разрушительного влияния "мимезиса" на Ткань смогло бы предотвратить огромные жертвы, перелом в противостоянии уже бы произошел, и, возможно, произойди открытие на десять лет раньше — к этому моменту Ткань была бы уже повержена.

"Мимезис" был открыт раньше появления Ткани, и именно эта жидкость является кровным врагом для вторгшегося организма, самым лучшим оружием. Какая счастливая случайность".

Так думали очень многие, посвященные в тайну существования источника спасительной субстанции неизвестной природы, разрушительно влияющей на клетки Ткани.

Анна посмотрела вверх. Прямо над их головами, на высоте пятидесяти метров, где располагался "потолок" располагались маленькие ангары и доки для маленьких воздушных аппаратов, на которых производились все работы, связанные с добычей "мимезиса". На стенах и каменистых уступах крепились несколько прожекторов с большими линзами, создающих неяркое освещение. До противоположной стены было метров сто, и сам колодец уходил вниз огромной широкой штольней, на глубину почти двенадцати километров. Ученые до сих пор так и не могли объяснить, как подобное полое образование почти что идеальной формы могло образоваться на такой глубине. Аня собралась с духом и посмотрела вниз: отсюда, с такой высоты эта пещера почти с идеальными формами цилиндра и впрямь более всего походила на огромную бездонную шахту, ярко освещенную огнями прожекторов. Прежде, чем накатило головокружение, Аня

увидела — или ей только показалось что она видит — внизу мутно-розовое свечение, влажную неподвижную поверхность, на которой ярко отблескивали лучи прожектора. Она отшатнулась, и Юлия внимательно посмотрела на нее:

— Ты в порядке?

Анна молча кивнула, глядя прямо перед собой.

— Наталья Михайловна, — главнокомандующий протянул руку женщине средних лет с длинными светлыми волосами, собранными в пучок на затылке. Директор "Колодца" ответила на рукопожатие, чуть подавшись вперед и преданно глядя на Кириченко, и ее красные погоны старшего координатора на черной куртке мундира тускло блеснули в луче прожектора.

— Рада вас видеть.

— Как дела?

— Отлично, — Звягинцева шагнула к высокому ограждению и посмотрела вниз. — Добыча "мимезиса" идет без сбоев за последние два месяца.

— Два месяца? — Кириченко приблизился к ограждению. — Последний визит инспекторов?

— Так точно. Вся информация, касающаяся добычи и подготовке к отправке в "Стагирит-2" и более подробная статистика у меня в кабинете.

— Прекрасно, — негромко ответил главнокомандующий, задумчиво глядя вниз.

"С "колодца" все началось, и когда мы исчерпаем его, мы исчезнем", подумала Аня, отступая к стене, "кто бы мог подумать, что от этой субстанции зависит судьба человечества".

Она закрыла глаза, не в силах бороться с все же подступившим головокружением, запахом и мыслями о том, что таится внизу этой природной шахты. Только здесь, глубоко под землей можно было понять всю тяжесть того положения, в котором они оказались. Люди, сражающиеся при помощи неизвестного против неизвестного… С каждым годом это отчаянное противостояние больше всего напоминало попытку удержаться на тонкой и ломкой соломинке.

"Когда же наконец закончится этот кошмар. Когда же мы все наконец проснемся".

II. Прошлое

Прошлое всегда рядом. Оно ждет не дождется того момента, чтобы вновь напомнить о себе, дать понять, что все повторяется, раз за разом, снова и снова.

Что бы ни случилось с Землей, чтобы не произошло здесь, океан продолжал жить. Его могучее дыхание было слышно даже отсюда, на значительном удалении от берега, через огромное панорамное окно кабинета резиденции лидера "Брахмана".

Стоящий перед узким рабочим столом человек средних лет, в светло-сером кителе без знаков отличия, исподлобья смотрел, как волны устало накатывают на серый пляж. Тучи, собирающиеся на горизонте, предвещали начало тропического ливня.

Он был широкоплеч и невысок, уже начинал полнеть и лысеть. По старой привычке даже сейчас, стоя перед своим командиром, он держал спину прямо, вытянув руки по швам. В его блеклых серых глазах было полно тоскливого страха и усталости, что поневоле вызывало у окружающих чувство жалости к нему, какое может возникнуть при виде старого медведя — неуклюжего, больного и ослабшего, но еще не потерявшего остатки своей былой звериной мощи.

Полковник Вооруженных Сил Российской Федерации Антон Краско по-прежнему чувствовал себя сильным, волевым человеком. Эти черты сопутствовали ему всегда — и лишь один раз подвели его. Помимо всего прочего, Антон считал себя удачливым. Он благополучно дожил до пятидесяти двух и вся его жизнь была полна смертельных опасностей. Чего только стоит участие во Второй экспедиции против Ткани…

"Не потому ли Моканди выбрал меня на роль командира этой операции?"

Здесь и сейчас, стоя в просторном и почти что пустом кабинете, полковник чувствовал свою слабость и полную зависимость. Сила и ум другого человека, присутствовавшего здесь же, затмевала его, как свет солнца затмевает жалкий луч фонарика.

— Вот и все, господин полковник, — сказал старик, стоящий к Антону спиной. — Время поджимает. Вы готовы?

Антон поднял голову и перевел взгляд с моря на старика.

Бывший маршал Объединенных Вооруженных Сил Азиатской Конфедерации Содружества производил должное впечатление и сейчас. Он был худ и мал ростом, но держался прямо, не сутулясь и не горбясь. Любой, кто видел Моканди впервые, мог поразиться тому, как его лицо лучилось спокойствием и терпеливым

добродушием ко всему окружающему. Узкое, изборожденное морщинами, оно казалось словно бы вырезанным из твердой древесной породы. Черные ухоженные волосы, стянутые на затылке в куцый хвост, расправленные плечи и безукоризненная осанка. Серый мундир с синими эполетами и золотыми погонами сидел на нем, как влитой. Этот индиец был полон сил и энергии реализовать свою задумку, к которой готовился более десяти лет. Он производил впечатление совершенно уравновешенного человека, который не понаслышке знал, что такое гармония.

Краско был посвящен в некоторые детали грандиозного плана Моканди, но насчет уравновешенности маршала у Антона никогда не возникало сомнений.

— Я готов, господин маршал.

— Вы сделаете первый шаг, господин полковник, — сказал Моканди, повернувшись к нему вполоборота. — И если у нас все получится, то следующий Новый год человечество встретит в уже совершенно иных условиях.

Новый, две тысячи сто восьмидесятый год наступил всего лишь семнадцать дней назад. Здесь, на северо-восточном побережье Мадагаскара, упоминание об этом празднике было не самым уместным для человека, который всегда ассоциировал Новый Год с елкой и снегом. Видимо, другой человек, выросший в других климатических условиях, думал иначе…

— Некоторые из моего окружения считают, что я хочу осуществить все это лишь для того, чтобы потешить свое тщеславие, — сказал Моканди, невесело улыбнувшись. — Уничтожить все то, что не может принадлежать мне. Стать разрушителем. Вы ведь знаете об этих… мнениях.

Он снова отвернулся к панорамному окну, глядя, как волны накатывают на пустынный берег.

— Похоже на чушь, господин маршал, — сказал Антон, прямо глядя в спину старика.

Моканди повернул к нему голову в пол-оборота, но ничего не сказал.

Антон верил ему. Он прожил немало и видел ублюдков, по его мнению, достойных смерти. В сравнении с ними Моканди казался ему святым человеком, ни разу не запятнавшим себя ни как человека, ни как офицера. Антон прекрасно понимал свою полную зависимость от этого старика, задумавшего воплотить в жизнь нечто, что заставит этот мир вздрогнуть еще раз.

"И это потрясение будет для него последним".

Полковник понимал, что это не громкие слова. Он видел все то, чем обладает Моканди на данный момент. Он сам являлся частью той силы, сплотившейся вокруг этого старика, и он сам

держал в руках некоторые рычаги управления "Брахмана". Не кривя душой, Краско мог сейчас признаться самому себе, что это лучшее, на что он мог рассчитывать в данный момент. Особенно если учесть некоторые детали из его биографии…

— Через четыре дня будет годовщина, — голос Моканди заметно погрустнел. — Семнадцать лет Второй экспедиции. Я не хотел бы приурочить начало наших действий к этому сроку, Антон. Вы знаете, насколько важна эта дата для таких, как мы с Вами.

— Думаю, Вы правы, господин маршал.

— Семнадцать лет назад, — негромко сказал бывший маршал Конфедерации, не отворачиваясь от окна и задумчиво вглядываясь в предгрозовые тучи, плывущие над морем. Наконец, он повернулся к Антону, шагнув в сторону от своего низкого и хрупкого рабочего стола. Стол был пуст — и сама резиденция окончательно опустеет через несколько часов.

Моканди задумчиво смотрел на стоящего перед ним полковника, не спеша усаживаясь в свое кресло и складывая на столе руки.

— Невероятно… Уже прошло семнадцать лет. Вы помните, полковник?

Антон помнил. Он прожил долгую жизнь, и она была наполнена такими событиями, о которых невозможно забыть. Мало кто вообще подозревал, насколько же это тяжело — помнить.

Антон Краско прошел от звонка до звонка всю Вторую экспедицию под командованием Моканди. Целый год в настоящем кошмаре. Жизнь не слишком баловала его и до этого, и последствия большой военной операции, проводимой в течение года, дали о себе знать сразу же после возвращения.

Пьяного в стельку полковника похитили прямо из его же квартиры. Антон в ту пору пребывал в таком состоянии, что даже бывшего маршала он признал с большим трудом и не сразу. Ему потребовалось еще какое-то время, чтобы прийти в себя и отвыкнуть от беспробудного пьянства. Моканди, даже как бывший командир, ни разу не покорил его за это, и теперь Антон часто задавался вопросом: старый маршал понимал, что пришлось пережить Антону, или же сам прошел через нечто подобное?

— Да, прошло много времени, — глухо проговорил Антон.

"Но почему мне все время кажется, что это закончилось только вчера?"

Что закончилось? Операция по поимке и доставке во Фрактал кластера Ткани, который назвали "Принцесса"? Вторая экспедиция? Его посттравматический синдром, переросший в

какую-то иную форму? Пьянство и наркотики?

Антон не знал. Иногда его же судьба казалась ему самому таким хитро запутанным клубком, что уже было не понять, что и когда началось, и что и когда закончилось.

— Хорошо, — тихо проговорил Моканди. — Хорошо, полковник. Вы сделаете это. Но я вижу в Ваших глазах сомнение. И я скажу Вам откровенно, это будет очень опасное задание. Без преувеличений, по сути, я отправляю Вас на смерть. Хотите отказаться? — Моканди участливо склонил голову, понимающе улыбаясь. — Хотите?

— Нет господин маршал. Я справлюсь и вернусь.

— Браво, Антон.

— Но… Каковы наши шансы, господин маршал?

Антон ожидал, что Моканди рассердится на такой вопрос, но тот даже не нахмурился:

— Хотя вы на начало операции будете располагать небольшими силами, у вас будет то, чего не будет у нашего врага. У вас есть внезапность. Ваши шансы выжить могут показаться вам чересчур заниженными, но они будут зависеть только от того, насколько хорошо вы уяснили, что необходимо делать, и как быстро будете действовать Вы и ваши люди.

Моканди улыбнулся:

— Разве Вам не нравится мой план, господин полковник? На примере этой операции я продемонстрирую Вам и другим офицерам "Брахмана", что можно победить крупное и хорошо подготовленное подразделение и сразить их главную базу, используя лишь своего человека в их рядах, несколько отрядов спецназа, наземных автоматизированных машин и транспортных винтокрылов.

Антон молча кивнул на слова маршала, и тот продолжил, слегка кивая в такт своим словами:

— Под Вашим распоряжением будет "Лакшми-5". Они все отличные солдаты.

Моканди отвел глаза, и Антон услышал собственный хриплый голос:

— Ваш человек… он не подведет?.. Ведь если системы обороны не будут блокированы…

— Он не подведет, Антон, — сказал Моканди. — Нет, не поведет.

— Это нападение раскроет нас даже при самом благополучном исходе.

— Конечно. Но мы уже готовы к противостоянию с нашим главным врагом. После этой операции мы станем сильнее, — Моканди все так же печально улыбался. — И нас уже нельзя будет

остановить.

Бывший маршал еще раз бросил пытливый взгляд на стоящего перед ним полковника.

— Вы точно готовы?

— Так точно.

Моканди молчал, глядя в глаза русскому своими блеклыми черными глазами. Антон, глядя на мелкорослого, щуплого старика, пытался понять тайны замысел того, что он собирался сделать.

Бывший маршал медленно кивнул.

— Да, — сказал он, — я вижу. Вы готовы. Операция начнется через шесть часов. Наш агент получит сигнал, которого так ждет все это время… К этому моменту Вы, ваши машины и люди должны уже будете достигнуть Сибири и занять исходные позиции для атаки.

— Зачем мы это сделаем, господин маршал? — тихо спросил Антон. — Я… я могу узнать?

— Вы настроены на победу, и намереваетесь вернуться. Я расскажу Вам все, что я задумал, когда вы закончите с порученным вам заданием. Слово офицера. А потом, через четыре дня, мы выпьем за наших солдат, которые не вернулись с нами домой семнадцать лет назад.

Полковник подавил в себе тяжелый вздох. Судьба вновь предоставила ему выбор, и он его сделал. Снова вернуться в ту сферу деятельности, в которой он пробыл большую часть своей жизни. Какой бы болезненной она не была для него самого, какими бы страшными не были ночные кошмары, и каким бы тяжелым не был дурман наркотиков и алкоголя — он понимал, что не мог поступить иначе.

Краско стиснул кулаки. Прошлое действительно всегда было рядом.

* * *

Новый вечер. Еще было достаточно светло, но плотно зашторенные окна погружали спальню в глубокий сумрак. Если бы не отдаленный и приглушенный шум, доносящийся снаружи, можно было бы вообразить, что уже ночь.

Анна задумчиво и сонно смотрела в потолок, вытянувшись во весь рост, не ощущая, как после непродолжительного сна гудит голова и как замерзает рука, высвобожденная из-под теплого одеяла.

Нащупать сенсор удалось лишь спустя какое-то время.

Переворачиваться на живот, чтобы увидеть мини-пульт "домового" Ане не хотелось, поэтому ее пальцы несколько секунд шарили по теплому покрытию пола рядом с кроватью.

Пульт нашелся, и она нашла пальцем место определенного сенсора. На потолке над ней появились призрачные метки и стрелки голографических часов. Едва шевеля губами, Анна неслышно произнесла высвеченное время.

"Денис скоро уйдет", с грустью подумала она, перекатывая голову по подушке в сторону мужа. Глядя на едва видимые в темноте комнаты очертания его головы, повернутой к стене, она с удовольствием вспомнила сегодняшний день, восхитительные ощущения, будоражащие сознание своей умопомрачающей, теплой волной накатывающего удовольствия. Они провели в постели большую часть времени после обеда, и Аня ничуть не жалела об этом.

— Денис, — прошептала она и коснулась его плеча. Будить его не хотелось, но через сорок с лишним минут ему нужно будет выходить на ночную смену.

"Какая разница, я или будильник? Пусть уж лучше я", решила Аня, поворачиваясь к нему и подкладывая под голову руку.

Он глубоко и тяжело вздохнул, просыпаясь с явной неохотой.

— Решил проспать? — сонно поинтересовалась она, закрывая глаза и улыбаясь. — Как нехорошо. Будешь долго днем спать — голова потом болеть будет, и подумал бы…

Она умолкла на полуслове и широко открыла глаза, когда Денис, быстро повернувшись к ней, обвил ее руками привлекая к себе.

— Эй-эй!.. — она задохнулась, ощутив его сильные руки и горячее тело. — Ну… ты…

Аня широко и довольно улыбнулась, обвивая его руками и обхватывая бедрами.

— Решил прогулять смену? Придется мне сделать взыскание… Мой заместитель не явился на ночное дежурство в "Перстень", как на это посмотрит начальство?.. ой, щекотно!..

— Неужели ты готова написать на меня докладную? — жарко прошептал Денис, уткнувшись носом в ее шею. — Я что, зря здесь отдуваюсь?..

— По-моему ты просто тянешь время. Ценю твои старания, — она сочно чмокнула его, и застыла, упершись лбом в его лоб и глядя прямо в глаза. — Но я бы не хотела, чтобы ты схлопотал замечание и тебя вышвырнули отсюда.

— Ну-у ладно, — Денис разом обмяк, с довольным видом усмехаясь, и неохотно отпуская жену. — Так уж и быть, сегодня без опозданий. Но завтра вечером тебе не отвертеться.

— И не подумаю, — Аня подложила руку под локоть, наблюдая, как он встает и собирает одежду.

— Съездим куда-нибудь завтра вечером?

— Хм, посмотрим. Позвони мне ближе к утру.

— Хорошо, — он улыбнулся ей в сумраке, наклонился и поцеловал ее, — отдыхай, я обо всем позабочусь.

Анна с удовольствием ответила на его поцелуй, провожая взглядом до тех, пор, пока его силуэт не исчез в дверном проеме. Спустя немного времени в сумраке щелкнула дверь ванной и послышался шум льющейся из душа воды. Стараясь погасить проснувшееся вместе с мужем возбуждение, она сомкнула бедра плотнее, закрывая глаза и стараясь думать о чем-нибудь другом.

Кажется, им удалось договориться о ребенке. Анне удалось уговорить его повременить с этим. Денис, кажется, внял ее доводам на этот раз, и Аня с тревогой прикидывала, на сколько его хватит до следующего разговора на эту тему. Она сама была не прочь завести малыша, но глядя на окружающий мир в целом, учитывая развивающиеся в нем события, она чувствовала неподдельный ужас. Она помнила слова, сказанные мужу несколько месяцев назад, еще летом, когда Денис вновь заговорил о ребенке.

"Ребенок? Ребенок… Сейчас? Фрактал надежен, но окружающая его страна, мир — нет. Когда он вырастет, будет ли он благодарен своим родителям за такой подарок — жизнь в разрушенном мире?"

Денис с неохотой признал ее правоту, и лишь спустя какое-то время, уже глубокой осенью, Анна вдруг подумала о том, что она — трусиха и лгунья. Денис не мог взять в толк, что с ней происходит, а замкнувшаяся и погрустневшая Аня думала, неужели она не в силах признать самой себе свою слабость. Ведь он предлагал ей закрыть глаза на то, что творится в мире, на то, как с каждым годом Ткань распространяется по континентам, заражая т преобразовывая в собственную питательную массу все живое. Закрыть глаза на неудачи в "Уаджет", на все время оттягивающийся полномасштабный удар по чужеродному организму, чтобы выжечь проклятую бездушную тварь с лица земли. Забыть про все это и дать новую жизнь, не смотря ни на что.

А она испугалась. Анне удалось выкарабкаться из депрессии только благодаря Денису. Он больше не намекал и начинал говорить о малыше, словно бы поняв причину ее тревоги — просто уделил ей все свое свободное время. Анна помнила все его старания.

"Какой же он замечательный", думала она, сворачиваясь

калачиком под одеялом и проваливаясь в дрему, "как хорошо, что он у меня есть"…

Засыпая, она продолжала улыбаться.

* * *

Виртуальный тренажер еще никогда не допускал ошибок, равно как и не давал поблажек при обучении новичков. Имитация условий враждебной среды, в которой предстояло выжить оперативнику "Уаджет" хотя и была искусственной, но производила впечатление на всех, кто погружался в этот мир пугающих своей реалистичностью иллюзий и призраков.

Тест заключал в себе пять уровней подготовки, от легкого к самому сложному. Каждый уровень наращивал свою "враждебность" по отношению к живым материальным объектам, задача которых заключалась в том, чтобы успешно продержаться отведенные пять минут на каждом из уровней и таким образом завершить испытание.

Настя, одетая в камуфляжные куртку и штаны, заправленные в высокие стойки ботинок, через стекло наблюдала за высокой фигурой в полном снаряжении оперативника "Уаджет", мечущейся внизу, в пустом зале виртуального полигона.

Она здесь уже полгода, и многого добилась лишь благодаря своей выучке. Служба в Форте-4 под Иркутском, равно как и ее звание младшего лейтенанта уже давно позади. Она по-прежнему всего лишь оперативник, но командир второй грани старший ведущий Керчин, почти совсем старик, уже неоднократно отмечал ее способности опытного бойца. Конечно же, Настя еще не учувствовала в настоящем сражении против Ткани за время пребывания в "Уаджет", но данные с полигонов и ее общая характеристика были положительными. Вести о том, что, возможно, через несколько недель ей присвоят звание ведущего, сделав командиром боевого звена из пяти человек, Настя восприняла равнодушно.

Последний набор для восполнения численного состава дался аналитическому отделу с большим трудом. Настя уже убедилась в этом: человек, который сейчас бегал внизу, припадая на колено, падая, вскакивая и тыча во все стороны "романовым-70", был одним из последних, кто был зачислен в прошлом году. Он уже давно застрял на этом месте, не в состоянии преодолеть четвертый, предпоследний уровень сложности уже как вторую неделю. Настя получила указание от Керчина и приказ, подтвержденный и подписанный кем-то из старших

координаторов — проследить за подготовкой новобранца, взяв его на поруки, пока командир не отправил приказ наверх об исключении горе-бойца из "Уаджет" с последующей высылкой из Фрактала.

Настя прекрасно понимала чувства неудачливого новичка. Вылететь из Фрактала не хотел никто вне зависимости от времени, проведенного внутри защищенных стен города и под куполом штаб-квартиры. Она пока что наблюдала, стараясь понять, что он делает не так.

"Какой-то он неуклюжий", думала она, наблюдая за показаниями виртуального тренажера, передающего информацию на пульт оператора, место которого сейчас занимала Настя. О мечущемся внизу человеке она знала немногое. Максим Смирнов из четвертой грани второй колонны, прибыл сюда из процветающего и развитого Владивостока, и было неудивительно, если посмотреть на то, с какой вялостью и неохотой он выполнял свои обязанности. Вскоре выяснилось, что он племянник какого-то министра, и вот здесь-то возникало недоумение. Что здесь делает племянник министра? Не будет ли ему более удобно в сытом и светлом Владивостоке?

"Никуда не годится", Настя откинулась на спинку кресла, скрещивая руки на груди. Показатели на терминале оператора сводились к тому, что Смирнов вот-вот снова провалит свой тест, не продержавшись на третьем уровне три минуты. С плохо скрытой неприязнью она видела, что будущий оперативник не прилагает к собственному "спасению" ни малейших усилий. Настя могла бы подумать, что он просто выдохся и устал, но она точно знала — он не хочет этого делать.

"Воевать ты будешь так же?", подумала она, глядя на скромные потуги новобранца избежать собственной "смерти" в виртуальной зоне.

Через несколько секунд раздался короткий сигнал, свидетельствующий о том, что тест провален уже в пятый раз за эту ночную смену, идущей к завершению. На терминале перед девушкой появилась таблица, на которую начала поступать статистика с "поля боя". Бросив беглый взгляд на данные, Настя поднялась с кресла, покачав головой.

Она спустилась вниз, понимая, что сказать ей нечего. Неудачливый новобранец уже выбрался из зала полигона в подготовительный отсек, и теперь сидел на скамье, тяжело привалившись к стене. Его экипировку и оружие покрывала тонкая сеть черных проводов и ярко-синих бусинок-датчиков, фиксирующих передающих его движения компьютеру, контролирующему виртуальный тренажер. Он уже сбросил с

головы шлем и стянул на плечи эластичный капюшон-маску. Его вытянутое приятное лицо блестело от пота, зачесанные назад светлые прямые волосы слиплись. Максим тяжело дышал, и когда он поднял мутный взгляд на появившуюся перед ним Настю, ей стало жаль его.

Девушка молчала, прислонившись плечом к стене, глядя на него сверху вниз.

— Ну?! — наконец выдохнул он, и в одном этом слове прозвучали и смертельная усталость загнанного человека, раздражение и потаенная злоба.

— Плохо, — тихо сказала Настя. — На этот раз всего лишь две минуты сорок одна секунда. Меньше почти на двадцать секунд, чем в предпоследней попытке.

— Но ведь я старался, — устало пропыхтел он, наклоняясь вперед и упираясь локтями в колени. — Какого хрена?!.. Ваш компьютер неисправен, — уверенно произнес он.

— Компьютер в порядке. Днем по нему успешно прошли подготовку несколько человек из числа новобранцев.

Настя устало вздохнула.

— Вот что. В конце этой недели Керчин подаст рапорт с номером "пять-пять-девять-пять". Знаешь, что обозначает этот номер?

Смирнов поднял на нее глаза. Это простое сочетание цифр знали все, кто пребывал в "Панцире мира" по долгу своей службы.

— Результаты очень плохие. Ты застрял на этом тренажере уже на вторую неделю. Это плохо закончится.

— Ладно, ладно, — пробормотал он, отводя взгляд. У него был задумчивый вид, и Настя ждала, что он решит на этот раз.

— Послушай, Андреева, — он поднялся на ноги и привалился плечом к стене напротив нее.

— Ты ведь уже не первый раз гоняешь молодняк на этот виртуальном тренажере, знаешь, что там и как…

— Ну и?

— Думаю, мы сможем договориться, — сказал он, наклоняясь к ней. — Всего лишь измени результаты показаний тестов.

— Подставить себя? — с усмешкой поинтересовалась Настя. — Не говоря уже о том, что потом от тебя будут зависеть жизни других?..

— Я заплачу хорошие деньги! — с жаром произнес он. — Или хочешь, свожу в какой-нибудь охренительный ресторан?..

— Нет, — она покачала головой.

— Твои условия, — горячо сказал Максим, тряхнув головой.

"Идиот".

— Я ничего не буду менять, — тихо ответила Настя, гладя на

него снизу вверх.

— Сука, — беззлобно проговорил он, отстраняясь. — Еще пожалеешь…

— Валил бы ты обратно, мудила.

Он стиснул зубы, и Настя поняла, что сейчас он ударит ее. В один миг она поняла, кто перед ней, и она испытала короткий и болезненный укол, смешение страха и отвращения.

"Он действительно сделает это", поняла, она, выходя из ступора и стремительно подаваясь назад. Спустя мгновение в стену, там, где только что была ее голова, с глухим стуком врезался кулак в белой толстой перчатке.

Смирнов зашипел от боли, отшатываясь и баюкая руку с отшибленными пальцами.

— Сука, — злобно сказал он. Было видно, что он в бешенстве, и лишь усталость после теста, усиленная этой болью не дает ему продолжить начатое.

— Иди в раздевалку. На сегодня хватит, — сказала она.

"Господи, что за урод", подавляя пробуждающуюся нервную дрожь, Настя направилась в сторону лифтов, чтобы подняться наверх, быть поближе к вменяемым людям. Она не сомневалась — теперь Смирнов подписал свой приговор, и следующий приказ "пять-пять-девять-пять" будет содержать его фамилию. Вовсе не потому, что Настя собиралась докладывать старшему ведущему Керчину о поведении новобранца. Было ясно, что Смирнов не сумеет пройти испытания и будет исключен из числа подготавливаемых в течение ближайших нескольких дней. Она с тревогой подумала, что теперь придется всерьез призадуматься над вопросом собственной безопасности. Такой человек, как этот Смирнов, мог бы под конец своей карьеры устроить ей неприятный сюрприз. Невольно Настя вспомнила Кавелина, мелкорослого оперативника, который прибыл во Фрактал во время предпоследнего набора вместе с ней. Его руки, прикоснувшиеся к ней… С того случая прошло всего лишь полгода, но воспоминания были еще более, чем свежими. Он был пьян, полез ее лапать — и схлопотал по физиономии вполне заслуженно. Настя никогда не испытывала недостатка в мужском внимании даже после своей свадьбы с Сергеем, оставшемся в Иркутске, и поэтому каждый раз болезненно реагировала на подобные выходки.

"Теперь еще и этот…" с отвращением подумала она, непроизвольно бросая взгляд через плечо, и тут же чуть не подпрыгнула от неожиданности и замерла, когда вдруг по коридору прокатился истошный вопль сирены.

— Внимание! Тревога! — твердый мужской голос компьютера

штаб-квартиры был нейтрально спокойным, что никак не вязалось со смыслом сообщения.

— Код "красный"! Дежурным оперативникам — прибыть в брифинг-залы! Всем дежурным координаторам занять свои боевые посты в Центральном Зале Управления! Полная готовность на ангарных уровнях номер: первый, второй, третий, четвертый. Повторяю, код "красный", полная боевая готовность! Дежурным оперативникам — прибыть в брифинг-залы!..

"Опять учения", с тоской подумала Настя, тут же отгоняя от себя эту мысль. Учения — все же лучше, чем общаться подобными типами, как Смирнов. Что-то привлекло ее внимание — внизу, справа, прямо на ее руке. Она опустила взгляд и обомлела: браслет-коммуникатор источал алое пульсирующее свечение. Она знала, что обозначает этот сигнал: полный сбор всех служащих организации "Уаджет", всех, кто находился в штаб-квартире и городе.

Сигнал тревоги не был учебным.

* * *

Транспортные въезды в исполинский купол штаб-квартиры открылись, выпуская из своих недр вытянутые тела тяжелых машин. В мягком сумраке раннего утра их светло-серые корпусы казались темно-синими.

Восьмиосный транспортный вездеход быстро катил по опустевшим улицам города. Стас и остальные оперативники из его грани занимали свои места за рулями одноместных "волкодавов". Упорные стойки шасси полотно крепились к амортизационным консолям в полу, закрепляя машины на своих местах на время быстрого движения вездехода. Оперативники, в полном боевом оснащении, ждали прибытия на место, одновременно с этим проверяя свое снаряжение и амуницию — почти все они покинули "Панцирь мира" в невиданной доселе спешке.

Терминалы, обращенные в их стороны, транслировали прямое включение из штаб-квартиры. Стас мрачно глядел на изображение Левашова, справа от которого выплывали тактические характеристики, карты и схемы. Вместе с этим он старался не обращать на головную боль и легкое головокружение, которые, как пообещали ему медики в штаб-квартире, пройдет в ближайшие минуты. Стимулятор, который был должен привести его в чувство после сна и прибавить сил, пока что давал о себе знать только подобным неприятным образом.

— Тридцать две минуты назад мы подверглись нападению, — говорил старший брифинг-инструктор, — в четыре часа двадцать одну минуту наши системы связи, а так же локальной и глобальной защиты по пока неизвестным причинам дали критический сбой. Вместе с ними были выведены из строя заправочные модули обеспечения штаб-квартиры, навигационные узлы и диспетчерские залы, полностью парализовав наши основные силы наземной и воздушной техники. Спустя семь секунд мы потеряли связь со всеми тремя базами военных, расположенными на севере-востоке, северо-западе и юге. После этого несколько неизвестных боевых единиц тяжелой техники атаковали восточные окраины Фрактала. На данный момент наши защитные серверы атакованы неизвестным противником, но их программы-вирусы пока не могут взломать основное информационное ядро. Судя по всему источник, откуда производится взлом, и откуда гасятся все наши сигналы и маяки штаб-квартиры находится совсем рядом с Фракталом, очевидно, это передвижное средство. Пока наши специалисты будут устранять угрозу атаки на базу данных, мобильные силы должны контратаковать противника и уничтожить его и источник угрозы. Помните: сейчас наши сигналы бедствия никто не слышит, мы остались без поддержки техники, и нам никто не поможет, в то самое время, как действовать необходимо быстро — устранение источника-"глушителя" и хакера снимет значительную часть опасности взлома основного ядра. Мы не должны допустить взлом ни в коем случае!.. Справиться с этим мы должны своими силами.

Терминалы погасли.

— Внимание, — ожил наушник под плотной маской, и Стас узнал голос своего командира Вяземского.

— Мы прибываем к точке сброса. Полная готовность! Задача третьей колонны: присоединится к силам четвертой, уничтожить врага. Оказать содействие силам милиции, проводящим эвакуацию, врачам и пожарным. Ждать разрешения проблем с блокировкой наших машин в ангарах штаб-квартиры и их прибытия на место столкновения!..

Стас поправил ремень винтовки за плечом и взялся обеими руками за руль "волкодава". Этот бой будет первым для него после длительного пребывания на полигонах и стрельбищах, и его первым боем на стороне "Уаджет". Врагом здесь была не Ткань.

— Внимание!

Транспортер качнуло, и он остановился. С сигналами сенсоров амортизационные консоли высвобождали "волкодавов",

мгновенно повисающих в полуметре от решетчатого пола на мощной воздушной подушке. Стас еще крепче стиснул рукояти своего мотоцикла, когда его плавно слегка качнуло вниз, и он повис на небольшой высоте работающего на "холостом ходу" "волкодаве". В транспортном отсеке раздался повторяющийся надрывный сигнал тревоги, и двустворчатые люки перед "волкодавами" открылись, давая возможность оперативникам покинуть нутро машины.

— Вперед!

"Волкодавы" прыснули во все стороны, слетая по пологой дуге из окон транспортных отсеков и благополучно упруго "приземляясь" подушкой на поверхность тротуаров улиц Фрактала. Стас был одним из первых, кто, вынырнув из вездехода-транспортера, бросил свою машину вперед и в сторону, освобождая место для других.

Восточная часть города была залита светом пожарищ. Из-за крыш жилых домов к еще черному небу поднимались высокая, яркая оранжевая зарница. Сквозь заунывный вой работающих двигателей множества "волкодавов" был слышен гул огня, редкие взрывы и стрекот автоматического оружия. Стас быстро огляделся: транспортер высадил их на пустынной, широкой улице. Дома здесь не жались друг к другу, и через просветы между зданиями лился оранжевый зловещий свет. Окна домов были погружены во мрак — видимо, здесь была повреждена подземная линия электроснабжения.

— Звено один и два — направо! Три и четыре — налево! Пять и шесть — вперед!

Стас повернул свой мотоцикл вслед за ускользающими в сумрак другими оперативниками из третьего и четвертого звеньев, к последнему из которых и был приписан сам Кавелин. Судя по обстановке, царящей в точке "высадки", четвертая колонна которая несла боевое дежурство в эту ночь, прибыла на место вторжение неизвестного противника самой первой. Она приняла на себя основной удар, и им уже здорово досталось — если, конечно, судить по полыхающим пожарам.

— Первоначальное количество целей — двадцать огнеметных танков "Тарантул-143", — вводил в курс дела Вяземский, пока оперативники высадившегося взвода следовали к точкам соприкосновения с противником или собственными силами.

— Ребята из четвертой колонны сумели поразить пока что четыре из них. Судя по тому, как действуют "Тарантулы", эти машины с искусственным интеллектом.

"Огнеметные танки… Понятно, откуда столько пожаров".

Стас слышал о танках серии "Тарантул" и даже видел их в

действии, когда служил в вооруженных силах. Танки с серийным номером "сто сорок три" — старая разработка, да и сами танки были среднего типа, без усиленной брони и вооружения. Однако вместе с этим он замиранием сердца подумал, что даже и нескольких таких "Тарантулов" способны без особых затруднений уничтожить легковооруженную пехоту на значительном расстоянии. К тому же, все танки этой серии были экранированы от поражения электромагнитным импульсом. Без поддержки своей воздушной техники, или хотя бы ракетных трайков "велоцерапторов", справиться с огнеметными машинами противника будет тяжело.

О заменяющих экипаж системах искусственного интеллекта он слышал раньше тоже. Но столкнуться в бою с подобным противником ему придется впервые. Стас хорошо помнил, с какой скоростью, силой и мощью подобный танк выдыхает тридцатиметровую струю огня.

"Сегодня нам будет весело", с пробуждающимся страхом думал он, глядя на дорогу через окуляры наводки, закрепленные на передней части тяжелого шлема. Пока что закрываться эластичным капюшоном-маской, и полностью переходить на все вспомогательные системы своего боевого скафандра было необязательно, да и приказа не поступало.

Умный прибор отслеживал и передавал на мини-экран перед глазами все информационные данные. Связанные общей сетью, эти приборы могли опознавать и других оперативников, двигающихся на "Волкодавах" рядом, определяя их имена, звания и вооружение. Во время боя эти же приборы наводки должны так же четко и ясно отличать врага от друга…

В нос ударил запах гари и дыма, когда их звенья миновали перекресток и свернули в сторону полыхающего огня. На фоне этой живой стены, встающей впереди, Стас увидел развороченное жилое здание, брошенные в спешке "волкодавы" оперативников четвертой колонны — об этом подсказали те же компьютеризированные окуляры. В стороне Стас заметил несколько бегущих в сторону фигурок оперативников, по показаниям приборов шлема, принадлежащих другому подразделению. На тротуаре стояли несколько машин скорой помощи, их маячки светили слишком блекло и слабо в этом оранжевом мареве. Вокруг было полно людей, самых разных, не имеющих к происходящему вокруг хаосу никакого отношения — гражданских и медиков. Они отбрасывали огромные, чудовищные в своих формах тени.

— Спешились! — коротко скомандовали командиры третьего и четвертого звеньев. Оперативники останавливали свои

мотоциклов, сбрасывая мощность движков до нуля, и "волкодавы" быстро и плавно опускались на дорожное покрытие прямо посреди изуродованной улицы, ярко освещенной огнем пожаров.

Упорные шасси с громким цокотом уперлись в дорожное покрытие, и Стас быстро, как его учили на многочисленных занятиях, спрыгнул в сторону от мгновенно ставшего уязвимым "волкодава". Повинуясь командам своих ведущих, они бросились вперед, готовя оружие к бою. Судя по громкому шипению и лязгу, одна из их целей была где-то совсем рядом.

* * *

Немногочисленная охрана вспомогательного аналитического центра "Перстень" была поднята по тревоге. Связи с "Панцирем мира" и с базами вооруженных сил охранения не было, но огромное оранжевое марево, поднимающееся из-за сопок со стороны Фрактала, отдаленны гул и раскаты взрывов не могли не встревожить начальника дежурной смены. Спустя пять минут, заместитель начальника Денис Ковалев и командир эшелона охраны приняли решение отправить в штаб-квартиру легкий винтокрыл для выяснения обстоятельств.

Когда черный аппарат, похожий на древний зазубренный наконечник копья, с сытым урчанием поднялся в морозный воздух и набрал достаточную высоту, пилот передал картинку с наружной камеры наблюдения винтокрыла на голографические экраны пультов управления "Перстня".

Через несколько секунд, проведенных в полном молчании, Денис Ковалев и командир охраны переглянулись. На призрачных экранах был виден Фрактал, своей почти что идеальной круглой формой и обилием огней похожий на праздничный торт. Восточные окраины этого "торта" были охвачены огнем, который уже на значительное расстояние проник за черту города.

Начальник комплекса, старший координатор Анна Ковалева, могла бы гордиться своим заместителем, по совместительству мужем. Пилот получил команду "отбой" на следование в штаб-квартиру — руководящие в эту ночь посты быстро сообразили, что сейчас там не до них. Судя по трансляции с кружащего над центром винтокрыла, центр города и "Панцирь мира" не пострадали и теперь, пока связь не будет восстановлена, нужно было сидеть на месте и не дергаться, следя лишь за тем, чтобы не попасть под раздачу и не потерять важнейший комплекс.

"Перстень", работа которого была жизненно важна для штаб-квартиры и "Уаджет" в целом, находился на значительном

удалении от города. Комплекс располагался в низине, в окружении высоких заснеженных сопок и огни Фрактала, расположенного в нескольких километрах отсюда не были видны. Добраться сюда из города за короткий срок можно было лишь только воздухом.

Спустя пять минут дежурные ответственные лица пришли к выводу, что сделали все, что было в их силах на данный момент. У всех входов и выходов были размещены небольшие группы охранников. Системы внутренней и внешней защиты были переведены из стандартного "желтого" в "красный". Основной и вспомогательные радары центра были развернуты, и сейчас большая часть внимания персонала, дежурившего за пультами управления, была направлена именно на них. Теперь операторы ждали сюрпризов, которые могут свалиться в любой момент и из любого направления извне.

Стоящие у центрального выхода из комплекса двое часовых, в дутых синтетических камуфляжах с бронежилетами и теплыми капюшонами-масками на лицах, тревожно вглядывались в оранжевое зарево, ярко и четко очерчивающее пологую вершину сопки и деревья на ее склоне. Охранники нервно сжимали винтовки, вглядываясь в темноту своими окулярами со встроенными приборами ночного видения и тепловизорами. Даже они, не имеющие доступ к изображению с камеры кружащего где-то вверху винтокрыла, понимали, что стряслось нечто грандиозное, нечто непредвиденное и непонятное. Это незнание пугало их.

Прошло какое-то время, и дверь, которую они охраняли, открылась. Человек в камуфляже охранника, с закрытым маской лицом и надвинутыми на глаза окулярами, ничего не сказав часовым, бросился бежать прочь.

— Эй ты!.. — окликнул его один из охранников. Бегущий не отозвался. Он держал в руках винтовку, и направление и скорость, с которой он двигался, явно говорили о том, что этот охранник покидает свой пост.

— А ну-ка стой! — нерешительно окликнул его второй.

Неизвестный вздрогнул, сбавив темп бега, но не остановился. Охранники хорошо видели, как бегущий не ловко скособочась, и не прекращая движения вынул что-то из бокового кармана.

Спустя мгновение мощный взрыв потряс весь комплекс. Охранники, потрясенные и оглушенные, замешкались, в то самое время, как убегающий бросил в снег пульт дистанционного управления. Обернувшись, человек вскинул винтовку, срезав охранников двумя точными и короткими очередями. Уже не задерживаясь и не глядя, как содрогающийся от взрывов комплекс

с грохотом исторгает в черное небо обломки и яркие клубы огня, перехватил винтовку и бросился бежать прочь.

По "Перстню" прокатилась серия чудовищных взрывов. Казалось, сама низина, в которой располагалась вспомогательная база штаб-квартиры, зашлась в страшных конвульсиях. Яркий свет от поднимающихся в воздух султанов огня залил все сопки, четко вычертив длинные, неподвижные тени промерзших деревьев и одну, суматошно убегающую все дальше и дальше, спасающейся от силы, выпущенной ей же на свободу и теперь разрушающей комплекс.

Лучше всего все это было видно пилоту винтокрыла с высоты ста пятидесяти метров. Взрывная волна хорошенько тряхнула воздушный аппарат, и уже спустя несколько секунд после того, как внизу разлилось огненное облако, пилоту, стискивающему потными ладонями штурвал и тщетно пытающемуся успокоить бешенное сердцебиение, было понятно, что уцелеть внизу не мог никто.

* * *

Танк "Таратнтул-143" был вовсе не был похож на упомянутое насекомое. В нем было что-то больше скорее от жука: те же приземистые формы, плоский и покатый "панцирь", и эта странная, непредсказуемая манера двигаться в бою. Особенно опасными казались сведенные впереди "рога", направленные друг перед другом. Небольшой конус, растущий из лобовой брони и нацеленный прямо промеж этих "жвал" таил в себе смертельную угрозу. Казалось, будто этот танк был здесь совсем один, беспомощной мишенью в глазах нескольких десятков человек, залегших на разных расстояниях и с замиранием сердца ждущих, в какую сторону повернет свою смертоносную морду и "жвала" чужой монстр…

Некоторые так и попались. Действовали открыто и быстро. Теперь от них остались обугленные останки и оплавившаяся амуниция.

Настя наблюдала, как вражеская машина возится, пытаясь преодолеть завал из обрушившихся стен дома, не выдержавшего несколько залпов мощных, огненных потоков. Все вокруг на целый квартал было завалено пылающими обломками, и ночь во Фрактале приобрела сочный оранжевый свет пожаров. Треска автоматического оружия почти не было слышно — сегодня это оружие было бесполезно. Были слышны лишь гудение и рокот пламени, хруст и шуршание подминаемых под плоские траки

автоматизированных танков обломков, лязганье и приглушенное ворчание реакторов. Встроенный в шлем термометр выводил на мини-монитор показания температуры воздуха — двадцать градусов по Цельсию. Январь во Фрактале в этот раз выдался жарким.

Настя думала о том, что искусственный интеллект этого "Тарантула" видит и ее, и второго автоматчика, и еще одного бойца, обязанного сейчас выполнить самое главное — выстрел по врагу. Машина "видела" маленький расчет своими чуткими датчиками, но не поворачивалась в их сторону передней частью. Видимо, рядом были мишени, которым танк присваивал больший приоритет в уничтожении.

"Быть может, эта их тактика — усыпить нашу бдительность, чтобы мы подобрались поближе в открытую?"

За полчаса боя колонне, к которой была причислена Настя, удалось уничтожить двух "тарантулов" на этом участке. Броня этих небольших, маневренных танков на деле оказалась слабоватой для многофункциональных переносных ракетных комплексов "Раскат-9".

Здесь были и свои сложности. Оперативников, вооруженных подобными комплексами было совсем немного — по пятнадцать на каждую колонну, состоящую из трехсот человек. Чтобы атаковать шустрый и непредсказуемый танк, нужно было бить в покатые борта. Не только потому, что там слабее броня — стрелять в лоб было смертельно опасно, и Настя уже убедилась в этом. Искусственный интеллект, противостоящий живым людям, был в несколько раз быстрее и предусмотрительней. Более того, электроника этих кибертанков успешно противостояла наводке выпущенных даже в упор ракет, часто избегая поражения. Псевдо-экипаж превращал танк в непредсказуемое животное. Он словно бы предвидел, в какой момент и откуда появятся следующий расчет, обходящий двигающуюся вперед машину. Настя уже видела, как погибли две группы, отправленные в обход одного из танков, медленно продвигающихся в этот район все глубже и глубже. Шансы остановить эту волну без дальнейших потерь были только лишь у быстрых танков "Гиена" и ракетных трайков "Велоцираптор", которые были у "Уаджет". Сообщение о том, что специалисты штаб-квартиры смогли разрешить проблему с блокировкой наземных сил было получено минуту назад, но пока они прибудут сюда, "Тарантулы" успеют наворотить дел на окраинах города.

"Они не спешат атаковать штаб-квартиру".

И это казалось странным. Кем бы ни был их противник, его действия здесь казались лишенными смысла. Сравнять целый

город с землей двумя десятками огнеметных танков было невозможно, и здесь могло лишь возникнуть предположение, что танковый клин, уничтоживший к этому времени целый квартал, должен выиграть время для успешного взлома серверов штаб-квартиры.

"Кто же хочет выкрасть секреты "Уаджет"?"

Неожиданно "Тарантул", подозрительно долго преодолевающий небольшой завал, замер и с натуженным воем сервоприводов начал разворот в сторону маленького отряда из трех человек, замершего за руинами в десятке метров. Настя вздрогнула, и сердце сжалось от мгновенно очнувшегося страха.

Оперативник с противотанковым комплексом среагировал вовремя. Он поспешно вскочил на одно колено, вскидывая на плечо тяжелую, короткую и громоздкую трубу "Раската" и Настя увидела, как на большом экране перед лицом оперативника пыхнуло синее, четкое изображение вражеской машины и надпись "цель захвачена". Через секунд у из обеих концов трубы комплекса вырвались языки пламени, и белая змея, оставившая за собой плотную мантию грязно-серого дыма, ударила по "Тарантулу" в упор.

Настя инстинктивно пригнулась, когда грянул взрыв. Земля под ней сотряслась от короткой жуткой конвульсии.

— Готов! Готов выродок!.. — звонко выкрикнул второй стрелок. Настя услышала торопливые шаги бегущего человека, и, подняв лицо, вгляделась вперед мутным взглядом напрочь оглушенного человека.

"Тарантул" не двигался. Вражеская машина была изуродована прямым попаданием: передняя часть брони была проломлена, из рваных дыр курился едкий синий дымок, и оттуда сыпали яркие искры. Настя подумала о том, что бы было с экипажем, будь он внутри, и ее замутило.

Она начала была подниматься на ноги, как стена ближайшего дома дрогнула и осыпалась. Из проема полыхнул огненный шар, отсвечивая каким-то отвратительно влажным блеском на броне низкого "Тарантула" резво вываливающегося из дыры.

— Сюда! — взвизгнул стрелок, вскидывая винтовку и нажимая на спуск. Его "романов" дал длинную очередь, пули горохом отлетали от брони танка, но дремлющий внутри машины холодный разум не отреагировал. Стальные чудовища, подобно живым людям, тоже могли учиться и правильно расставлять приоритеты.

Убежать или увернуться от танка, двигающегося с достаточно высокой скоростью оказалось невозможным. Настя в оцепенении смотрела, как "Тарантул" с холодной последовательностью

преследующий заметавшегося на открытом месте оперативника с "Раскатом-9", неотрывно двигаясь за ним и стремительно сокращая расстояние, в конце концов сшиб и подмял под себя человека. Оперативник с "Раскатом-9", выпустивший свою последнюю ракету, теперь надежно окопался за своим укрытием, и Настя поняла, что рассчитывать на его помощь не придется. В танк дали несколько коротких очередей из нескольких мест, даже с противоположного конца улицы. "Тарантул" нерешительно заерзал на месте, выбирая одну цель из нескольких, и наконец, с рокотом выпустил по пологой дуге огромную огненную струю. Настя, нашаривая в эластичном подсумке гранаты, в завороженном от боли отупении смотрела, как огненная дуга ушла в оранжевый сумрак, где и пыхнуло и развернулось неясное огненное облако. В наушнике переговорного устройства к несмолкающим командам и докладам прибавились треск помех, вопли паники и боли.

Танк начал разворачиваться в сторону затаившейся за обломком стены Насти, когда вынырнувшая из марева белая змея вильнула влево, потом вправо, потом ушла вверх, и уже оттуда, словно бы опомнившись, ударила вниз. Заворожено следящая за ее полетом Настя увидела, как наводящаяся на цель ракета влипла в развороченное покрытие дороги прямо перед "Тарантулом". Взрыв, произошедший в нескольких метрах от нее, опрокинул женщину в белый свет и поглотившее все звуки мерзкое монотонный писк.

Она очнулась, лежа на спине. Глядя в черное небо над Фракталом, она скосила глаза на таймер, отсчитывающий время в левом нижнем углу изображения, поступающего с плотно подсоединенных к глазам окуляров. Прошла всего лишь минута. По внутренней связи ее вызывал Керчин:

-..Андреева, ответь! Цела?

"Что, если меня изуродовало?"

Эта мысль заставила ее шевелиться, чтобы развеять нарастающий ужас. Боли не было, кроме раскалывающейся головы, в которой не утихали монотонный гул и пищание. Ее тело по-прежнему слушалось ее…

Она вскрикнула от боли, попробовав пошевелить ногой. Закусив губу, Настя села, крепко зажмурившись, и пребывая в этом бордовом мраке, слушала, как колотится сердце.

"Давай же… Глупо сидеть здесь. Ты на открытом месте, нужно быстрее убедиться, что все в порядке… Убедиться что все в порядке. Все в порядке…"

Настя открыла глаза.

Правая нога была придавлена огромным куском от обломка

стены, за которым она скрывалась. Боль и ощущение веса небольшого, но увесистого обломка были слабы, но это пугало лишь еще сильнее. Должно быть, этот кусок весит десятка два килограмм. Она сумеет освободить себя, но продолжать бой?..

— Меня ранило. Придавило ногу, — сипло сказала она в микрофон, вновь закрывая глаза и видя перед собой кровавые жутковатые амебы.

"Еще легко отделалась"…

Донесшийся до ее слуха лязг заставил ее вздрогнуть.

Настя подняла глаза на изувеченный и покореженный танк, который с жутким скрежетом разворачивался к ней. Его лобовая броня была проломлена в нескольких местах, его огнемет поврежден взрывом. Если он попробует выстрелить сейчас, то может взорваться сам.

Интеллект, видимо, знал и подобной возможности, и не хотел рисковать. Поврежденный танк с лязгом траков начал надвигаться на нее.

Настя замерла на месте. Окружающий мир теперь сузился для нее в узкую полосу пространства, разделяющую ее и надвигающуюся машину. Не спуская взгляда с надвигающейся смерти, Настя дрожащей рукой нашаривала гранаты, выпавшие из рук в тот момент, когда в "Тарантул" угодила ракета. Она не могла оторвать взгляда от медленно проворачивающихся в ее сторону широких траков танка.

Бросок был опасным. Она рисковала скорее убить себя, чем "разуть" танк, разбив осколками гранаты сочленения его гусениц с правой стороны. Трехметровый столб горячей черной крошки разбитого покрытия трассы взметнулся вверх, не причинив никакого вреда танку, обдав и машину и женщину отвратительной вонью и мелкой пылью.

"Это конец", подумала она, чувствуя, что задыхается под плотной маской-капюшоном, прижимая к груди оставшуюся гранату.

"Дурацкие игрушки, в чем их толк, если они бесполезны!.. Глупо, но это лучше, что погибнуть просто так. Быть может, удастся подбить его?.."

Из надвигающегося "Тарантула" во все стороны брызнули искры, и Настя невольно сжалась, закрывая и так защищенное эластичной маской лицо руками. Справа донесся треск штурмовой винтовки. Всхлипнув, Настя бросила взгляд туда: на полусогнутых ногах, припав к оружию, оперативник опустошал магазин в броню "тарантула". Умная электроника шлема, которой было безразлично психическое и физическое состояния оперативника, тут же вывело Насте коротенькую сноску —

"Кавелин С. Ю. 3 зв. 3гр. 2форм".

Танк замер, когда до беззащитного человека оставалась пара метров. Что-то сработало в мозгу стального монстра, и "Тарантул" повернул к своему обидчику. Искусственный интеллект пришел к выводу, что двигающийся вооруженный объект гораздо опасней.

Настя, прислушиваясь к стрекоту оружия и лязгу стали, напрягая последние силы отбросила с ноги проклятый обломок и откинулась на спину. Земля под ней мелко дрожала, и эта дрожь передалась и ей. Она не видела, как Стас из подоспевшего на выручку третьего взвода отвел подбитый танк в сторону от нее, к линии огня стрелков из своей группы, и смутно ощутила всколыхнувший горячий воздух разрыв, с которым "Тарантул" был подбит окончательно. Задыхаясь в тесной маске, она дрожала от страха. Насте хотелось сжаться в клубок, но боль в отшибленной ноге не давала ей это сделать.

— Андреева! — вновь грянул голос Керчина. В эфире тут же послышались голоса оперативников.

— Здорово сработали. Всем спасибо!..

— Ох ты, чуть ее не раскатал!..

— Разговоры!

— Ты как? — спросил ее по связи спокойный голос Стаса. Он тяжело и хрипло дышал.

Настя молчала, крепко зажмурившись и глотая слезы страха и боли.

— Третья грань! Вернуться к "волкодавам"! Источник помех определен, выдвигаемся немедленно! Выполнять!!

* * *

Пребывавший в относительной безопасности источник всех проблем располагался в нескольких километрах восточнее Фрактала, среди чернеющих в предрассветных сумерках елей. Он пребывал в окружении зловещей тишины, нарушаемой лишь тихим посвистом холодного ветерка, подхватывающего и несущего мелкую снежную крупу и далекими, едва слышными звуками идущего боя.

Боевой четырехколесный вездеход "Рысь" был такой же старой разработкой, как и огнеметные "Тарантулы", действующие сейчас на передовой. Он не обладал ни хорошей броней, ни огневой мощью. Большая скорость и высокая проходимость — главные достоинства этой одноместной машины, предназначенной для ведения разведки и подавления радаров врага. Антон уже убедился в этих отменных качествах "Рыси" еще во время Второй

экспедиции.

Полковник, облаченный в темный комбинезон водителя-механика, полулежал в своем кресле управления, наблюдая за развитием событий. Перед ним располагались несколько терминалов, на которые поступала информация в виде емких сообщений и изображений с камер боевиков и танков с искусственным интеллектом вместо живых экипажей. Мощная аппаратура, которой был напичкан этот вездеход, исправно выполняла свою работу, медленно, но верно подбираясь все ближе и ближе к заветной цели. Антон испытывал пробуждение очень странного триумфа, ощущение близящейся победы. Он не был силен в технике, которая сейчас вела невидимую для него борьбу с противником, и поэтому слабо представлял себе общую картину. Но Антон понимал факты, умел делать правильные выводы и принимать верные решения — этого было достаточно, чтобы выполнять свою работу.

Операция продолжалась уже почти час. За это время удалось сделать многое. Только сейчас Антон понимал, что Моканди был прав.

"Уаджет" можно уничтожить и такими мизерными силами".

Все системы обороны и связи были парализованы, и город, раскинувшийся где-то там, впереди, был отрезан от остального мира. Полковник видел багровый зловещий отсвет от пожаров на мониторе, транслируемого в круглую кабину водителя с наружной камеры "Рыси". Хотя ход операции осуществлялся в точности по плану, он испытывал некоторое нервное напряжение.

На другом терминале, отображающим ход борьбы вируса с противостоящей ему защитой, медленно таяли минуты. Антон с раздражением смотрел на цифры, обозначающие, как скоро системы врага потерпят поражение, и главное информационное ядро штаб-квартиры останется беззащитным. Как только это случится, вирус сбросит копию банка данных на носитель "Рыси" и уничтожит все данные "Уаджет". Это будет полной победой.

Антон перевел хмурый взгляд на другой терминал, на котором отображались данные, полученные в ходе прямого нападения на Фрактал. Кибертанки выходили из строя один за другим. Оперативники действовали быстро, оправдывая свое название, однако, Краско ожидал большего от противника.

"Кажется, Моканди сильно переоценил силы "Уаджет" как полноценного боевого подразделения".

Так это, или нет, он об этом скоро узнает. Когда он заполучит ценный приз, данные информационного ядра штаб-квартиры, у него в руках будут все секреты "Уаджет". Пока что сражение шло так, как и предсказывал Моканди. Почти все "Тарантулы" уже

были уничтожены, выполнив свою главную задачу — они являлись всего лишь прикрытием, которое должно было лишь задержать большую часть мобильных войск врага за чертой города.

Антон с раздражением думал и о том, что где-то поблизости кружат с полудюжины транспортных винтокрылов. Они доставили его и взвод "Лакшми-5" сюда, и они же должны будут и забрать их отсюда по завершении операции. Заодно прихватив человека Моканди… Антон не знал своего соотечественника, пошедшего на такой решительный шаг как предательство, но теперь, когда уничтожение "Перстня" было подтверждено, он невольно ощущал уважение к этому диверсанту. Мысль о том, что транспорты могут подбить, вызывала у него сильное беспокойство, граничащее с легким страхом. Потеря воздушных машин будет означать поражение.

"У них есть чем стрелять по ним, но без своих радаров и при отключенных системах обороны они не опасны", успокаивал он себя. Свое нервное состояние он списывал на то, что уже отвык находиться в экстремальных ситуациях. Чтобы отвлечься от дурных мыслей, полковник сосредоточился на ходе операции по захвату "Принцессы".

"Лакшми-5" уже атаковал "Стагирит-2", и сейчас внимание полковника было заострено именно на этом.

Краско молча следил за картинками на терминалах, поступающих с нашлемных камер боевиков. Если у них получится похитить "Принцессу", взломать базу данных "Уаджет" и при этом быстро исчезнуть так же, как и появились — это будет самая успешная боевая операция полковника за всю его жизнь.

Он помнил захват этого "блуждающего" кластера Ткани, как сейчас. Тогда он был двадцатилетним сопляком, младшим лейтенантом, только что прошедшего ускоренный курс пси-обучения. Именно его подразделение уничтожило защитные организмы кластера. Тогда, от оперативной группы численностью в девяносто человек, среди которых были и люди Краско, уцелела лишь треть. Он прекрасно понимал, почему в последний момент поступил приказ не уничтожать этот сталагмит отвратительной полупрозрачной, мутно-белой плоти, покрытый густым белесым мхом. Краско был одним из тех, кто сопровождал этот опасный груз на "Стагирит-2" — сам факт захвата и транспортировки живого кластера Ткани был засекречен от других стран Конфедерации. Позже, Антон и остальные выжившие были награждены и повышены в званиях.

"Зачем Моканди эта мерзость? Что он собирается сделать при помощи этого кластера?"

Полковник, задумчиво следящий за изображениями на большом терминале справа, транслируемых с камер на шлемах спецгруппы "Лакшми-5", нетерпеливо ждал завершения основной фазы операции. Его вездеход был на значительном удалении, хорошо экранирован, и вычислить его месторасположение было очень трудно. Несмотря на это, ему не терпелось убраться отсюда и вернуться на базу, чтобы узнать ответы на интересующие его вопросы. Нервно потерев подбородок, он бросил взгляд на отсчитывающий последние минуты таймер в углу одного из мониторов. До окончательного взлома базы данных "Уаджет" осталось менее десяти минут.

* * *

На открытом месте "волкодавы" двигались быстро и, наверное, почти беззвучно. Стасу было трудно судить об этом — он был за рулем одного из мотоциклов, и ему казалось, что только он один порождает вокруг себя чудовищный шум. Эта иллюзия была вызвана только пронзительно свистящим встречным ветром.

Их было много. В штабе каким-то образом смогли выяснить месторасположение источника, с которого производился взлом базы данных и блокировка связи и всех оборонительных систем Фрактала и "Панциря мира", и теперь к этой точке были брошены все свободные подразделения. Звенья различных граней, уже смешавшиеся между собой, волнами выскальзывали из пылающих восточных окраин Фрактала, ныряя в сумрак занесенной снегом тайги. Следом спешили скоростные трайки.

Близилось утро, и тьма отступала. Снег в округе был уже отчетливо виден, в расступающихся сумерках он казался темно-сиреневым. Стас и остальные оперативники сноровисто лавировали между припорошенных снегом елей, мешающих разогнаться на полную силу. Через окуляры своего шлема Стас видел всплывающие имена и подразделения оперативников, двигавшихся рядом с ним к заветной цели. Судя по этим "подсказкам" здесь были бойцы из третьей, четвертой и второй граней, но, вероятно, это было еще не все.

— У нас новая проблема: научно-исследовательский комплекс "Стагирит-2" атакован неизвестными. Вторая колонна займется ими…

Стас прибавил ходу. Он не мог понять логику действий их неизвестного противника, но сейчас это было и не нужно. Его задача — выполнять приказы. Анализировать и сопоставлять

будут в "Панцире мира".

В эфир вновь ворвался хрипящий от ярости голос Васильева:

-..Что за херня?! "Перстень" уничтожен!..

"Перстень?"

Стас сразу же вспомнил Аню Ковалеву, и его сердце мучительно сжалось.

"Она была там, внутри?.. Или же нет?"

— Цель обнаружена, — сказал кто-то из оперативников, двигающихся в самой первой волне, впереди Стаса и остальных. Стас вздрогнул, вновь сосредотачиваясь на происходящих вокруг событиях. Он увидел противника только спустя несколько секунд после первого доклада об обнаружении цели.

Вражеский вездеход, оставляя за собой плотный шлейф плавно оседающего снега, спасался бегством. Было видно, что его радар слишком поздно обнаружил сигналы стремительно приближающихся оперативников. Кто бы ни находился внутри небольшого корпуса-капсулы вездехода, он не собирался сдаваться просто так. Машина уходила от своих преследователей на полной мощности, но было ясно, что быстрые "волкодавы" очень скоро настигнут его.

— Цель определена, — произнес Вяземский, — подтверждаю уничтожение. Всем в стороны, пропустить "Велоцирапторы".

Легкие трайки постепенно догоняли свою цель, и стрелки, продолжая преследование, уступили им дорогу. Двигаться в таком снегу им было нелегко, но сейчас выручала мощная тяга движков этих небольших машин. Стас успел бросить косой взгляд в сторону, слыша утробный рев двигателя "Велоцираптора", и увидеть обтекаемый корпус машины, своей формой похожей на чечевицу. Трайк с шумом вспарывал наст широкими колесами на высоких стойках шасси, отваливая в стороны целые промерзшие пласты снега.

— Внимание, цель активирует системы вооружения!

— Огонь!

Ракетная установка "Велоцираптора" зашлась в серии отрывистых гавкающих выстрелов, пуская вперед легкие неуправляемые ракеты. Стас судорожно вцепившись в руль, непроизвольно вильнул в сторону, спасаясь от этого источника шума и света, вспыхивающего каждый раз, когда трайк пускал следующую ракету. Впереди ярко полыхнули взрывы, вздымая вверх столбы снега и обломки.

Подбитая "Рысь" вынырнула из облака огня и дыма и тут же клюнула носом в снег, безобразно закувыркавшись дальше. Стас и остальным оперативникам пришлось быстро сбрасывать скорость, чтобы не проскочить мимо.

— Цель поражена! — выкрикнул из наушника голос Вяземского, и его голос звучал в диссонанс вместе с командирами других взводов, так же передающих этот короткий доклад координаторам штаб-квартиры и команды своим подчиненным.

— Цель поражена, повторяю, цель поражена! Не стрелять! Никому не стрелять!..

Два десятка "волкодавов" теперь не спеша кружили вокруг обезображенного вездехода. Опрокинутая на бок "Рысь" горела, пуская в черное звездное небо густой, лениво клубящийся дым.

— Спешиться.

Стас застопорил свой "волкодав", и опорные шасси мотоцикла с сочным громким хрустом глубоко провалились в снег. Держа оружие наготове, он побежал вперед, проваливаясь еще глубже. Оперативники сужали кольцо.

Люк на крыше капсулы управления "Рыси" дрогнул и открылся. Из открывшегося проема тяжело вывалился Краско.

— Внимание, никому не стрелять, — скороговоркой выпалил новую команду Вяземский.

Стас смотрел на залитое кровью лицо грузного человека, прижавшегося спиной к броне своей машины и утонувшего по колено в снегу. Он тяжело дышал, и затравленно озирался, слепо шаря взглядом вокруг.

Когда полковник выбирался из "Рыси", он и вправду ничего не видел. Отчасти из-за темноты, отчасти из-за того, что после бешенного кувыркания внутри вездехода в голове все смешалось и гудело, и перед глазами теперь плыли радужные пятна. И сейчас зрение подводило его. Он мог полагаться только на слух и интуицию. За минуту до того, как его "Рысь" была подбита, полковник видел изображение с кормовой камеры — его преследователей было много. И сейчас слух и интуиция подсказывали ему, что в этих густых сумерках, помимо холодного ветерка есть кто-то еще.

"Я не вернусь".

Полковник достал из кобуры пистолет, и он почувствовал, как насторожились все те, кто сейчас скрывался в сумерках. Из этой темноты до него донесся глухой негромкий голос:

— Вы окружены. Бросьте оружие.

Краско молчал. Он чувствовал лишь обжигающий холод, тяжесть оружия в руке и тупую боль в разбитой голове, а во рту — вкус крови.

Полковник закрыл глаза, и время для него стремительно потекло назад. Вот он в кабинете Моканди, смотрит на океан. Вот он знакомится с другими офицерами "Брахмана". Он в бреду и ему плохо после какого-то нового наркотика. Он получает

награду за участие во Второй экспедиции. Он в бою где-то в Европе, бесконечный жуткий кошмар, длящийся целый год…

— Брось оружие! Считаю до трех! Раз!

Он испытывал страх и был готов выпустить из замерзших пальцев оружие. Подавить свое сомнение полковник сумел лишь мыслью о том, что его положение безнадежно. Своим провалом он подвел Моканди, но если сдастся в плен — это будет предательством. И хотя полковник не знает его планов, он не намерен предавать человека, с которым он прошел через настоящий ад и который вытащил его из жуткой бездны наркотического забытья. Окружавшие его люди служили совсем другим силам, тем самым, которым противопоставлял себя Моканди. Антон понял это и прочувствовал в полной мере только сейчас. Холодный ужас полностью овладел им.

— Два! — донеслось из сумрака.

Краско не стал больше ждать. Быстро подняв оружие, он сунул холодный ствол пистолета в рот и нажал на курок.

* * *

Пущенная ракета попала точно в цель и "Тарантул" вздрогнул, окутавшись клубами огня. Свирепо брызнув во все стороны мелкими обломками, танк с развороченным правым боком прокатился еще несколько метров и окончательно остановился только лишь после трех попыток продолжать свое движение, словно бы уже убитое, но еще не осознавшее это создание.

Две фигуры в светлых скафандрах не спешили покидать свое укрытие, находясь справа от уничтоженной вражеской машины.

— Отличный выстрел, — Костя посмотрел на ракетчика, опускающего с плеча "Раскат", и окинул взглядом открывающийся из их убежища вид.

— Светличев — старшему ведущему, — сказал он в микрофон. — Цель поражена. Возвращаемся к точке сбора три-девять, прием.

— Понял тебя, Светличев. Подтверждаю возвращение к точке сбора три-девять.

Стрелок и ракетчик подобрались к этому танку по открытой местности, следуя короткими перебежками от горящих руин разрушенных домов и остовов машин, сгоревших на обочинах. Эту часть Фрактала было не узнать, и Костя невольно подумал о том, что теперь кое-кто выложит огромную сумму денег, чтобы восстановить два почти что полностью разрушенных квартала города. Костя быстро осмотрел местность, не снимая маски-капюшона и используя для обзора окуляры. Электроника молчала, не выдавая никаких двигающихся неопознанных объектов. Вместо этого вокруг было полно своих. Костя не видел их в этом жарком оранжевом мареве, но на окулярах отображались многочисленные опознавательные сигналы оперативников из второй и первой грани второй колонны. Никто из них не спешил покидать своих укрытий, опасаясь, что это еще не все. Судя по коротким докладам координаторов из штаба, оставались последние два "Тарантула", и ими сейчас занимались оперативники первой грани. Вид объятых огнем невысоких строений, раньше бывшими удобными и относительно комфортабельными домами, навевал какую-то дурную тоску. Костя понимал, в чем дело: он и его брат служили в "Уаджет" уже почти год, и за эти месяцы они свыклись с тем, что Фрактал стал их новым домом. Учитывая, каким безопасным и надежным все это время казался город, было неудивительно, что вместе с

грустью Костя чувствовал и глубокое разочарование.

"Наша крепость оказалась не готовой к такому натиску".

Костя догадывался, что здесь что-то не так. Первоначально угроза пришла не извне, она поразила системы защиты Фрактала снаружи.

— Возвращаемся, — негромко сказал Костя, вновь посмотрев на изувеченный танк.

— Все чисто? — недоверчиво спросил ракетчик.

— Да. Пошли.

Костя выпрямился и побежал прочь из этого оранжевого пекла. Судя по шагам, ракетчик последовал за ним. Костя бежал медленно, понимая, что уже нуждается в хорошем отдыхе.

Они выбрались из горячих руин, еще держащих на себе тот страшный жар, который и породил их. Стрелок и ракетчик достигли ровного дорожного покрытия. Им навстречу спешили несколько милиционеров, за которыми двигалась низкая пожарная машина.

"Только вас тут не хватало", с раздражением подумал Костя, но увидев появившиеся справа от машины фигуры оперативников из второй колонны, успокоился. В штабе виднее, кого и куда направлять, и если в этом районе появились гражданские, то значит, здесь относительно безопасно.

Костя обернулся на залитые огнем пожаров руины нескольких домов. Где-то там еще ползают еще два танка, которые явно не отступят, не смотря на такие потери. Искусственному интеллекту все равно — он выполняет свою задачу до последнего, и это означало, что оперативникам первой грани предстояло закончить общую работу всех подразделений "Уаджет", чтобы спасти город как можно быстрее.

"Надеюсь, в штабе не ошибаются".

Ожил наушник, и вместе с ним на мини-экране перед глазами, в правом верхнем углу появилось схематическое изображение района боевых действий, на котором вспыхнула белая точка.

— Внимание, второй и третьей грани второй колонны, перегруппироваться, срочный сбор в указанной точке, повторяю, второй и третьей грани второй колонны — перегруппироваться, сбор в указанной точке.

— Все слышали? — следом за докладчиком из штаба в эфире раздался голос старшего ведущего Мокшина, командира второй грани. — Пошли, пошли!!

Самого Мокшина Костя не видел. Оперативники второй колонны были рассеяны по этому району, и теперь, судя по всему, им предстояло встретиться в назначенной точке сбора. Приказ

шел по общему каналу связи из "Панциря мира", и срочность подобного маневра говорила о том, что двум граням — а это почти сто оперативников — предстояло выполнить какую-то иную задачу.

"Так-так", подумал Костя, перехватывая штурмовую винтовку поудобнее и бегом направляясь в сторону, где так и не узнанный им старший координатор из штаба обозначил место для сбора. Ориентироваться по прозрачной мини-карте было просто, и Костя мысленно похвалил разработчиков боевого скафандра оперативников, значительно облегчающем жизнь в столь неблагоприятных условиях.

"Стало быть, мы нашли что-то более интересное, чем танки…"

Счетчик на мини-карте показывал, что место встречи находится чуть в стороне от разрушенного района, на открытой площади. До нее было не более семидесяти метров, и Костя, как и другие оперативники, преодолели это расстояние быстро.

Им оставалось пересечь внутренний двор, чтобы через арку выбежать на площадь, когда до слуха донесся приглушенный стрекот винтов. Костя на бегу задрал голову и перед тем, как нырнуть в кромешную темноту арки, через окуляры увидел четыре транспортных винтокрыла, идущих на снижение. Эти воздушные машины прибыли со стороны штаб-квартиры, но Костя подумал, что эти винтокрылы, как и несколько вездеходов, лишь по счастливой случайности не попали в ловушку в виде полной блокировки в собственных ангарах, как это случилось с остальной боевой техникой "Уаджет".

— Внимание, всем бойцам! — заговорил старший ведущий Мокшин. Он был где-то здесь, среди нескольких десятков оперативников, пока что жмущихся у стен домов и смотрящих на первый транспорт, идущий на посадку. Костя нашел командира — электроника окуляров услужливо подчеркнула личные данные над одним из оперативников, которые в своих скафандрах с опущенными капюшонами-масками были похожи друг на друга, как капли воды.

— У нас новое задание. "Стагирит-2" атакован неизвестными. Судя по всему, научно-исследовательский комплекс и является их главной целью. Штаб поручает второй и третьей грани немедленно прибыть на место и уничтожить противника.

Первый винтокрыл выпустил шасси и приземлился. Стрекот пары винтов был негромким, но воздушные потоки, отходящие от транспорта, были необычайно мощными. С обеих сторон летательного аппарата опустились широкие пандусы, и оперативники, по команде Мокшина разбившись на звенья, начали посадку.

Костя был в числе оперативников из первого звена, и именно им предстояло отправиться к комплексу первыми. Инстинктивно пригибаясь, он побежал навстречу воздушному потоку, думая о том, что эти транспорты, предназначенные для быстрой доставки небольших групп бойцов на место столкновения, хотя и имеет хорошую броню, при этом почти не способны дать отпор. Пару пулеметов и огнемет можно было не считать.

"Что, если у врага будут не только огнеметные танки, но и что-нибудь против воздушных машин?"

Костя подцепил пальцами клапаны и поднял маску, которая сложилась на его плечах подобно капюшону. И тут же он еще раз убедился, насколько они зависимы от умной электроники боевого скафандра: без окуляров Косте показалось, будто он погрузился в кромешную тьму. Он нервно поправил наушник с микрофоном, усаживаясь на скамью.

"Без прикрытия с воздуха мы будем идеальной мишенью", мрачно подумал Костя. В сумраке белели человеческие силуэты, быстро занимающие скамьи вдоль борта.

— Мы будем первой группой десанта из четырех, — говорил Мокшин, и его голос, слышимый в транспортном отсеке со стороны кабины пилота неприятно дублировался в наушнике.

— Пока мы не имеем поддержки от штаба в виде боевых винтокрылов и самолетов. Наша главная задача уничтожить противника внутри "Стагирит-2".

Люки-пандусы начали подниматься, и шум винтов стал сильнее. Костя ощутил, как винтокрыл оторвался от земли и взмыл вверх. Надсадный шум винтов затих, только когда пандусы встали на свое место, закрыв выходы в уже набравшей высоту машине.

"Кто бы там ни был, будем надеется, что они не заметят наше появление".

Костя подумал о брате. По большому счету Диме сегодня повезло: он был водителем вездехода, одним из многих, которые до сих пор не могли покинуть заблокированные дальние гаражи штаб-квартиры. Должно быть, очень скоро специалисты решат проблему блокировки транспорта, и работа для него и для огромного количества других водителей боевых машин и пилотов боевых самолетов "Уаджет" начнется, если у неизвестного врага вновь будут сюрпризы.

— "Стагирит-2" был атакован неизвестными пятнадцать минут назад, — вновь ожил передатчик. Судя по голосу, это был все тот же старший координатор из "Панциря", объявивший сбор сил второй колонны для десанта.

— Сменный начальник охранного подразделения

"Стагирит-2" докладывает, что научно-исследовательский комплекс атакован неизвестными, по приблизительным оценкам их более тридцати человек. У них на вооружении штурмовые винтовки "Итачи-2390" и "Калашников-200", в их распоряжении современные средства связи и защиты, так же спецсредства для ведения боя класса "Меркурий".

Костя понимал, что это значит. Комплекс атакован высадившейся группой диверсантов в боевых скафандрах с элементами хорошей брони, оснащенные как настоящее воинское подразделение. Нечего было и говорить, что атака на Фрактал танками с искусственным интеллектом оказалась лишь отвлекающим маневром, который идеально сработал.

— Приближаемся, — раздался голос пилота. — Высадка через минуту.

— Приготовились! — Мокшин опустил на лицо маску, перехватывая "романов". Оперативники поднялись со своих мест, натягивая на лица эластичные маски с окулярами и проверяя свое вооружение. Костя бросил взгляд в цифровое табло на "романове": там тускло горели красным светом цифра "150". За все время ночного боя он так ни разу не выстрелил, в отличие от оперативников, вооруженных комплексами "Раскат". Кажется, сейчас у него и других будет возможность восполнить этот пробел, допущенный за всю ночное сражение.

"Ведь мы будем стрелять по людям", вдруг подумал Костя и почувствовал, как внутри все похолодело. Да, ему уже приходилось убивать и раньше, но почему-то сейчас осознание предстоящих убийств других людей, скрывающихся в глубине "Стагирита-2" подействовало на него удручающе.

Шум винтов перерос в оглушительный рев, и на стоящих возле люков оперативников ударили воздушные потоки ветра, когда пандусы начали вновь опускаться. Под днищем раздался знакомый глухой звук: снижающийся винтокрыл благополучно достиг посадочной площадки комплекса и выпустил лапы-шасси.

Костя поднял винтовку, прижимая приклад к груди и привалившись плечом к стенке в паре метров от открывающегося проема люка.

— Вперед! — Мокшин бросился вниз по уже почти что опустившемуся пандусу, и остальные последовали за ним. Костя спрыгнул с пандуса на посадочную площадку, до которой оставалось полтора метров. Они очутились на открытом продуваемом всеми ветрами месте, выдвижной посадочной площадке, раньше служащей для легких пассажирских винтокрылов. На ней с трудом смог бы разместиться такой транспорт, на котором сейчас сюда прибыли оперативники. Костя

бегло окинул взором возвышающийся перед ним конус "Стагирита-2", и обернувшись увидел Фрактал. Редкие в этот беспокойный ранний час ночные огни города были тусклыми искрами на фоне яркого оранжевого марева, поглотившего восточные окраины. Посадочная площадка находилась на высоте трех десятков метров над землей, и вход в комплекс был только один. Оперативники бегом бросились в широкий проем открытого ангара. Перед тем как шагнуть внутрь комплекса, Костя бросил быстрый взгляд вверх, в зимнее ночное небо. В этой зияющей темно-синей бездне ярко мерцали звезды, и мысль о том, что где-то рядом скрывается вражеский транспорт, доставивший сюда диверсантов, заставила Костю крепче стиснуть рукоять и цевье винтовки.

"Где же наши самолеты?"

Торопливые шаги большого количества людей были почти не слышны из-за особого покрытия подошв высоких светлых ботинок скафандров, и поэтому сейчас было прекрасно слышны редкие звуки боя, идущего где-то неподалеку. Костя отчетливо слышал треск коротких автоматных очередей и одиночные выстрелы пистолетов.

— Мокшин — штабу, первое звено прибыло, второе на подходе, — говорил Мокшин по связи. — Приступаем к выполнению задачи.

Оперативники вскинули винтовки, передвигаясь короткими перебежками на полусогнутых ногах, держась ближе у стен, начав продвижение вглубь коридоров научно-исследовательского комплекса. Основное освещение было вырублено, и пока было неясно, выключили ли его нападавшие или защищающиеся. Системы наведения и опознавания в компьютеризированных окулярах напрочь игнорировали густой темно-красный свет аварийного освещения, автоматически преобразуя перед глазами картинку в удобоваримом для человеческого глаза виде "ночного зрения".

Пока было тихо, и навстречу им никто не попадался. Комплекс хоть и был большим, но Костя почему-то сомневался, что здесь было много охраны. Редкие выстрелы, докатывались до оперативников гулким раскатистым эхом по пустым коридорам и залам.

Оперативники, двигавшиеся в авангарде, вышли на открытое пространство. Коридор, ведущий от ангарных помещений, выходил на большой просторный зал, служащий перекрестком для четырех направлений. Судя по указателям на стенах, рядом располагались лабораторные блоки и генераторные. Оперативники не выходили в центр зала, двигаясь вдоль стен.

— Разделиться на звенья, — прозвучала в наушнике команда Мокшина. — Ищем уцелевших, быстро и тихо. Ждем подхода остальных.

— Ведущая Станевич — старшему ведущему, — зазвучал в эфире молодой женский голос. — Звенья с пятое по десятое прибыли на место, прием.

"Так", подумал Костя, прижимаясь эластичной маской к прикладу и глядя в прицел в дальнюю стену коридора, прикрывая остальных оперативников своего звена.

"Значит, второй транспорт прибыл, и вторая грань полностью здесь".

Оставались еще два винтокрыла, которые должны были доставить сюда человеческий груз. Судя по распоряжениям Мокшина, он не собирался тянуть время и ждать прибытия остальных сил десанта "Уаджет", рассчитывая на серьезные действия лишь после объединения звеньев первой грани.

"Что за исследования велись здесь? Мы изучали здесь Ткань? Мимезис?"

Костя в числе десяти оперативников первого звена скользнул в узкий коридор. Здесь они, разбившись на пары, стали проверять помещения, одно за другим открывая двери и выискивая тех, кто скрывался здесь.

Костя кивнул своему напарнику, давая понять, что готов открыть створку. Оперативник вскинул винтовку, и Костя открыл дверь. В сумраке что-то шевельнулось, и оба оперативника замерли, держа на прицеле сжавшуюся у стены фигуру женщины в белом комбинезоне. Она замерла и напряглась, сжавшись в клубок у кресла и компьютерного стола.

— Первое звено, у нас один выживший, — проговорил в микрофон оперативник, и Костя, опуская ствол винтовки, всмотрелся в лицо женщины. На ее правой щеке краснела внушительных размеров царапина, видимая даже с такого расстояния. Ее взгляд слепо блуждал, и он понял, что в сумраке она не видит их.

— Все нормально, мы свои, — сказал Костя. — С вами все в порядке?

— А… Да, я в порядке, — глухо ответила она прерывающимся голосом. Держась за стену, она начала подниматься на ноги.

— Назовите себя, — сказал Костя.

— Федорова… доктор биохимических наук.

— Что произошло? Только кратко.

— При-имерно полчаса назад… На нас напали. Произошел взрыв в секции А на шестом уровне.

— Где это?

— Это… Самый верхний уровень.

Она говорила сбивчиво и несколько заторможено. Ее можно было понять — доктор пережила натуральный шок, и, кажется, до сих пор пребывала в нем.

Неожиданно ее зрачки расширились, и на лице отобразился неподдельный ужас:

— Остановите их, нельзя допустить чтобы они попали туда!..

Она умолкла, словно бы осекшись. Костя почувствовал страх, глядя на ее лицо, в один момент из заторможено-усталого ставшего почти что безумным.

"Нельзя, чтобы попали "куда"? Что прячется внутри этого сооружения?"

— Спокойно, спокойно… — проговорил Костя. — Мы как раз и собираемся это сделать…

По рации одним за другим шли доклады от других звеньев, прочесывающих ближайшие блоки. Здесь, неподалеку от ангаров кроме Федоровой, укрылись еще несколько человек.

Мокшин думал. Костя понимал это, так как командир некоторое время не отдавал распоряжений, слушая доклады о зачищенных помещениях, обнаруженных ученых и членов обслуживающего персонала, а так же рапорт о высадке третьей группы десанта.

— Ладно, слушаем все, — наконец сказал он. — Движемся наверх, входим в контакт с врагом. Убить всех, кто сопротивляется, постараемся захватить пленных. Пошли!

Оперативники, больше не теряя времени, бросились вглубь комплекса на уже совсем редкие звуки боя. Основная часть высадившихся десантников уже объединилась и перегруппировалась, и теперь оперативники быстро двигались вперед, зачищая один зал за другим, рассеиваясь по блокам и вновь объединяясь.

Их не ждали. Неизвестные в черных легких скафандрах уже не надеялись встретить достойный отпор со стороны охраны "Стагирита-2", большая часть которой к этому времени уже была перебита. Оставшиеся в живых охранники отступили. Костя и остальные видели тела убитых по мере приближения к блоку, где засели неизвестные. Здесь все было перевернуто вверх дном. Судя по гуляющему внутри помещений на седьмом уровне ветерку, показаниям влажности и термометра, комплекс был вскрыт снаружи несколькими зарядами взрывчатки. Неизвестные пришли за секретами "Уаджет" — это было ясно как день — но Костя не знал, что было важнее для них: информационное ядро штаб-квартиры, или же то, что скрывали эти стены?

"Их нельзя пустить туда", раз за разом мысленно Костя

повторял слова доктора Федоровой, до тех пор, пока десант и диверсанты не столкнулись в одном из залов.

Затрещали "романовы", и эфир наполнился короткими докладами о вступлении в огневой контакт с врагом. В мерцающих вспышках выстрелов Костя видел мечущиеся фигуры на противоположной части зала, где они натолкнулись на незваных "гостей". Кажется, те вовсе не собирались вступать в ожесточенную перестрелку с оперативниками, которых было больше, и теперь они собирались быстренько закончить все свои дела, задержав оперативников именно здесь. Неизвестные боевики огрызнулись несколькими очередями, и Костя увидел, как повалились несколько оперативников, скошенные пулями.

Он быстро пригнулся, спрятавшись за внушительных размеров компьютерной панелью, когда где-то впереди прогремела серия взрывов. Пол под ногами заходил ходуном, и температура на седьмом уровне значительно понизилась.

"Что они делают?!"

Грохот и гул утих, вместе с ними стихла и стрельба. Костя быстро и осторожно выглянул из-за угла, но электроника окуляров не опознала присутствие врага.

— Ну, что встали? — крикнул Мокшин. — Вперед, не дайте им уйти!..

Оперативники выдвинулись в ту сторону, куда только что ушли боевики. Они миновали несколько неподвижно лежащих на полу солдат противника, застывших в быстро растущих лужах темной крови, чтобы со всеми предосторожностями войти внутрь широкого коридора.

"Седьмой блок", прочитал Костя на стене.

Здесь царил такой же бардак. Диверсанты не преследовали цель уничтожить этот объект целиком, ограничившись именно этим уровнем. Компьютерные панели и терминалы были разбиты, на стенах отчетливо виднелись пулевые отверстия. Здесь трупов было больше — как и охраны "Стагирита-2", так и научных сотрудников. Боевики исчезли, не оставив после себя даже противопехотных мин-ловушек.

— Торопятся, суки, — пробормотал Мокшин.

Послышался надрывный стрекот винтов воздушной машины, и когда оперативники ворвались с оружием наизготовку в очередной зал, их шум перешел в оглушительный рев. Вражеский винтокрыл набирал скорость и высоту, заставив гулять по нескольким объединенным между собой помещениям сильный ветер.

Костя окинул взглядом пульты и терминалы, которые боевики по каким-то причинам не тронули. Здесь вообще был

относительный порядок, если не считать большой рваной дыры в потолке в одной из странных комнат, одна из стен которой была представлена большим окном. Толстое стекло несло на себе несколько круглых отметин, оставленных очередью из автоматического оружия, однако попытка диверсантов таким образом разбить его не увенчалась успехом. За изуродованным стеклом Костя увидел голые белоснежные стены и постамент, прямо над которым в потолке зияла дыра, через которую было видно ночное небо. Пол странной комнаты был завален мелкими и крупными обломками.

— Никому ничего не трогать! — предупредил старший ведущий.

— Внимание, вражеский винтокрыл набирает скорость! — донеслось по общей линии связи. — Приблизительно через минуту включит форсаж!..

— Поздравляю, мальчики и девочки, мы опоздали, — с сарказмом сказал Мокшин, прибавив смачное ругательство.

"Да уж, у этих сволочей все получилось", Костя отвернулся от окна, "теперь у нас начнутся настоящие проблемы".

* * *

Главный Зал Управления, находящийся под надежной защитой исполинского купола штаб-квартиры, был залит белым светом. Святая святых всей организации производила впечатление величественного, но лишенного всякого пафоса помещения. Большой круглый зал с множеством терминалов и пультами контроля для операторов, и небольшим возвышением, с высоким креслом и большой панелью терминала для главнокомандующего производило впечатление на любого, кто впервые попадал сюда.

Компьютеры Главного Зала Управления штаб-квартиры быстро обрабатывали и предоставляли двум десяткам операторам информацию обо всем, что происходило во Фрактале и на окраинах города. Старшие координаторы в своих черных мундирах с красными погонами занимали свои места за аппаратурой, отвечавшей за связь с подразделениями, поднятыми по тревоге.

Главнокомандующий организации "Уаджет", генерал-лейтенант Анатолий Кириченко пребывал в скверном расположении духа. Его черный мундир, сияющий золотом аксельбантов и кровавой окантовкой погон, был расстегнут до середины груди, жесткие светлые волосы словно бы стояли дыбом

от плохо сдерживаемой ярости, под скулами гуляли желваки. Он со злобой смотрел на свой терминал, куда поступали данные общего отчета работающих операторов. Сообщение о том, что последний "Тарантул" был уничтожен, пришло получено только что, но это известие никак не повлияло на настроение Кириченко. Слева от него, заложив руки за спину, с безразличным лицом стоял начальник безопасности штаб-квартиры, высокий и худой человек в черном деловом костюме. Еще двое безопасников стояли у выхода из зала. Эти трое были сегодня необычными гостями Зала, но того требовали некоторые вскрывшиеся детали произошедшего в уже уничтоженном комплексе "Перстень". В кресле справа от кафедры главнокомандующего сидел Левашов. Вид у брифинг-инструктора был усталый.

И главнокомандующий, и брифинг-инструктор смотрели на изображение, транслируемое на основной экран, напротив кресла Кириченко. На подрагивающей картинке в темных и светлых зеленых тонах прибора ночного видения без труда угадывались очертания тела человека, косо привалившегося спиной к опрокинутому на бок вездеходу. На броне над неподвижно сидящим в снегу человеком была большая черная клякса и узкий темный след, ведущий по заиндевелой стали вниз к голове неизвестного. Машина жарко пылала — взрыв произошел внутри вездехода спустя несколько секунд после смерти неизвестного водителя. Рвущийся к светлеющему небу язык пламени ярко освещал все вокруг.

— Похоже на систему уничтожения, — сказал хриплый голос за кадром.

— Привязка на "пульс"?

— Да, похоже на то. Боюсь, ничего не выйдет… Бесполезно, там все выгорело.

— Жаль, — сказал Левашов, невозмутимо глядя на экран. — Я бы многое отдал, чтобы взглянуть на информационные носители этой "Рыси"…

— Что еще за привязка на "пульс"? — главнокомандующий поморщился.

— Удобная штука, — пояснил Левашов. — Обычный браслет на руке водителя. Система самоуничтожения машины срабатывает в момент смерти.

— Что там с научным комплексом? — спросил Кириченко, и один из операторов немедленно отозвался:

— Уцелел, товарищ главнокомандующий. Неизвестная штурмовая группа скрылась, похитив ячейку с "Принцессой". Прибывшие к комплексу силы второй колонны опоздали на несколько минут. Транспорт с похитителями скрылся, наши

радары не видят их.

— Невероятно… — пробормотал старший брифинг-инструктор, подаваясь вперед. — Как им это удалось?

— Они взорвали потолок в хранилище. Их транспорт вытащил капсулу с кластером через дыру. В ячейке располагался маяк, но сейчас он глушится, мы не можем выяснить месторасположение "Принцессы".

— Мягко говоря, мы сели в калошу, это стоит признать, — глухо проговорил черный от злости Кириченко. — Видимо, наши "гости" не знали, что в этом же комплексе находится главная лаборатория по производству капсульных пуль с "мимезисом"… Мне страшно представить, что было бы, уничтожь они комплекс целиком!..

— Да, нам пришлось бы совсем плохо, — согласился Левашов. — Возможно, они бы и разворотили "Стагирит-2", и мне кажется, что оперативники из второй колонны подоспели вовремя. Они спугнули штурмующих. Жаль, не взяли в плен ни одного из диверсантов.

— Сколько диверсантов убито? — нетерпеливо спросил Кириченко.

— Семеро, товарищ главнокомандующий, — отозвался один из операторов. — Их тела и амуниция скоро будут доставлены в штаб-квартиру.

— Внимание, мы готовы к пробному запуску всех оборонительных систем через пять минут, — громко сказал кто-то из старших координаторов. — Повторяю, мы готовы к пробному запуску!..

— Старший ведущий Новикова докладывает о приближении многочисленных воздушных объектов с мест базирования вооруженных сил.

— Кисилев, гад, — Кириченко крепко стиснул кулаки, подумав о генерале, под командованием которого были оборонительные базы Вооруженных сил, располагавшиеся вокруг Фрактала.

— Долго чесался. Мог бы и сразу сообразить, что здесь происходит!..

— Ладно, ладно, Анатолий Сергеевич, — спокойно произнес Левашов. — Они и вправду долго провозились, но все же это не его вина.

Главнокомандующий "Уаджет" глубоко вздохнул и выдохнул, прежде чем продолжить уже более спокойным тоном:

— Вначале отключение всех систем обороны и блокировка нашей техники. И я поверить не могу, что это сделал этот ублюдок! Потом попытка взлома информационного ядра.

Нападение на Фрактал. Уничтожение "Перстня". Похищение "Принцессы", — Кириченко побарабанил пальцами по подлокотнику. — Ну и кто же это был? Хорошенькое утро, твою мать.

— Думаю, мы скоро все выясним, — сказал Левашов. — У нас есть за что зацепиться…

Прозрачные двустворчатые двери открылись и в зал вошла Анна. Главу уже несуществующего отдела шатало, словно пьяную.

— Анна, — глухо сказал Анатолий, глядя на нее сверху вниз. — Не могу назвать это утро добрым. Ты уже в курсе?

Аня оторвала от лица дрожащие ладони, показывая заплаканное лицо.

— Денис… Я… — глухо произнесла она, и ее голос прозвучал спокойно и твердо. — Денис… — она всхлипнула.

— Он жив, — безразлично сказал Кириченко.

— Что?!

Она встрепенулась, как от удара, ошеломленно глядя на возвышающегося на ней главнокомандующего.

— Но ведь… Центр… Он был там!..

— Да, да. Все так. Но он жив.

Кириченко не стал дожидаться, пока до нее дойдет сказанное, и пока первые признаки счастья вернутся на ее лицо. Он кивнул долговязому и худому человеку в черном костюме. Тот кивнул в ответ и сделал знак своим подчиненным, шагая навстречу женщине. Специалисты службы безопасности встали у нее за спиной.

— Денис Ковалев арестован по подозрению в шпионаже и совершении диверсии.

— Что? — слабо проговорила Аня, вздрогнув и слепо глядя на стоящего перед ней начальника безопасности "Панциря мира".

— Вы так же задержаны, по подозрению в соучастии. Сдайте оружие, ЛИН и пропуск.

Аня перевела взгляд с него на Кириченко, который уселся обратно в свое кресло. На нее он не смотрел, словно бы старшего координатора Ковалевой здесь и не было.

— Как… как такое может быть?

— Денис Ковалев был замечен двигающимся на северо-восток от руин "Перстня", — сказал начальник безопасности, — Навстречу ему двигался транспорт без опознавательных знаков. Винтокрыл был сбит, Ковалев задержан. Не мешайте нам, пожалуйста. Ваше оружие и пропуск.

Аня, по прежнему глядя только на безразлично смотрящего на свой терминал Кириченко, двигаясь, словно сомнамбула, отдала требуемое. В этом зале сейчас на нее смотрели только

безопасники — с настороженным вниманием, и Левашов — с мрачным сочувствием.

— Спасибо. Пройдемте.

— Бедная девочка. Кажется, Ковалев сейчас наша единственная зацепка, — сказал брифинг-инструктор, глядя, как уводят Аню.

— Бедные мы, черт, — зло процедил Кириченко. — Ее муженек, проклятый выродок — кто бы мог подумать!.. Додуматься до такого… Отключить всю нашу оборону и взорвать "Перстень"… Ур-род, — свирепо выдохнул он.

— Для нее это будет большим ударом, — сказал Левашов. — Вначале быть уверенной, что ее муж погиб. Оказалось, что он жив, но скоро до нее дойдет, что он — предатель.

— Да, теперь это наш единственный шанс узнать, кто это взялся за нас, — Кириченко бросил косой взгляд на брифинг-инструктора. — Выжмите из Ковалева все, что у него там плещется вместо мозгов.

Главнокомандующий понимал, почему он так злится и нервничает. С огромным трудом им удалось отстоять информационное ядро "Уаджет" и Фрактал, и за время короткого сражения было немало моментов, которые могли оказаться решающими. Этот бой закончился, но для Кириченко проблемы только начинались. И дело было вовсе не в том, что теперь во много, много раз прибавилось работы — теперь ему предстояла очень важная и очень неприятная встреча, и сам генерал-лейтенант, каждый раз, когда видел этих людей, испытывал омерзительно глубокое чувство собственного бессилия.

Главнокомандующий должен был приготовить отчет для экстренного совещания с создателями "Уаджет".

* * *

Стас, сидящий на удобном диване в широком коридоре, мрачно щурился на солнце, ослепительно светящее через большое панорамное окно. В руке он держал открытую банку с прохладительным напитком, уже давно согревшимся в ладони. После атаки на Фрактал прошло восемь часов, и за это время ему удалось перекусить и немного поспать. Здесь, в штаб-квартире, теперь было предостаточно народу, но он пока никому не мешал. Все в "Панцире мира" были заняты сбором и анализом информации, полученной во время и после короткого сражения. Расследование, которое должно было раскрыть тех, кто совершил диверсию, уже шло полным ходом.

Стас не хотел думать ни о чем, и ему не хотелось идти домой. Он искренне считал, что отставшие от него и остальных оперативников до поры до времени командиры, и свободный отдых для всех, кто принял участие в отражении нападения сегодняшним утром — это замечательно. Стас не хотел мучить себя бессмысленными вопросами, и задавать их кому-либо еще. Он понимал, что сейчас никому нет дела, и все станет известно позже. Сейчас Стас ощущал себя измотанным и усталым.

Пока что он знал, что их грань потеряла восемь человек убитыми, и пятерым пока что предстояло надолго задержаться в госпитале штаб-квартиры. Многим достались легкие ранения, но самому Стасу повезло: ни одной царапины. Это было удивительным, учитывая, что он, как и многие, сегодня утром имел все шансы угодить под струю огня "Тарантула".

Рядом с ним кто-то сел, и он вздрогнул, выходя из дремы и плавного течения собственных мыслей. Он с некоторым недоумением уставился на оказавшуюся рядом Андрееву. На какой-то миг он подумал, что она словно бы материализовалась рядом из воздуха.

— Привет, — тихо сказала она, не глядя на него и так же сонно щурясь от яркого солнечного света.

— А… привет, — хрипло проговорил он, несколько обескураженный ее появлением и тем, что она заговорила с ним. После глупой пьяной выходки Стаса они не общались, и с того случая до этого момента прошло уже шесть месяцев.

— Как ты?

— Все нормально, — она спокойно улыбнулась. — Просто ушиб. Уже все в порядке.

— Повезло, — кивнул Стас, и тут же почувствовал на себе теплый взгляд ее серых глаз, но так и не ответил на него, испугавшись, что смутится ее и будет выглядеть идиотом.

— Если бы не ты, меня раскатали в лепешку. Спасибо.

— Не за что.

— Ты так говоришь… — она нервно усмехнулась, присаживаясь рядом. — Так говоришь, как будто каждый день проделывал нечто подобное.

— Нет. Я испугался.

— Все равно спасибо. Есть какие-нибудь новости?

— Никто ничего не говорит. Наш командир, Вяземский… Сегодня за обедом он сказал мне, что у нас большие потери. Кто бы ни напал на нас, он застал нас врасплох.

— Скоро у нас будут трудные деньки.

— Похоже на то. Уверен, нас заставят разгребать все это.

Они помолчали, сидя в пустом коридоре залитым

солнечными лучами, каждый думая о своем. Стас почувствовал, что, услышав ее голос сегодня, ее извинение, то было бы неплохо извиниться и ему. Это решение, появившееся в его уме так неожиданно для него самого, быстро вызрело, и Стас, обращаясь к ней, сказал все просто и без каких-либо колебаний:

— Настя?

— М?

— Извини за тот случай.

Она тихонько рассмеялась, и Стас смущенно улыбнулся.

— У меня есть муж, — просто сказала она. — Поэтому не смогла бы ответить тебе взаимностью, даже веди ты себя в тот раз чуть поприличней.

Стас почувствовал болезненный укол, и тут же мысленно рассмеялся над собственной детской наивностью и непосредственностью. Ну да, у нее есть муж. Такая красивая молодая женщина не может быть одинокой, особенно в такое время.

— Нет, я ведь серьезно…

— Принято. Ты не такой уж плохой парень, Стас.

— Спасибо. Я…

Он запнулся. Ее слова эхом отдались в его душе, и он замер на своем месте, словно парализованный этим приятным чувством. Стас не мог припомнить, чтобы ему кто-то говорил такие слова. Простые, и при этом такие теплые и дружелюбные.

"Я не такой уж плохой парень".

Он еще раз улыбнулся.

— Чего это ты уселся перед этим окном?

— Не знаю, — он вяло пожал плечами, отставляя банку на сиденье и сплетая пальцы на собственном колене. — Здесь…

"Мне просто нравится здесь", хотел было сказать он, но так и не сказал. Настя тоже промолчала, словно бы поняв его.

Они сидели перед широким окном, за которым единственный ослепительный глаз взирал на них с тупой озлобленностью, той самой, которую может нести в себе только холодное зимнее солнце.

* * *

Сеть являлась наркотиком, одним из самых страшных, которые только существовали. Пребывая в ней, Катя понимала, почему многие люди уходят в нее с головой, с каждым годом таких становится все больше и больше. Она слышала, что Сеть — настоящий бич сытых, чистых и относительно безопасных

мегаполисов. Тому, кто не в силах больше слушать и смотреть, что творится на свето-экранах, кому опостылела реальность, и кто решил ждать развития событий, как можно меньше касаясь их, находили прибежище в полностью трехмерном, фальшивом мире. Люди объясняли это тем, что устали и боятся, и Катя понимала их. Виртуальность давала все виды развлечений тому, кто надел на голову вирт-шлем или очки, и она создавала иллюзию надежной защиты от окружающего мира. Люди, "попробовавшие" Сеть, со временем растворялись внутри ее, стараясь как можно больше времени проводить именно в ней, а не в страшной реальности.

Катя не соблазнилась фантастическими возможностями виртуального мира. Она тоже устала ждать развития событий, но в ее планах было увидеть закат цивилизации, а не проигнорировать его таким способом, как бегство от действительности.

Действительность же была таковой, что колебания и сомнения насчет необходимости наблюдения за ней могли возникнуть у каждого.

Катя медленно сняла с головы шлем и положила его на колени, держа глаза закрытыми еще некоторое время. Два часа — приличный срок, но она, вспомнив о том, как провела это время, слабо улыбнулась.

"Невероятно… Неужели это правда?"

Катя работала в Сети, активно общаясь на узкоспециализированных форумах и сайтах, посвященных научным изысканиям в области биологии. Как бакалавр, получившая свою научную степень лишь благодаря долгому труду и дорогой операции по "внушению" знаний, которых было мало освоить — ими нужно было уметь пользоваться, — Катя имела доступ к достаточно специализированным обществам внутри Сети. Свою научную деятельность она посвятила изучению Ткани, и хотя сведения и данные, которыми она располагала, были относительно скудны, и сама Катя не питала надежд получить в свое распоряжение хоть какую-нибудь свежую информацию, которая всегда была засекречена, сегодняшняя встреча в Сети была очень необычной. Катя, думая об этом, продолжала улыбаться, открывая глаза. Даже легкая головная боль, которая почти всегда сопровождала ее какое-то время после долгой работы в Сети, не могла отвлечь от мыслей об этом.

Час назад она получила приглашение на закрытый голосовой канал связи от некого доктора биохимических наук, и охотно откликнулась. Это было большой удачей, Катя сама искала для общения подобных личностей. Доктор вышел на нее через

несколько научных работ Кати, выставленных для свободного ознакомления на нескольких тематических сайтах. По словам доктора, эти работы очень заинтересовали его, и спустя еще несколько минут, за время которых новый знакомый Кати задал ей несколько наводящих вопросов, девушка поняла, что эта встреча несет почти что судьбоносный характер. Доктор владел огромными знаниями в области изучения и исследования Ткани, и когда Катя спросила его, откуда у него такая информация, доктор, который представился как Сергей Мельнев, спокойно и не кривя душой признался, что является сотрудником научно-исследовательского комплекса "Стагирит-2", особого подразделения Специального Корпуса известного как "Уаджет".

Катя никогда не слышала о подобном комплексе, но об "Уаджет" была наслышана. Еще бы! О том, что произошло там два дня назад, трубили все СМИ. Поначалу не восприняв слова Сергея всерьез, она очень быстро поняла, что доктор не лжет. Изумлению Кати не было предела, когда доктор сообщил ей о том, что исследовательская группа понесла потери и теперь ищет новых сотрудников. Так что в ближайшее время девушка получит либо приглашение и пропуск во Фрактал как нового сотрудника "Стагирит-2", либо — увы — сообщение о том, что ее кандидатура была отклонена.

"Фрактал".

Катя, замершая с широко раскрытыми глазами, заморгала, обводя взглядом комнату, освещенную лишь желтым светом настольной лампы. За занавешенным окном уже сгущались сумерки, но девушка не торопилась подниматься с пола, чтобы зажечь свет, думая о том, как она живет. Маленькая двухкомнатная квартира, которой уже давно требуется ремонт. Уже несколько лет как не помешало бы обновить покрытие полов, стен и потолка, обновить бытовую технику и отремонтировать умершего "домового", без которого не работала вентиляция и кондиционер, равно как и многое другое, а о ветхой мебели и говорить не приходилось.

"Фрактал… Я правда заслуживаю этого?"

Катя поднялась, чувствуя, как ноют отсиженные ноги, откладывая шлем на диванчик и зажигая свет, отправляясь к зеркалу в прихожей. Встав перед ним, она всмотрелась в свое отражение так, как если бы видела себя в первый раз.

"Возможно, сегодня действительно важный день в моей жизни".

Темная, сильно загоревшая кожа, приятные черты лица с широкими скулами и острым подбородком, иссиня-черные, прямые волосы, обрамляющие его, но главное — это глаза. Так

было и так будет всегда — глаза всегда будут являться отражением сущности человека, где бы он ни был, кем бы себя ни выставлял. Цвет глаз Кати был изменен еще четыре года назад хирургическим путем: когда-то эти глубокие чернильно-черные глаза были серыми.

"Что ж, посмотрим…"

Катя прошла на кухню, где в микроволновой печи разогрела себе на ужин то, что осталось со вчерашнего. Судя по времени, через час с работы вернется отец, через два часа начнется сбор членов культа. Времени было еще предостаточно, но Катя знала, как легко его упустить.

Она вернулась в свою комнату, включила музыку и начала собираться. Ее мысли были заняты только тем, что произошло только что в Сети, и девушка с досадой чувствовала, что это невероятно отвлекает и мешает ей думать о предстоящей встрече. От мысли о том, что ей придется уехать оставив здесь Мишу, у нее едва не опустились руки от растерянности. Радость от приятного известия теперь улетучилась так же внезапно, как и возникла. Теперь, кстати, придется выдержать не самую приятную беседу и с настоятелем, на тему ее возможного отъезда. Только подумав об этом, Катя вместе с растерянностью испытала страх. Быть может, об этом не стоит говорить остальным? Что будет, если настоятель не захочет отпускать ее?

Теперь она искренне сожалела о том, что нарвалась на этого вербовщика из "Уаджет". Возможные грядущие перемены могли обернуться новыми проблемами для Кати и окружающих ее людей.

Спустя полчаса, одетая в пышное черное платье с коротким подолом и с корсетом, обшитым ядовито-зелеными бантами, Катя надела длиннополое пальто, выходя в прихожую. Пред тем, как выйти из квартиры, она взяла с собой немного денег, чтобы завтра утром на обратном пути купить что-нибудь из еды, чтобы не бегать взад-вперед по несколько раз, и положила в карман старый пятизарядный звуковой пистолет. Катя не помнила, когда она выходила наружу без этой легкой и удобной штуки. На улицах всегда было опасно, и днем, и ночью, даже не смотря на то, что она редко покидала пределы центра Томска.

Она вышла на просторную, гулкую и полутемную лестничную площадку с мрачными и старыми дверями соседей и широкими и светлыми створками двух лифтов. Лифты последние полгода не внушали доверия ни Кате, ни остальным жильцам высотного дома. Мысль о том, что пневматическая система откажет, и огромная коробка рухнет вниз с высоты девятого этажа, вселяла в Катю такой страх, что она отказалась от поездок на лифтах еще

задолго до того, как жилищное управление предупредило о том, что лифты лучше не использовать. Кате еще повезло — всего лишь девятый этаж, не так уж и много, если подумать. Тяжелей всего было жильцам, проживающим уже выше шестнадцатого. Для них каждый выход на улицу и возвращение обратно превращалось в настоящее испытание на физическую подготовку.

Катя вышла на улицу, и остановилась в тот момент, когда автоматические двери подъезда с мягким звуком сомкнулись за ее спиной. Было тихо и прохладно, вниз оседали крупные снежинки, застывающие на холодном дорожном покрытии.

"Я могу покинуть этот город, чтобы жить и работать во Фрактале".

Возможно, это и будет настоящей жизнью, которую можно по-настоящему почувствовать. Покинуть и забыть этот едва живой город, окруженный мертвыми лесами, мегаполис, населенный запуганными и озлобленными людьми, которые понимают, что уже обречены, но никогда и ни за что не признаются в этом даже самим себе. Фрактал — это почти рай на земле, город, способный выдержать любой катаклизм, город, который является базой для последней силы человечества, которая способна противостоять разрастающейся Ткани.

Катя встрепенулась, понимая, что обманывает себя. Новость о возможном переезде, кажется, помутнила ее разум. Она отдала себя "Падению", которое готовилось уйти из этого мира, взяв на себя роль наблюдателя, и девушка прекрасно понимала, что это значит. Созерцать медленное разрушение всего и вся, сохраняя рассудок — эта цель была главной для "Падения".

"Если я перееду во Фрактал, чтобы работать в "Стагирите-2", который борется против Ткани — это будет предательством нашего мировоззрения?"

Катя размышляла об этом, шагая по улице в сторону окраин. Снегопад усиливался, и высотные строения, мимо которых шла девушка, превращались в сиреневые зловещие силуэты в начинающейся метели. Сейчас на улицах было предостаточно людей, спешащих домой с работы. Несколько раз Кате встречались патрули милиционеров из местного Форта. Девушка внимательно и быстро скользила взглядом по лицам встречающихся ей людей, и, как и всегда, она подмечала одну и ту же особенность — все они выглядели очень усталыми, и на их лицах застыли выражения безразличия. Их усталость не была физической, а скорее внутренней, такой, какая бывает у пожилых людей, познавших, что такое жизнь и знающих, что конец уже недалеко.

Кате все это было знакомо с самого детства. Именно поэтому

она вступила в "Падение", которое дало ей немногие, но важные вещи. Например, спокойствие и уравновешенность — качества, которые в этом мире со "старыми" людьми уже давно стали редкостью.

Катя шла к месту сбора других "падающих" по давно выверенному маршруту, который можно было считать безопасным, не смотря на то, что последние десятки метров ей пришлось преодолевать по уже давно заброшенным, почти незаселенным районам, которые плотным кольцом окружали любой другой город страны. Старые высотные дома еще полстолетия назад были заселены, но теперь здесь было сумрачно и пустынно. Именно это мертвое кольцо потемневших домов-призраков, медленно, но неуклонно растущее вширь, считалось самым опасным местом. Здесь находили прибежище те, кто уже откололся от относительно спокойной и уравновешенной жизни, еще теплившейся в центре города: мелкие банды, бездомные и безработные, сектанты разных мастей, к которым зачастую относили и "падших". Здесь запросто могли обобрать, убить, изнасиловать, для окраин это было в порядке вещей. Поговаривали, раньше здесь видели и ставших редкими зверей, выходящих из лесов в поисках пищи, но подобные случаи были еще и двадцать лет назад. Катя, шагая вперед по громко хрустящему под подошвами высоких ботинок снегу, тревожно всматривалась в сгущающийся сумрак, усугубленный и снегопадом, дыша через рот, и ее дыхание вырвалось облачками пара. Девушка стискивала рукоять пистолета в кармане пальто, готовая применить его в любой момент.

До убежища она добралась без приключений. Увидев знакомый знак-символ на стене дома, и различив мягкий, едва заметный в снегопаде желтый свет плафона — электрический свет, настоящее чудо для окраин — она пошла быстрее, чувствуя только сейчас подкатившее волнение и облегчение, что все обошлось и на этот раз.

Она спустилась вниз по бетонным ступеням заброшенного здания, в котором жили те "падающие", которым не нашлось места в центре Томска. Отец-настоятель Александр, бывший инженер, основавший и развивший движение "Падения" в Томске еще тридцать лет назад, теперь жил здесь.

Катя, спустившаяся вниз, постучала в стальную дверь, на которой ядовито-зеленой краской были изображены три стрелы, указывающие вниз — символ "Падения". Узкое окошко перед ней открылось так резко, что девушка вздрогнула от неожиданности.

— Кто здесь? — глухо спросил мужской голос из образовавшейся полоски тьмы.

— Всего лишь наблюдатель, — ответила Катя установленную фразу-пароль. Дверь дрогнула и с шорохом отошла в сторону. Катя, щурясь на тусклый свет лампы в конце коридора, вошла внутрь, отряхивая снег с пальто.

Дома, которые обживали "падающие", со временем начинали напоминать обжитые, но только внутри, оставаясь снаружи такими же неприметными и мертвыми. Многие из последователей этого движения жили здесь, добровольно уйдя из дома, от родных и близких, не разделяющих их мировоззрение. Другие приходили сюда пообщаться, поделится новостями, побыть вместе. Многие пары сформировались именно здесь, и многие из них уделяли друг другу время в свободных для посещения апартаментах на верхних этажах.

Катя прошла мимо нескольких компаний, уютно расположившихся в сумраке вокруг ламп. Увидев знакомого, она спросила, где ей найти Мишу, и ей подсказали этаж и комнату, где его видели. Катя шла быстро, перекинув пальто через сгиб локтя, вглядываясь в каждое лицо, выплывающее из сумрака. Катя ловила жадные, похотливее взгляды одетых в черное девушек и молодых людей, выглядящих как женщины, стоящих у открытых дверей, одним своим взглядом и позой приглашающих уединиться. Она проходила мимо больших залов и комнат, где видела множество людей, молча сидящих вокруг ламп. Иногда Катя слышала тихие голоса переговаривающихся, больше похожие на испуганный шепот. Здесь почти всегда было много людей, но никогда не было шумно.

Она нашла Мишу в одном из помещений. Высокий, долговязый молодой человек, с поблекшими глазами и длинными темными волосами. Он скучал в одном из кресел за старым столиком, в полном одиночестве. Катя была рада видеть его одного. Ей предстояло выдержать нелегкую беседу с ним, и посторонние были не нужны.

— Мне предстоит уехать, Миш, — тихо сказала она, когда они поцеловались и сели в кресла друг напротив друга.

— Куда?!

Кажется, он был ошарашен и напуган подобным заявлением.

— Фрактал. Мне предложили там жилье и работу.

— Ты не шутишь?

— Нет.

— Как… как это случилось?

— На меня вышли через Сеть.

— Но… Я не смогу поехать с тобой, так ведь?

— Да. Ты ведь знаешь, этот город закрыт для посторонних.

Он молчал, глядя ей в глаза, и она отвела взгляд.

— Пожалуйста… — сказала Катя и замолчала, не совсем понимая, что хочет сказать, связанное с просьбой.

— Я должна уехать. Я непременно найду способ связаться с тобой оттуда.

— Отпустит ли тебя Александр?

Катя вздрогнула от этого вопроса. Он показался ей глупым и несуразным, она меньше всего ожидала его. Какое ей дело до отца-настоятеля?

"Неужели он ничего не понял?"

— Я уеду, Миш, — повторила она. — Я не смогу быть с вами…

— Я понял-понял, — от теплоты в голосе Миши ей стало не по себе.

— Твоя работа и новое жилье в защищенном Фрактале… Конечно же, куда важнее всего этого. Важнее всех нас. Важнее меня.

Миша сказал это спокойным, почти что радостным тоном, и Катя невольно поежилась. Разговор получался во много раз неприятным, чем она ожидала. В этот же момент она почувствовала, как внутри нее что-то сломалось. Она испытала испуг и волнение.

"Пора завершать. Будет лучше, если все закончится так".

— До встречи, — Катя, наклонившись, быстро и сухо поцеловала его в щеку. Поднявшись с места, она быстрым шагом отправилась обратно к выходу. Миша не окликнул Катю, не бросился догонять… и это неприятно задело ее, лишь подталкивая к выходу из убежища. Возможно, у нее еще будет с ним разговор до того, как Катя покинет пределы Томска, но этот разговор будет позже. Скорее всего, по светофону, а не при личной встрече. Дожидаться здесь утра ей не хотелось. Миша и остальные, и даже это здание казалось теперь чужим и неприветливым. Метель еще не закончилась, но будет лучше, если она уйдет сейчас и вернется домой, пока еще не совсем стемнело.

"Возможно, они будут меня искать, чтобы остановить".

Что ж, для этого у нее и есть пистолет. Если дела пойдут совсем нехорошо, она найдет в себе силы дать знать "падшим", что не намерена терять свой шанс. Даже так.

Катя вышла наружу и медленно поднялась вверх по каменным ступеням. Метель убавила свою силу, перейдя в сильный снегопад. Она отчетливо ощущала страх невиданной силы. Она чувствовала, что боится остаться в полуразвалившемся Томске на всю оставшуюся жизнь, боится упустить возможность вырваться отсюда, боится преследования отца-настоятеля.

Больше не задерживаясь, Катя вновь опустила руки в карманы пальто, стискивая пальцами рукоять пистолета, и быстро пошла обратно. Ее шаги были бесшумными по свежевыпавшему, мягкому и пушистому снегу. Пора возвращаться домой.

* * *

Кириченко, всего лишь несколько минут назад тяжело усевшийся во главе стола и коротко и мрачно кивнув остальным, разрешая занять свои места, испытывал странные ощущения.

"Таких совещаний и в таком составе мы еще не проводили, ни разу за время существования "Уаджет".

Для короткого, заключительного совещания собрались все, кто был причастен к руководству обороной Фрактала и находился в Центральном Зале Управления штаб-квартиры на момент нападения неизвестных. Помимо главнокомандующего Кириченко, старшего брифинг-инструктора Левашова, ответственного за связь старшего координатора Васильева и еще полудюжины старших координаторов из числа операторов оборонительных систем штаб-квартиры "Уаджет", здесь присутствовала и доктор Федорова. Вместе с этим здесь отсутствовали Ковалева и ее заместитель.

Главнокомандующий медленно переводил тяжелый взгляд покрасневших, глубоко запавших глаз с одного лица на другое. Прошло всего лишь двое суток с момента нападения на Фрактал. Двое бессонных, изматывающих суток, за которые ощущение течения времени терялось, расплывалось на фоне бесконечных принимаемых докладов, рапортов и отчетов, отправляемых по секретным каналам в "Цитадель-1" и Штаб Объединенных Вооруженных Сил Азиатской Конфедерации Содружества.

"Кажется, уже прошли годы".

Кириченко закрыл глаза и тяжело покачал головой. После чего щелкнул тумблером во встроенной в белоснежный пластик панели. Перед сидящими за столом включились свето-экраны, в призрачных прямоугольниках которых застыло изображение небольшой узкой комнаты. В неярком луче света, падающем сверху, был массивный саркофаг, некоторые из частей которого были сделаны из прозрачного материала. В верхней части саркофага располагалось обширное прозрачное окно, через которое было видно расслабленное лицо Дениса Ковалева. Его глаза были закрыты, кожа и волосы блестели от влаги.

Спустя несколько секунд справа на экранах открылись вспомогательные окна, отобразившие фотографии Ковалева в

анфас и в профиль, биометрические данные и короткий послужной список.

— Подведем итоги.

Один из старших координаторов поднял взгляд на Кириченко:

— Мы допросили Ковалева, — сказал он. — К сожалению, его память блокирована.

— То есть? — взгляд Кириченко вперился старшего координатора и тот перевел взгляд на сидящую напротив Федорову.

— Его мозг чист, — глухо проговорила Юлия, — никаких имплантатов. Это ни на что не похоже, но…

— Но вы не в состоянии узнать, когда он был внедрен к нам в качестве агента, так?

— Точно так. Нам удалось определить место "обрыва памяти", тот самый период, когда Ковалев был переведен на службу в "Уаджет". В его сознании и памяти выявлены так называемые "темные зоны", видимо, скрывающие нужную нам информацию. Мы не знаем, каким образом они были созданы и внедрены в мыслительные процессы Ковалева, и мы не в состоянии их обойти, пока он сам этого не захочет.

Кириченко перевел взгляд с Федоровой на свето-экран:

— С момента перевода в "Уаджет", то есть… пять лет назад.

Он бессильно откинулся на спинку кресла.

— Невероятно. Он работал с нами эти пять лет….

— Если проверить его память до этого момента, то может показаться, что это ошибка. Его жизнь не вызывает никаких подозрений, но мы точно уверены — Ковалев был завербован нашим противником пять лет назад.

— Что насчет Ковалевой?

— Она в порядке, — сказала доктор. — Мы не нашли в ее воспоминаниях никаких отклонений. Похоже, она действительно не знала, кто ее муж.

— Каково ее состояние?

— В шоке, до сих пор, — Юлия опустила взгляд. — Но она быстро придет в норму.

— Что нам скажет представитель службы безопасности? — спросил Кириченко, глядя только перед собой.

— Начальник службы безопасности предлагает как можно быстро провести полную проверку всех сотрудников "Уаджет" на обнаружение признаков блокировки памяти, выявленных в ходе допроса Ковалева.

— Это мило, — скривился Кириченко. — С себя он начать не хочет? Конечно, это важный вопрос. Если в числе высших чинов

"Уаджет" есть еще один предатель, и если он имеет доступ к кодам безопасности и системам обороны, следующая атака неизвестных будет для нас последней… Я подумаю над этим вопросом. Кстати, что с нашими кодами?

— Полностью обновлены, товарищ главнокомандующий, — сказал другой оператор из ЦЗУ. — Вы сможете получить их в свое распоряжение через час.

— Хорошо. Я хочу, чтобы мне передали их лично в руки, без распространения среди остальных лиц, ответственных за безопасность всего "Уаджет". Теперь по нападению на Фрактал…

С своего места поднялся высокий и тощий оператор Центрального Зала Управления, отвечавший за отбор и общий анализ информации. На свето-экранах появилась короткая сводка с места боя и хронология событий.

— Вначале потери, — прокашлявшись, начал докладчик. — В ходе полуторачасового боя, с половины пятого до шести часов утра, общие потери с учетом гражданского населения и сотрудников комплекса "Стагирит-2" и "Перстня" составили триста девяносто два человек убитыми, среди которых — пятьдесят семь оперативников. Двадцать девять человек находятся в госпиталь-блоках штаб-квартиры, из них одиннадцать в критическом состоянии. По оценкам медиков остальные раненные смогут вернуться в строй в течение двух-трех недель. Потери неизвестного противника — уничтожены все двадцать кибертанков "Тарантул-143", сбиты три транспортных винтокрыла. Потери врага в живой силе, с учетом экипажей транспортов — четырнадцать человек убитыми.

Докладчик прервался, чтобы бросить взгляд на свою консоль. Кириченко и присутствующие сохраняли гробовое молчание. Названные цифры не нуждались в комментариях.

— Мы проанализировали главные платы танков с искусственным интеллектом, а так же всю электронную начинку, которая уцелела в ходе боя. Эти двадцать машин были произведены на территории Китая более тридцати лет назад. Примерно шесть лет назад эти машины были выкуплены за большую сумму несколькими зарубежными корпорациями, находящимися на территории Японии и Индии. Мы проверили списки и обнаружили, что этих компаний никогда не существовало.

— Подставные лица? Старый и верный ход…

— Обломки сбитых нами трех транспортов так же ничего не дают. У них нет маяков, "черных ящиков", их накопители, судя по всему, были очищены после их взлета с места базирования. Стандартные летательные аппараты, были якобы списаны в

разное время. На деле же военные их просто продали.

— И это очень странно, дамы и господа, — задумчиво проговорил Кириченко. — У военных в Конфедерации есть сильный покровитель, которому они готовы уступить старые образчики вооружений по бросовым ценам, это просто удивительно…

— Возможно, нам удастся узнать что-нибудь полезное, тщательно проверив уцелевшие носители информации транспортов и танков противника, — добавил докладчик. — Специалисты из технического отдела уже заняты этой работой…

— Это ведь были "Атланты"? — неожиданно подал голос брифинг-инструктор.

— Так точно, — замявшись на секунду, отозвался докладчик. — Противник использовал транспорты среднего класса грузоподъемности серии "Атлант".

— И у всех них отсутствовали маяки?

— Так точно.

Левашов прищурился, не отрывая взгляда от своего свето-экрана, но судя по глазам его мысли далеко от отображающейся на нем информации.

— В чем дело, Василий Николаевич? — Кириченко подался чуть вперед, заметив взгляд своего старого друга и понимая, что он обозначает.

— Мне что-то напоминает… Я не уверен, но кажется, я уже слышал о чем-то подобном.

В зале повисла тишина, и ее нарушил Васильев, негромко пробормотавший что-то.

— Что-что? — оживился Левашов. — Как Вы сказали, Васильев?

— "Инцидент-76"? — неуверенно повторил специалист по связи громче.

— Точно, — Левашов уверенно кивнул. — Тот самый самолет, который сбили над Карским морем четыре года назад, помните, товарищ главнокомандующий?

— Мы проверим эту информацию, — проговорил Кириченко, пока остальные старшие координаторы быстро заносили пометки в свои консоли. — Придется поднять архивы. Продолжайте, — Кириченко кивнул в сторону докладчика.

— Нам удалось опознать водителя вездехода "Рысь", с которого проводилось управление всем ходом диверсионных действий, и установить личности шести пилотов и семи диверсантов, убитых при штурме "Стагирит-2".

На экранах появилась фотография Краско, в профиль и анфас.

— Краско Антон Дмитриевич, пятьдесят два года, русский. Бывший полковник Объединенных Вооруженных Сил, ветеран Второй экспедиции, кавалер Ордена "Солнце Конфедерации". На данный момент мы точно установили, что Краско был одним из молодых офицеров, принимавших участие в операции по захвату "Принцессы" на территории Белоруссии тридцать два года назад, и непосредственно в сопровождении груза в "Стагирит-2".

За столом воцарилось молчание. Докладчик вновь замялся, натыкаясь взглядом на расширенные глаза своих коллег и командиров, и, наконец, продолжил:

— Гм… Что же касается остальных диверсантов, то все они — бывшие военнослужащие, граждане различных стран-членов Конфедерации. Среди этих одиннадцати убитых четыре китайца, два индийца, два японца, два русских и один кореец. Все профессиональные военные и пилоты, в последние годы эти люди числились пропавшими без вести. Мы уже нашли родных этих людей, но пока не выходили на связь с ними. Есть нечто, что их всех объединяет: все они были участниками Второй экспедиции.

— Великолепно, — упавшим голосом проговорил Кириченко. — Ветераны занимаются диверсиями… Вот что… эм…

— Синицын, товарищ главнокомандующий — подсказал докладчик.

— Да, Синицын. Выйдите на связь с родными этих людей. Без каких-либо деталей и лишних пояснений дайте им знать, что эти люди участвовали в операции против нас, и что теперь они, если пожелают, могут забрать их тела. Поспрашивайте родных этих людей, быть может, нам удастся найти что-нибудь интересное. Займитесь этим после нашего совещания.

— Есть.

— Васильев, Вы займетесь архивом насчет "Инцедента-76". Проверьте, не были наши "доброжелатели" владельцами винтокрылов одной серии и поколения. Шансы малы, но все же, теперь, когда мы потеряли свои шансы узнать о сути происходящего от Ковалева и от информационных носителей "Рыси", нам сгодится все что угодно.

— Есть, товарищ главнокомандующий.

— И еще кое-что, прежде чем мы вернемся к своим обязанностям, — Кириченко обвел присутствующих офицеров пронзительным взглядом. — Надеюсь, теперь вы все понимаете, что в нашу деятельность будет внесены существенные изменения. Двое суток назад нас едва не уничтожили, и наш противник сделал все, чтобы дать нам понять: смести нас можно в любой момент. Старая служба в "Уаджет" закончилась, — Кириченко тяжело покачал головой. — Теперь, если мы хотим жить дальше,

нам понадобится больше, чем просто везение.

* * *

Совещание закончилось через полчаса. Операторы из Центрального Зала Управления, получившие необходимые инструкции, вернулись на свои места. Доктор Федорова вернулась обратно в "Стагирит-2", наблюдать за ходом восстановительных работ научно-исследовательского комплекса. Главнокомандующий и старший брифинг-инструктор, оставшись в зале, где проходило совещание, теперь сидели в тишине, нарушаемой лишь приглушенным гулом кондиционеров и редкому чириканью электронной начинки компьютерных панелей и терминалов.

Кириченко и Левашов молчали, глядя в столешницу перед собой, и слушая, как жизнедеятельность в штаб-квартире медленно и постепенно возвращается в обычное русло. Через несколько часов работа всего "Панциря мира" сможет перейти из экстренного режима работы на обычный, и люди смогу отдохнуть, впервые за двое суток, прошедших с момента нападения на Фрактал.

— Василий, — глухо произнес Кириченко, — зайди сегодня в конце рабочего дня ко мне. Мы выпьем.

Это прозвучало как приговор, но Левашов понимал этого человека, как никого другого. Он знал и представлял, через что прошел главнокомандующий за последние два дня, равно как и представлял, что ждало его в ближайшем времени.

Кириченко был старше Левашова всего лишь на один год. Они были давно знакомы, и в неофициальной обстановке могли позволить себе вести себя, как и подобает старым друзьям. Левашов, глядя на главнокомандующего из-под полуприкрытых век, думал о том, что случилось двое суток назад.

"Он прав. Старая служба в "Уаджет" закончилась, наверное, навсегда".

Невольно Левашов вспомнил прошлое, о том, какой была эта самая служба одиннадцать лет назад, когда "Уаджет" только-только начинал свою жизнь.

Ему шел сорок первый год, и к этому возрасту капитан бронетанковых войск Левашов имел приличный послужной список. Он участвовал более чем в двух десятках боевых операций против различного рода вооруженных групп, достигающих по своей численности и оснащению до настоящих небольших армий.

Последнее сражение, произошедшее на территории уже давно

не существующего Пакистана, оказалось роковым для капитана и его людей. Тогда огромное бандформирование просто смяло их силы. Тяжелый командный танк "Булава-16" получил серьезные повреждения, и взорвавшиеся остатки боезапаса танка унесли жизни почти всего экипажа.

Левашов чудом выжил, хотя и лишился обеих ног. Он провел некоторое время в госпитале, заново учась ходить на био-протезах, становящихся с ним единым целым, его новыми ногами. Спустя год он получил уведомление о переводе на службу новой никому неизвестной военизированной структуры, носящей название "Уаджет".

Так Левашов и Кириченко встретились.

Кириченко в ту пору только заступил на свой новый пост главнокомандующего Специальным Корпусом "Уаджет". Он сменил старого маршала Федецова, и в чине полковника принял на себя все дела, ведущиеся под белоснежным куполом штаб-квартиры. За ним пристально следили, и Кириченко понимал, почему. Он полностью ушел в дела своего приемного детища, самолично тщательно изучая тысячи досье и личных дел ополченцев военнослужащих России, отбирая кандидатуры на руководящие должности и посты. Дело об удачливом командире танковых войск, капитана Василия Левашова, его послужной список и награды произвели должное впечатление на полковника.

Левашов вновь вернулся в строй, но теперь он служил в подразделении, которое специализировалось на истреблении Ткани. Левашов вновь сел в командирское кресло огнеметного танка класса "Красный лев" и принял участие в нескольких сражениях против блуждающих кластеров Ткани, оказавшихся для уже немолодого офицера действительно последними. Спустя пять лет его повысили в звании и перевели на службу в штаб-квартиру. Левашов не возражал — он устал, и после какого-то продолжительного периода чувствовал, как вместе с завершением службы в Объединенных Вооруженных Силах Конфедерации в нем закончились и все те чувства, которые раньше заставляли его принимать решения. Ярость и гнев, отвращение — все это осталось в прошлом. Левашов чувствовал только усталость, и был совсем не против относительно спокойной службы в защищенном "Панцире мира". За эти годы штаб-квартира стала его домом.

— Да, — Левашов кивнул, глядя на мрачного Кириченко, прячущего лицо в ладонях.

— Да, думаю, нам стоит выпить…

— Я до сих пор не могу поверить в случившееся, — с неожиданной силой в голосе произнес Кириченко. — Мы проиграли. Понимаешь?

Он отнял руки от лица и вперил в старшего брифинг-инструктора взгляд мутных покрасневших глаз. Даже Левашов несколько опешил, увидев эти глаза.

— "Принцесса", теперь у этих ублюдков есть "Принцесса"!.. — с отчаянием проговорил Кириченко. — Мы допустили это, мы позволили им забрать ее у нас. Понимаешь? Мы. Единственный в мире кластер Ткани, находящийся в руках людей… Теперь он у них.

— Для чего? — глухо спросил Левашов.

— Гадать можно до посинения, — сквозь сжатые зубы пробормотал Кириченко. — Факт остается фактом. Теперь то, что мы получили с таким трудом, у неизвестных выродков. И кто они? Террористы? Религиозные фанатики? Какая-нибудь теневая контора Конфедерации?..

— Они все бывшие ветераны Второй экспедиции, — напомнил Левашов.

— Этот полковник Краско, он знал месторасположение "Принцессы". Он был участником той операции по ее доставке в "Стагирит-2". Он и остальные… Почему они сделали это? Зачем им этот кластер?..

— Нам нужно действовать быстро, Толя. Если мы будем долго копаться, то в следующий раз нам точно конец. "Принцесса" попала в чьи-то руки, и теперь это может плохо кончится…

— Остается надеяться, что информация о том, что все эти годы хранилось в "Стагирите-2" не пойдет гулять по нашим рядам, — Кириченко покачал головой.

— Мы уделяем этому пристальное внимание. Пока что все тихо.

— А ведь это отлично, что ты обратил внимание на отсутствие маяков.

— Повезло, что хоть что-то сохранилось в памяти. Даже если тот сбитый разведчик и принадлежал нашим новым друзьям, не думаю, что это этого будет много пользы.

— Кто знает?.. Нам теперь все пригодится. Ты прав, теперь нужно действовать быстро.

Кириченко думал об этом и после того, как он расстался с Левашовым, двигаясь к месту следующей, самой важной встречи. Лифт быстро спускался все ниже и ниже, унося в своей сверкающей белой коробке человека в черной форме, обремененного огромной ответственностью.

Пришло его время предстать перед глазами создателей "Уаджет" и Фрактала.

Держа руки сцепленными за спиной, выпрямившись во весь рост, главнокомандующий "Уаджет" мрачно смотрел на

собственное искаженное отражение, смотрящее на него с блестящей поверхности двери лифта. Уставший и измотанный за это время, ему предстоял последний бой, самый тяжелый. Отстоять интересы "Уаджет", ответить на все вопросы, проигнорировать угрозы и смириться с требованиями. Дать обещание этим людям, дать им слово и сдержать его.

"Это наш единственный шанс уцелеть и сохранить "Уаджет", как организацию".

Кириченко помнил, как его перевели на одну из баз периметра, отвечавших за охранение Фрактала. В то время он был молод, носил другую форму и выполнял приказы, исходящих от совершенно других людей, чем сейчас. Более десяти лет назад он не мог и предположить, что из обычного командира небольшого подразделения с одной из трех баз, окружавших Фрактал, он станет главнокомандующим "Уаджет". Более того, он принимал и активное участие в политике, спустя три года после своего назначения на командный пост в "Уаджет" он успешно баллотировался в депутаты парламента государственной думы. Видит небо, до сего дня ему хватало проблем и без этого проклятого нападения, которое едва не преломило хребет всему спецподразделению.

Кириченко предвидел, чем это может обернуться для него. Его могут отстранить от командования и выпереть на пенсию раньше срока. Пожалуй, этого Кириченко боялся сейчас больше всего. Ему было искренне плевать на свое высокое место, занимаемое им, но навсегда покинуть "Уаджет" он был не в состоянии. Сейчас он мрачно думал о том, что на месте своих покровителей он бы не раздумывал долго над этим вопросом. Его вина очевидна, и весь спрос за случившееся будет только с него одного.

Главнокомандующий отдал "Уаджет" не самую большую часть своей жизни, но сам уже считал свою жизнь немыслимой без этой службы. Срок более чем в десять лет изменил очень многое, и Кириченко помнил жизнь еще до того, как он услышал о Специальном Корпусе. Перебирая в памяти дела последних лет, генерал-лейтенант невольно погружался в воспоминания все глубже и глубже. Образы, зачастую болезненные и страшные, неохотно всплывали в его сознании, подобно мертвым рыбам с темного дна.

Кириченко вырос в мире, который только-только начинал отходить после хаоса мировой войны, получившей название Войны терактов. В первой четверти двадцать второго века, значительно сократившееся в численности человечество начинало медленно, но верно брать вверх над всемирными

продовольственным и экономическим кризисами. Будучи мальчиком, он видел все то, о чем сейчас уже многие позабыли. В ту пору век правления трансконтинентальных корпораций только что подошел к концу. Столицы большинства крупных государств исчезли с лица земли; небольшие и маленькие страны распадались на еще более мелкие, или же исчезали совсем. Некоторые районы планеты оказались непригодными для жизни, и радиация продолжала свое распространение и сейчас. Это было страшное время, и люди всеми силами пытались вернуть хотя бы часть былой стабильности, или же хотя бы ее вида. В то время лишь немногие знали о том, что население планеты по сути, уже обрекло себя на вымирание. Уже сейчас, остатки человечества ютились на пока еще пригодных к проживанию территориях, где есть чистые вода и воздух, нет химического и радиационного загрязнения. Уже сейчас, к две тысячи сто восьмидесятому году, территорий с подобными характеристиками оставалось лишь половина от всей суши планеты.

Кириченко было шесть лет, когда в тридцать втором году над Британскими островами на высоте восьми километров открылось то, что сейчас называется Кольцом Майера. Именно через него на Землю начала прибывать Ткань, и главнокомандующий, в ту пору будучи еще ребенком и смотревший редкие кадры съемки, ведущейся в прямом эфире, навсегда запомнил это зрелище. Чудовищные, огромные шары из прозрачно-белой, белесой плоти с темно-синей сердцевиной внутри, лениво парящие над поверхностью земли.

Никто не отреагировал должным образом. Тогда Ткань не казалась такой уж и опасной, и подавляющее большинство государственных деятелей лишь прикидывали в уме, как и когда выгодней лупануть по этой дряни ракетой с ядерной боеголовкой.

Через полгода начался настоящий ужас. К тому моменту уже было известно, что ядерные взрывы не причиняют особого вреда основным кластерам Ткани, а распространившаяся радиация лишь наоборот "подкормила" ее, во много раз увеличив скорость роста биомассы, покрывающей землю единым ковром бледной склизкой плоти. К нынешнему времени Европа и север Африки уже слились в единый организм, почва и поверхность морей были наглухо покрыты многометровым слоем биомассы. Позже это колоссальное образование чужеродной формы жизни назвали Садами Ткани. Нанести массовый удар по этим Садам жалкими остатками ядерного арсенала больше не осмелился никто.

Спустя еще тринадцать лет, прошедших в хаосе нового витка мелких конфликтов, уцелевшие страны на территории Сибири и Азии образовали Азиатскую Конфедерацию Содружества. Россия,

Индия и Китай, бывшие враги со времен хаоса после войны, теперь были вынуждены объединить свои усилия. Четвертая страна — Япония, следом — Австралия и другие среднеазиатские страны и страны Океании, которым посчастливилось дожить до этого времени. Все они уже давно лишились своих древних столиц и большого количества своих граждан. Теперь они вступили в союз, чтобы объединить силы и всех тех, кто хочет выжить в новых условиях.

Молодым офицером Объединенных Вооруженных Сил Конфедерации главнокомандующий "Уаджет" прошел огонь и воду, и видел то, от чего до сих пор просыпался по ночам. Ткань была страшным противником. Все прекрасно понимали, что договорится с ней — невозможно, бежать от нее некуда. Уже тогда Кириченко усвоил, что людям предстоит либо найти способ избавить планету от этого биологического монстра, перерабатывающего земную органику в себя самого, или же просто исчезнуть.

Фрактал и "Уаджет" могли предотвратить последнее, и шансы выжить даже сейчас были велики. Кириченко понимал всю уникальность "Уаджет" — биологическое оружие, источник которого был найден в горах восточной Сибири, могло успешно противостоять Ткани там, где обычные войска были малоэффективны. Вне всякого сомнения, "мимезис" — это спасение человечества. Живой единый организм, чем-то неуловимо похожий на Ткань, но при этом являющийся нечто совершенно иным.

Лифт остановился, и зеркальные двери открылись. Главнокомандующий "Уаджет" шагнул в скудно освещенный, широкий коридор, заканчивающийся двустворчатой дверью, над которой горел зеленый плафон. Кириченко показалось, будто этот условный сигнал сейчас не предвещает ему ничего хорошего, зеленый огонек в этих потемках показался ему глазом монстра, в чью пасть — дверь — он сейчас шагнет. Двери ярко освещено изнутри кабины лифта за его спиной бесшумно закрылись, и света стало еще меньше.

Генерал-лейтенант прошел по коридору, слушая глухой стук своих подошв по пластиковому полу. Сейчас он находился на достаточной глубине под землей, чтобы ни его, ни людей, ждущих его, никто не смог побеспокоить.

Думая об этом, Кириченко приложил ладонь к плоской панели дактилоскопического замка и повернулся к сканеру сетчатки глаза. Перед тем, как створки перед ним начали расходиться, он успел бросить последний взгляд на часы — успел.

Этот зал был значительно больше и темнее, чем тот, в

котором только что состоялось совещание с ответственными за управление штаб-квартирой многими уровнями выше. Огромное помещение с круглыми стенами словно бы поглощало весь свет, который яркими бледно-голубыми лучами лился с нескольких круглых плафонов с далекого потолка, образуя тем самым на полу освещенные идеально ровные круги. Один из шести пустовал.

Люди, стоящие на своих строго отведенных им местах, молча смотрели на стоящего на пороге главнокомандующего "Уаджет". Трое мужчин, две женщины, все разных возрастов и национальностей. Среди них были и азиаты, самый молодой участник совещания — девушка славянской внешности, наверное, не старше тридцати. Все присутствующие держали в руках открытые консоли, и были одеты в строгие деловые костюмы, словно бы только что покинули офисы каких-то важных учреждений.

"Шелкопряд", подумал Кириченко с замиранием сердца, глядя на них. Организация, когда-то руководящая постройкой Фрактала и позднее создавшая "Уаджет".

Кириченко никогда не знал, сколько их всего. Он бывал на подобных закрытых совещаниях — в среднем раз в год — и каждый раз видел разные лица и слышал разные имена-прозвища, принятые у "Шелкопряда" когда они общались с "посторонними", и количество членов этой организации, участвующих на подобных совещаниях всегда было разным. Главнокомандующий "Уаджет" вообще мало что о них знал, хотя по долгу службы контактировал с ними относительно часто. Насколько ему было известно, члены "Шелкопряда" очень редко появлялись во Фрактале, но из-за произошедшего инцидента было принято провести встречу здесь.

Кириченко шагнул внутрь, направляясь по звонкому покрытию пола к своему кругу света. Добравшись до него, он занял свое место. Свет, льющийся сверху, ярко осветил его черный мундир, заставив запылать его кроваво-золотые погоны, засверкать пуговицы. Козырек фуражки бросил на его лицо глубокую тень, и сегодня Кириченко не стал снимать ее.

"Здесь я хозяин", подумал он, с плохо скрываемой неприязнью разглядывая присутствующих, но при этом ловя себя на мысли, что испытывает страх перед ними. Даже перед этой молодой соотечественницей, даже перед мелкорослым пожилым китайцем.

Кириченко выпрямился и сложил руки за спиной, крепко переплетя пальцы. Он прекрасно понимал, что сейчас будет решаться его судьба, как главнокомандующего "Уаджет", но лебезить перед "Шелкопрядом" он не собирался.

"Это мой корпус и это мой штаб. Да, без этих выхолощенных

сучат ничего этого не было бы, и они вправе диктовать любые условия, но не они защищали его во время нападения, не они дохли от Ткани"…

— Дамы и господа, — громко сказал высокий блондин. — Мы все ознакомлены с докладами и отчетами по прошедшему сражению. Время вынести вердикт.

Пять пар глаз уставились на Кириченко, но он не ответил ни одному из них. Его присутствие здесь вообще можно считать лишним. Он не в силах повлиять на уже принятое решение, он здесь, чтобы выслушать его и принять его таким, каким оно будет.

— Господин главнокомандующий, должно быть, знает, что проект "Эллада" переходит уже в третью стадию, — с легким акцентом сказала низкорослая японка средних лет.

— До завершения еще далеко, — заметил другой член "Шелкопряда". — Но Совет глав стран Конфедерации настроен оптимистично. Они могут затребовать больше ресурсов для увеличения темпов хода работ.

Кириченко знал и об этом и понимал, куда они клонят. Он, подготавливавший за последние три года силы, и вырабатывающий специальную стратегию для того, чтобы быстро и стремительно нанести удары по главным кластерам Ткани, теперь осознавал, что его план висит на волоске. Неизвестный враг "Уаджет" значительно усугубил положение дел, и Кириченко считал этих неизвестных людей настоящими безумцами.

Врагов у "Уаджет" и просто недовольных было предостаточно, и не только в России. Фрактал сам по себе потреблял огромное количество ресурсов, которые были нужны для реализации грандиозного плана-эвакуации человечества с планеты. Международная программа "Эллада" была введена в действие Конфедерацией тридцать лет назад, и именно она до сих пор считалась приоритетным проектом, самым важным, самым опасным и самым длительным за всю историю человечества. Собственно, целью Конфедерации и главной причиной ее возникновения была именно эта программа. Целью этой сложнейшей, многоэтапной и невиданной до сих пор разработки являлось создание трех гигантских, быстрых космических транспортов на орбите Земли, для переброски крупных партий людей с умирающей планеты на Марс. На кону этого проекта без малого стояла судьба всего человечества.

Кириченко знал, что первый космический исполин в завершающей стадии постройки и будет полностью готов через несколько лет. Тогда первая партия колонистов в числе ста тысяч человек, большое количество строительных кибернетических

модулей и всех необходимых материалов отправятся на Марс для возрождения старых заброшенных колоний. Следующие два корабля предполагалось собрать и запустить с интервалом в пять-десять лет. Специалисты предполагали, что при помощи всех доставленных материалов и многочисленных кибернетических машин-строителей, колонисты в относительно краткие сроки сумеют соорудить и воссоздать защитные купола на поверхности Марса, возродив тем самым крупнейшую колонию за пределами Земли, которая в будущем станет новым домом человечества. Разработчики проект обещались полностью уложиться в течение столетия, и почти одна треть этого срока уже прошла. На сегодняшний день результаты производили впечатление даже на самых свирепых критиков и скептиков, ранее считавших всю эту затею если не сумасшедшей, то утопической.

Главнокомандующий "Уаджет" до сих пор твердо придерживался мнения, что эта программа спасения — самая глупая и опасная авантюра за всю историю рода людского. Он принимал "Элладу" за поражение и за позорное бегство и ненавидел этот проект и его создателей всей душой.

"Мы способны быстро покрыть огромное расстояние, разделяющее планеты, но мы не в силах уничтожить Ткань здесь, на Земле".

— Вы понимаете, что это значит, господин главнокомандующий? — подал голос старик-китаец, говоря с сильным акцентом.

— Так точно, — отозвался Кириченко. — Специальным указом "Шелкопряд" может расформировать "Уаджет", полностью сконцентрировавшись на "Элладе".

"И я не должен допустить этого ни в коем случае".

— Мы дадим Вам шанс, — сказал старик. То, каким тоном это было сказано, ясно указывало, что этот шанс будет последним.

— Некоторые условия, — продолжил блондин. — Первое: "Уаджет" самостоятельно найдет и уничтожит своего противника в кратчайшие сроки. Второе: "Уаджет" как можно быстрее должен приступить к уничтожению Ткани.

— Мы слишком долго ждали, — сказал старый азиат. — Пора действовать, пока это еще возможно.

— Вы ведь прекрасно знаете наше положение, — сказал блондин. — За последние десять лет Ткань распространилась по всей Европе, и почти по всему африканскому континенту, создав так называемые Сады Ткани. Несколько крупных кластеров класса "сфера" скоро достигнут Западного побережья Северной Америки, и еще несколько на подходе к Южной.

Кириченко знал это. Люди не смогли остановить угрозу,

исходящую от иноземного организма в самом начале вторжения, и теперь пожинали плоды собственного страха и невежества, которые царили в мире во время, когда открылось Кольцо Майера. Он так же знал, что активное применение оружия массового поражения и без того в загаженном радиацией мире уничтожит всю жизнь на Земле быстрее, чем это сделает Ткань. "Уаджет" и "мимезис" — единственный путь к спасению.

— "Уаджет" должен перейти к решительным действиям против Ткани в течение года, — сказала молодая женщина. — Ваш план должен начать работать. В случае неудачи, как и с поиском нового противника, так и уничтожением Ткани, "Уаджет" будет полностью расформирован. В этом случае мы отдадим приоритет проекту "Эллада", как к наиболее выгодному и разумному вкладу ресурсов.

Кириченко крепко стиснул зубы. Он получил отсрочку, и через год все будет решено. Победа или бегство — и бегство в лучшем случае.

Члены "Шелкопряда" молча смотрели на него, ожидая его реакции. В тишине медленно тянулись секунды, и Кириченко пришлось приложить усилия, чтобы разжать челюсти.

— Я… Я понимаю вас, — хрипло проговорил генерал-лейтенант, слепо глядя перед собой. — Ценю ваше доверие. Уверен, что инциденты, подобные этому нападению, больше никогда не повторятся. Враг будет идентифицирован, найден и уничтожен.

Они молчали, но Кириченко чувствовал, что его ответ пришелся им по душе.

"Год… Не так уж и много, если подумать. Но Левашов и этот старик правы, медлить больше нельзя".

* * *

Теплые потоки воздуха, идущие снизу вверх, обдавали Стаса, разомлевшего на скамье и уже словно бы позабывшего, что зима в этом году выдалась на удивление холодной. Он слушал звук портативного свето-проектора, лежащего на коленях у Насти, и голоса разных людей, сменяющие друг друга вслед с переключающимися каналами, казались ему чем-то потусторонним. Изображение голографического экрана отбрасывало на его лицо светло-сиреневое свечение.

-..Завтра — великий день. Семнадцать лет назад, специально отобранные войска Азиатской Конфедерации Содружества нанесли удар по Садам Ткани в восточной Европе. Спустя десять

лет после героической гибели Первой экспедиции, новые силы должны были попытаться еще раз сделать это, чтобы остановить распространение иноземной угрозы по нашей планете. Эти мужчины и женщины не сумели достигнуть поставленной цели. Но им удалось совершить невозможное — выжить там, где жизнь в привычном нам представлении не может существовать. Из ста пятидесяти тысяч человек, учувствовавших во Второй экспедиции против Ткани, выжили и вернулись не более тридцати тысяч. Это удалось лишь благодаря командующему экспедиционным корпусом, маршалу Объединенных Вооруженных Сил Конфедерации, Дииру Моканди. Завтра, в двенадцать ноль-ноль, во всех крупных городах Конфедерации зажгутся огни на мемориалах в память о павших героях и тех, кто сумел выполнить свой долг и вернуться домой…

Щелк.

-..крейсер Атлантического блока "Морской демон-16". Штаб флота Восточного моря выслал к нарушителю беспилотный самолет, который был сбит зенитными системами крейсера. Не отвечающий на запросы со стороны военно-морских сил КНР корабль было принято уничтожить до подхода к берегам Китая. Поэтому, спустя пять минут после уничтожения наблюдателя к "Морскому демону" был выслан легкий торпедоносец класса…

Щелк.

-..Нет никаких оснований полагать, что диверсанты и те, кто руководил их действиями останутся безнаказанными. Наши специалисты из генерального штаба ведут собственное расследование произошедшего инцидента при сотрудничестве с высшими чинами из штаб-квартиры "Панцирь мира". Используя имеющуюся у нас информацию, мы твердо уверены, что в скором времени вычислим нашего нового противника. Удар, который пережил Фрактал и "Уаджет", научил нас многому. Оказывается, и из числа людей есть те, кто не видит на сегодняшний день нашей главной опасности. Разумеется, я говорю о распространении Ткани.

— Есть мнение, что нападение было скоординировано из-за океана, и прибытие в акваторию Азиатской Конфедерации Содружества киберкрейсера Атлантического блока, затопленного сегодня утром, якобы совпадает с нападением на Фрактал. Так ли это?

— Наши китайские партнеры поступили очень опрометчиво, затопив чужую неуправляемую машину, враждебно действующую в акватории Конфедерации. Не исключено, что на борту крейсера были и ядерные заряды малой и средней мощности, и допустить подход корабля к берегам континента было недопустимо.

Эксперты и подводники скоро дадут нам ответ на этот вопрос. Пока что нельзя сказать точно, было ли прибытие "Морского демона" спланировано загодя, или же его появление является лишь совпадением с недавним нападением на Фрактал. Но мы не исключаем и подобного варианта развития событий…

— Мрак какой-то, — тихо вздохнула Настя, отключая звук проектора.

— Других новостей нет? — спросил Стас.

Они сидели на открытом широком мосте, перед высоким заграждением, за которым открывался вид на юго-восточные окраины Фрактала. За невысокими домами и складскими помещениями и посадочными площадками для винтокрылов и самолетов виднелись сопки, покрытые снегом, который в сгущающихся сумерках становился темно-сиреневым. Внизу, под ними пролегали пара монорельсовых путей, четко виднеющихся даже в сумраке на нетронутом снежном покрове.

За время своей прогулки по городу они остановились передохнуть здесь, так как здесь было тепло, и не было пронизывающего холодного ветра. Мощные восходящие потоки горячего воздуха из сопл воздушных очистителей монорельса заставили их остановиться именно здесь.

— Нет. Похоже, новый год получился очень оживленным в плане подобных новостей.

— Все только и говорят о годовщине Второй экспедиции, потопленном крейсере и нападении на Фрактал, — сквозь зубы сказал Стас, потягиваясь.

— А про нас словно бы и забыли.

— Да, похоже… Надеюсь, они не тянут время, чтобы выдумать какую-нибудь ерунду для огласки, а проводят настоящее расследование.

Настя вяло кивнула, глядя плывущие в сумерках огоньки. Далекая трасса, опоясывающая темную сопку, была видимой только благодаря ей, это кажущейся бесконечной веренице ярких желтых огней медленно движущихся машин. Тяжелые транспорты нескольких горнорудных предприятий, принадлежащих "Уаджет" и работающие круглосуточно…

— По крайней мере, у нас есть свободное время. Никто не дергает без причины — разве плохо?

— Завтра я пойду к мемориалу, — тихо проговорила Настя.

— Кто у тебя?.. — так же тихо спросил он, не глядя на женщину.

— Дядя. Пропал без вести.

"Как и мой отец", машинально подумал Стас. Наверное, это ничего не меняло, если противником людей была Ткань. Любой

пропавший без вести в противостоянии с ней автоматически приравнивался к убитому. Ткань не берет в плен, не дает возможности скрыться.

— Можно пойти с тобой?

— Конечно. У тебя кто-то был?.. — Настя не договорила и отвела взгляд.

— Отец, — глухо сказал он.

Стас закрыл глаза, пытаясь вспомнить человека, который ушел со Второй экспедицией, чтобы не вернуться. Вспомнить его таким, каким он был при жизни… Нет, это было слишком давно.

Фото отца, которое он привез сюда полгода назад, было, пожалуй, единственной стоящей вещью вообще, которую стоило взять с собой во Фрактал. В свое время Стас так долго рассматривал его, что теперь мог воспроизвести в памяти все изображение во всех подробностях.

Широко улыбающийся человек в темно-коричневом комбинезоне с нашивками бронетанковых войск, лихо подбоченившись, смотрел открыто и спокойно. Темные волосы, растрепанные ветром, аккуратные ухоженные короткие борода и усы, яркие зеленые глаза. На сгибе локтя он держал маленького мальчика, обладавшего неуловимым сходство с ним самим. Мальчуган смотрел в кадр с несколько ошарашенным, если не комичным выражением на лице.

Стас, поднявшись, потянулся и шагнул к высокому ограждению, наваливаясь на него грудью. Сложив руки на перилах, он положил на них подбородок, глядя на многочисленные огни города и движущиеся вдали машины.

Воспоминания об этой фотографии невольно пробудил другие, самые давние, самые неприятные. Отделаться от них было невозможно, и Стас всю свою жизнь покорно нес в своем сознании этот тяжелый груз прошлого.

Он вновь закрыл глаза и вспомнил узкий темный ход подвала, заваленный хламом. Тишину, нарушаемую лишь капающей где-то влагой и тихим, заунывным поскрипыванием покачивающихся на сквозняке цепей, на которых когда-то висели лампы…

Ему повезло, что рыская по руинам одного из больших заброшенных домов, он провалился в подвал, ничего себе не сломав. Дело произошло ясным днем, и обилие узких окон, бросавших внутрь искусственного подземелья косые лучи давало шанс увидеть хоть что-то.

Стас долго исследовал этот огромный подвал, чувствуя сильное сердцебиение и ноющую боль в ушибленной при падении лодыжке. Он боялся, что не сможет найти выхода до наступления

ночи. Кричать было бессмысленно — это была брошенный район города, и услышать его могли лишь такие же исследователи руин. Шансы были невелики и неоправданны — напрасная трата сил и напряжение голосовых связок. Стас проклинал себя за то, что отправился сюда один.

Он еще долго блуждал по подземелью, размазывая по лицу слезы, пока, наконец, не увидел другого человека.

Стас вздрогнул и заерзал локтями по перилам. На его лице возникла невыразительная плаксивая гримаса отчаяния и страха — это воспоминание было таким ясным и пугающим. Он вновь был маленьким Стасом, десятилетним мальчиком, бредущим по кажущемуся бесконечным лабиринту, в который попал по собственной неосторожности.

Незнакомец сидел, прислонившись спиной к стене и вытянув перед собой ноги. Правая рука в распухшей черной перчатке лежала на рукояти "Калашникова-200"; перчатка на левой руке была изорванной, и Стас видел мертвенно-серую кожу тыльной стороны ладони. В темноте она казалась неестественно яркой. "Двухсотка" мертвеца была покрыта огромным количеством мха и ржавчины.

Глаза солдата были открыты — потемневшие, ставшие мутными, словно потускневшие от старости стеклянные шарики, они сохраняли неестественный мертвый блеск. Наклонив голову в массивном шлеме-сфере вниз и в бок, наверное, он когда-то сел у стены отдохнуть. Уснул и не проснулся.

Стас не шевелился. Что здесь делал этот солдат? Когда-то давно он заблудился здесь так же, как и он? Мертвец не испугал его, но его вид словно бы ввел мальчика в оцепенение.

Через год отец Стаса в числе Второй экспедиции отправится на завоевание плацдарма в восточную Европу. Спустя еще несколько лет Стас заинтересуется историей, и получит никому не нужное в умирающем мире, глупое образование и профессию. Потом Стас пойдет в ополчение, убьет безоружных людей, чтобы не тратить время на возню с ними, и повстречает Десаи.

Нарастающий гул заставил его очнуться от воспоминаний и открыть глаза. Неподалеку на низкой высоте пролетал тяжелый транспортный винтокрыл. Рассмотреть машину в сгустившихся сумерках было возможно только лишь благодаря габаритным огням. Винтокрыл, издавая глухое стрекотание, плавно облетел ближайшую сопку, направляясь в сторону восточных окраин.

Бросив взгляд через плечо, Стас увидел, что Настя тоже отчужденно следит за полетом машины.

"О чем она думает? Как и я, вспоминает?.."

Он отвернулся.

Собственная жизнь казалась ему донельзя странной штукой. Память услужливо нарезала ее на отдельные пласты, которые, при рассмотрении в воспоминаниях казались словно бы никак невзаимосвязанными друг с другом. Единственное, что здесь было не изменяющимся — это присутствие в них самого Стаса, главного лица этого исковерканного, находящегося на монтаже в общем-то скучного фильма ни о чем.

Стас медленно моргал и пытался сосредоточиться: о чем он сам только что думал?

Образ из его детства исчез так же быстро и неожиданно, как и всплыл из глубин памяти. Он не смог вспомнить, как он выбрался из того подвала, но образ мертвого солдата у стены был ясным и ярким, словно бы он видел его вчера. Позже он видел мертвеца в большинстве своих ночных кошмаров.

Стас вновь устроил голову на сложенных на высоком заграждении руках, закрывая глаза, и затаившиеся на дне его сознания воспоминания вновь ожили, сонно зашевелились, словно потревоженные тенью рыбы на дне водоема.

Дальше было что-то еще…

"Цветочная магия".

Станислав впервые услышал об этом препарате и впервые попробовал его пять лет назад. В то время Стас совершил нечто, испугавшее его, заставившее самого искать спасения и очищение ума.

Пять лет назад Станислав убил людей, впервые за свою жизнь.

Сам по себе город, который оборонял Форт-9, казался старым и полуразрушенным, но он был в сотни раз безопасней тех глухих пустошей, окружавших его. Именно там, в районах, откуда уже давно ушли люди, обитали множество банд, ведущих новый, варварский образ жизни в новом мировом порядке.

Остатки недобитых сил мятежного полка, мародеры, которые не пожелали сдаваться федералам и милиционной армии, были немногочисленны, но и их хватало для того, чтобы держать в напряжении приграничный район на протяжение нескольких лет. Когда они высунулись, дав о себе знать, то устроили обстрел старого Красноярска. В их распоряжении были легкие минометы, и после этого силы Форта-9 совершили карательный рейд вглубь заброшенных территорий на юго-запад.

В числе полусотни человек, отправленных разобраться с противником, был и рядовой Станислав Кавелин. Предстоящий бой должен был стать для него боевым крещением.

Боевики встали лагерем возле бывших военных укреплений. Вначале окруженной банде одичавших военных предложили

сдаться. Когда на позиции милиционеров посыпались мины, командир скомандовал "огонь на поражение", и редкая цепь ополченцев при поддержке четырех бронетранспортеров стала смыкать кольцо. С бандой безумцев было покончено спустя полчаса, и позже Стас и другие солдаты ополчения обыскивали уцелевшие в ходе боя палатки. На шее Стаса висел трофей, который он только что подобрал с тела одного из врагов: старенький японский свето-проектор, чудом уцелевший за время перестрелки. Товарищи Станислава и он сам стреляли в упор в тела боевиков, чтобы быть уверенными, что те мертвы. Уставший, плохо соображавший от долгой стрельбы и опьяневший от крови Стас ощущал лишь тяжесть бронежилета, кажущийся каменно тяжелым шлем-сферу, дрожащие руки и ноги. Его мутило, и окружающую реальность он воспринимал через дурную пелену перед глазами. Его тогда занимало лишь одно: скорей бы старлей давал команду занять места в бронетранспортерах, и тогда они повернут обратно…

Быстро идущий между телами противников Стас, свернул за угол низкого приземистого бункера, и увидел двоих людей в полувоенных обносках. Мужчина и женщина, еще совсем молодые, наверное, того же возраста, что и стоящий перед ними милиционер.

При виде Стаса они молча упали на колени, поднимая руки вверх. Стас еще никогда не видел, чтобы у людей так широко были открыты глаза.

Он замер на месте. Стас не знал, что делать теперь. Это было явным упущением, ведь старший лейтенант ничего не говорил о пленных, и он не мог отвести взгляда от этих людей. Им было некуда бежать, некуда спрятаться.

— Кавелин!

Стас подумал, были ли эти двое среди тех, кто сейчас стрелял по нему и его товарищам? Наверное, да. Стас вспомнил разрушенный город, взрывы падающих мин и мертвые изуродованные тела.

Убить убийц? Сказать командиру? Или отпустить их?..

— Кавелин, давай шевелись!!

Спустя секунду Стас сделал свой выбор. Он не дал опомниться ни себе, ни этим двум двоим.

Его "двухсотка" быстро и сухо кашлянула, дважды. Стас, опуская оружие вниз стволом, быстро отвернулся и побежал на подкашивающихся ногах к бронетранспортерам, не глядя, как тела с простреленными головами валятся на обожженную солнцем землю.

Спустя две недели Стас понял, что сходит с ума. Бессонные

ночи и все время эти чужие глаза, широко раскрытые, полные страха и надежды. Образ стоящих перед ним на коленях людей, которых он застрелил, преследовал его везде. Просыпаясь ночью, Стасу чудилось будто они стоят рядом, прямо перед его койкой. Он словно бы чувствовал их жгущий спину взгляд. Два коленопреклоненных призрака с поднятыми мерещились Стасу и в сумерках, тяжелыми, жаркими вечерами. Закрывая глаза, чтобы уснуть, Стас видел их и до сих пор чувствовал это беспомощную немую мольбу, направленную к нему.

Спустя две недели после рейда Стас познакомился с Десаи.

Сейчас он вспоминал этого человека. Образ старика сохранился в памяти ясно и четко, Стас без труда мог воссоздать его добродушное улыбающееся лицо, хриплый и слабый голос, смешно коверкающий нараспев некоторые русские слова.

"Он называл свои сигареты цветочной магией".

Сейчас Стас вспомнил позапрошлое лето семьдесят восьмого года, начало июня. Вот он шагает к полуразрушенному зданию на окраине города, где раньше располагался госпиталь. Персонал давно разошелся, кто куда. Кто-то остался жить возле надежных стен Форта-9, а кто-то подался в другие места, ища работу. Когда-то давно, часть уцелевшего оборудования и медикаментов была разграблена местными жителями. То, что не успели забрать, чуть позже реквизировали военные. Стас знал, что и потом, на протяжении долгого времени в бывший госпиталь наведывались все, кому было не лень. Он и сам забирался в него пару раз, когда был подростком…

Теперь здание бывшего госпиталя стал прибежищем для Десаи.

Его полное имя Стас слышал только при первом знакомстве — Лал Раджив Десаи, но всегда звал его только Десаи. Он прибыл сюда из Индии, той части, которая уцелела после короткой разрушительного конфликта, начавшегося хаоса и первой волны Ткани. Десаи всем говорил, что он путешественник, что у него на родине много денег, что он за полвека повидал много страданий, и что он предлагает людям утешение от боли.

Десаи был наркоторговцем, и, как полагал Стас, сумасшедшим. Впрочем, одно не мешало другому. Вместе с этим он не торговал серьезными наркотиками, хотя его товар пользовался огромной популярностью везде, где бы ни появился старый индиец. Сам Десаи, с точки зрения торговца чем-либо поступал очень странно: иногда он дарил свои "благовония" и "приправы" первому встречному, руководствуясь какими-то своими принципами и странной философией. Иногда индиец просил немалые деньги за свой товар. Понять в этом Десаи было

трудно, и именно от этого, и от его загадочной ауры скрытой опасности шли слухи о том, что он ненормальный.

Пять лет назад, когда Стас мучился бессонными ночами, Десаи предложил ему "цветочную магию" — смесь экзотических цветов, чей аромат погружал в легкое состояние забывчивости. Это помогло — пришедший в себя Стас чувствовал себя словно заново рожденным.

Прежде, чем войти внутрь, Стас огляделся по сторонам, достал из кармана куртки пистолет, снял его с предохранителя и шагнул в сумрак здания, убирая оружие обратно. Вне службы он носил оружие почти всегда с собой, как и большинство остальных граждан, которых заботил вопрос собственной безопасности. Шагая по пустым коридорам, взметая подошвами ботинок пыль и мелкий легкий мусор, он шел мимо палат и кабинетов с открытыми дверями, и тусклый солнечный свет, льющийся через большие окна, время от времени выхватывал из сумрака его низкорослую фигуру. Как и все брошенный здания, старый полуразрушенный госпиталь раньше казался ему страшным местом. Но сейчас Стас не боялся — эта пыль, запустение и обилие мрачных углов ничуть не трогали его.

Он спустился по лестнице в подвал, и в свете косых солнечных лучей, падающих из узких прямоугольных окон, больше напоминающих амбразуры, Стас увидел сгорбленную фигуру. Десаи сидел на том же месте в той же позе, как Стас застал его во время их последней встречи. Хорошо одетый для этой глуши, с обилием причудливых оберегов на шее и руках, он, подавшись вперед и упершись локтями в колени, держал в худых руках с взбухшими венами свою светло-коричневую трость, упираясь ею в пыльный пол подвала. Десаи медленно поднял голову, взглянув своими темными глазами на стоящего перед ним Стаса, спокойно и ясно.

Стас посмотрел на его трость. Недавно он слышал от знакомого сослуживца, который тоже наведывался к Десаи, что трость полая, и рукоять на самом деле является эфесом тонкого острого клинка.

— Здравствуй, друг мой, — Сказал Десаи, моргнув и отведя голову в сторону, словно бы у него болели глаза. Говорил он всегда спокойно и мелодично, словно бы напевая, иногда коверкая слова и имена.

— Привет.

— Я позвал тебя, чтобы сказать одну вещь. Я возвращаюсь домой.

Стас нетерпеливо переступил с ноги на ногу, стискивая в ладони правой руки рукоять пистолета. Он волновался, думая,

что в случае опасности сможет выстрелить в него, не вынимая оружие из кармана. Черт с ней, с дыркой, самому бы остаться целому…

— Что-то случилось? — спросил Стас.

— Мой отец умер, — сказал Десаи. — Он прожил очень долго для этого мира. Я возвращаюсь, чтобы попрощаться с его духом.

Стас не знал что сказать, и поэтому просто кивнул.

— Я не знаю, когда вернусь сюда. Наверное, я останусь у себя на родине.

— Решил завязать с бизнесом? — спросил Стас, наклонив голову.

— Уттар-Прадеш не пострадал так сильно, как остальной мир, — Десаи с трудом поднялся на ноги. — Но и у меня на родине многие нуждаются в утешении.

Стас напрягся, весь перейдя во внимание. Этот человек, который, сгорбившись, шаркал мимо него в сторону выхода, был очень опасен. Стас чувствовал исходящую от него угрозу.

Десаи задержался рядом со Стасом, и тот вздрогнул, когда костлявая высохшая рука индийца легла ему на плечо.

— Дай мне руку, Станнислла, — пропел Десаи, глядя стоящему перед ним человеку в глаза и привычно исковеркав его полное имя.

Стас чувствовал, как его затягивает вглубь этих черных глаз, словно в бездонный колодец.

Их больше ничего не связывало, да и не связывало никогда. Стас был редким покупателем, а он — продавцом. Стас мог бы сейчас оттолкнуть Десаи, стряхнув его руку со своего плеча. Мог ударить. Мог выстрелить ему прямо в живот — старик стоял сейчас как раз напротив правого кармана куртки Стаса, где тот сейчас сжимал пистолет.

Стас сосредоточился. Убить человека, который зарабатывал себе на жизнь, торгуя дрянью? Это было бы куда честнее, чем стрелять в головы людям, которые хотят сдаться, чтобы пожить еще чуть-чуть.

Стас не выстрелил. Он не мог ничего сделать человеку, который вытащил его из бесконечного отчаяния. Десаи и его "цветочная магия" помогли Стасу избавиться от двух призраков, падающих перед ним на колени во тьме и поднимающих руки.

Стас медленно протянул свободную левую руку, и Десаи, глядя ему прямо в глаза, цепко поймал его за запястье. Что-то легло в ладонь Стаса, и индиец сжал его пальцы в кулак.

— Когда ангелы бедствий вернутся, тебе станет плохо и солнце вновь померкнет в твоих глазах, — сказал он, отворачиваясь и шагая в сторону выхода мимо одеревеневшего

Стаса. — Вспомни старого Десаи. Вспомни.

Стас слушал его шаркающие шаги, становящиеся все тише и тише. Он смотрел на последний подарок Десаи — темно-синюю сигарету, то, что сам индус называл "цветочной магией".

До сих пор Стас не мог понять, что хотел этим сказать старый индиец. Он понял, что Стас может убить его, и решил купить свою жизнь этим подарком? Или же он выразил свою признательность, что Стас за все время их знакомства не сдал его?.. Но почему именно он? Ведь о существовании Десаи знали и некоторые друзья Стаса.

Он не знал. После этой встречи Станислав больше никогда ничего не слышал о Десаи, но его сигарету со смесью неизвестных экзотических цветов он продолжал хранить.

Спустя год Стаса оповестили, что он будет переведен на службу в "Уаджет", и через две недели он должен будет покинуть Форт-9. Через три дня, когда у него выдался отгул, Стас в последний раз чиркнул зажигалкой, и темно-синяя сигарета, которую он бережно хранил все это время, начала медленно таять. Пресловутые ангелы бед и отчаяния не вились над ним, и солнце не погасло в его глазах — просто это был его последний шанс попробовать загадочную смесь неизвестных ему цветов и трав, а быть может, и самой настоящей магии. Стас знал, что когда тлеющая сигарета источала этот аромат, невозможное становилось возможным.

Так произошло и на этот раз. Мир распахнулся, стремительно раскинул свои просторы вширь и вдаль и над его головой, и вновь потрясенный Стас всю ночь просидел на подоконнике, таращась в небо и думал о том, что видит огромное, безбрежное черное море с мерцающими в нем звездами. Эта мертвая бездна поглотила все вокруг, и в ней остались лишь холодные, но красивые огни и их планета, медленно погибающая, растворяющаяся в этой бесконечности.

То, что он видел сквозь дурман, казалось ему чудом.

"Десаи не зря называл эту штуку магией".

Он открыл глаза, возвращаясь в реальность.

"Ангелы бедствий"…

— Мы сегодня собираемся сходить в какой-нибудь, бар, — проговорил он, словно в полудреме. — Обмоем повышение знакомых. Идем?

— Нет, спасибо.

— Я знал, что ты это скажешь, — он тихо засмеялся. — Не любишь пить?

— Не люблю "какие-нибудь бары", — ответила Настя. Стас не заметил, как она оказалась уже рядом с ним с заграждением.

— О чем ты сейчас думал?.. Извини, — она улыбнулась.

Стас кисло улыбнулся в ответ:

— Вспоминал прошлое.

Он оттолкнулся от заграждения:

— Проводить тебя домой? Ох, черт, прости…

Стас с улыбкой покачал головой, глядя на нее исподлобья:

— Прости, все время забываю.

— О чем?

— У тебя муж… Есть малыш?

— Нет, — сказала Настя. — Хотя мы и думали об этом. Наверное, пока длится все это, — она обвела руками вокруг, и Стас прекрасно понимал, о чем она. — Не сейчас.

Стасу показалось, будто она хочет добавить что-то еще, увидев, как он отвела взгляд и поджала губы.

"Возможно, она хотела сказать "ребенка никогда не будет", подумал он, и бросил еще один взгляд на город, на медленно плывущие друг за другом во мраке огни далеких машин.

"Десаи… Почему я вспомнил о нем?"

Стас отвернулся, шагнув с Настей к ступеням. На его лице застыло выражение какой-то сонной сосредоточенности.

"Старик здорово помог мне… Жив ли он до сих пор?"

Стас поежился, ощутив холод, когда они спустились с мостика, пряча руки в карманах пальто. Настя неуверенно шагнула поближе, и он поймал на себе ее изучающий взгляд.

— Что?

— Ты сказал, что вспоминал прошлое, — сказала она. — У нас у всех оно было неважным.

Стас промолчал. Он был полностью согласен с Настей, но сказать что-либо в ответ ему было нечего.

* * *

Здесь было очень светло. Большая лампа над головой словно бы источала злобу, ярость по отношению ко всем, кто вошел в это помещение. Белый свет беспощадно заливал эту комнату между камерой допросов и тюремной секцией штаб-квартиры. Вся атмосфера здесь была пропитана холодной ненавистью, и Аня отчетливо ощущала это, помимо холода, жгущего босые ноги.

Она стояла, опустив голову. На ней был лишь легкий черный комбинезон, с короткими рукавами до локтей и штанинами до колен. Сквозь спутавшиеся влажные волосы она исподлобья смотрела на дверь перед собой. Бледное лицо молодой женщины выражало полное отрешение, голубые глаза смотрели не моргая.

Офицеры из службы безопасности, облаченные в легкие черные униформы, не обращали на нее никакого внимания. Лучшие специалисты из службы безопасности могли поручиться — старший координатор Анна Ковалева не причастна к предательству мужа.

— Хорошо, — сказал один из офицеров, выслушав короткую инструкцию от своего командира по связи, и поднял на стоящую перед ним Аню взгляд.

— Вы можете войти.

Второй офицер сдернул с руки перчатку и приложил ладонь к дактилоскопическому замку. Лязгнувший замок заставил ее вздрогнуть и прийти в себя. Прерывисто вздохнув, она вошла в камеру.

Аня сама только что покинула подобное помещение, так не отойдя окончательно после процедуры допроса, но и сейчас ее сердце сжалось при виде этих стен.

Здесь было мало свободного места и мало света. В центре полутемной камеры располагался саркофаг с телом Ковалева. Большое окно в верхней части капсулы было открыто, и Анна тяжело сглотнула, увидев бледное лицо Дениса. Его глаза и верхняя часть лица были закрыты плотно прилегающей к коже черной маской, из центра которой вверх, в потолок уводили несколько влажных черных шлангов. Во всех углах этой камеры, под потолком крепились камеры наблюдения. Аня чувствовала на себе их холодные пристальные взгляды.

Чувствуя обжигающий холод от решетчатого пола, Анна приблизилась к капсуле.

— Денис, — тихо позвала она, глядя на его лицо, и тут же отпрянула, когда лежащий в саркофаге человек вздрогнул, словно бы проснувшись. В этом саркофаге и с этой маской на лице он напоминал какую-то чудовищную куклу, оживленную мистической силой, трупом, который вдруг зашевелился и заговорил. Аня ощутила ужас и отчаяние, подумав, что лежащий перед ней человек — тот, которого она любила.

— Анюта, — едва слышно ответил он. Вид этого влажного, знакомого и одновременно кажущегося чужим лица, с одними шевелящимися губами казался отвратительным. Анна ощутила жуткий коктейль ненависти, жалости, страха и отвращения.

— Что ты наделал, Денис… Что ты наделал…

— Я сделал то, что должен был, — едва слышно говорил он. Его шевелящиеся губы производили жуткое впечатление, и на какой-то миг Аня подумала, что почувствовала бы себя лучше, если бы смогла увидеть его глаза, или хотя бы лицо. Он тяжело всхлипнула, глотая слезы, привалившись к краю капсулы.

— Пожалуйста, отойдите от саркофага, — потребовал голос по селектору. — Не прикасайтесь к нему.

Аня бросила взгляд на холодный глазок камеры наблюдения в углу.

— Зачем?

— Так было нужно, Анют. Так было нужно.

— Ты все разрушил!!.. Как же мы теперь?..

Она замолчала, ощущая пробуждающийся стыд. Мысль о том, что за ними пристально следят и жадно ловят каждое их слово, заставила ее замолчать. Ее губы задрожали, но она нашла в себе силы тихо сказать:

— Ведь мы же хотели завести ребенка, Денис…

— Прости. Ничего не выйдет. Прости. Никакого ребенка. Жизнь одного человека ничего не значит в сравнении с тем, что должно произойти.

— Гад!! — Аня покачнулась, и бессильно упала на колени, закрывая лицо руками. — Га-ад!..

— Прости пожалуйста. Я люблю тебя.

Аня плакала, уже позабыв обо всем. То, что произошло, до сих пор не укладывалось в голове.

"Он и вправду предатель. Он лгал мне на протяжении всех этих лет"…

В глазах потемнело. Она вспомнила их расставание тем вечером, когда Денис уходил на ночную смену в "Перстень". Он лгал ей и тогда, хотя уже знал, что через несколько часов он по закрытому каналу блокирует транспортные узлы "Панциря", уничтожит комплекс и всех, кто там находится, и попытается бежать к своему неизвестному покровителю.

— Я ненавижу тебя!

— Прости, прости Аня. Мне очень жаль, — громко шептал Денис, — чтобы доказать тебе, что ты мне не безразлична, я скажу одну важную вещь.

Аня продолжала плакать, закрыв лицо руками, не замечая жгущего холода решетчатого пола.

— Не плачь, пожалуйста. Послушай меня.

Девушка выпрямилась, заставив оторвать от лица ладони, и с трудом поднялась на ноги.

— Я скажу, — шептали бледные губы Дениса на его мертвенно бледно лице. — Я скажу, кто задумал все это, Анют.

— Почему ты говоришь мне это?

— Потому что я не хочу говорить этого никому другому, кроме тебя.

Анна прерывисто вздохнула, приваливаясь к краю саркофага, и на этот раз никто не сделал ей замечания. Следящие за этой

встречей готовились воспринимать любую полезную информацию. Анна ощутила это гнетущее состояние специалистов, наблюдающих за ними, буквально восприняв кожей их внимание и напряжение.

— Кто он?

— Я скажу тебе, но не им. Слушай…

Аня наклонилась к его губам еще ближе, ловя каждое его слово.

* * *

-..Поначалу все думали, что несколько трансконтинентальных корпораций загребут себе планету, но даже при самом четном дележе спустя какое-то время конфликт был бы неизбежен.

— Не очень оптимистичный прогноз, — усмехнулся полноватый и круглолицый Костя, подаваясь чуть вперед и не спуская насмешливого взгляда с миловидной блондинки, сидящей на коленях у полусонного Алексея.

— Получается, священный Халифат, начавший Войну терактов, предотвратил другой более серьезный мировой конфликт?

— Конечно, — блондинка кивнула, тряхнув стриженными под каре волосами. — Это очевидно. Устройство этих концернов-близнецов и обстановка в мире лишь поспособствовали этому.

Стас слушал их с едва заметной усмешкой. Он сам, как бывший историк, мог заткнуть их за пояс в их предположениях, но, поначалу слушавший с ярко выраженной скукой на лице, теперь поймал себя на том, что ему интересно послушать мнение других о том, что происходило на Земле за последнее время. Эта беседа полноватого оперативника Кости из второй колонны и медсестры из штаб-квартиры не казалось бы такой странной, если бы она не велась за столиком в баре. "Серена" была, пожалуй, единственным заведением во Фрактале, куда пускали только оперативников "Уаджет" по пропускам. Сегодня здесь собрались все, кто был свободен от дежурства, чтобы отметить свое повышение и просто отдохнуть.

— Ну-ка, напомни, когда это было? Сто лет назад?

— Чуть больше. В семидесятые двадцать первого века… — она прервалась, захихикала и заерзала на коленях у Леши.

— Потом Халифат уничтожил столицы и большие города в большинстве крупных государств по всему миру, — продолжила она, когда Евсеев прекратил щекотать ее. — И с Союзом Концернов было покончено.

— А как же "Шелкопряд"? — вяло спросил Стас.

— Наверное, исключение из правил… Хотя его существование еще нужно доказать.

— Кажется, ты хорошо знаешь историю, — признал Костя, берясь за свой стакан. — В наш век это редкость.

— Спасибо, — она зарделась, и крепко подвыпивший Леша отреагировал немедленно:

— Вот только не лезь а?

— Все нормально Леха, мы просто говорим, — Костя с трудом прицелился уже плохо слушающимися руками горлышко бутылки в стакан Евсеева. — И что же, Ткань могла появиться уже тогда, когда на Земле никого бы не было?..

— Ты забыл, как Ткань появилась здесь?..

— Ну, — Костя наморщил лоб. — Я точно не помню. Кажется, после хаоса Войны терактов что-то случилось в Англии…

— Ну-ну, — подбодрила девушка. — Проект по созданию источника совершенно нового вида энергии. Страна, получившая подобную разработку и нашедшая ресурсы для ее реализации в тогдашних условиях становилась новым лидером всей планеты…

— В ходе Войны терактов Великобритания пострадала меньше всех, там собрались башковитые ребята, — добавил Стас. — Короче, мы получили Кольцо Майера в результате неудачного научного эксперимента.

Костя откинулся на спинку кресла:

— Ах ты черт, точно!

— Есть очень распространенная и популярная версия, что целью этого проекта было не получение нового источника энергии, а само Кольцо.

— То есть как? — вскинул брови Костя.

— А вот так. Хотели научиться создавать порталы, прокалывая пространство…

— Прокололи, уроды… — горько усмехнулся Стас.

— Я верю в это, хотя это тайна за семью печатями, и узнать правду нам практически не возможно. Иногда я сомневаюсь, что даже лидеры Конфедерации и наши руководители знают правду о случившемся, и придерживаются какой-то ложной версии. И если бы Войну терактов можно было бы предотвратить, то Союз Концернов рано или поздно начал бы свою, и по прогнозам аналитиков, это было бы куда страшнее. Последствия могли быть куда хуже.

— Возможно, это было бы и лучше, — вздохнул Костя. Он с огорченным видом отодвинул от себя стакан, словно бы сокрушаясь, что не получилось "как лучше".

— Тебе бы уже все равно было бы, — заметил молчавший до

сих пор его брат Дима.

— Да уж… Где справедливость и сострадание? Вместо того чтобы относительно быстро угробить себя, человечество делает это постепенно. То халифаты всякие, то Ткань…

— Да, это изощренный садомазохизм.

— Ну, у нас пока другая головная боль, — сказал Леша, поглаживая бедро сидящей на его коленях девушки. — Не слышали что ли? Нашу вторую формацию временно направляют на поиски и уничтожение этих гадов. Так-то.

Стас слышал об этом. По сути, этим приказом их сравняли с остальными вооруженными силами, но мало кто находил это унизительным и сокрушался по этому поводу. Недовольных, как и следовало ожидать, больше всего оказалось из числа обычных оперативников из последнего набора в ряды "Уаджет". Новички рассчитывали на более хитроумную работу. Стас лишь думал о том, что его и остальных оперативников из второй формации отправляют не на борьбу с Тканью, а с другими людьми.

Стас закрыл глаза, и в темноте под веками перед ним вновь возник образ тех двух человек, молодого мужчины и женщины, которых он застрелил шесть лет назад при карательном рейде. Его уже давно не посещал этот образ, так ярко и так живо, но сейчас он не принес болезненных ощущений и страха. Возможно, из-за алкоголя.

"Нас отправляют убивать людей".

— Вновь как в старые добрые времена, — пробормотал он.

— Вся суть в том, что на самом-то деле за эти сто лет немногое изменилось, — говорил Дима. — Ну да, Ткань уже сожрала Европу и часть Африки, скоро доберется до обеих Америк, а люди по-прежнему ненавидят друг друга. Даже в Конфедерации… Вы что думаете, в Китае нас сильно любят?

— Ну, китайцам здорово досталось во время войны с халифатом, — возразила девушка, и Стас только сейчас припомнил ее имя — Таня.

— Китайцев было очень много в свое время. Организаторы Войны терактов позаботились о том, что бы исправить это недоразумение.

— Им досталась атомная в Пекине и две химические в разных областях, — мрачно сказал Костя. — И ведь до сих пор оклематься не могут.

— Ну ладно, но ведь до всего этого бардака, я слышал, азиатский концерн, контролирующий Китай, был очень агрессивно настроен.

— Лично мне не жалко американцев, — вдруг сказал Леша. Судя по голосу, алкоголь бродил в нем со страшной силой.

— Почему?

— Они ублюдки, — просто пояснил Евсеев. — Я плохо знаю историю, но я тоже слышал кое-что. Лет сто пятьдесят назад Атлантический блок был полноправным хозяином Земли, ему никто не мог противостоять. Атлантический блок и его спутников боялись и ненавидели за их извечную борзость, жадность и открытое вранье… Потом было несколько атомных и химических бомб в их столице и мегаполисах, по всему Восточному и Западному побережью, и они оказались беспомощны, — Леша поднял вверх палец. — Теперь они слабее нас, и их до сих пор ненавидят. Вон, глянь-ка туда, — и Евсеев указал большим пальцем за плечо, где на исполинском терминале вновь и вновь транслировались кадры съемки с китайского самолета. Огромный тяжелый киберкрейсер Атлантического блока получал прямое попадание мощной крылатой ракетой, пущенной с гиперзвукового самолета, исчезал в куполе белого огня и пара, и запись повторялась вновь.

— Не удивлюсь, если диверсанты были наняты ими, — процедил Леша.

— Да нет, не похоже. Им не до нас.

— Я слышал, что Атлантическому блоку предлагали помощь, — заметил Стас. — Ну, в связи с тем, что несколько крупных кластеров Ткани уже начали приближение к их Восточному побережью. Учитывая уровень радиации, Ткани там понравится…

— Я ненавижу Ткань, — невнятно пробормотал Евсеев. — Я готов уничтожать эту хрень… Но при этом я не против, что бы Ткань сожрала их континент. Туда и дорога.

— Кажется, ему на сегодня хватит, — заметил Костя.

— Люди словно ополоумели от страха за последние годы. Вспоминают старые обиды…

— Между прочим, Китай тоже не сильно жаловал Атлантический блок, — сказал Стас, наливая себе грушевый ликер. — Еще до вступления в Конфедерацию.

— Было дело, — сказала Таня.

— Удивительно, почему те, у кого осталось ядерное оружие, до сих пор не применили последние заряды, — пробормотал Дима.

— По кому? — спросил Стас.

— По кому угодно. Хоть по Ткани, хоть по самим себе…

— Потому что последние заряды теперь на вес золота, — ответил Костя. — А быть может, мозги все-таки у людей есть, иначе бы уже давно от радиации сгнили.

Все замолчали. Эта тема была самой страшной — после

Ткани, разумеется — во всем уцелевшем мире. Все знали, что радиация распространяется, что фон высок и не собирается падать еще со времен Войны терактов. Что и говорить о том, когда державы, располагавшие запасами ядерного оружия, лихорадочно пытались уничтожить мощными ударами центральные кластеры Ткани, уже пустившими корни в Европе.

— Но, по крайней мере, в Конфедерации относительно спокойно, — фальшивым тоном диктора новостей заявил Костя. — Людям в странах-участниках содружества очень не понравилось то, что произошло у нас. Не каждый день совершают нападения на такие объекты, как Фрактал. Все-таки и за бугром понимают, что к чему.

— Они нас тоже ненавидят, — сказал Стас.

— С чего ты взял?

— Я уверен, что наши партнеры по союзу отдали бы что угодно, чтобы узнать о секретах "Уаджет", — с невеселой ухмылкой медленно сказал Стас, с трудом выговаривая слова, кажущиеся длинными и сложными. — Они ведь видят, как с нами возятся. Так что не исключено, что удар нанес кто-то из наших союзников. Все может быть…

— Возможно, но маловероятно, — с сомнением сказала Таня. — То, что они хотели взломать базы данных "Уаджет", это да… Но диверсанты были бывшими ветеранами Второй экспедиции.

— Да, это странно, — кивнул Костя.

"Ветераны Второй экспедиции. Если бы мой отец был жив, он был бы среди них?"

От этой мысли подвыпивший Стас вздрогнул и поежился так, что на него покосились сидящие рядом. Он закрыл глаза, нахохлившись в своем кресле. Ему больше ни о чем не хотелось думать — ни о чем другом, кроме сна. Стас чувствовал, что предположение Насти о предстоящих трудных деньках верное, и в ближайшее время ему не представится поводов для расслабления. Дурное предчувствие скорой беды повисло над ним, подобно опьянению, и сейчас не было другого выхода, кроме как уснуть и забыть обо всем.

Непрошенные мысли все равно не давали покоя сознанию, помутненному несколькими фужерами ликера, и Стас сосредоточился на Насте, с которой расстался два часа назад.

"Или прошло уже три?.. Жаль, что она не пошла с нами".

Стас вспоминал сегодняшнюю прогулку с Настей, их беседу о том, что уже произошло и что произойдет в ближайшие дни. Сейчас он вспомнил и свою полугодовую выходку в вагоне метро — даже тогда он не был пьян, как сейчас — и слабо и криво

улыбнулся. Он заслужил пощечину и позже компенсировал свою попытку крайне невежливо обнять ее тем, что спас от кибертанка.

"Она замужем", подумал он и вновь почувствовал острое болезненное чувство в груди.

"Да, действительно. Все в этой жизни кому-нибудь уже принадлежит. Жаль. Она мне нравится".

Настя была тепло расположена к нему, но он ощущал, что невидимый холодный барьер между ними все еще силен, и, наверное, останется таким же неприступным навсегда. Стас не взялся определить, что же она чувствует по отношению к нему на самом деле. Она улыбалась в его сторону так же спокойно и так же нейтрально, как и полгода назад, когда пьяный Стас сказал ей — ты очень красивая.

"Парень, у тебя совсем гайки сорвало. Пора выбросить ее из головы. Она максимум друг, и глупо надеется на что-то большее".

Через полчаса Стас вышел из клуба. Посмотрев в ночное звездное небо, он почувствовал, как закружилась голова, и поспешно запахнув пальто, он шагнул в сторону монорельсового метро. В тишине ночной улицы свежевыпавший снег громко хрустел под подошвами его ботинок, и Стас невнятно пробормотал себе под нос проклятье в адрес того, кто начал разговор об истории. От выпитого он не мог вспомнить, кто это был, и сейчас испытывал лишь досаду. Стасу казалось, что он потратил время зря. Этот вечер не принес особого удовольствия и не развеял его мрачные мысли, скорее наоборот, сгустил тучи. Стас чувствовал себя разбитым и уставшим.

Прошлое не давало ему покоя.

III. Душа мира

Ключ-карта с красной полосой вошел в щель замка. Плафон над дверью пыхнул зеленым, и тяжелые створки отворились. Аня, прежде чем шагнуть вперед, с отрешенным безразличием взглянула на свой пропуск. Раньше полоска на карточке была фиолетовой — привилегированный знак, ключ ко всем секретам "Уаджет", или почти ко всем.

"Я не предательница".

Аня тихо и быстро шла по длинным, гулким коридорам штаб-квартиры в сторону кабинета главнокомандующего. Глядя только перед собой, прижав к груди папку с петицией, она сама себе казалась чужой в этом огромном комплексе. Прошли уже сутки спустя того, как Аню официально признали непричастной к предательству Дениса, и теперь она была полна решительности действовать.

"Панцирь мира" продолжал работать в напряженном режиме сбора, обработки и подготовки информации. Здесь работа не стихала ни на час, но штаб-квартира "Уаджет" еще никогда не казалась ей такой опустевшей, как в последние дни. "Панцирь мира" сделал вид, что никак не отреагировал на окончательную реабилитацию Ковалевой. Хотя Аня и ловила на себе внимательные взгляды других сотрудников штаб-квартиры, она изо всех сил старалась держаться спокойно и невозмутимо. Она чувствовала, что ей это дается с большим трудом, она видела, что и остальные офицеры "Панциря" так же стараются делать вид, будто ничего не произошло. С сегодняшнего утра она прервала почти все свои контакты с коллегами и знакомыми — теми, кому посчастливилось не оказаться в роковую ночь с семнадцатое на восемнадцатое января в комплексе "Перстень".

Она плохо спала этой ночью, как и предыдущей. Никакой сон не шел, когда она закрывала глаза. Образ Дениса, заключенного в саркофаг, его влажное, блестящее бледное лицо, закрытые черной маской глаза и дрожащие, громко шепчущие губы не выходили у нее из головы. Каждый раз вспоминая их встречу в камере допросов Аня чувствовала, как щемит сердце.

Коридор стал шире, пластик на потолке и стенах — светлее. Впереди показалась массивная дверь, перед которой дежурили двое охранников внутреннего периметра.

— У Вас назначено?

— Да. На двадцать один ноль-ноль.

— Ковалева?

— Да, — Анна покосилась на мелкорослого крепыша в

черном камуфляже, и ее губы дрогнули:

— У меня нет пропуска… в эту секцию.

Охранник удивленно вскинул брови, но ничего не сказал. Молча повернулся к замку и чиркнул по щели своей фиолетовой картой:

— Прошу.

— Спасибо, — Аня поспешно шагнула внутрь. Ее сердце тяжело билось, и она, опустив голову, прикусила нижнюю губу, чтобы сдержать слезы.

"Один из руководителей "Уаджет" без пропуска в доверенную зону. Это унизительно".

Когда она постучала в дверь кабинета Кириченко, ее глаза были сухими, и на лицо вернулась невозмутимая маска ледяного спокойствия. Аня собралась, готовясь к не самому приятному разговору.

Кабинет главнокомандующего был совсем небольшим, всегда хорошо освещенным помещением, хотя у каждого, кто появлялся здесь впервые, возникало чувство, что здесь слишком мало свободного места. Необычная "треугольная" конструкция кабинета, в котором не было потолка из-за сходящихся наверху стен, действительно производила подобное впечатление. В центре помещения располагался небольшой серый стол с несколькими креслами, своим торцом примыкающий к рабочему столу хозяина кабинета, стоящему у дальней от входа двери. Здесь всегда царил неяркий приглушенный свет, и Ане казалось, что серый стальной цвет стен и немногочисленных кресел и столов производит отталкивающее впечатление. Кресло главы "Уаджет" было развернуто спинкой к вошедшей Ане. Стена напротив входа была стеклянной, и Аня видела за ней миниатюрный садик с карликовыми деревцами и зеленью. Звучала тихая спокойная музыка.

Кириченко бодро крутанулся в кресле и взглянул на старшего координатора исподлобья, но без неприязни.

— А, Анна, — он подался вперед и сложил руки на столе, сцепив пальцы в замок. — Проходи. Я ждал тебя.

Аня, прикрыв за собой дверь, прошла к столу главнокомандующего и уселась за общий стол для совещаний слева от Кириченко.

— Я надеюсь, ты не держишь на меня зла. У меня не было выбора. Я уже принес свое извинение за свое распоряжение относительно операции твоего допроса, и делаю это и сейчас — прости меня, пожалуйста.

— Ничего страшного, — тихо отозвалась Анна, не глядя на Кириченко.

— Пройти процедуру допроса сканированием мозга… — он покачал головой. — Я не знаю, каково это, но я знаю, что это страшно. Ты видела… — он умолк, вновь откидываясь на спинку кресла.

Анна поняла, что он хотел сказать. Она действительно видела, что из себя представляет человек во время этой процедуры и после. Образ Дениса в саркофаге вновь всплыл в ее сознании, и она мелко затрясла головой:

— Пожалуйста, давайте не будем об этом.

— Конечно. Как твои дела?

Анна почувствовала себя значительно легче, услышав этот теплый голос. Неофициально их общение было всегда дружелюбным и спокойным, главнокомандующий относился к ней, как к дочери.

"Пока не заподозрил меня в шпионаже".

— Хорошо, — она слабо улыбнулась. — Кажется, я в полном порядке.

— Отрадно слышать. Сейчас нам как никогда нужны специалисты.

— Я напросилась на эту встречу с Вами как раз по этому поводу.

— Я слушаю тебя.

Анна молча протянула ему папку.

Все прошение Ковалевой помещалось на одном прозрачном пластиковом листе. Меньше чем через минуту Кириченко поднял взгляд на сидящую перед ним женщину. Аня смотрела в сторону, ее внешний вид явно не подходил к тому, о чем она упоминала в своей петиции. Анатолию показалось, будто бы молодая женщина тяжело больна неизвестным недугом.

"Она переживает тяжелые времена".

— Хм, — главнокомандующий "Уаджет" закрыл папку, переведя задумчивый взгляд с Анны на потолок.

— Это так… неожиданно.

— Вы отклоняете мою просьбу?

Кириченко молчал, и спустя несколько мгновений Аня медленно повернула в его сторону голову. Их глаза встретились, и главнокомандующий почувствовал себя неловко под этим пустым, холодным взглядом.

— Не думай, что я не доверяю тебе. Я знаю, что ваша семья… Ты и Ковалев, были замечательной парой. Извини… Я хочу сказать, что сомневаюсь в том, что твое психическое состояние позволит принять участие в этой операции.

— Я готова пройти все необходимые тесты, — твердо, но по-прежнему тихо, едва шевеля губами сказала Анна.

Главнокомандующий тяжело вздохнул, побарабанив кончиками пальцев по папке.

— Ох, Анна-Анна, Аннушка… Сколько ты уже служишь в "Уаджет"?

— Три года.

— У тебя есть все необходимые навыки?..

— Так точно. Я принимала участие во всех учениях по специальной программе для старших координаторов. Вы можете свериться с базой данных.

— Мда, пожалуй, это будет не лишним проверить. Это серьезная операция, хотя шансы найти что-то интересное и полезное не очень велики. Что ты знаешь об "Инцеденте-76"?

— Четыре года назад над Карским морем был засечен неопознанный самолет. Он с большой скоростью двигался на запад, не отвечая на запросы. На перехват были подняты самолеты, и нарушитель был сбит в районе Новой Земли, над Северным островом. Его так и не нашли из-за плохой погоды и повышенного уровня радиации в месте падения.

— В этом плане там сейчас не лучше, чем три года назад, — невесело усмехнулся Кириченко. — Ты ведь знаешь, для чего мы отправим туда разведчиков?

— Нет. Но как я понимаю, это связано с нападением на "Фрактал".

— Верно. Левашов приметил одну интересную вещь: этот нарушитель и транспорты, которые доставили сюда диверсантов, не несли стандартных опознавательных маяков. Быть может, это просто совпадение, но шансы есть, что сбитый над Карским морем самолет имеет прямое отношение к тем, кто стоит за нападением и диверсией.

— Я понимаю, — кивнула Аня.

— Ты по-прежнему старший координатор и один из наших лучших офицеров, Анна. У тебя больше нет работы, нет подчиненных…

— Поэтому я и прошу Вашего разрешения принять участие в этой операции, — Аня грустно поджала губы и пожала плечами. — Теперь у меня нет определенного рода занятия здесь, не хотелось бы быть лишней.

— В целом, я согласен на твое предложение. Ты будешь в числе разведчиков, которых мы направим туда в ближайшее время. Но ты должна будешь пройти все тесты, сегодня же вечером. Я подготовлю рапорт.

— Есть.

Это прозвучало тихо, но уверенно. Кириченко подумал, что, возможно, недооценивает внутренние силы этой женщины.

"Она кажется сломленной, но это не так".

— Анатолий Сергеевич?..

— Да?

— Вы видели ту запись?..

— Да, конечно, — он понял, о чем она говорит. Запись, сделанную четыре дня назад в камере допросов. Ковалев, заключенный в свой саркофаг, картинно признается на кого он работает.

— Вы… Вы поверили ему? Насчет "Брахмана" и Моканди?

— Конечно, слова Ковалева заставляют серьезно призадуматься. То, что все диверсанты были участниками Второй экспедиции, и то, что тело маршала после его самоубийства так и не было найдено… Это подтверждает его слова, но мы не можем повторно провести сканирование мозга, чтобы убедиться в достоверности этих данных. Думаю, ты слышала о том, что память Дениса была изменена каким-то необычным способом, поставивших в тупик даже наших специалистов. Мы не сбрасываем со счетов эту информацию и держим ее пока без оглашения, но в штаб-квартире не мне одному кажется, что это лишь обманный ход, попытка направить нас по ложному следу. Семнадцатая годовщина Второй экспедиции была вчера. Если это обман, то это довольно кощунственно, не находишь?..

— Я хочу знать… что будет с Денисом?

Главнокомандующий вздохнул. Этот вопрос застал его врасплох, и, глядя в блеклые, синие глаза молодой женщины, он не знал, что ей ответить. К тому же, он не мог прийти к окончательному решению вопроса, затрагивающего дальнейшую судьбу разоблаченного шпиона.

"Будет лучше сказать, как есть".

— Пока я не могу сказать ничего определенного. То, что он сделал и собирался сделать, могло поставить крест на всех наших достижениях. "Уаджет" мог бы прекратить свое существование, если бы ему удалось сбежать. Ты понимаешь это?

Аня молча кивнула.

— Он останется жить, — сказал Кириченко.

— Спасибо, — кивнула Аня. На ее лице было безразличное выражение, как будто бы ее совсем не волновало то, что скажет главнокомандующий.

Главнокомандующий тепло кивнул ей на прощанье, когда она выходила из кабинета. Она ответила улыбкой, настолько жалкой и убитой, что даже у главнокомандующего дрогнуло сердце.

"Она поблагодарила меня не за сохранение жизни своему мужу, а за объяснение. Интересно было бы на нее посмотреть, узнай, что ждет ее муженька".

Он знал, что будет дальше с Ковалевым, так как сам лично принял это решение, и не считал нужным рассказывать об этом Анне. Неудачливый шпион, провалившийся в самый ответственный момент, теперь надолго останется в саркофаге на нижних уровнях штаб-квартиры. Система жизнеобеспечения капсулы будет поддерживать в нем жизнь, одновременно с этим держа человека в состоянии, близкой к коме. Ковалева ждала участь растения до тех пор, пока решение насчет его дальнейшей судьбы не будет принято окончательно. Вердикт мог вынести и сам Кириченко, или кто-нибудь из "Шелкопряда". Наверняка окончательное решение будет обозначать смерть бывшему заместителю главы уничтоженного Аналитического центра. Это произойдет тихо, быстро и безболезненно, словно бы усыпят старое, ненужное животное.

"В любом случае, нужно постараться сделать так, чтобы Анна ничего не узнала".

Да, пожалуй, это будет правильным выходом из ситуации. Так будет лучшее и для нее. Сомнительно, что Аня по своей воле захочет его увидеть еще раз, а если и захочет, ей можно будет солгать. Думая об этом, генерал-лейтенант вспомнил, что сказал старший брифинг-инструктор после отражения атаки на Фрактал.

"Василий был прав. Бедная, бедная девочка. Ковалев испоганил ей всю жизнь".

Кириченко еще раз бросил взгляд на папку с петицией, и снова отвернулся в сторону миниатюрного садика. Ему следовало отдохнуть, чтобы через полчаса вновь вернуться к работе. Помимо поисков разбившегося четыре года назад самолета на Новой Земле, главнокомандующему предстояло проконтролировать и проведение другой военной операции, которая началась на территории бывшего Пакистана полчаса назад.

Разведка "Уаджет" доказала, что не зря получает высокое жалование. Проанализировав информационные потоки, собранные во время нападения на Фрактал и после, а так же поковырявшись в начинке подбитых танков и обломках транспортных винтокрылов врага, кое-кто из координаторов штаб-квартиры сумел выяснить интересные факты. В частности, из одной уцелевшей системы навигации одного из транспортов удалось узнать месторасположение аэродрома, с которого произошел вылет диверсантов. Сейчас это было основной зацепкой в поисках своего врага.

"Это куда интересней и более важней, чем разбившийся самолет. К тому же, ей хочется не просто себя чем-то занять, а доказать свою непричастность к предательству делом".

Это было ясно, как день. Кириченко улыбнулся своим

мыслям, закрывая глаза и подкладывая руки под голову, вытягиваясь в своем кресле. Конечно же, расследование "Инцидента-76" на вряд ли принесет какую-либо существенную пользу в поиске противника "Уаджет". Возможно, через несколько часов первые отряды оперативников, уже высаживающиеся на северных окраинах давно разрушенного Исламабада уже будут иметь эту важнейшую информацию на руках.

"Однако, раскрыть тайну того самолета-нарушителя так же будет не лишним".

Кириченко чувствовал, как к нему возвращается уверенность. Они наконец-то начали действовать, и главнокомандующий "Уаджет" не сомневался в том, что он достойно справиться с этой проблемой. Было не важно, солгал ли Ковалев насчет причастности Моканди к диверсии, или же нет. Генерал-лейтенант знал, что скоро его люди справятся с поставленными задачами. Больше всего на свете в эти часы он желал, чтобы в "Шелкопряде" быстро поняли, что он возглавляет силы, с которыми нужно считаться.

* * *

Стас очнулся в полной темноте, ощущая острую головную боль и отчетливый привкус крови во рту. Вместе с ним "пробудилась" и электроника скафандра, контролирующая его состояние. Стасу казалось, что окуляры повреждены, и эти черные пятна с желтой каймой, плавающие перед глазами не являются последствием того, что с ними случилось.

"А… что с нами случилось?"

Снаружи слышались редкие взрывы и громкие раскаты очередей. Пол и сиденье под Стасом содрогались от тяжелых бухающих ударов далеких взрывов. Собственно тело казалось ему тяжелым, чужим, слабо слушающимся приказов мозга. Стас скривился под плотно облегающей лицо маской, пытаясь понять, где он и что происходит. Воспоминания беспомощно тонули в белом тумане после того, как их малый десантный самолета покидал перевалочную базу "Уаджет".

Он медленно поднял голову, напрягая зрение и обводя взглядом вокруг. Свет лился через открытый проем двери, но толку от него было мало. Пока что он видел, что здесь были свои, опознавательная система выводила на окуляры Стаса информацию, "подписывая" невидимых в густом сумраке оперативников их фамилиями, должностями и принадлежностью к подразделениям. Стас не мог понять, почему все они молчат в

темноте, до тех пор, пока не догадался переключить режим изображения на ночное видение.

Он мог догадаться. Стас почти понял в чем дело, за мгновение до того, как сумел разглядеть десантный отсек в темно-зеленом спектре. Напротив Стаса сидел оперативник, фамилия которого ничего не говорила ему. Оперативник, пристегнутый ремнями к своему креслу, сидел неподвижно, в расслабленной позе, вытянул вперед ноги, безвольно уронив руки и голову, уставившись своими окулярами под ноги Стасу. Тот тяжело сглотнул, озираясь вокруг. Два ряда кресел, друг на против друга, почти все занятые неподвижными телами оперативников в полной экипировке. Судя позам и многочисленным темным пятам и кляксам на полу и стенах, все они были мертвы. Стас чувствовал, как вид стольких мертвых тел приводит его в чувство, заставляя сердце биться чаще от страха, при этом ощущая оцепенение, которое приковывает его к месту. Он чувствовал, как не в силах пошевелиться, глядя на мертвые тела. Судя по показаниям опознавательной системы, здесь были оперативники, с которыми Стас был не очень хорошо знаком.

Он моментально вспомнил звук капающей влаги, скрип покачивающихся на сквозняке цепей, косой свет, льющийся через узкие окна подвала. Он зажмурился, и мертвый солдат в шлемесфере с поросшей ржавым мхом "двухсоткой" моментально всплыл в его памяти. Мертвец по-прежнему устало и грустно смотрел тусклым взглядом полузакрывшихся глаз.

Пронизывающий страх безжалостно схватил его за сердце. Стас издал жалобный гортанный всхлип, затрепыхавшись в своем месте от проснувшегося ужаса. Он судорожно нашарил застежки ремней, щелкая ими и рывком поднимаясь со своего места. Споткнувшись о ногу мертвеца, Стас едва не рухнул на пол. Судорожно стискивая в руке винтовку, он вывалился в дверной проем десантного вертолета, тяжело привалившись спиной к его корпусу.

"Что это со мной?" думал он, чувствуя, как оглушительно колотится сердце. Он задыхался в плотной, крепко льнущей к лицу маске, и компьютер отреагировал более интенсивной подачей кислорода и снижением внутренней температуры боевого камуфляжа. Стас почувствовал себя значительно легче. По-прежнему прижимаясь к броне сбитой машины, он осмотрелся, запоздало пригибаясь и перехватывая винтовку обеими руками.

Вокруг раскинулась пустыня, заваленная почерневшими остовами, которые когда-то были низкорослыми деревьями. Кое-где виднелись скалистые образования, вытянувшиеся вверх из

темно-оранжевых песков. Солнце уже скрылось за горизонтом, и небо на западе было окрашено в кровавый цвет, в то время как восточная часть небосклона уже во всю сверкала звездами. Невдалеке что-то горело, Стас видел черный жирный столб дыма, поднимающийся вверх. Он поспешно сверился с показаниями об окружающей среде. Судя по данным, поставляемым компьютером, вместе с заходом солнца температура начинала медленно падать и уже достигла отметки минус пятнадцати градусов по Цельсию, а радиационный фон в округе явно не способствовал прогулке без средств спецзащиты.

Он вздрогнул, пригибаясь еще ниже, когда неподалеку громко ухнули выстрелы. Две шипящие змеи, оставляющие за собой бледно-серый шлейф, прошли на низкой высоте, исчезнув за барханами в той стороне, где было видно скалистое возвышение. Земля под ногами дрогнула от двух взрывов.

Станислав побежал в сторону ближайшей дюны. Только там, устроившись на одном колене, он обернулся на десантный вертолет. Не было сомнений, их сбили. Глядя на уткнувшийся носом в песок, чуть завалившийся набок вертолет, Стас почувствовал новую волну запоздалого страха. Только сейчас он понимал, насколько ему повезло. Мысль о том, что сейчас он мог остаться прикованным к своему креслу в стальном брюхе воздушной машины, заставила его задрожать всем телом. Все еще вздрагивая, дрожащей рукой он включил связь.

Не смотря на кажущуюся пустоту вокруг, эфир был забит переговорами. Несколько голосов старших ведущих, среди которых Стас узнал и Вяземского, своего командира, раз за разом дублировали команду осторожного продвижения к ориентиру, называя направление и координаты.

Через пять минут Стас, низко пригибаясь к земле, бежал в сторону исполинской скалы, взметая подошвами песок и радиоактивную труху бывших ксерофитов. Судя по переговорам, оперативники, высадившиеся в этом районе, были рассеяны по всей области, медленно подбираясь к скале, где, судя по всему, и находился враг. Остатки его колонны окопались совсем неподалеку. Дело не ограничилось одним десантным транспортом Стаса; по дороге к своим он видел еще несколько горящих машин, которые так же явно попали под зенитный огонь неизвестного противника. Несколько раз Стас натыкался на трупы оперативников. Судя по следам на песке, остальные бойцы его подразделения поспешно высадились и выдвинулись вперед. Стас не видел в воздухе ни одного винтокрыла.

Он здорово отстал от своих, и чтобы нагнать их, ему потребовалось несколько минут быстрого шага. За это время он

убедился, что командование не оценило свои силы. Место высадки хорошо охранялось, и несмотря на эффект внезапности потери "Уаджет" вновь были велики.

Пересекая барханы, стараясь двигаться от одного камня к другому, Стас видел других оперативников, так же двигающихся в том же направлении, что и он. Система опознавания выдавала совершенно незнакомые Станиславу фамилии, лишь подтверждая его догадку о полном хаосе, наступившим вслед за провалившейся операцией вторжения.

Впереди показалась целая группа оперативников, жмущихся за скалами, и компьютер наконец-то выдал знакомые имена.

— Кавелин, на месте, — сказал он в микрофон, подбираясь ближе.

Лица оперативников были закрыты плоскими белыми масками с красными окулярами. Глядя на них, опознать кто есть кто можно было лишь благодаря компьютеру окуляров, и, пожалуй, по нашивкам на левой стороне груди и предплечье.

— Что так долго? — в его сторону повернулся Вяземский. — Я было думал, что ты быстрее очухаешься.

— Виноват, спешил как мог.

Старший ведущий разом потерял интерес к Стасу, вновь отвернувшись. Стас, пробежавшись взглядом по высвеченным на окулярах фамилиям других оперативников, опустился на одно колено перед Евсеевым и Светличевым. Алексей жестом показал, чтобы они выключили связь. Разговаривать сейчас даже "напрямую" было нарушением, но просто молчать не мог никто.

— Что случилось? — чтобы говорить, Стасу приходилось почти что кричать через маску, чтобы его могли услышать. Редкая пальба и взрывы так же ухудшали способность общаться без помощи рации.

— У нас серьезные проблемы, — Костя покачал головой. — Здесь полно народу из всей третьей колонны. Кажется, мы снова облажались…

— Это я уже понял. Что там? — Стас ткнул рукой по направлению к скале.

— Кибер, — ответил Алексей.

— Их тут несколько. Сбили семь наших вертолетов еще на подходе сюда, — пояснил Костя.

Стас слышал про такие штуки. Считалось, что киберы являли собой идеальные машины для ведения локальных конфликтов, еще со времен правления концернов. Один подобный робот жрал огромное количество энергии, но мог успешно противостоять даже превосходящим силам противника.

Стас похолодел. Воевать дальше с подобным врагом ему

начисто расхотелось.

"Это не огнеметные танки… Если наш враг обладает подобными игрушками, у нас действительно серьезные проблемы".

— Третья грань, — ожил наушник. — Готовность к атаке! План действий: зона захвата в кольце сил третьей, второй и первой грани. Одновременная атака со всех сторон с применением ракет. Этого должно хватить, чтобы уничтожить кибера…

"А если не хватит?"

— Начинаем.

Вяземский поднялся со своего места. Другие оперативники так же поднимались на ноги, хотя Стас не видел в их движениях энтузиазма. Все участвующие в этой почти что провалившейся операции уже не понаслышке знали, насколько опасен кибер.

"Сколько же нас здесь осталось?"

Стас, шагая перед вместе с цепью других оперативников, огляделся. К своему удивлению он был вынужден признать, что их не так уж и мало.

— Вперед! — Вяземский бесстрашно припустил трусцой вверх, по склону бархана. В его движениях чувствовалась уверенность и сила, которые передавались и другим. Стас, тяжело сглотнув, перехватил винтовку поудобней. Им предстоит тяжелое сражение.

* * *

На голографическом экране застыло изображение развернутой карты Земли, черные материки на темно-синем фоне мирового океана. На этих черных континентах виднелись тусклые красные пятна. Старый Свет и северная Африка почти полностью мерцали этими яркими кроваво-красными огнями.

"Ткань".

Доктор Федорова смотрела на это изображение из вспомогательной программы, посвященной вопросам противодействия чужеродным кластерам, коротая время в ожидании Ковалевой. Ей не составило труда отправить дежурную на отдых, вызвавшись дождаться старшего координатора за нее. Перед Юлией, на столе кроме коммуникатора, с которого и транслировалось изображение, лежало и заключение обследования Анны Ковалевой.

Работы в последние дни не было почти совсем. "Стагирит-2", претерпевший некоторые разрушения во время диверсии был

пока закрыт, и теперь его охранял удвоенный эшелон сотрудников безопасности "Панциря мира". На восстановление научно-исследовательского комплекса уйдет еще немало времени, и пока научные сотрудники "Стагирита-2" перебрались в штаб-квартиру.

Пальцы Юлии легли на управляющие сенсоры, и изображение ожило. Теперь красные пятна с Садов Ткани начали разрастаться по всем континентам, имитируя вероятное поведение супер-организма при дальнейшем развитии событий, с нынешнего момента до полного захвата всех материков. Не смотря на кажущуюся примитивность этой интерактивной схемы, Юлия уловила, что если даже просто смотреть на подобное, становиться не по себе. Ткань была ужасным противником. Доктор, как один из ведущих специалистов в области изучения и анализа Ткани, понимала это, как никто другой.

"Я пугаю сама себя. Эта модель станет реальностью только в том случае, если мы перестанем сопротивляться. Господи, как хорошо, что у нас есть "мимезис"!.. Только с ним мы сможем предотвратить это".

Федорова знала многое о Ткани. Возможно, она знала намного больше, чем многие другие ученые из других стран, посвятившие себя изучению этого монстра. Что касается вопросов о Ткани, то самым неестественным и загадочным было ее возникновение на Земле.

"Кто же тебя пустил на нашу планету?" думала доктор, глядя на зловещую схему, "что же ты на самом деле?"..

Дверь напротив открылась, и в кабинет шагнула Анна, застегивая форменную куртку. Наткнувшись взглядом на сидящую за столом доктора, она вздрогнула и замерла на месте.

— Юля?

— Привет Анюта, — доктор тепло улыбнулась. — Присаживайся.

Аня не видела подругу с момента нападения на Фрактал. Теперь каждая подобная встреча со старыми знакомыми и коллегами казалась ей тревожной. Старший координатор замялась, неуверенно шагая к столу и неловок присаживаясь на краешек кресла.

"Теперь вся жизнь у меня будет разделена на две части — до и после", с тоской подумала Аня, наклоняясь вперед и облокачиваясь на стол.

— Выпьешь кофе?

— Нет, спасибо. Мне бы наоборот, успокоительного принять бы… — неохотно проговорила Аня, наклоняясь вперед и устраивая подбородок на сгибе локтя. Она устало посмотрела на

подругу и Юля ободряюще улыбнулась:

— Плохо спишь?

— Неважно…

— Не удивительно, — доктор отставила чашку в блюдце, поднимаясь на ноги и направляясь к стене, на которой висела аптечка.

— Послушай, тут должна была быть девушка-врач. Не знаю ее фамилии… Она была должна отдать мне результаты моего обследования.

— Я отпустила ее, пусть отдохнет.

Аня подняла голову, с удивлением взглянув на женщину, возвращавшуюся к ней с белым флакончиком.

— Ну и? Я годна для "полевой" работы?

Юля внимательно посмотрела на Аню, и покачала в воздухе флаконом. Внутри отчетливо зашуршали капсулы.

— Вот. Прими перед сном, будешь спать, как убитая, — она поставила флакончик на стол перед Ковалевой и вернулась на свое место. Аня терпеливо ждала, глядя на нее немигающим взглядом, пока доктор вновь бралась за чашку и делала очередной глоток.

— Анализатор признал тебя не годной. Он выдал плюсы по всем твоим физическим параметрам, но с психикой из семи показателей прошли только пять.

Анна вновь положила голову на сложенные на столе руки. Юля, глядя на нее, пришла к выводу, что она выглядит скорее не огорченной, а задумчивой.

— Это ведь не удивительно, правда? Я не была уверена в том, что у меня получится…

— Для тебя это важно, да? — тихо спросила Юля. — Участвовать в этом задании? Тебе явно не стоит так напрягаться, сейчас тебе необходим отдых.

Анна промолчала.

— Ладно, к черту. Я сделаю исключение для тебя. Два минуса — это не так уж и много, в конце концов…

Анна посмотрела на доктора с легким изумлением:

— Ты что, подправишь результаты обследования?

— Если ты и вправду так хочешь участвовать в этой миссии, — с улыбкой сказала Юля. — Считай, что ты прошла все тесты.

— Никому не влетит за это?..

— Нет, не волнуйся. Сейчас вряд ли кто будет сверять результаты на пластике с конечным выводом анализатора. Но если все же проверят, я возьму все на себя.

— Вот спасибо, Юля, — со слабой улыбкой проговорила

Анна. Глядя на нее сейчас, Юля вдруг подумала, что, наверное, после пережитого это и вправду так необходимо ей, вновь ощутить себя в команде.

— Ну, как у вас дела на научном фронте?

— Кажется, серьезные проблемы. Диверсанты наломали нам дров месяцев на восемь вперед.

— Так много?

— Это еще минимум, — Юлия грустно улыбнулась. — Возможно, на полное восстановление комплекса потребуется год, а то и больше. В любом случае, активно изучать Ткань как в прошлом мы уже не будем. Только "мимезис".

— Жаль, что мы не в состоянии вернуть "Принцессу".

— Да, это серьезная потеря, — доктор прищурилась, отвернувшись к экрану. — Сам факт захвата этого кластера был просто чудом, счастливым обстоятельством. Я могу наверняка сказать, что нам не удастся провернуть нечто подобное снова.

— Не могу поверить, что у нас столько проблем, — Аня задумчиво смотрела через плечо доктора на экран. — У нас нет больше аналитического центра, и работа "Стагирита-2" заморожена… Кстати, как теперь мы будем осуществлять набор оперативников, без "Перстня"?

Аня вспомнила свой небольшой комплекс, отвечающий за сбор информации по всем Фортам и крупным городам России. Вся его ценность — за исключением живых людей, которые в нем работали — была именно в архиве, которого больше нет. Вспомнив об этом, Аня ощутила уже знакомый, но от этого не менее слабый укол горечи.

— Пока что эту функцию возложили на один из штабных отделов штаб-квартиры, — ответила Юля. — Думаю, справятся… Учитывая, что теперь приток новобранцев будет совсем слабым.

— Опасаются принять новых шпионов?

Доктор насмешливо вскинула бровь:

— Еще как! Кстати, у меня скоро будет пополнение. По крайней мере, я на это очень надеюсь.

— Нашла себе помощника?

— Да, из Форта-11.

— Эмм… Томск?

— Верно, — Юля улыбнулась. — Мельнев, знаешь такого? Вышел на нее совершенно случайно. Сама видишь, из-за недавних событий свободного времени у нас теперь стало больше. Сергей случайно нашел в Сети интересную научную статью о Ткани, показал ее мне, и я дала "добро" на приглашение автора в наши ряды. Конечно, сплошные гипотезы, без ссылок на достоверные источники информации, и всего такого прочего. Кажется, у этой

молодой особы есть мозги, не смотря на некоторые детали….

— Это какие еще детали?

— Она из Падения.

— О… — Аня вскинула брови. — Это уже интересно. Не помню, чтобы в "Уаджет" брали кого-либо, имеющего отношение к Падению.

— С другой стороны, никто из Падения, на мой взгляд, не проявлял себя ранее на таком уровне. Сергей пообщался с ней по сетевому каналу и поговорил по светофону. Задал несколько наводящих вопросов, в том числе и по биохимике, — Юля закатила глаза, загадочно улыбаясь.

— Ну и как она?

— Со слов Мельнева, он впечатлен. Она не похожа на кого-то из Падения, как по умственному развитию, так и внешне, вообще. Самая обычная девушка. Ты ведь, наверное, слышала об их мировоззрении, как они одеваются и выглядят?

— Да, весьма экстравагантно… и оптимистично, — усмехнулась Аня.

— Сережа сказал, что она показалась ему немножко странной, но не более. Он спросил ее, хочет ли она поступить к нам нас службу, немного порекламировал "Уаджет" и "Стагирит-2". Она согласилась почти сразу.

— Не удивительно. Все эти Форты и города, которые они обороняют, пустеют с каждым годом… Думаешь, ее примут?

— Хотелось бы верить, — вздохнула Юля. — Сергей уверен, что она весьма грамотный человек. Не терпится встретиться с ней и поговорить лицом к лицу. Думаю, завтра подам просьбу на рассмотрение Кириченко. Нам нужны и новые научные сотрудники, не только оперативники.

— Что-то мне тоже захотелось взглянуть на эту "падающую", — Аня выпрямилась и с удовольствием потянулась. — Будем надеяться, что Кириченко согласится. Ладно, уже поздно… — встрепенулась она.

— Поедешь домой? — покосилась на нее Юлия.

Аня вспомнила свою квартиру, в которой не появлялась уже более трех суток. Пустые комнаты напоминали ей о Денисе, и это было мучительнее всего. Все время она проводила только здесь, в "Панцире мира", стараясь отойти от пережитого и найти себе применение. Она нашла себе работу, и кажется, пообщавшись со старой подругой, теперь чувствовала себя значительно легче.

— Нет, — Аня поднялась на ноги. — Пойду к себе в кабинет. Наверное, там полно пыли, но все равно лучше, чем…

Она умолкла, и беспомощно взглянула на доктора.

— Ага, — Юлия кивнула. — Не проспи начало операции. И

капсулы лучше применяй не сегодня.

— Конечно. Еще раз спасибо, Юль. Буду должна, — Аня подхватила со стола флакончик. Доктор, кивнув ей на прощание, смотрела, как она выходит из лабораторной секции, и вновь перевела взгляд на тусклый голографический экран. На схематическом изображении развернутой карты земного шара вновь и вновь в ускоренном темпе проецировалась модель роста и распространения кластеров Ткани. Глядя на эту картину, доктор не заметила, как ее лицо вновь ожесточилось и стало серьезным, каким было до того, как в дверях появилась Аня.

"Год до полного восстановления "Стагирита-2"… У нас нет и половины этого времени. Мы обязаны продолжать свою работу, не останавливаясь ни на один день".

* * *

— Как думаешь, зачем они на это решились?

— Ты о чем?

— Нас ведь бросили в эту атаку, словно на убой, — Стас невесело усмехнулся, чувствуя, как дрожат руки, лежащие на корпусе винтовки. Теперь можно было пользоваться внутренним каналом связи, не напрягая голосовые связки. Он сидел на небольшом камне, опустив плечи, чувствуя запоздалый страх и усталость. Вокруг уже совсем стемнело, и потрясающее в своей красоте, тихое звездное небо над головой было одним из самых красивых зрелищ, какое Стасу доводилось видеть за свою жизнь.

— Это хреновое сравнение, парень, — хмыкнул Алексей, осматривая окрестности. — Хотя, наверное, со стороны так и выглядело. Наверное, наши командиры не захотели возвращаться назад с плохими новостями. Или ждать подкрепление.

— Не вздумай сказать об этом кому-нибудь в "Панцире", — подал голос незнакомый им оперативник из четвертого взвода, вооруженный "Раскатом-9" бывший третьим их маленьком отряде.

Температура быстро падала. Поднялся тихий, сухой ветер, который хорошо чувствовался здесь, на плоской вершине достаточно высокой скалы, куда их отправили в дозор. Стас, повернув голову на северо-восток, уже мог различить в темноте только лишь темный силуэт горы, к подножию которой они так стремились.

Час назад оперативникам третьей колонны удалось совершить почти что невозможное. Они уничтожили машину, древнюю и опасную, с подобным видом которых не имели дела даже самые опытные военные Объединенных Сил Конфедерации.

Стас до сих пор не мог прийти в себя от пережитого. Они, увязая в песке по щиколотку, вскарабкались на барханы и бросились вниз, на открытую, заметенную песком посадочную площадку для вертолетов и винтокрылов. Внизу, в самом центре этот открытого пространства их поджидал большой шар, зловеще отблескивающий чешуйчатыми сегментами своей брони в последних лучах солнца.

Склоны дюн, окружающих посадочную площадку, были завалены телами оперативников, сунувшихся сюда слишком рано. Вражеский робот мгновенно отреагировал на появление многочисленных целей, и верхние "чешуи" раздвинулись, показывая короткие толстые стволы минометов. Прежде, чем дюжина ракет, пущенных ракетчиками "Уаджет", одни за другой поразили свою цель, машина успела сделать несколько залпов.

Стас содрогнулся, вспомнив это. Шок и неистовство людей, впервые столкнувшихся с подобным, был настолько велик, что они продолжали решетить изуродованный шарообразный корпус робота даже после того, как он, взорвавшись, загорелся, полыхая неестественно ярким огнем из рваных пробоин. Старшие ведущие с трудом навели порядок. Ценой жизней десятка человек, посеченных осколками мин, они взяли поверхность базы неизвестных. После чего, разбившись на группы, отряды оперативников немедленно бросились внутрь базы. Вход не нужно было искать — стальная дверь в поверхности скалы, которую оборонял кибер, была даже не замаскирована.

— Скорей бы на базу… Достал этот чертов намордник! Я пить хочу.

Неожиданно Стас с тревогой подумал о Насте. Он не видел ее в числе остальных оперативников, сжимавших кольцо вокруг цели этой миссии, и чувство тревоги усилилось.

"Ох нет, неужели?.."

В нем проснулась безумная мысль вызвать ее по связи. Общим каналом пользоваться сейчас запрещено, и сделав это, Стас заработает себе крупные неприятности.

— Да, скорей бы назад, — пробормотал он.

— Ты что там, засыпаешь что ли? Давай, меняемся, смотри теперь вместо меня.

Стас напряг растопыренные пальцы рук, и крепко сжал в кулаки, унимая дрожь. Поднявшись на ноги, он чувствовал, как болят мышцы ног, как ломит все тело. Подняв голову в сторону Евсеева, он тут же увидел за головой оперативника необычный силуэт в небе.

— Тревога, — коротко бросил он в микрофон, пригибаясь и включая режим ночного видения. Евсеев и ракетчик, еще не

понявшие, в чем дело, среагировали так же.

Подобных винтокрылов Стасу еще не доводилось видеть. Используя увеличение, он приблизил изображение необычного летательного аппарата, совершенно бесшумно двигающегося по пологой дуге вниз, к пустыне. Компьютер боевого шлема уже начинал обработку данных.

Пузатый, тяжело бронированный и при этом быстро двигающийся транспорт мягко приземлился в пустыне, в двухстах метрах от скалы, на которой замерли пригнувшиеся фигуры оперативников.

— Аналогов нет, — сказал Леша, дублируя сообщение от компа, вышедшее на окуляры. Спустя мгновение Стас получил такое же сообщение. За то умной электронике удалось опознать принадлежность транспорта — рядом с объемным изображением приземляющейся машины появились иероглифы, герб Конфедерации и красный прямоугольник с золотыми звездами в верхнем левом углу.

— Китайцы, — процедил ракетчик.

— Пост-19 — группе, пост-19 — группе, тревога, тревога, вторжение посторонних в квадрат проведения операции, — Алексей скороговоркой докладывал по общей линии связи. Стас смотрел, как из нутра застывшей на высоте метра винтокрыла посыпались фигурки десантников. Облаченные в несколько мешковатые камуфляжи-скафандры, они стремительно рассыпались в порядке боевого веера, двигаясь резкими энергичными движениями, и необычайно быстро. Их вооружение, транспорт и защитные скафандры говорили о многом.

— Они засекли нас? — спросил ракетчик.

— Думаю да.

— Какого хрена они тут забыли?..

— Хотят посмотреть, чем мы тут занимаемся, — ответил Стас, не отрывая взгляда от движущихся фигур.

— Сбей это корыто.

Стас едва не подпрыгнул от этих слов. Он взглянул на Алексея, который обращался к ракетчику. Станислав не видел лица этого оперативника, но был уверен, что сейчас тот ошарашен подобным требованием.

— Ну же, сбей.

— Ты спятил?

Евсеев повернул голову в сторону винтокрыла:

— Сбиваешь транспорт, я и Матвеев покрошим остальных, пока им негде спрятаться.

— Ты чего? — холодно спросил Стас.

— Пост-19, немедленно покинуть зону! — голос Вяземского в

наушнике был очень громким, и Стасу показалось, что его могут услышать даже приближающиеся китайцы.

— Всеобщее отступление! Всем немедленно прибыть в точку сбора, координаты высланы. Транспорты в пути.

— Дьявол, да почему же нельзя?.. — пробормотал Алексей, судорожно припадая к винтовке.

— Не дури, — Стас схватил его за плечо. — Уматываем отсюда.

Ракетчик, низко пригибаясь, начал молча отступать к пологому склону скалы.

— Живей! — Стас, отпустив Евсеева, шагнул следом за оперативником. Леша злобно ругался сквозь зубы, глядя, как в темном небе появляются все новые и новые винтокрылы. Идущие на малой высоте, они беззвучно пересекали над ними звездное небо, спеша на юго-восток.

* * *

"А ведь я раньше никогда не учувствовала ни в чем подобном".

Эта мысль побеспокоила Аню как нельзя кстати — когда-то точки прибытия оставались считанные минуты. И действительно, если не принимать в счет участия в учениях, пусть по своим условиям максимально приближенных к боевым, то опыт участия в подобных операциях у нее был нулевым.

"Что здесь такого сложного? Это ведь не боевая операция, а поисковая".

На душе все равно было неспокойно, и Аня списывала это на волнение. Сейчас она, привалившись спиной к жесткой стене, закрыла глаза, слушая ровный звук стрекочущих винтов.

Они отбыли из Фрактала в три часа утра, на специальном разведывательном винтокрыле. Перед отлетом Аня слышала последние новости: операция на северных окраинах разрушенного Исламабада обернулась неудачей. Оперативникам "Уаджет" удалось подавить сопротивление неизвестного врага, и позже они едва успели унести ноги от прибывших в район ведения боевых действий спецподразделений Китая. Брошенная база неизвестных не дала "Уаджет" точных сведений о том, кто их враг.

"Наверное, Кириченко в бешенстве".

— Прибыли на место, — по громкой связи сообщил пилот. Аня, открыв глаза, поднялась на ноги, потягиваясь и разминаясь. Эластичная форма-скафандр черного цвета, плотно прилегающая

к телу, относительно свежая разработка "Уаджет", должна была защитить от всех неблагоприятных факторов окружающей среды. Аня поспешно пристегнула пояс с некоторым количеством вспомогательных примочек к оборудованию, системой жизнеобеспечения и с запасными магазинами, подхватывая из угла свою винтовку и шлем. Пока она сворачивала длинные темные волосы в узел, чтобы пристегнуть шлем-сферу, в транспортный отсек вошли еще двое специалистов, отобранных для этой операции из разных подразделений "Уаджет".

— Готовы? — командир группы осмотрел Аню и второго поисковика. Аня мельком взглянула на зеленый сигнал на миниатюрном пульте контроля на левом предплечье — все в порядке, полная герметичность, кислородные фильтры в норме. Она быстро накинула на плечи лямки парашюта и, перехватив винтовку, повернулась к ним. Она не знала участников этой поисковой операции, и это было скорее хорошо, чем плохо. Сейчас ей было легче сотрудничать и общаться с людьми, которых она не знала.

— Вы первая, — сказал командир Ане, и его голос через глухую стену был слышан идеально. — Мы над местом вашей высадки.

— Понятно.

— Готовы?

— Так точно.

— "Лидер" — "Птахе", разблокировка шлюза.

— Вас понял, разблокировка шлюза.

Вместе с гулом раскрывающихся створок Аня услышала рев ветра, и стрекот винтов стал куда громче. Воздушный поток ударил мягко, но настойчиво и сильно, словно бы приглашая поскорее шагнуть в бело-серое мельтешащее крошево за бортом.

Аня перебросила эластичный ремень "Романова-70" через плечо, плотно затянув его так, чтобы оружие не ударило ее жесткими плоскостями во время приземления.

— Удачи, — сказал лидер отряда. Его спокойный и тихий голос в наушнике перекрывал какофонию звуков, царящих вокруг зависшего в воздухе винтокрыла.

Старший координатор кивнула, и решительно шагнула в открытый проем.

Воздушный поток подхватил ее, но испугалась Аня только когда сработал ее пневматический парашют. Над Аней стремительно распахнулись полукруглые "крылья" и мощные струи воздуха ударили вниз, выравнивая ее в воздухе, значительно уменьшая скорость свободного падения. Это было неприятное, пугающее и щекочущее напряженные нервы

ощущение, когда падение плавно перешло в спокойное планирование. Под ней раскинулась заснеженная равнина и горы, проклевывающиеся из-под толстого снежного покрова. Вдали виднелись черные воды Баренцева моря.

Высота была небольшой, и спуск занял всего лишь несколько секунд. Аня вытянула вперед ноги, чувствуя, как напрягает последние резервы энергии слабосильный одноразовый модуль за ее спиной, и ее высокие ботинки плавно, с оглушительным хрустом проламывающейся корки снега глубоко погрузились в наст. Парашют издал протяжное пищание и крылья стремительно сложились обратно.

— "Бегун-1" — "Птахе". Я на месте, — выпалила она в микрофон, приседая и отстегивая ремни парашюта. Вокруг нее раскинулась снежная пустыня, неровная, изломанная ветрами поверхность которой занимала значительную площадь в округе.

— "Птаха" — "Бегуну-1". Вас понял. Выпускаю зонды.

Отстегнутый парашют с хрустом провалился в снег. Аня ослабила ремень винтовки, снимая ее и подсоединяя магазин. Пискнул сенсор, и в окошке загорелись тусклые цифры — индикатор боекомплекта. После этого Аня включила процессор шлема-сферы. На внутреннюю сторону тонированного лицевого щитка стала поступать информация.

Температура и уровень радиации были совсем неблагоприятными. Впрочем, благодаря скафандру об этом можно было не беспокоиться. Главным было то, что связь компьютера с радаром винтокрыла была установлена. Аня задрала голову вверх.

Зависший на приличной высоте летательный аппарат с раскрытыми шлюзами и люками сейчас напоминал майского жука в окружении мошкары. Выпущенная наружу дюжина мелких беспилотников пока что лениво кружила вокруг своего воздушного "улья". Наконец, получив команды, они резво прыснули во все стороны, похожие на маленькие ракеты, сканируя местность.

Долго ждать не пришлось, и голос пилота раздался в наушнике уже спустя несколько секунд после отправки зондов:

— "Бегун-1", цель обнаружена. Передаю координаты.

Аня уже смотрела на всплывающие данные, указывающие направление, по которому можно отыскать цель этой миссии.

— Уровень радиационного фона здесь по-прежнему высок, как и четыре года назад. Из-за него работа сенсоров наших беспилотников нестабильна, поэтому ничего точного подсказать не могу. Похоже, место крушения совпадает с показаниями поисковиков четырехлетней давности. Нарушитель разбился

возле заброшенной ремонтной базы, прямо в этом горном кряже. Мы будем присматривать за местностью, если что — зовите на помощь.

— Спасибо, "Птаха". Дальше сама. "Бегун-1", конец связи.

Аня выпрямилась и зашагала вперед, по колено проваливаясь в снег. Первые же шаги по направлению к скалистым выступам дали понять, что этот путь будет не простым.

* * *

Стаса разбудил звонок светофона. Еще не отошедший от душного сна, в который он провалился только под утро, Стас долго добирался до источника сигналов. На экране показалась заспанная Настя, и он слушал ее, что-то невнятно отвечая в ответ.

Лишь когда разговор был закончен, до него дошло. Стас сидел в полутемной комнате своей квартиры, тупо пялясь на диск светофона, силясь понять, не приснилось ли ему это.

Настя просила о встрече, и он дал согласие.

Встрепенувшись, Стас взглянул на часы: одиннадцать ноль три, двадцать третье января. Он проспал всего лишь часов шесть после завершения операции на севере Пакистана. Вспомнив детали отгремевшего сражения, он содрогнулся, удивившись и тому, как он вообще сумел уснуть.

"Чего ей надо?"

Этим вопросом он мысленно задавался, пока принимал душ и завтракал. Ледяная вода и горячий кофе, кажется, привели его в форму, но Стас подозревал, что это ненадолго. Ощущая пульсирующую тупую боль в висках, он оделся и вышел из дома.

Прохладная погода, яркое зимнее солнце и вид снега приободрили его еще больше. К тому моменту, как ему удалось добраться до назначенного места встречи, он чувствовал себя почти что бодрым.

Настя назначила ему встречу в заведении, о котором он раньше никогда не слышал. Стас, приближаясь ближе к семиэтажному зданию, щурясь, смотрел на тускло сверкающую вывеску кафе, располагавшегося на самом верхнем этаже.

"Это запад Фрактала", Стас огляделся по сторонам прежде, чем войти внутрь, "похоже, что она живет где-то неподалеку".

Он поднялся на лифте наверх, терзаясь смутными сомнениями, что спросонья ошибся адресом.

Кафе было просторным, занимающим полностью один из залов седьмого этажа. Это помещение, заставленное столиками и удобными черными креслами, было ярко залито светом погожего

зимнего дня. Темно-бордовые стены были покрыты золотистыми причудливыми узорами, явно представляя собой какую-то единую композицию, превращенную в визуальную шараду. Стас мрачно посмотрел в сторону небольшого бара, за которым бармен обслуживал пару посетителей, и окинул взглядом весь зал, выискивая среди людей знакомую фигуру.

Настя сидела за столиком совсем рядом с панорамным окном, которые заменяли здесь стены, за которым можно было видеть весь центр города. Опустив голову и ссутулившись, она грела ладони, обхватив ими круглые бока чашки с кофе. Стас ощутил приятный укол легкого очарования, глядя на нее именно сейчас, пока она не видит его. Он не спеша направился к ней, огибая по пути пустующие столики, застеленные кроваво-красными скатертями с черной каймой.

"Необычное место", подумал Стас, подходя совсем близко. Настя не отреагировала на его появление, и только сейчас он увидел, что ее глаза закрыты, и внешне она осунулась, и выглядела как человек, который только-только начал серьезно заболевать чем-то серьезным.

— Привет, — негромко сказал он, чуть наклоняясь вперед.

Она открыла глаза и посмотрела на Стаса.

— Привет, — отозвалась она еще тише, слегка улыбнувшись ему. Это получилось слишком жалко и вымученно, пришел к выводу Стас. Он медленно снял пальто, повесив его на вешалку рядом с коротким бежевым пальто Насти, и с удовольствием сел в свободное кресло. Переведя взгляд на Настю, он окинул ее беглым взглядом. Она была бледна, под глазами пролегли темные дуги. Ее длинные светлые волосы потускнели.

— Неважно выгляжу? — спросила она, поймав его взгляд и слабо улыбнувшись.

— Ты совсем не спала, — сказал он, принимая меню от официантки.

— Не смогла уснуть, — проговорила она, помешивая ложечкой кофе. — Я бы хотела поговорить с тобой на одну тему…

Он заметил, как она покраснела, и разом подобрался, предчувствуя, что разговор будет не простым.

-..Сказать тебе кое-что и узнать, что ты думаешь по этому поводу.

— Хм, извини, конечно… Мне казалось, что женщины обсуждают вопросы между собой.

— У меня здесь нет подруг, — просто сказала она. — Только знакомые. К тому же… — она отвела взгляд и замолчала.

Стасу показалось, что с ним говорят не совсем искренне. Ему не очень-то поверилось в сказанное, но он не стал возражать —

нет так нет.

— Вот уж не думал, что заменю тебе друга, с которым можно поговорить по душам, — притворно вздохнул он, закрывая меню.

— Но это правда.

Стас посмотрел на нее исподлобья. То, что он услышал, показалось ему донельзя странным. Ему никогда не приходило в голову, что разговор между мужчиной и женщиной может начинаться и идти в такой форме. Хотя сам Стас не мог припомнить, чтобы жизнь подкидывала ему подобные ситуации. Он был искренне рад, что вокруг было мало людей, и их разговор никто не мог услышать.

"Должно быть, я все еще сплю".

— Ну ладно, — он улыбнулся, поднимая руки ладонями вперед. — Я не против поболтать на отвлеченные темы. Давай поговорим, о чем хочешь.

Подошедшая официантка приняла заказ, и он откинулся на спинку кресла, внимательно глядя на сидящую напротив Настю. Она выглядела уставшей, но даже сейчас он думал о том, какая она красивая, о том, что у нее полным-полно поклонников, которые завелись за полгода ее пребывания здесь. Чувствуя ноющую, щемящую боль в груди от этих мыслей, он продолжал с удовольствием смотреть на нее. Эта грусть не стеснялась напоминать о себе каждый раз, когда он видел Настю, каждый раз, когда они общались, даже просто обмениваясь глупыми, ничего не значащими фразами. Сейчас же Стас вновь почувствовал мерзкое ощущение — она не видит в нем мужчину, которому нравится, и если и видит, то преднамеренно укрывается от его потуг приблизиться.

"Очнись, придурок. У нее есть муж".

Настя молчала, и он не торопил ее.

— Чем ты занимался до того, как попал в "Уаджет"?

Этот вопрос застал Стаса врасплох. Он, Настя, Леша, Костя и другие молодые мужчины и женщины, знакомые уже более полугода, знали друг о друге не так уж и много. Никто из них не спрашивал друг друга о прошлом, справедливо полагая, что попасть в "Уаджет" можно лишь имея определенный боевой опыт и хороший послужной список.

Стас улыбнулся:

— Изучал историю. Подготавливал свето-ячейки с курсом по общей истории.

Настя подняла на него удивленный, чуть заинтересованный взгляд:

— Правда?

— Да. Позже удалось совместить службу в милиционной

армии с этим увлечением.

— Ты бы вернулся к своему… к своей работе, если бы тебя выперли из "Уаджет"?

— Не знаю… Возможно. К чему этот разговор?

— Видишь ли, — наконец сказала Настя, глядя куда-то вниз и в сторону. — Я думаю подать заявление на уход из "Уаджет".

Стас почувствовал как внутри его что-то дрогнуло. Внешне он сохранял какое-то сонное хладнокровие, внимательно глядя на нее, обдумывая то, что она только что сказала.

— Ваш кофе, — женская рука поставила на стол перед Стасом блюдце с чашечкой. Он даже не повернул головы в сторону официантки, дожидаясь, когда она уйдет.

— Ты это серьезно? — спросил он почти минуту спустя.

— Думаю, да.

— И ты… хочешь узнать мое мнение?

— Я… Не знаю, — Настя пожала плечами, — думаю, нет. Просто хотела об этом кому-то сказать.

"Она не шутит", Стас, не отрывая от нее взгляда, протянул руку, притронувшись к горячей чашке.

— Почему ты хочешь уйти?

На самом деле Стас уже начинал догадываться, почему она хочет пойти на это. И эта причина ему самому казалась донельзя соблазнительной.

Настя подняла на него потускневший взгляд:

— Помнишь, для чего нужен "Уаджет"? Бороться с Тканью. Когда я получила уведомление о переводе на службу в этот корпус… — она замялась, но Стас легко мог продолжить за нее. Когда ты попадаешь в такое место, как Фрактал, чтобы участвовать в грандиозной миссии спасения всего живого, что осталось на Земле после войн и техногенных катастроф, ты словно бы обретаешь смысл жизни. Раньше этот смысл тонул в безысходности и отчаянии, которые царили на всей планете, медленно поглощаемой чужеродным, прожорливым организмом.

Стас молчал, терпеливо ожидая, что скажет Настя.

— В общем, мне показалось, будто я наконец нашла себя, — наконец закончила она. На ее лице появился легкий румянец, и Стас смутился и сам, понимая, что они затронули не самую распространенную тему для обычного разговора.

"Это и вправду будет непросто".

— Я понимаю тебя, — сказал он.

— Я хотела стать хорошим оперативником. Хотела помочь сражаться с Тканью…

— Вместо этого мы сейчас участвуем в новом конфликте против людей, пусть они и террористы, — мягко перебил ее Стас.

— Вижу, ты понимаешь… Я не хочу в этом участвовать, — сказала Настя. — Лучше я вернусь в Форт-4. Там у меня семья, старые знакомые…

"Ну конечно", с острой болезненной неприязнью подумал Стас, закрыв глаза и делая глоток кофе.

-..А вся информация о секретных данных "Уаджет" будет стерта из памяти. Я уже узнавала, это не такая уж и сложная операция.

— Будет тяжело, — сказал он. — Фрактал по сравнению с остальным миром просто райский уголок. Особенно остро почувствуешь это, когда вернешься обратно.

— Это не важно.

— А чем ты занималась до вступления в "Уаджет"?

Этот вопрос смутил Настю, так же, как и Стаса, когда она спросила его об этом же.

— Я была диспетчером летной службы. Всего год, потом подалась в ополчение… Но я навряд ли вернусь на свою старую работу.

— Будет трудно, — повторил Стас, возвращая чашку на блюдце.

— Все равно, — тихо ответила Настя.

— Да, возможно, тебе все равно, — кивнул он, скрестив руки на груди. — Мне тоже бывает страшно.

Настя посмотрела на него с недоверием, и словно бы укоризной.

— Когда мы вчера атаковали кибера, защищавшего базу, и когда мы удирали от китайцев, я отчетливо это понял. У меня потом руки весь вечер тряслись. Такая война не для меня, но мне кажется что воевать с Тканью куда страшнее.

Настя молчала, глядя на него. Моргнув, он тихо спросила:

— Тогда зачем ты здесь?

Стас решил не кривить душой. В конце концов, раз уж они начали откровенничать, то к чему это?

Он жестко и прямо посмотрел на нее:

— Фрактал. Он дает все то, чего нет за его пределами. Я люблю эту службу, я люблю оружие и просто сам факт того, что я — оперативник секретного корпуса. Все это мне нравится, и при этом все это так… пугает.

Настя молча смотрела на него. Стас отвечал ей спокойным взглядом и сейчас ему хотелось спросить, точно ли она определилась со своим решением подать прошение об уходе, но почему-то казалось, что он не получит конкретный ответ от нее сейчас. Стас видел лишь сомнение в ее глазах, то, что она еще раз обдумывает и взвешивает свое решение.

Он допил свое кофе, изредка поглядывая на нее, и жестом подозвал официантку для расчета. Настя по-прежнему молчала, полностью погруженная в размышления. Их разговор словно бы зашел в тупик, и Стас чувствовал, что пора уходить. Ему нечего было больше сказать Насте, и он понимал, что ей не нужно мешать.

"Неужели она и вправду уедет?"

Эта мысль подействовала отрезвляюще почему-то только сейчас. Поднявшись со своего места, он снял с вешалки свое пальто, и, думая над этим, он испытал легкое пугающее чувство.

"Она ведь это серьезно".

— Я бы хотел, чтобы ты осталась здесь, — сказал он.

Настя заторможено перевела взгляд на него:

— Почему?

Стас накинул пальто, ощутил тоскливую тяжесть в груди, и прежде, чем он отдал контроль своим словам, он заговорил:

— Ты мне нравишься. Нет, правда. Мне будет очень жаль, если ты уедешь.

Настя посмотрела на него так внимательно и пронзительно, что Стасу стало смешно и неловко одновременно.

— Пожалуйста, не смотри на меня так, — пробормотал он. — Это правда.

— Извини.

— Пока, — сухо бросил он, отворачиваясь и направляясь к выходу быстрыми шагами.

"Теперь она уедет. Быть может, это к лучшему?.."

Он вышел на улицу и остановился, вдыхая свежий морозный воздух. Незнакомое, донельзя поганое чувство начало глодать его только теперь, когда он ушел, оставив Настю одну наедине с мыслями.

"А ведь я и правда люблю ее".

Стас вздрогнул от этой мысли, зашагав в сторону монорельсового метро, с ясным ощущением того, что более омерзительной зимы в его жизни еще не было.

* * *

Кибер был выведен из строя, но сердце до сих пор бешено колотилось под толстым слоем эластичной черной брони.

Таких машин Ане еще не доводилось видеть. Она слышала о том, что более ста лет назад подобные аппараты использовались в локальных конфликтах. Их расцвет и закат уже давно прошел, время боевых киберов закончилось вместе с распадом

транснациональных корпораций и концернов и завершением хаоса, который последовал за Войной терактов. После этих событий, оказавшись в новых условиях выживания, люди так не могли в полной мере восстановить производство подобных роботов, которое оказалось слишком энергоемким и стоило огромных денег.

"Видимо, кто-то добрался до резервных машин, и теперь пускает их против нас".

Кибер, распростертый перед Аней, размерами и формой больше напоминал стального медведя. Массивная голова стального чудовища валялась чуть в стороне, оторванная лишь после нескольких прицельных попаданий. Судя по тому, как быстро машина вышла из строя, эта модель была не самой удачной — Аня была наслышана о живучести этих модулей.

До этой встречи она проблуждала внутри комплекса два часа. Это было не самое приятное путешествие в ее жизни: большая заброшенная ремонтная база, рассчитанная на проживание пятисот человек, теперь являла собой зловещее место. Раньше оно служило перевалочной точкой для ремонта и заправки боевых и транспортных винтокрылов и самолетов вертикального взлета и посадки, и, должно быть, хорошо справлялось со своей работой, надежно защищенное от радиации и плохой погоды. Когда-то это был почти что маленький город, чье население в основном состояло из военных и техников, но теперь здесь было лишь запустение и сумрак. Аня двигалась по пустым коридорам, заглядывая в помещения и отсеки, жилые комнаты и обслуживающие залы. Она видела брошенные пустые посадочные площадки, расположенные под широкими прямоугольными шахтами, через которые высоко вверху можно было увидеть серое небо. В жилых секциях она видела мебель, накрытую черными пластиковыми пакетами. Вокруг было тихо и пусто, и при этом царил почти что идеальный порядок. Было видно, что люди оставили это место без спешки и словно бы надеясь вернуться в необозримом будущем.

Нарушитель, сбитый над Карским морем на подходе к Новой Земле, сумел дотянуть до Северного острова и рухнуть прямо на территорию этой уже пустующей базы. Он упал в том месте, где располагались ангары, и без труда пробив потолок одной из секций базы, застрял на верхних уровнях.

Аня еще раз с опаской посмотрела на поверженного "медведя", чьи передние лапы заканчивались острыми и тонкими штыками. Гранат у нее не было, и если бы была, она бы попробовала взорвать модуль, чтобы быть уверенной в том, что он уничтожен.

Самолет-нарушитель был прямо перед ней. Это была достаточно большая машина, черного цвета, с острыми и изящными формами хищной птицы. Подобная модель использовалась до сих пор в войсках Конфедерации.

"Что он делал четыре года назад над Карским морем? Шпионил?"

Аня поднялась и направилась в сторону самолета, не спуская взгляда с уничтоженного кибера. Воздушный нарушитель угодил прямиком в центр зала, отведенного под какие-то складские нужды. Когда люди начали эвакуироваться отсюда, они забрали все, что здесь хранилось, и теперь это помещение было пустым. В ледяном воздухе кружились мелкие частицы, сверкающие даже в режиме ночного видения.

Разведчик застрял в наклонном положении, острым клювом вниз, едва не касаясь им пола, и его задняя часть оставалась наверху, скрытая за переборками потолка. Сверху, из щелей и трещин, опоясывающих место пролома, лился мутный дневной свет. На обшивке самолета были видны старые глубокие и рваные царапины, оставленные ломаемыми стальными переборками, но Аня не видела следов попадания легким снарядом, которым нарушитель был сбит. Дверь, своими округлыми формами напоминающая люк, была открыта.

— "Птаха", это "Бегун-1", — тихо произнесла она в микрофон, все еще задыхаясь от пережитого короткого боя с кибером. — Люк самолета открыт. Иду внутрь.

Молчание, и ответ с запозданием в несколько секунд:

— Понял, "Бегун-1". "Бегун-2" и "Бегун-3" уже идут к вам на помощь.

Ане почудилось, будто сзади нее что-то шевелится, и обернулась, вскидывая винтовку, готовая изрешетить поднявшегося на задние лапы обезглавленного кибера, уже поднявшего лапы, чтобы пронзить ее своими когтями-штыками…

Позади нее никого не было. Поверженный кибер не шевелился.

"У меня здесь поедет крыша", подумала она, сглатывая, хотя во рту было сухо, как в пустыне. Комбинезон и плотная внутренняя поверхность скафандра липли к телу, волнение все еще не отпускало ее. Мысль о том, что она одна в большом и заброшенном комплексе, где завышенный радиационный фон, лютый холод, исходящий от мертвого металла, и тьма, которую никогда не рассеет серый свет с местного тусклого неба, лишь усиливали ее страх.

"Что, если здесь есть кто-то еще?"

Еще один кибер, привлеченный стрельбой. Или же выжившие

пилоты…

"Чушь. Здесь нельзя выжить".

Она приблизилась к самолету. Открытый люк приходился на уровень груди, и Аня забросив ремень винтовки на плечо, взобралась наверх. Чтобы проделать этой, ей потребовалось почти что минуту, действуя скованно и нерешительно, ожидая, что в любой момент застывший в наклонном положении самолет из-за малейших колебаний выскользнет из дыры в потолке и обрушится вниз.

"Кажется, он прочно застрял здесь", Аня выпрямилась, вновь беря оружие в руки. Дверь кабины пилота оказалось не запертой, и она решительно дернула ручку в сторону.

Открывшаяся картина была простой, и эта простота и ясность не принесли облегчения. Аня отвернулась от увиденного зрелища — ей даже не потребовалось заглядывать через массивное кресло пилота. В кабине закружились тысячи мелких частиц пыли, сверкающие на тусклом свете, не спеша оседать на панель приборов, стены и пол, подхваченные свежим притоком воздуха, впервые заглянувшего сюда за последние три года. Переборки слева от входа были покрыты почерневшими разводами и брызгами, с застывшими в них кусочками костей и мозга. Пальцы руки в перчатке, свешивающаяся с правой стороны кресла, все еще сжимали рукоять большого тяжелого пистолета "Медведица-49".

Аня, скособочась, тяжело осела вдоль стены на пол, давя в себе приступы подкатывающей тошноты. Все было ясно. Уцелевший после сокрушительного падения пилот выбрался из кабины, оценил положение. Зачем-то включил кибера, возможно, для того чтобы доставить неприятностей тем, кто будет потом его искать. После чего вернулся в свое кресло и покончил с собой до того, как это сделает радиация, голод и холод.

"Ладно. Ладно, хватит. Самолет, похоже, цел, и это главное".

— "Птаха", я… Я "Бегун-1", — громко прошептала она в микрофон.

— Пилот мертв, но самолет, похоже, уцелел. Не могу сказать точно про его информационные носители. Он находится в верхних уровнях базы, его можно попытаться вытащить.

— Вас понял, "Бегун-1". Запрос отправлен на базу.

Аня закрыла глаза, прислонив голову к стене. Подниматься на ноги ей не хотелось, хотя тошнота улеглась. Страх все еще колотился внутри, словно паникующая крыса, но она не обращала на него внимания. Она была одна в темноте и полнейшей тишине, и рядом с ней был уничтоженный ею кибер и человек, простреливший себе голову три года назад.

"Наверное, я и вправду заслужила пережить все это".

Она поджала ноги, словно бы стараясь сжаться в клубок, сидя на жестком холодном полу разведывательного аппарата, чья электроника еще могла повлиять на ход начавшегося конфликта и судьбы многих людей. Сейчас Аня постаралась забыть обо всем, ни о чем не думать, лишь бы утихомирить собственный страх от осознания того, насколько же ей одиноко.

* * *

"Невероятно. Ей удалось сделать то, чего не смогла сделать вся разведка "Уаджет".

Информационный носитель сбитого самолета не пострадал, и это можно было назвать чудом. Именно эти данные оказались так нужны всем, кто был занят поиском неведомого врага "Уаджет". Кириченко уже бегло ознакомился с коротким докладом, только что подготовленным отделом разведки. Некоторые типы вооружения, коды, расположение секретных, экранированных для любого сканирования баз неизвестным типом генератора маскирующего поля — пожалуй, это было самым ценным.

Глядя на эти данные, Кириченко прищурился, чувствуя, как в нем просыпается нетерпеливое предвкушение, злой азарт, стремление начать противодействие прямо сейчас, когда у него на руках появились такие ценные сведения, дающие кое-какое представление о том, кто противостоит "Уаджет".

"Что ж, вы взяли нас врасплох. Теперь наша очередь".

— Итак, господа, — главнокомандующий поднял взгляд на соседний голографический экран, на котором проецировались "окна" линий связи, с которых на генерал-лейтенанта смотрели десять регистраторов, командиров отдельных крупных подразделений, ожидающие вердикта.

— Информация касательно "Брахмана" и Моканди подтверждена. Ковалев сказал правду. В нашем распоряжении теперь есть некоторые данные о вооружении врага и координаты нескольких баз противостоящей нам организации. Эта информация четырехгодичной давности, но лично у меня нет сомнений насчет ее достоверности. Коды связи и доступа, к сожалению, уже безнадежно устарели, в этом нет сомнений. В течение суток вы получите распоряжения, согласно которым вы должны будете действовать. Теперь мы не должны давать им передышки — помните, "Принцесса" у "Брахмана", и ее местоположение до сих пор неизвестно. Старший брифинг-инструктор Левашов подготовит ознакомительный материал о

"Брахмане" для его дальнейшего распространения среди офицеров штаб-квартиры и оперативников. Это все.

Экран выключился, и Кириченко откинулся на спинку кресла. Левашов, сидящий напротив него, мрачно смотрел на него, скрестив руки на груди.

Кириченко побарабанил пальцами по подлокотнику:

— "Брахман", Василий. "Брахман", абсолют, "душа мира".

— Не могу поверить, что Моканди мог пойти на такое.

— Да, я тоже не верил в это до последнего… Его нельзя винить в этом. То, что он пережил во время Второй экспедиции, сказалось на его психике, это очевидно. Он превратился в безумца.

Кириченко глубоко вздохнул:

— Я верну Ковалевой ее прежний пропуск. И, пожалуй, она получит награду. Думаю, ей это понравится.

Левашов молча кивнул в знак одобрения.

— Как скоро ты сможешь подготовить необходимую информацию?

— За несколько часов управлюсь.

— Хорошо, — Кириченко кивнул. — Надеюсь, в "Брахмане" ничего не подозревают о нашем успехе, и сюрпризов больше не будет. Ведь самое страшное это то, что мы вновь сели в лужу, Василий.

— Из-за неудачного вторжения в Пакистан?..

"И из-за этого тоже", подумал главнокомандующий и раздраженно качнул головой:

— Нет. Я про базы этого "Брахмана". Они существовали столько лет прямо под нашим носом. Ты видел их координаты? Наши спутники и радары не видели их в упор. Как такое может быть?

Левашов кивнул:

— Да, это все очень тревожно. У "Брахмана" есть самое разнообразное оружие, хорошо подготовленные специалисты из ветеранов Второй экспедиции. Да еще эти экранированные базы, и киберы…

— К дьяволу все это. Моканди, его технологии и оружие — это не так важно. Рано или поздно мы его возьмем. "Принцесса", вот что сейчас самое важное. Наша задача как можно быстрее и тише найти базу, на которой она спрятана, — Кириченко бросил быстрый взгляд на старшего брифинг-инструктора.

"А потом я попрошу "Шелкопряд" надавить на Конфедерацию и применить по их главной базе что-нибудь потяжелее. Это будет лучшим вариантом развития событий из всех возможных".

— Как скоро мы начнем действовать?

— Начнем через двенадцать часов, — сказал главнокомандующий. — Вторую колонну мы пока выведем из участия в операциях по уничтожению "Брахмана". Пожалуй, стоит вести в бой другие свежие подразделения. На этот раз задействуем все резервы, наземную и воздушную технику. Я дам распоряжение на нашу вспомогательную базу насчет подготовки "Серафима".

— Давненько он не летал, — усмехнулся Левашов.

— Да, пора поднимать птичку в воздух. Думаю, мы сумеем подогнать его к месту событий не скоро, но возможности "Серафима" будут очень кстати.

— Я займусь работой, — сказал Василий, поднимаясь с кресла. — Если что — я у себя.

"На этот раз мы не должны ошибиться", думал Кириченко, наблюдая, как Левашов выходит из его кабинета, "мы едва не дали угробить себя во время нападения на Фрактал и недооценили возможности противника при штурме брошенной базы в Пакистане".

"Серафим", воздушная мобильная база класса суперсамолет, базирующийся на Урале, мог оказать значительную поддержку силам "Уаджет". Конечно, он относительно медлителен, но без поддержки с воздуха одноместных штурмовиков "Москитов" и многочисленных транспортов, которые "Серафим" нес в своем брюхе, оперативникам "Уаджет" придется туго. Если придется рассчитывать на его помощь, то его нужно поднимать в воздух уже сейчас. Гигант доберется а южные широты только через несколько дней, уже по пути принимая на свой борт технику, оружие, десантников и специалистов для принятия участия в заключительной фазе противостояния.

Операцию "Жара", на которую так рассчитывал Кириченко, можно было назвать провальной, не смотря на победу "Уаджет". Захват базы противника, которая оборонялась лишь несколькими киберами ничего не дал — враг уже давно покинул это место, забрав все улики и оставив боевые машины для приманки. Потери были незначительными, но их могло быть и еще меньше, задействуй "Уаджет" хотя бы боевые самолеты. В "Уаджет" снова недооценили возможности "Брахмана", и это обошлось ценой четырех десятков жизней оперативников. Кириченко понимал, что дальнейшие ошибки подобного рода будут стоить слишком дорого. Все это может закончиться тем, что даже если "Уаджет" добьется победы в этом конфликте, "Шелкопряд" все равно примет решение о расформировании секретного корпуса.

"Это неважно. Необходимо как можно быстрее найти базу, на которой находится "Принцесса" и уничтожить ее одним ударом.

Это и будет победой".

Более того, теперь приходилось учитывать и то, что ситуация в мире начинала меняться. Конфедерация начинала проявлять интерес к происходящим событиям, как и всегда, открыто наблюдая за "Уаджет", в попытке получить новую информацию об их тактике и вооружении. Появление китайских спецподразделений на северных окраинах Исламабада после выполнения операции по захвату брошенной базы "Брахмана" было лишь тому доказательством. Кириченко подумывал и о том, что нужно опять мягко надавить на "Шелкопряд", чтобы тайный и могущественный покровитель "Уаджет" наступил кое-кому на хвост в это неспокойное время. Вмешательство посторонних в этот конфликт могло лишь все усложнить и привести к совсем неожиданным последствиям.

Генерал-лейтенант нажал клавишу на столе, и кабинет заполнился звучанием тихой музыки. Фортепианное трио из Киото могло помочь отвлечься от тревожных мыслей, расслабиться и забыться на время. И хотя музыка была грустной, главнокомандующий "Уаджет" улыбался — он был уверен, что очень скоро "Брахман" потерпит сокрушительное поражение. Безумцы, отколовшиеся от той части человечества, которая была намерена спастись любой ценой, будут уничтожены, и тогда единственным серьезным противником на Земле останется только Ткань.

"Терпение", думал главнокомандующий, вытягиваясь в своем кресле и закладывая руки за голову, "это все, что мне нужно сейчас".

* * *

Ночной Фрактал сиял огнями. Увидеть и оценить все это великолепие можно было, пожалуй, разве что с высоты, но Юля, прислонившаяся к поручням, думала, что и с окраин вид совсем неплох. Было уже поздно, и приличное расстояние давало возможность полюбоваться этим зрелищем. Глядя на едва заметную за высотными строениями Фрактала верхушку-купол "Панциря мира", доктор думала о том, что еще не так давно она и задумывалась над такими банальностями, как вид ночного города, в котором она прожила уже много лет. Сама Федорова могла объяснить это лишь тем, что произошедшие перемены, которые за собой повлекло нападение на Фрактал и этот странный конфликт, разгоревшийся в считанные дни, оставили свой след практически на каждом, кто был связан с Фракталом и "Уаджет".

Выдохнув клубок пара, она поежилась, перехватывая поручни, глядя вниз с мостика, ведущего к посадочной площадке. Внизу на монорельсе стоял недавно прибывший состав, и, глядя, как вдоль него двигаются сотрудники охраны, проверяющие вагоны при помощи портативных зондов, Юля с грустью подумала о том, что в последние годы количество прибывающих в город грузовых поездов значительно сократилось. Теперь прибытие грузов и материалов железнодорожным транспортом стало совсем редким, и по мнению доктора, через несколько лет вероятно, доставка по монорельсовой дороге прекратится вообще. С внешним миром останется лишь связь по воздуху — и навряд ли небольшой воздушный грузовой флот без поддержки железной дороги справится с поставленными задачами и планами.

Юля прекрасно понимала это. Сейчас эти мысли не вызывали того легкого ступора и недоумения, вопросов "а как же мы?". Только лишь нехорошо сжалось сердце, в полном осознании происходящего, в понимании того, чем все это закончится.

"Мы медленно катимся к полному краху. Не только "Уаджет", Фрактал. Все мы".

Юля знала, что и многие, многие другие разделяют ее точку зрения. Доктор подозревала, что точно так же думают и главнокомандующий "Уаджет", президенты и министры Конфедерации. Они знают это, и начавшийся конфликт с "Брахманом" лишь подтверждал это. Этот век являет собой воплощение полного безумства и начала конца для человечества и Земли.

Юля пришла в себя от дурных мыслей, услышав далекий, негромкий стрекот винтов. Доктор повернулась в сторону посадочной площадки, где в свете ярких прожекторов, устремленных вверх, виднелись еще несколько человеческих фигур — сотрудники охраны и некоторые встречающие, такие, как Юля. Она проследила за направлением лучей света прожекторов, поднимая голову вверх и находя взглядом черный силуэт летательного аппарата, медленно спускающегося вниз.

Пассажирский винтокрыл, сверкающий белым и красным огнями на носу и хвосте, выпустил опорные стойки-шасси и с тихим гулом совершил приземление. Стрекот винтов начал стихать, и Юля, шагнув ближе, вновь остановилась, решив дождаться свою новую подопечную здесь.

Она терпеливо ждала еще в течение пяти минут, когда откроется шлюз и по спустившемуся трапу вниз спустятся те немногие, кто прибыл сюда. Доктору раньше приходилось отлучаться из города, направляясь на юго-восток, в сторону крупных городов, следуя на конференцию или же для отдыха. Она знала, что в большинстве случаев пассажиров, покидающих и прибывающих во Фрактал всегда немного, и это такие же отпускники или же люди, у которых появились срочные дела за пределами города. Юля смотрела, как спускающихся вниз пассажиров и их багаж проверяют офицеры службы безопасности при помощи специальных сканеров, их личностные информационные накопители и пропуска при помощи коммуникаторов. Ей удалось увидеть спускающуюся вниз девушку в черном длиннополом пальто с небольшим чемоданом в руке, и Юля невольно улыбнулась: ей предстояла встреча с той, кого она ждала эти дни. Главнокомандующий почти сразу дал согласие на прошение доктора о принятии нового сотрудника в "Стагирит-2", и поэтому передача официального уведомления и перелет не заняли много времени.

Юля стояла, опустив руки в карманы пальто, глядя, как она приближается, ступая неуверенно и глядя исподлобья, но неловко улыбаясь в ответ.

— Здравствуйте, — сказала она, останавливаясь перед Федоровой и перехватывая ручку чемодана перед собой обеими руками.

— Здравствуй, — доктор кивнула ей, с улыбкой интересом разглядывая ее. Было лучше, если бы новоприбывшую встретил Мельнев, но Юля сама вызвалась на это мероприятия, попросив Сергея уведомить об этом нового сотрудника по Сети и передать ей фотографию доктора.

" Было бы странно, если бы я в чем-нибудь не ошиблась,

когда представляла ее себе".

Новоприбывшая оказалась выше доктора чуть ли не на полголовы. В сумраке, который царил на пешеходном мостике, было сложно судить, как она детально выглядит и во что она одета — Юля помнила, что она из "Падения" — и уже сейчас у доктора появились подозрения, что фотография, предоставленная ей по Сети, была не совсем близка к реальности.

— Екатерина Вересова?

— Она самая, — Катя кивнула.

— Юлия Федорова, доктор биохимических наук. Добро пожаловать во Фрактал.

— Спасибо, — Катя неловко улыбнулась. — Мне о вас рассказывал Сергей. Вы будете моей начальнице?

— Именно так. Вот теперь мы официально познакомились. Идем, нас ждут.

— Ждут?

— Машина, — пояснила Юля, разворачиваясь и зашагав по мостику прочь от площадки, с которой взлетал винтокрыл, уже избавившийся о своего человеческого груза.

— Вообще-то встречать тебя должен был именно Мельнев, но так как ты будешь работать под моим началом, я напросилась на эту встречу.

Они спустились по лестнице вниз, где на небольшой площадке их ждал светло-серый микроавтобус. Оперативник, дежуривший снаружи, при виде доктора бросил окурок в сторону урны и поспешно занял место водителя.

— Как перелет? — они как раз вышли под яркий свет фонаря, и Юля обернулась к Кате, чтобы на этот раз разглядеть ее хорошенько. Не смотря на то, что Юля морально подготовилась, она несколько опешила, когда увидела лицо Кати, хотя и не подала виду, что удивлена.

Губы Вересовой были иссиня черными от помады, глаза и ресницы были подкрашены так, что казалось, будто они смотрят из глубоких провалов. Шелковистые длинные волосы ярко блестели под светом фонаря, и Юля, опустив взгляд, невольно задержала его на черных сапожках Кати, на высокой и толстой подошве. Черное длиннополое пальто не давало возможности увидеть ее одежду, но Юле уже было понятно — она действительно из Падения.

"Поразительно. Не помню, что бы Фрактал посещал кто-нибудь из этого движения".

— Я… я не люблю летать, — неловко ответила Катя.

— Ничего. Для начала, о самом главном. Если будешь соблюдать наши несложные, но важные правила, ты не покинешь

Фрактал, — сказала Юля, открывая дверцу салона.

— Хорошо.

— Надеюсь, это не показалось тебе угрожающим? — доктор тихо рассмеялась. — Не обессудь, но правила действительно есть, и их нарушение грозит депортацией из Фрактала. К тому же, ты — новый научный сотрудник. Ты очень скоро будешь посвящена в информацию, которая считается сверхсекретной. Понимаешь?

— Конечно, — Катя, устроившаяся на сиденье, кивнула доктору. Она расстегнула пальто, и доктор, севшая напротив, увидела темно-синее платье с черными бантами и ядовито-зелеными полосами поперек.

"Она следует традициям своего движения", подумала Юля, но ничего не сказала.

Машина начала движение по неприглядным узким проездам в сторону центра.

— Мы едем в "Стагирит-2"? — неуверенно спросила Катя, глядя в окно.

— Нет. Мы едем к твоему новому дому.

— Как здорово, — Катя повернула свое накрашенное черным лицо к Юле и добродушно улыбнулась.

"Радуется, как ребенок", подумала Юля, и в душе шевельнулось нехорошее чувство совершенной ошибке, близкое к паранойе.

"Она и похожа на ребенка. Нужно спросить что-нибудь неожиданное и не слишком сложное".

— Скажи мне, Катя, в чем главные отличия Ткани от земных растений и грибов?

— Ткань не нуждается в солнечном свете и воде, все это ей заменяет радиационный фон и наличие биологических организмов, — Катя, смотрящая в окно, вновь повернула голову к доктору. — Плюс ко всему, у растений и грибов нет интеллекта.

— Ну, последнее еще не доказано.

— Я многое читала об этом.

"Теперь она думает, что я ей в чем-то не доверяю", с сожалением подумала Юля, решив вновь быстро сменить тему.

— Ты правда из Падения?

— Да.

— Просто у нас до сих пор никого из вашего движения не было, насколько мне известно, — замявшись, проговорила Юля. — Я мало что знаю о вас. Пока что могу поздравить — ты первый посетитель Фрактала и сотрудник "Стагирита-2", относящийся к Падению.

— Что ж, спасибо.

— Это правда, что про вас говорят? Что вы не верите в

будущее человечества?

— Да.

— Удивительно, что с таким взглядом на мир ты хочешь работать с нами. Можно сказать, что мы придерживаемся совершенно противоположной точки зрения.

— Мне просто нравится заниматься наукой. Я бы хотела расширить свои познания.

Они выехали на улицы Фрактала, и Катя вновь повернулась к окну, широко раскрытыми глазами глядя на ночной город. Юля тоже перевела взгляд за стекло, глядя на белоснежный купол штаб-квартиры, отчетливо видимый поверх крыш домов на фоне черного зимнего неба.

— Я не могу обещать… Но, скорее всего, за тобой будут пристально наблюдать, — сказала Юля. — По крайней мере первое время.

— Я понимаю.

— Будешь вести себя хорошо?

— Конечно.

— Вот и славно.

"Она думает, что человечество обречено, но при этом проявляет интерес к познаниям", думала Юля, медленно прислоняясь виском к холодному стеклу, "этот мир и впрямь сошел с ума. Должно быть, ему действительно осталось просуществовать совсем немного".

* * *

Старый подземный бункер, созданный более ста лет назад для глав правительства Мадагаскара, теперь служил для "Брахмана" главной базой. Он был давно переоборудован под нужды Моканди, и теперь выполнял не только функцию подземного укрепления. Отсюда шло координирование всех действий подразделений этой организации, здесь располагалась главная лаборатория и штаб самого Диира Моканди, и многое другое. Сам маршал думал об этом с ироничной снисходительной усмешкой, находя эту игру в прятки со всем миром умильной и смешной, и с грустью вспоминал свою старую, тихую резиденцию на берегу океана, которую пришлось покинуть с момента начала противодействия "Уаджет" чтобы перебраться в более безопасное место.

"И все же это необходимо для достижения нашей цели".

Экс-маршал, сидящий за широким черным столом в своем новом кабинете, заставленном высокоточной аппаратурой и

обилием терминалов и включенных свето-экранов, просматривал сообщения, поступающие на главный терминал перед ним. Прошло двенадцать часов после внезапного нападения сил "Уаджет" на две базы "Брахмана", и с тех самых пор сводки из мест ведения боев сыпались практически без перерыва.

Диир поднял глаза на присутствующих. Напротив него сидели капитан и старший техник — единственные, с кем ему придется общаться последующие часы. Диир не протестовал: общество этих двоих было куда важнее сейчас, чем любое другое.

— Сколько вам потребуется времени, чтобы закончить работу?

Старший техник, высокая женщина с бледным, изможденным лицом, тихо ответила:

— Шесть суток, господин маршал. Дайте нам шесть суток, и мы закончим "Махат".

По лицу бывшего маршала никак нельзя было сказать, что он думает по этому поводу.

Диир же испытал страх, услышав об этом. Он понял, что его грандиозный план на грани провала.

"Шестеро суток! Это много, слишком много. Сейчас у меня нет столько времени. Заканчивать все необходимое к запуску "Махат" придется в спешке. Нам очень сильно повезет, если мы успеем сделать хоть что-нибудь…"

— Хорошо, — кивнул Диир, и, повернувшись к смуглому японцу в черном камуфляже, поймал его заинтересованный взгляд.

— "Махат", господин маршал? Что обозначает это название?

— Величие, капитан. Запуск этой ракеты не станет конечной точкой в этом сражении, но станет переломным моментом в ходе развития событий, — маршал слабо улыбнулся. — Когда "Махат" достигнет своей цели, Ткань уже будет не остановить. Я могу взглянуть на нее? — Диир вновь повернулся к старшему технику.

— Да, конечно, господин маршал. В любое время.

— Спасибо, — Моканди вздохнул, покачав головой. — Не могу передать словами, как я ценю ваше старание и преданность. Можете идти.

"Мы где-то допустили ошибку? Как они узнали о нашем месторасположении?" думал маршал, глядя, как женщина выходит, чтобы вернуться к своей работе. Диир не мог отвлечься от мыслей о скорой расправе со стороны "Уаджет". Судя по всему, секретный корпус получил слабую поддержку от Конфедерации, но он мог справиться с Дииром и его людьми собственными силами.

Базы и объекты "Брахмана" все это время были прекрасно

замаскированы и экранированы от любого сканирования и радаров. Засечь их дислокацию не могли даже спутники за все время существования организации, которое подходило к концу. Сказать, что сейчас положение "Брахмана" было плачевным — значит, не сказать ровным счетом ничего. Каким-то образом "Уаджет" выяснил месторасположения всех баз "Брахмана", и теперь они быстро брали реванш, перейдя в стремительное наступление. Этот факт был полной неожиданностью для маршала, который был уверен в собственной безопасности. То, что их раскрыли, моментально меняло многое, но — не все.

Моканди думал о том, что штурмуемые в эти часы базы на Шри-Ланке и Австралии уже обречены, хотя его люди и машины, обороняющие их, будут держаться до конца. Вопрос стоял не в том, чтобы сохранить свою жизнь, а в том, за какую цену ее отдать. К тому же, здесь было кое-что еще, важное, самое главное — время. Сейчас, когда конфликт перешел в "горячую" стадию, это было самым важным.

-..Господин маршал?

Моканди моргнул и поднял ясный и спокойный взгляд на капитана:

— Да?

— Прошу прощения, но вам не кажется, что ваш план несколько… неидеальный?

— Конечно, капитан, — Диир широко улыбнулся. — В нашем мире нет ничего идеального. Особенно в том виде, в каком он сейчас пребывает. У меня есть шанс исправить это, и я не хотел бы его упустить. Вы ведь знаете, что обозначает название нашей организации?

— Так точно, господин маршал, — сказал капитан. — Вы когда-то говорили об этом. В переводе с санскрита брахман обозначает абсолют.

— Так что вас смущает, капитан?

— Если все случится так, как вы рассчитали… Ткань победит не сразу, так ведь? Люди еще будут цепляться за старое, стремиться избежать воссоединения любой ценой. Будет хаос. Возможно, новая война.

— Да, это неизбежно. Очень многие погибнут до того, как Ткань завершит свою работу.

— То есть, вы не видите другого выхода?

— Нет. Это неизбежно, как я и говорю. У нас слишком мало сил для того, чтобы провернуть все это быстро и относительно безболезненно. Конфедерация сейчас новый и последний гегемон этого мира, и нам придется смириться с тем, что мы не можем поразить его сразу, одним единственным ударом. Вы ведь

понимаете, что это невозможно.

— А как быть с нашими людьми на Шри-Ланке и в Австралии, господин маршал?

Тацуми Судзуки смотрел на него открыто, с почтением, но с твердым намерением получить ответ.

"Превосходный офицер" подумал Диир, глядя на него, "честный и преданный. Храбро сражался с Тканью семнадцать лет назад во время Второй экспедиции, готов уничтожить любого противника и сейчас".

— Вы не можете найти ответ сами? — мягко и тихо спросил его Диир, наклоняя голову. — Вы ведь прекрасно знаете, что нашим подразделениям не спастись. Наши солдаты выживут, только если они сдадутся.

"И я искреннее надеюсь, что они не сделают этого".

— Через несколько дней с нами будет покончено. Менее чем через неделю мы закончим эту короткую войну. Произойдет то, к чему мы шли все эти годы, Тацуми. Запуск "Махат" ознаменует конец "Уаджет", остатков людской цивилизации в том виде, в котором она представлена сейчас. "Брахман" тоже прекратит свое существование, и вовсе не потому, что за нас так активно принялся "Уаджет". Вместе с успешным запуском "Махат" мы выполним свое предназначение и закончим ту долгую работу, которую начали десять лет назад. Вы же видите, как все круто изменилось, но мы еще можем победить. Если нам очень сильно повезет, то мы с вами выживем, капитан. Но наши ребята на Шри-Ланке и Австралии — нет.

— Да, господин маршал. Наша первостепенная задача — продержатся эту неделю?

— Именно. Я твердо намерен выжить, — сказал Моканди, глядя офицеру в глаза. — Мне льстит мысль о том, что я могу стать человеком, который… дал новую форму всему человечеству, спас его от грязи и саморазрушения, передав Ткани. Но я сам бы очень хотел дожить до этого момента, а не умирать здесь и сейчас.

— Я понимаю, господин ма…

— Вы в праве считать меня трусом, Тацуми, — перебил его Диир, говоря все так же спокойно и мягко. — Только трус может спрятаться на долгие годы, чтобы потом исподтишка нанести коварный удар своему главному оппоненту. А позже надеяться выжить, трясясь над уходящим временем.

"Чтобы приобщиться в высшей стихии, достичь очищения, которого ему не суждено получить в это жизни", подумал Диир, но так и не сказал этого.

— Ваш план и все ваши действия, которые вы предпринимали

на протяжении последних лет, не подлежат осуждению, господин маршал.

"Судзуки очень скоро умрет", вдруг подумал Диир, глядя на него. Это было ясно, как день, словно бы маршал уже видел метку смерти на этом человеке.

"Ответственен и исполнителен, как и все военные из его родины. Когда наши враги придут сюда за мной — а это случится очень скоро — он сделает все, чтобы погибнуть, но защитить меня".

— Вы можете идти, капитан, — сказал Диир, чувствуя подавленный страх и усталость. — Если у вас больше нет вопросов.

Когда капитан покинул его, маршал долго смотрел перед собой, думая о том, что он собирается сделать. Он вспоминал свое прошлое, Вторую экспедицию, когда он, изучая материалы Ткани, вдруг понял, что это создание не может быть их врагом. Ткань, конечно же, хочет поглотить их, как поступала с каждым живым существом на этой планете, но делала она это не для того, чтобы просто расти. Он не зря изучал научные труды ученых по всему миру касательно Ткани, он не зря сам проводил время, изучая и сопоставляя факты, известные только ему одному как человеку, который возглавлял огромную армию, противостоящую этому организму. Ткань обладает разумом, который стремится приобщить к себе остальное, себе подобное — в этом маршал был уверен. Это не просто поглощение одного вида другим, это было становление из двух половинок разных биологических видов нечто более развитого и совершенного. Просто на данный момент одна из этих частей не понимает этого, и не хочет понять.

"Они поймут, когда все закончится. Ведь Ткань не убивает нас. Все гораздо сложнее".

Его час пришел. Все то, к чему Диир Моканди стремился эти последние годы, должно было прийти в действие в течение нескольких дней. Когда он сумеет уничтожить последнее сопротивление людей Ткани, воплощенное в "Уаджет", уничтожив их штаб и Фрактал, он обозначит тем самым свою победу. Только тогда Ткань сумеет достичь своей цели, полностью приобщив к себе большую часть уже как сто лет обреченного, обезумевшего остатка человечества, доживающего свой век на изуродованной войнами и катастрофами планете.

Добыть "Махат" — баллистическую ракету средней дальности — в свое время не составило труда для такого человека, как Моканди. С его связями, познаниями и тем состоянием, которое у него было под конец его блистательной карьеры военного, добыть такую вещицу оказалось довольно ерундовым делом. Сама ракета

уже была давно готова к запуску — как любой другой объект принадлежащий "Брахману", она несла в своем нутре генератор, глушащий все радары — разработку, которой Моканди мог бы гордиться, если бы поставил ее на службу Объединенным Вооруженным Силам Конфедерации. Осталось дождаться, когда в лаборатории закончат кропотливую, опасную работу — "Принцессу" разделят на отдельные мини-кластеры, представляющие собой густой, белоснежный жидкий концентрат — так называемую "кровь" Ткани, самую активную и "агрессивную" в биологическом плане форму этого чудного организма. Именно живая "кровь" станет начинкой в капсулах-"боеголовках" "Махат".

Моканди не знал, обладает ли еще кто-нибудь в мире такими познаниями и уникальными технологиями, какими обладал он и его специалисты. Подумать только — пытаться "разобрать" кластер Ткани в лабораторных условиях! Этот кластер был единственным в своем роде "пленником", захваченным людьми за все время противостояния с Тканью, и лишь благодаря знаниям и техническим возможностям Моканди сумел создать все необходимое для проведения подобной операции. С точки зрения других людей, не принадлежавших "Брахману", это было невероятно опасно.

Теоретически перехватить и уничтожить ракету с наполненными "жидкой" Тканью капсулами в воздухе уже будет невозможно — только засечь запуск, но этого будет мало. Ни один наземный радар, ни один орбитальный лазер древнейшей противоракетной обороны не сможет "увидеть" запущенную ракету. В Конфедерации спохватятся только в тот момент, когда эти управляемые автономными системами наведения капсулы посыплются на Восточную Россию, Китай, Японию. Конечно же, Фрактал будет мишенью номер один. Если все пройдет по плану, то и Фрактал и штаб "Уаджет" будут первыми поражены жидкими спорами Ткани, которые осядут вниз, стремительно перерабатывая все живое в новые кластеры нового единого организма. Та же участь ждет крупнейшие мегаполисы всей Азиатской Конфедерации содружества, над которыми развалятся капсулы с Тканью.

"Подумать только. Мои враги будут первыми, кто заслужит Абсолюта, который несет Ткань".

Маршал улыбнулся, но улыбка сползла с его лица, когда он вновь вернулся к коротким рапортам, поступающим на главный терминал от подразделений, гибнущих на Шри-Ланке и в Австралии. Жизни его людей, оставшихся преданными его идее до последнего, были уже принесены в жертву времени. Эта мысль

заставила дрогнуть сердце маршала.

"Ни одной просьбы о помощи".

Диир склонился вперед, пряча лицо в сухих горячих ладонях. Обреченные на смерть не звали подкрепления, прекрасно понимая, что к чему. Диир знал, что под его началом служили лишь те, кто знал о храбрости в это чудовищное время, в закат цивилизации. Достойнейшие из людей были обязаны умереть сейчас, чтобы другие могли дожить до того момента, когда Ткань будет иметь полное преимущество, чтобы завершить начатое более двадцати шести лет назад.

— Мои ребята, — прошептал Диир, закрыв глаза. — Мои ребята…

* * *

Прошла целая вечность до того момента, как объемная голограмма в компьютеризированных окулярах вдруг начала стремительно рушиться. Стас даже не успел разозлиться на свое поражение, когда виртуальный тренажер отключился. Он захлопал глазами, с разочарованием выпрямляясь и опуская ствол винтовки. Он и Костя, в полном снаряжении оперативников, вновь стояли в большом пустом зале, откуда начали свое испытание.

— Стоп! Закончили.

Тяжело отдуваясь, Стас подцепил пальцами края эластичного капюшона-маски с окулярами и отбросил на плечи. Костя последовал его же примеру. Они опустили винтовки стволами вниз, зашагав к скамье у стены. По дороге Стас поймал несколько оценивающих и почти что завистливых взглядов от стоящих у разделительной линии в одной группе оперативников, и едва ли не огрызнулся в ответ. Физическая усталость и неудача всегда вызывали в нем странный приступ раздражения.

— Хорошо, — сказал им инструктор. — Продержались три минуты семнадцать секунд.

Стас поднял глаза на табло на стене, показывающее время с момента запуска виртуального тренажера до "смерти" проходящих испытание.

— Ох ты!.. — Костя довольно осклабился, тяжело дыша. — Больше трех минут на пятом уровне сложности. А мы не так уж и плохо работаем.

— Ну да, — вяло отозвался Стас, с удовольствием усаживаясь на скамью и уперев винтовку прикладом в пол. — Но я бы предпочел дожить до конца этого тупого задания. Не могу

поверить, что за полгода нельзя осилить пять минут пятого уровня…

— Да пошел он, этот тренажер, — Костя ухмыльнулся. — Это же ерунда, только для салаг развлечение. Можно подумать, будто реальный бой похож на эту чушь. Верно, Влад? — Костя сдернул с руки перчатку и подал ее сидящему справа от него мрачного вида оперативнику.

— Верно.

— Как дела?

Влад, которого Стас мельком видел раньше, ответил одним емким словом, которого, по его мнению, было достаточно для общего описания дел.

— "Прибой" тоже гоняют? — спросил Костя, улыбаясь. — Я слышал, ваших тоже задействуют при штурме, по полной программе.

— Вот и я о том же, — процедил Влад, отвечая на рукопожатие Стаса. — Они там в штабе совсем рехнулись. Теперь побегаем по полной.

— Все базы "Брахмана" расположены на побережьях континентов, — сказал Костя. — Было бы странно, если бы "Уаджет" не задействовал морскую пехоту.

— Это все ерунда, поверь. Я слышал, с Уральской базы поднялся "Серафим".

— Ого, — вздохнул Кирилл, и Стас сам невольно уставился на морпеха.

— Когда в воздух поднимают такую огромную древнюю рухлядь, значит, дело будет жарким, — усмехнулся Влад.

— Рухлядь рухлядью, но эта база еще может дать прикурить, — возразил Костя. — Черт, "Серафим", поверить не могу… Хотел бы я побывать на этом самолете…

— Рощин!

Влад, тихо ругаясь сквозь сжатые зубы, поднялся на ноги и пошел в сторону подозвавшего его инструктора.

— Кто это?

— Влад? Из морской пехоты. Служил где-то на восточном побережье, год назад перевели сюда. "У "Прибоя" те же функции, что и у того подразделения, в котором служил Влад, только тут-то покруче будет, — Костя с довольным видом насмешливо ухмыльнулся.

— Ну да, — Стас перевел взгляд наверх, где располагалась кабина оператора. Он вздрогнул, наткнувшись взглядом на фигуру офицера в черном мундире, стоящего у стекла и смотрящего вниз. У штабиста были огненно рыжие волосы, причудливо подстриженные и уложенные, и Стасу показалось,

будто он смотрит прямо на него.

— Глянь-ка, — он опустил взгляд, равнодушно глядя, как инструктор проверяет датчики и сенсоры на форме Влада и второго оперативника, готовящихся пройти тест на виртуальном тренажере.

— Хм, не знаю этого второго.

— Наверх посмотри.

Костя покосился на кабину оператора:

— А… все высматривают.

— Штабные крысы, — безразлично сказал Стас. — Делают вид, что у них полно важной работы и сами они важные шишки, как же…

— Ты о чем?

— В "Панцире" полно народу, чьи должности на хрен не сдались.

— Ха, ну да, — Костя усмехнулся, уже открыто глядя на офицера наверху. — Замечал я и такое. Вот бы кому жир порастрясти, — он хохотнул, и Стас улыбнулся, поняв, что Костя с юмором относится к своей предрасположенности к полноте.

— Пошли, выпьем чего-нибудь холодненького.

Стас поднялся на ноги, чувствуя разлившуюся по всему телу усталость. Поднимая винтовку, ему показалось, будто она весит значительно больше, чем до того, как он уселся на скамью перевести дыхание.

Они сдали оружие и избавились от плотной сети датчиков и сенсоров, покрывавших их экипировку, необходимых для работы виртуального тренажера.

— Вот же зараза, — простонал Костя, разминая плечи, когда они вышли из подготовительного отсека в коридор. — Не думал, что за пять минут можно так устать.

— Что самое нелепое стараемся для непонятно кому нужных результатов, — Стас кивнул на автомат по продаже самых разнообразных напитков, от прохладительных до вполне приличного кофе.

— Вот скажи, тебе станет легче, если мы уложимся в эти пять минут?

— Ничуть. Я уже говорил, этот тренажер — дерьмо.

Пока они заказывали сок, Стас приглядывался к этому оперативнику, думая о том, почему до сих пор он так мало знает о тех, с кем служит бок о бок столько времени. Наверное, это не касалось Кости, так как знакомы они были совсем недавно. Стас лишь знал, что он и его брат Дима прибыли сюда прошлым летом, вместе со Стасом, из Форта-2, что под Екатеринбургом.

— Как брат?

— Неплохо устроился, — бойко ответил Костя, с удовольствием запрокидывая голову и делая несколько жадных глотков.

— Уж его-то так не гоняют, как нас здесь, — продолжил он. — В техгруппе все попроще, но и при это свои сложности.

— Куда уж без них.

— Но я бы не хотел быть водилой, как он. Ну да, большая техника, и этот вездеход "Волчица"… В бою ему участвовать не придется. Знай подвози оперов на мотоциклах поближе туда, где жарко…

Стас, глотая кислый сок, думал о том же.

— Вся веселуха достанется именно нам, не сомневайся.

Стас подумал, что, наверное, Светличев тоже не раз задумывался о том, что "Уаджет" может как и пленять, так и отталкивать, так, что от страха человек готов уматывать, куда глаза глядят. Сам Стас уже ощутил это, совсем недавно. Когда они отражали нападения "Брахмана" на Фрактал, Стас еще не думал об этом. Привык выполнять приказ, и не задумывался над ним. Но когда несколько дней спустя, во время операции "Жара" их бросили в атаку на кибера, он все понял. Страх за свою шкуру всегда сильнее.

Стас вспомнил Настю. Два дня назад она призналась ему в том, что хочет уехать обратно домой.

Стас же едва не признался ей в том, что любит ее.

— Лучше всего было бы вообще не связываться с "Уаджет", — сказал Стас, взглянув на Костю. — Служба не сахар, да и Фрактал привязывает к себе так, что тошно становится, когда думаешь, что тебя вышвырнут отсюда. Здесь полно проблем, еще больше, чем во всем мире.

— Да нет же, мне нравится служба… — Костя улыбался, но в его глазах Стас отчетливо видел уже знакомое сомнение.

— Мне тоже, — мрачно сказал он.

— Кавелин, — ожил наушник в сложенном на плечах капюшоне-маске.

Стас торопливо выудил пальцами из маски-капюшона черный плоский диск с проводами и бусиной микрофона.

— Слушаю.

— Координатор Горин. Старший координатор Власов вызывает к себе. Через пять минут. Четвертый уровень, секция Б, комната отдыха.

— Ох ты, дьявол… — пробормотал Стас, выпуская из пальцев наушник и заторможено вытаскивая из нагрудного кармана свой черный берет.

— Что там?

— Старший координатор Власов, вызывает к себе.

— Что-нибудь натворил?

— Да нет…

— Валяй, не задерживайся. Потом расскажешь.

Стас рассеянно кивнул, отворачиваясь и шагая по коридору в сторону секции-Б.

"Чего я так разволновался?"

Конечно же, ничего. Его не за что упрекнуть, и вполне возможно, что есть за что похвалить. Стас, вспоминая свои слова о том, что в штаб-квартире полно народу, которые только делают вид, что выполняют важную работу, почувствовал себя неважно.

"Быть может, меня кто-то слышал?"

Этот мандраж сопровождал его всю дорогу, до самой комнаты отдыха. Приближаясь к ней, Стас лишь чувствовал, что начал волноваться еще сильнее. Он надел берет и бегло окинул взглядом свою форму. Полное боевое снаряжение и удушливый запах пота, исходящий от него после нагрузок на виртуальном тренажере были не самым лучшим вариантом внешнего вида для встречи с офицером "Панциря мира". Собравшись духом, Стас решительно шагнул в комнату отдыха.

Небольшой зал, непривычно для общего интерьера всей штаб-квартиры обставленный мебелью и так же имеющий непривычно приятную гамму цветов стен и пола был почти пуст. Здесь расположились двое человек, удобно устроившиеся в креслах перед низким стеклянным столиком. Стас мельком взглянул на вазу с фруктами, расставленные низкие рюмки и бутылку с вином, и, переведя взгляд на сидящего напротив себя человека, моментально обмер.

Старший координатор Власов сидел в кресле, закинув ногу на ногу и устроив свою высокую черную фуражку с красным колышком на краю стола. Его рыжие волосы, плотно зализанные назад, влажно блестели, и именно по ним Стас узнал его — это он был в кабине оператора, наблюдая за тренирующимися оперативниками. Власов был грузным мужчиной средних лет, с грубым лицом и тяжелым взглядом, и Стас почему-то не был удивлен, почему человек с такой внешностью занимает такой пост, а не выполняет обязанности одного из полевых командиров "Уаджет".

Второй мужчина был значительно моложе, одетый в стандартную куртку и штаны маскировочной окраски "город", с нашивками старшего ведущего. Стас не мог сказать точно, но внешний вид этого человека прямо говорил, что он не привык просиживать зад в "Панцире мира".

Стас выпрямился по стойке смирно и откозырял.

— Оперативник Кавелин, по вашему приказанию прибыл.

Власов едва заметно кивнул, жуя яблоко и не глядя на него: мол, прибыл и прибыл. Старший ведущий смотрел на Стаса с пренебрежительной усмешкой.

"Меня сюда вызвали или хвалить, или наказывать", думал Стас, "другого не дано".

Сейчас, вспоминая свои недавние слова в зале виртуального тренажера, он клял свой длинный язык и склонялся ко второй версии.

— Вот что, Кавелин… — наконец, заговорил Власов. — Ты ведь принимал участие в боях против "Брахмана"?

— Так точно!

— Да не ори ты… оборона Фрактала в ночь с семнадцатое на восемнадцатое января, и потом "Жара", так?

— Так точно.

Власов медленно наполнил рюмки и откинулся на спинку кресла, взглянув на оперативника пристальным изучающим взглядом.

— Если бы тебе предложили спокойную работу в штаб-квартире, ты бы согласился?

Стас лихорадочно соображал. Он пока не мог взять в толк, с какой целью его сюда вызвали, стараясь при этом силясь сообразить как можно быстрее, делая выводы из того, что он видит и слышит. Старшие офицеры отдыхают, расспрашивая о боевом опыте и ставя такой вопрос. К чему бы это?

Власов и старший ведущий молчали, не торопя Стаса с ответом.

— Никак нет.

— Долго думаешь, — сказал Власов. — У нас есть свободная должность в "Панцире". Не очень сложно, но ответственно. Работа с информацией — скучно, но перспективно. Что скажешь?

"Меня испытывают", подумал Стас, решив на этот раз не затягивать с ответом:

— Извините, не соглашусь.

Власов приглашающим жестом кивнул своему знакомому и они взялись за рюмки. Стас смотрел, как они неторопливо пьют и закусывают, словно бы разом потеряв интерес к оперативнику.

— Ну да ладно, — продолжил Власов, вновь наполняя рюмки, откидываясь на спинку кресла и хрустя яблоком. — У нас не хватает кадров, и после разрушения "Перстня" мы еще не скоро пополним ряды. Ты получаешь повышение.

Власов достал из нагрудного кармана кителя прямоугольный пластиковый конверт, положив его на стол перед собой, и пододвинув его в сторону оперативника.

"Меня разыгрывают", почему-то подумал Стас, и это моментально подействовало на него. Конечно, скучающие от безделья офицеры просто развлекаются, это можно понять по самоуверенному взгляду старшего ведущего, все время молчащего и ухмыляющегося. Стас почувствовал, как гора свалилась с плеч, но вместе с этим навалилось другое тяжелое чувство. Никому не хочется быть объектом насмешек.

— Служу "Уаджет", — выдавил из себя Стас, еще раз козырнув. Он не предпринял никаких потуг взять конверт, с унынием думая о том, что будет дальше.

— Знакомься, старший ведущий Фролов, — Власов кивнул на своего знакомого в камуфляже. — Профессиональный военный. Уничтожает Ткань уже более шести лет по всему миру, знает почти все об этой твари. Так вот, недавно мы обнаружили маленький кластер Ткани, на Аравийском полуострове, восточное побережье. Он пока "блуждает", пребывает в пассивной стадии развития и еще не пустил "корни" и разросся, так что уничтожить его будет относительно несложно. Очень кстати, так сказать. Через несколько дней ты, и еще трое новеньких-ведущих смотаетесь туда в составе штурмовой группы. Фролов будет присматривать за вами. Он вам и покажет и что такое Ткань. Так ведь, Миша?

— А то, — безмятежно улыбаясь, сказал старший ведущий, и Власов кивнул:

— Сколько ты уже у нас, Кавелин?..

— Более шести месяцев, — невнятно и хрипло проговорил Стас. Если это и был розыгрыш, то или очень глупый, или очень сложный.

Власов благодушно усмехнулся:

— Считай, что с этого момента началась твоя настоящая служба в "Уаджет". Поздравляю с повышением. Бери пропуск, — старший координатор указал на третью стопку, наполненную янтарно-красным вином. — Пей, и дуй отсюда.

* * *

Черный фон с символом "Уаджет" — золотым оком Ра — сменился схематическим изображением карты мира. Картинка увеличилась, приблизив к зрителю южное полушарие. На Западном побережье Австралии, Шри-Ланке, Мадагаскаре и ЮАР появились красные "шайбы", обозначающее расположение вражеских баз. За кадром раздался голос старшего брифинг-инструктора "Уаджет":

— Благодаря успешным действиям нашей контрразведки, нам стало известно имя нашего врага, атаковавшего нас семь дней назад. "Брахман" — хорошо вооруженная и подготовленная террористическая организация, состоящая из ветеранов Второй экспедиции, возглавляемая Дииром Моканди. Многие из вас наверняка слышали об этом человеке.

Карту мира сменило изображение бывшего маршала Конфедерации, в анфас и в профиль, фотографии, взятые из его личного дела. Эти снимки были сделаны более двух десятков лет назад, и его узкое лицо еще не было покрыто морщинами и изможднено, как в последние годы его жизни — до того, как он ушел в тень. Черные глубокие глаза, казалось, вбирали в себя свет, но Моканди смотрел открытым, ясным и спокойным взглядом человека, как если бы его разуму было открыто что-то большее, чем остальным людям, словно бы он уже познал тайный смысл всей своей жизни и это знание не принесло ему счастья.

— Диир Моканди — герой Второй экспедиции, маршал Объединенных Вооруженных Сил Азиатской Конфедерации Содружества, который за время своей безупречной службы в вооруженных силах Индии и позже в Объединенных Вооруженных Силах Конфедерации зарекомендовал себя как замечательный человек и превосходный офицер. Семнадцать лет назад Моканди возглавил силы, призванные напасть и уничтожить кластеры Ткани в Восточной и Северной Европе. Эта кампания получила название Второй экспедиции, и именно она должна была выполнить то, что не смогла выполнить Первая под командованием маршала Ши Чена. Вторая экспедиция обернулась новой неудачей, и Моканди и немногие выжившие вернулись назад. Он был награжден множеством высших орденов всех стран, входящих в Конфедерацию. Спустя три года маршал покончил жизнь самоубийством, оставив предсмертную записку, согласно которой он якобы бросился со скалы на Шри-Ланке в море. Его тело так и не было найдено. Теперь мы знаем, что эта инсценировка была необходима, чтобы безнаказанно и спокойно строить план уничтожения "Уаджет" и собирать все необходимое для его выполнения. Действуя тайно, маршал сумел добиться многого за эти годы. Используя свои старые связи, финансовое состояние и влияние, он привлекал к себе на службу солдат и офицеров, служивших под его началом во время Второй экспедиции. За последние годы он сумел без малого создать целую террористическую империю.

Моканди превосходный тактик и стратег, харизматичный лидер и идеальный командир, и именно это делает его чрезвычайно опасным врагом. Мы не знаем, что толкнуло

маршала на преступный шаг — объявить войну нам. "Уаджет" — единственная в мире организация и структура, способная противостоять Ткани. Попытка Моканди уничтожить "Уаджет" и Фрактал является полным безумием, учитывая глобальную стратегическую важность города и Корпуса. Нам ничего не остается, кроме как разыскать главную базу "Брахмана", чтобы уничтожить ее и покончить с этим опасным формированием.

Фотографии маршала исчезли, и на экран начали всплывать изображения, схемы, названия и характеристики вооружения.

— "Брахман" представляет собой достаточно крупную группировку численностью в несколько сотен человек. В ее распоряжении есть самое разнообразное оружие, как и старого образца, так и относительно новые военные разработки. По данным нашей разведки, в распоряжении Моканди есть легкая и тяжелая наземная техника, небольшое количество транспортных винтокрылов, но основную угрозу же нашим штурмовым силам будут представлять киберы самых разных серий и моделей. Судя по маркировке и начинке уже уничтоженных нами машин, Моканди сумел найти законсервированные старые базы, принадлежавшим еще концернам, и завладеть этим опасным видом кибер-оружия…

— Хорошая работа, Василий, — Кириченко выключил экран и тот погас. Главнокомандующий обвел взглядом присутствующих на очередном собрании старших координаторов, работающих в Главном Зале Управления "Панциря мира". Как и всегда, большая часть из них — тактические офицеры, операторы оборонительных систем, главный брифинг-инструктор плюс представитель службы безопасности.

— Рад стараться, товарищ главнокомандующий.

— Как можно быстрее распространите этот инструктаж среди всех оперативников. Заодно можете подкинуть представителям СМИ, будет не лишним, — Кириченко кивнул одному из старших координаторов, занимавшегося вопросами по связям со средствами массовой информации и тот кивнул в ответ, сделал отметку у себя в коммуникаторе.

— У нас же возникли некоторые трудности, дамы и господа, — продолжил главнокомандующий. — Как вам известно, мы начали открытое нападение на две из четырех баз "Брахмана", и бои идут до сих пор. При содействии с Объединенными Силами Конфедерации, первая формация сейчас занята базой на западном побережье Австралии, третья — на Шри-Ланке. Судя по поступающим оттуда данным, до сих пор не известно точно, находятся ли на этих базах "Принцесса", уничтожение которой я обозначил как приоритетную задачу "Уаджет" в этом конфликте.

Наша проблема в том, что Конфедерация отказала на мой официальный запрос касательно применения термоядерных или термобаристических зарядов малой мощности, которые могли бы значительно облегчить нашу задачу.

— То есть, нам придется справляться своими силами? — спросил один из операторов.

— Да. Более того, Совет Конфедерации обсудил… — на лице Кириченко появилась язвительная ухмылка, — …или сделал вид, что обсудил положение дел и пришел к выводу, что в данное время Конфедерация не способна оказать нам полное содействие.

"Проклятый "Шелкопряд", Кириченко стиснул сплетенные пальцы рук до боли, испытывая ненависть к своему покровителю. Могущество этой тайной организации было воистину велико, и главнокомандующий догадывался, что его испытывают на прочность. "Шелкопряд" больше не выходил на связь, и Кириченко прекрасно понимал, что обозначает это. Своим молчанием "Шелкопряд" словно бы оставлял завуалированное сообщение: если вы хотите поддержки и притока ресурсов, если вам нужны финансы и помощь в восстановлении после удара по Фракталу — заслужите это. Если "Уаджет" может справиться с Тканью, самым страшным врагом за всю историю существования человечества, то для него не составит труда противостоять и уничтожить небольшую террористическую организацию сумасшедших ветеранов, решивших сломить сопротивление человечества распространению Ткани и обречь себя на гибель.

Кириченко понимал, что с таким поворотом дел ему не стоит надеяться на скорую победу. Для того чтобы уничтожить "Брахман", ему придется задействовать все силы и резервы "Уаджет", бросить в бой все, чем он располагает. Сражения, которые уже шли в течение двенадцати часов на Шри-Ланке и Австралии, уже оборачивались серьезными потерями для оперативников, столкнувшихся с опытными, обстрелянными солдатами. Противнику было нечего терять, и боевики Моканди держались до последнего, не отвечая на призывы сдаваться.

"Для решения этого конфликта нужна настоящая армия, крупное, хорошо подготовленное к войне с людьми подразделение. Это глупо бросать "Уаджет" в банальный конфликт только потому, что "Брахман" перешел дорогу только нам".

"Шелкопряд", видимо, решил рискнуть. У Кириченко не было сомнений, что представители этой структуры заткнули рты всем воинствующим министрам и президентам, которые хотели бы поддержать "Уаджет", как и в России, так и в других странах Конфедерации. Вся поддержка пока что свелась к словам:

соболезнования, надежда на победу "Уаджет", пожелания удачи. Кириченко вскипал от злости, думая, что весь конфликт можно разрешить лишь четырьмя небольшими ракетами — по одной на каждую базу "Брахмана", и победа была бы в кармане.

"Зачем они это сделали? Чего добиваются?"

За двенадцать часов войны было ясно, что из этого конфликта "Уаджет" выйдет сильно потрепанным. Представители "Шелкопряда", которых Кириченко видел на собрании, обещали, что не будут расформировывать "Уаджет", если тот самостоятельно покончит с "Брахманом", но кому будет нужен секретный корпус, понесший серьезные потери?

Кириченко понимал, что глупо надеяться на слова и обещания "Шелкопряда", но другого выбора у него не было. "Уаджет" могли закрыть сразу же, как только он расправится с "Брахманом", и перенаправить все ресурсы на развитие программы "Эллада", чтобы покинуть планету до того, как Ткань поглотит все живое на ее поверхности. Для Кириченко подобный поворот был бы самым страшным в развивающихся событиях. Главнокомандующий, думая об этом, не мог найти решения, как ему поступить в случае подобного предательства со стороны "Шелкопряда". Он лишь знал точно, что сдаться просто так он не мог. И что же ему останется тогда? Объявить войну "Шелкопряду"? Это обозначало бы объявление войны всей Азиатской Конфедерации Содружества.

"Иногда я пугаю сам себя", подумал Кириченко, вздрагивая от этой мысли.

— Ладно, дамы и господа, — хрипло сказал он, поймав на себе обеспокоенные и встревоженные взгляды своих подчиненных. — Возвращайтесь к работе. Мы должны как можно быстрее уничтожить "Брахман" и покончить с этим безумием.

"Мы должны уцелеть. Во что бы то ни стало, мы должны уцелеть".

* * *

Дневная смена закончилась, но Стас не испытывал по этому поводу никакого облегчения, как ранее. Завершение службы на сегодня всегда обозначало, что вечер свободен, что здесь, под светлым куполом "Панциря мира" его больше ничего не держит.

Стас никак не мог прийти в себя от сегодняшнего разговора с Власовым. Его и вправду повысили в звании. Стас обомлел, когда понял, что пропуск, лежащий внутри конверта, имеет настоящую маркировку. Настоящий приступ страха и волнения он испытал,

когда его еще раз вызвали в какой-то зал, выполнявший функции уничтоженного комплекса "Перстень". Там он увиделся с Анной Ковалевой — уставшей и осунувшейся. Предательство мужа словно бы заставило молодую женщину постареть на пять лет. Кажется, она узнала его, но Стас был сломлен известием о своем внезапном повышении, а она просто убита разрушенной семейной жизнью, чтобы хоть немного поговорить хоть о чем-то, что не имело бы отношение к собственным обязанностям. Стас получил новый пропуск с желтой полосой, сдав старый.

"Теперь я ведущий".

На негнущихся ногах Стас вышел из штаб-квартиры, вдыхая холодный воздух. Фрактал погружался в сумрак, и тысячи огней уже опоясывали то огромное пустое пространство, в центре которого находился белоснежный купол "Панциря". Крупные хлопья снега стремительно падали на его волосы и плечи, и медленно таяли, тускнея и разваливаясь. Мимо него, переговариваясь и посмеиваясь, не спеша шли и другие оперативники, поодиночке и группами, некоторые — парами, освободившиеся от смены и спешащие добраться до квартир или баров.

Стас думал, что ему делать дальше, и никак не мог понять, отчего в голове такая пустота, словно бы неожиданный поворот событий и это внезапное назначение на должность ведущего полностью лишили его соображать. Как провести сегодняшний вечер? Быть может, позвонить Лене, той самой, с которой он познакомился этой осенью? Они так и не стали настоящей парой, пересекаясь лишь время от времени, чтобы приятно провести время без каких-либо обязательств.

Стас думал, что так и поступит. Жизнь во Фрактале в плане времяпровождения ничуть не отличалась от какого-либо другого крупного города Конфедерации. Здесь важным было иметь деньги и свободное время. Что же касается личной жизни, то до встречи с Леной была лишь пара знакомств с девушками, состоящими на службе в "Уаджет", но отношения разлаживались после нескольких недель. Каждый раз Стас чувствовал, что ему чего-то не хватает, ему казалось, будто его мысли все время заняты чем-то другим, ему было сложно уделить должное внимание девушкам, хотя в остальном по отношению к ним он и проявлял себя с хорошей стороны.

— Стас, — позади послышались шаги, и он, моргнув, обернулся, очнувшись от раздумий. Из широкого транспортного проема выходили братья Светличевы, Влад, и Алексей, обвивший рукой за талию Таню.

— Привет.

— Чего там тебя вызывали? — спросил Костя. — А то видок у тебя и сейчас неважный…

Стас тяжело вздохнул, опуская руку в черной перчатке во внутренний карман пальто, доставая из нее свой новый пропуск и показывая его подошедшим ближе оперативникам. Молодые люди уставились на него с недоумением.

— Меня повысили. Я ведущий.

— Тебя? С какого хрена-то? — хмыкнул Евсеев.

— Без понятия, Леха, — Стас покачал головой. — Я не знаю, с чего они так решили.

— Поздравляю! — сказала Таня, устало улыбаясь. — Станешь крутым начальником — про нас не забывай, ладно?

— Головной боли теперь у тебя прибавится, — заметил Дима Светличев, протягивая руку Стасу для рукопожатия.

— Поздравляю, — Костя расплылся в довольной ухмылке. — Вот теперь-то подрючишь молодых на тренировках, осатанеешь…

— Да на хрен все это! — с довольным видом прорычал Влад, стискивая Стасу пальцы так, что тот едва не взвыл от боли. — Кажется, кому-то нужно проставиться!

— Точно!

Стас растерянно улыбался, глядя на них, отвечая на рукопожатия мужчин. Сейчас его искренне радовало то, что никто из них не завидовал ему, по крайней мере в открытую.

"Еще бы. Чему тут завидовать?"

— Ладно-ладно. Куда пойдем? — он взглянул на Алексея. — Предлагай, ты у нас знаток по барам.

— Не-а, я не пойду. Провожу Таньку домой.

Стас перевел взгляд на Таню:

— Много работы?

— Ага, — устало сказала Таня. — Сегодня только за первые пять часов смены поступило более трехсот раненных…

"Мы ввязались в крупную передрягу", только и подумал Стас. Он перевел взгляд за плечо Тани, краем глаза заметив знакомое светлое короткое пальто.

"Настя".

Она шла из штаб-квартиры, опустив голову, погруженная в собственные раздумья. Стас вспомнил свой разговор с ней, и его сердце болезненно сжалось, вспомнив ее слова, когда она сказала, что хочет уехать отсюда. Он вновь испытал жгучую неловкость, когда вспомнил свои слова о том, что она ему нравится.

— Настя! Эй, Насть! — окликнул ее Костя, поднимая руку.

"Дурак", с досадой подумал Стас.

Она подошла ближе, и Стас опешил, когда она, взглянув на него, едва заметно улыбнулась, тепло и спокойно.

"Она передумала?"

Стас хотел знать это. Он вдруг осознал, насколько это важно для него, знать ее решение. Но он промолчал, решив не говорить об этом до тех пор, пока они не останутся наедине.

"Надеюсь, это случится"…

— Стаса повысили. Мы пойдем в какой-нибудь бар отметить, пойдешь с нами?

"Она не любит какие-то бары", Стас невесело усмехнулся, переводя взгляд с Кости на нее.

— Пойдем? — тихо спросил он Настю, глядя в ее зеленые глаза, раскрывшиеся в удивлении от услышанной новости. Сердце билось тяжело и гулко, и Стас мучительно проглотил тяжелый комок во рту.

"Она приняла решение? Неужели она уедет?"

Она кивнула в знак согласия, вновь улыбнувшись ему, и его страх и волнение отступили на какое-то время.

"Я еще испугаюсь. Через два дня, когда я полечу на этот Аравийский полуостров".

Стас думал об этом все время, пока они всей компанией сидели за столиком в неплохом ресторане, который они выбрали в альтернативу бару. Он все время молчал и не смеялся шуткам, отделываясь лишь нервными кривыми улыбками. Иногда он ловил на себе настороженный взгляд Насти и понимал, что с ним что-то не так.

"Она понимает, с чем мне теперь придется иметь дело".

Уже через час Стас засобирался домой, не выдержав этого внутреннего прессинга. Мысли о скорой встречи с Тканью не давали ему покоя, и он с удивлением взглянул на Настю, когда она что-то сказала ему.

— Прости, что?..

— Я тоже пойду, — она поднялась с места. Стас и Настя простились с остальными оперативниками, явно собиравшимся остаться здесь до ночи.

Они вышли на улицу, медленно направившись в сторону станции монорельсового метро. Было уже темно и тихо, в воздухе медленно кружился и оседал снег. Улицы, залитые желтым светом, были практически пусты. Стас, поднявший высокий воротник пальто, не торопился, глядя лишь себе под ноги, чувствуя, кК на свежем воздухе слегка кружится голова. Настя молча шла рядом с ним, и выпавший снег громко хрустел под ее острыми каблучками.

"С ней нужно поговорить", думал Стас. Он не взялся судить по ее внешнему виду и поведению, решилась ли она уехать, или нет.

Они добрались до пустующей станции метро, и Стас,

привалившись плечом к прозрачной пластиковой стенке, взглянул в сторону, откуда должен был прибыть вагон. Вокруг было так тихо, что это казалось почти нереальным.

— Ну так что ты решила? — спросил он хриплым, чужим голосом, не глядя на стоящую рядом Настю.

— Ты о моем уходе?

— Да.

Настя вздохнула, и Стас понял, что она до сих пор не определилась и не хочет об этом говорить.

— Прости. Не хочу тебе надоедать.

— Нет, ничего страшного, — она чуть наклонилась вперед, заглядывая ему в лицо. — Это тебе действительно так важно знать?

Стас увидел, что не смотря на серьезность тона, с которым Настя говорила эти слова, она улыбается, и кивнул ей в ответ.

— Тебе все еще страшно?

Стас неловко улыбнулся, и отвел взгляд:

— Забудь. Это твое дело.

Настя ничего не сказала. Стас, чья улыбка стала мрачной, опустил голову, злобно проклиная Настю, в мутном смешении чувств, усиленных алкоголем, сожалея о том дне, когда вообще увидел ее. Видеть ее каждый раз и понимать, что обречен остаться без идеала, воплощенного в ней — это было тяжело, но он понимал, что лучше это мучение, чем полная пустота.

Они стояли одни на остановке метро в ожидании вагона, в полной тишине, пока шел снег.

* * *

Прошло пять дней с момента повышения Стаса.

За это время он получил в свое распоряжение новые свето-ячейки, которые скорее внесли некоторую сумятицу в его ощущения, чем объяснили некоторые вопросы и моменты касательно Ткани.

Свето-ячейки содержали информацию о Ткани, откуда она появилась, как распространяется. Активная биомасса и наполняющая кластеры белая "кровь" Ткани были способны поглощать любые чужеродные формы организмов, стремительно растворяя их, подобно кислоте, преобразуя живой организм в собственные клетки. Умереть такой смертью — а в бою с Тканью были и другие альтернативы — это действительно пугало. Плюс ко всему, Ткань могла порождать собственные формы жизни, являющиеся словно бы пародиями на живой мир, привычный

обитателям Земли. Чудовищных размеров инсектоиды, стремительно передвигающихся по полю боя, нечто, напоминающее летающих медуз и птиц, способных "бомбардировать" чужеродные организмы собственными "частями" тела, и многое другое. Глядя на все это, Стас задавался вопросом, уж не знает ли Ткань о том, что разум человека подвержен подобному зрелищу, способному оказать не самое благоприятное впечатление на поле боя.

Были еще и документальные фильмы. Посмотрев их, Стас понял, увидь он эти кадры ранее, он был бы полностью раздавлен этим зрелищем. Это были секретные кадры съемки со спутника — центр и север Европы, пораженные Тканью. Позже — съемка с самолета, пролетающего на значительной высоте над Садами Ткани. Наверное, это было страшное зрелище, но Стас остался почти равнодушным. Был и еще один фильм, состоящий из нескольких фрагментов различных наземных операций, в которых силы "Уаджет", применяя свой арсенал и особую тактику, уничтожали кластеры Ткани самых разных размеров в самых разных уголках планеты. Многие спецслужбы других стран отдали бы многое, чтобы получить эти кадры.

Теперь пришло их время. Операция по уничтожению одиночного кластера Ткани на территории Аравийского полуострова началась сегодня ранним утром. Стас и еще несколько оперативников, повышенных до звания ведущих, под присмотром Фролова выдвинулись на место. Стас знал, что место, в котором дрейфовал кластер, уже окружено некоторым количеством войск "Уаджет", но основную работу должен был выполнить их маленький отряд.

Стас открыл глаза, и, не отрывая головы от жесткой переборки, посмотрел в сторону Фролова. Старший ведущий прекрасно осознавал всю важность момента: он красовался перед молодыми бойцами, сидя почти напротив Стаса.

— Подлетаем. Приготовились.

Стас с неудовольствием отстегнул ремень и поднялся со своего места. Он и остальные ведущие быстро накинули на головы эластичные капюшоны-маски, герметично соединяя нижние части с воротником полевого скафандра. Перед вылетом, на коротком инструктаже им сообщили, что радиация в этом уровне на низком уровне, но из-за кластера Ткани обойтись без этих скафандров было никак нельзя. Малейшие споры кластеров могли вызвать начало "поражения" — и умереть можно было уже спустя несколько минут, даже без прямого контакта с этим организмом.

Стас отрешенно думал об этом, невольно вспоминая кадры из

документальных фильмов.

"Умереть, только просто находясь рядом с Тканью. Раствориться, как кубик сахара в кипятке".

Стас еще раз проверил герметичность сочленений элементов своей экипировки, работу фильтров и компьютеризированных окуляров, количество магазинов и гранат в подсумке и ремневых карманах. Сегодня в их магазинах не обычные пули: капсюльные, наполненные тем самым заветным "мимезисом", разрушающим Ткань. Эти безгильзовые капсюльные патроны можно было считать символом того, что обладатель такой амуниции автоматически приравнивается к тому, кто очищает эту планету от прожорливой твари. Стас, криво ухмыльнувшись своим мыслям, подсоединил магазин к "романову-70" и взвел затвор — готово. Фролов внимательно следил за их действиями, словно бы перед ним были необученные этим элементарным процедурам бойцы, а не обстрелянные оперативники. Старший ведущий последним из всех надел капюшон-маску и привел в готовность свое оружие. После чего повернулся к выходу, ожидая приземления.

Пол под ногами легонько дрогнул, и приземлившийся винтокрыл тяжело и плавно качнулся на мощных амортизаторах. Шлюз с шипением открылся, и внутрь десантного отсека потоком хлынул поток воздуха из пустыни, еще не отошедшей от холодной ночи. Оперативники бросились наружу вслед за Фроловым, сбежавшим вниз по пандусу первым.

Это был второй раз за эту зиму, когда Стас покидал заснеженные просторы Сибири, чтобы очутиться в широтах, где климатические условия никогда не знали, что такое мороз и снег, и это с непривычки казалось донельзя странным.

Вокруг раскинулись дюны бескрайних песков. Темно-синее небо, чистое от облаков, еще было полно звезд, чье мерцание уже начало угасать, и лишь у кромки горизонта пронзительная, зияющая синева начинала переходить в нежно-матовый оттенок. Стасу все это сильно напомнило недавний визит на север Пакистана. Еще он подумал, что сегодня уже тридцатое число, конец января.

"Кажется, прошло не двенадцать дней, а двенадцать лет, как мы ведем эту борьбу".

— "Группа-3", команда на месте, — раздался в наушнике голос Фролова. Старший ведущий, сделав несколько широких и быстрых шагов прочь от приземлившегося винтокрыла, опустился на колено, жестом показывая остальным последовать его примеру. Стас, оглядываясь, сразу же увидел присутствие сил "Уаджет", хотя вокруг, казалось, не было ни души. Окуляры

заботливо "подписали" обозначение огнеметного танка "Красный лев", замершего чуть вдали от места высадки за высоким барханом. Танки этой серии широко применялись для уничтожения Ткани и окончательной зачистки территории. Были, конечно, и налеты с воздуха, но это было слишком дорогостоящим удовольствием даже для такой структуры, как "Уаджет".

— Привет, Фролов, — прогудел в наушнике хриплый грубый голос. — На связи старший координатор Вершов. Вижу тебя на радаре. Цель чуть севернее твоей позиции, прием.

Вероятно, старший координатор с комфортом расположился внутри "Красного льва", или же в скоростном трайке "Велоцираптор", которые часто использовались полевыми командирами "Уаджет" в качестве "флагмана". Голос у командующего местными силами был усталый и скучающий, словно бы рядом не было опаснейшего врага всего живого, что когда-либо появлялся на Земле. Это неприятно удивило Стаса.

— Понял, "группа-3". Жду подтверждение на начало операции, прием.

— Подтверждение даю. Выполнять, прием.

— Есть! — Фролов поднялся на ноги, поворачиваясь своим "ученикам".

— Следуете за мной, не отставать, не отвлекаться, по кластеру не стрелять. Только смотрите и не паникуете.

Он повернулся и потрусил вперед, явно не торопясь прибыть на место событий. Остальные последовали за ним.

— Кластер небольшой, в третьей фазе развития, — на ходу говорил Фролов. — Это значит, что с большой вероятностью скоро он перестанет дрейфовать при помощи своей антигравитационной дряни, осядет и начнет медленно расти. Перейдет во вторую фазу своего развития — был "бродягой", станет "покровом". Такое случается не всегда, иногда они лопаются, зачастую прямо в воздухе, и тогда вся активная биомасса, наполняющая их, разливается вокруг. Это очень опасно для всего живого в округе. Радиация подкармливает его, так же как и другие формы жизни, которые он жрет. Еще Ткани очень нравится тепло и влага, совсем как плесени, — в голосе старшего ведущего послышалась добродушная усмешка. — Здесь ему было бы не привольно, кроме песка и повышенного фона ничего нет. Так что мы могли бы прибыть сюда и через неделю, не опасаясь за то, что встретили бы что-то крупное и серьезное.

"Кажется, он успокаивает самого себя", подумал Стас, и тут же понял, что ошибается. Фролов производил впечатление профессионала, он успешно уничтожал кластеры Ткани в

крупномасштабных сражениях. Эта операция для него как детская разминка, но Стас чувствовал растущее напряжение и волнение, он чувствовал это и в других четырех участниках этого учебно-показательного процесса.

— Внимание, Фролов, — вновь заговорил Вершов. — Входишь в зону видимости объекта, прием.

— Вас понял, "группа-3", прием, — отозвался Фролов, и добавил для остальных:

— Еще раз — не стрелять!

"Против кластера эффективны только огнеметы и "мимезис". Пальба из обычного огнестрела малоэффективна", подумал Стас, вспоминая комментарии к учебному фильму. Он вглядывался в мягкий, растворяющийся сумрак пробуждающихся песков, спеша увидеть врага номер один, главный источник всех бед и проблем.

Он увидел, и судорожно вздохнул от этого зрелища. До его слуха донеслись лишь тихие ругательства и пораженные вздохи других ведущих, но все внимание было приковано лишь к этому существу.

"Как странно. Мы видели эти хреновины много раз по фильмам. Но теперь поражены, увидев вживую", Стас нашел в себе силы легко улыбнуться, хотя волнение достигло своего предела, и сердце тяжело ухало, отдаваясь биением пульса в виске.

Кластер больше всего напоминал причудливую медузу, или цветок, лениво и вполне миролюбиво парящий на высоте нескольких метров над поверхностью. Это был толстый и короткий цилиндр, мутно-белого цвета, прозрачный настолько, что Стас видел сквозь него звезды на утреннем небе. Его сердцевина содержала темно-синюю основу, похожую на ядро одноклеточного организма, который вдруг вырос до невообразимых размеров. Верхушка кластера напоминала распустившийся цветок с настоящей кроной белых и длинных мягких игл. Длинные полупрозрачные отростки вяло волочились по песку, нарушая рисунок, заданный им под влиянием ветров. Это создание выглядело почти красивым, если бы не знание о том, что он смертельно опасно всему живому.

Фролов, невозмутимо продвинувшийся вперед еще на десяток метров, перешел на шаг, и, наконец, остановился, вновь опускаясь на колено. До мягко покачивающегося в воздухе кластера оставалось метров тридцать, и, кажется, он никак не отреагировал на появление людей. Стас не спускал с него глаз, зная, что Ткань уже давно чувствует их.

"Так это ты хочешь захватить нас и нашу планету?"

Зрелище левитирующей над пустыней медузы, под темным

небом полностью захватило его.

"Какая красивая и опасная штука".

— Начинаем, — тихо сказал Фролов. Он, наверное, и сам не заметил, что понизил голос, словно бы боясь привлечь внимание Ткани к себе.

Стас перевел взгляд на старшего ведущего.

— А теперь смотрите, — тихо проговорил старший ведущий, оглядывая бойцов и вновь переводя взгляд на кластер. — Вы впервые увидите, как это происходит на самом деле.

Он вскинул "романов-70" и дал прицельную короткую очередь. Кластер отпрянул, прошитый насквозь разрывными пулями, затрепетав, словно бы единое живое существо, испытывающее боль. Срезанная нижняя часть кластера с шумом осела на землю, разбрызгивая белую кровь Ткани — густую субстанцию, тяжелыми сгустками падающую вниз и словно бы влипающую в песок. Все еще парящая "шапка" была рассечена второй короткой очередью. Прошитый насквозь этими ударами кластер взорвался, со звучным хлопком плеснув вверх целый фонтан своей комковатой крови. Это зрелище было действительно пугающим для тех, кто знал, какую опасность несут в себе "внутренности" Ткани.

— Вот и все, — Фролов поднялся на ноги, уже не глядя на мутное облако пыли, поднявшееся в том месте, куда упали куски прозрачной плоти. В песок повсюду с тяжелыми ударами падали сгустки белой субстанции, образовывая кляксы.

— "Группа-3", цель поражена, повторяю — цель поражена, прием.

— Тебя понял, — отозвался Вершов. — Высылаю "львов", вы свободны, прием.

— Вас понял, "группа-3". Конец связи, — Фролов повернулся к неподвижно стоящим ведущим, и Стас, переведя взгляд с поверженного противника на его лицо, закрытое плотной белой маской, мог поклясться, что сейчас старший ведущий самодовольно ухмыляется.

— Ну вот и все. Это дерьмо осталось только сжечь, только и всего, — презрительно проговорил Фролов, опуская ствол винтовки и шагая обратно. Стас неуверенно поднялся на ноги, глядя, как из клякс крови уничтоженного монстра медленно покачиваясь, вверх вытягиваются бледно-белые "ростки" новой жизни. Он содрогнулся от этого зрелища, отступая назад, слушая, как нарастает рокот моторов приближающихся "Красных львов".

Стас почувствовал глубокое разочарование, но тут же понял, что заблуждается. Это всего лишь показ убийства кластера "вживую" тем, кто возможно, в ближайшем будущем сам будет

заниматься этим. По сути, они ничего нового не видели — лишь испытали адреналин и страх от зрелища, на которое ранее с безразличием смотрели с свето-ячеек.

"Разве это просто? Не стоит так заблуждаться", думал Стас, глядя, как им навстречу на бархан всползает огнеметный танк.

"Такого рода ошибки всегда будут стоить дорого. Чтобы научится убивать Ткань, как этот хлыщ, потребуется много времени. И это действительно страшнее, чем война с людьми".

* * *

Роща, черные деревья с голыми ветвями и глубокий снег, в который проваливаешься по колено. Ночное небо над головой полно звезд. Он поднимает голову и тут же впереди с оглушительным, сотрясающим все его существо грохотом взрывается транспорт, на который он должен был попасть любой ценой. На небольшой высоте, над заснеженной поляной разворачивается огненный шар, обхватывающий черный корпус винтокрыла. Все вокруг заливает темно-желтый свет, в свете этого миниатюрного солнца тени деревьев стремительно удлиняются. Винтокрыл, объятый пламенем, обрушивается вниз, врезается в землю и взрывается еще раз, окрашивая снег в оранжевый. Он уже не мог пошевелиться, даже тогда, когда в его сторону бежали фигуры в серых скафандрах. Окуляры на их масках зловеще горели алчными кроваво-красными огоньками. Он не шевелился. Все было кончено.

Раз за разом он просыпался в своем ложе, испытывая замутненный, бьющийся глубоко внутри ужас. Каждый раз вокруг царила мертвая тишина, нарушаемая лишь глухими ударами собственного сердца. Этот звук был единственным, который Денис слышал, приходя в себя, и он же был единственным, когда он вновь проваливался в тяжелую дрему, которой не было конца.

Сколько времени прошло? Как глубоко он находится под землей? Что происходит наверху?

Эти вопросы пугали его, своей простотой и тем, что ему не от кого было получить ответы. Еще он безумно жалел, что в свой план бегства не предусмотрел такой простой вещи, как мотоцикл на воздушной подушке.

Денис никогда не верил в то, что делал "Уаджет". Этот корпус своей аурой секретности, размахом действий и общей организацией давал какую-то надежду тем, кто слышал о нем, но не более того. Всего лишь успокаивающее психическое воздействие на тех, кто живет в центральных мегаполисах

Конфедерации. Денис понимал, что жизнь здесь, на Земле, закончена, и людям, если они хотят жить дальше, нужно поскорее убираться отсюда. На Луну, на Марс — куда угодно, но только подальше от этой планеты. Никаким людям и никакому "мимезису" не остановить нашествие чудовища, с издевающейся медлительностью распространяющегося по земному шару. Этот панический страх перед Тканью глодал его все эти годы. На людях он часто улыбался, прослыл хорошим парнем, но бояться он не прекращал почти никогда. Денис искал любую возможность реализовать свой план, спастись любой ценой. Он был хорошим специалистом в компьютерной области — пожалуй, это было единственный его талант, которым он заслужил посещение Фрактала и поступление на службу "Уаджет".

Пять лет назад, когда он отдыхал на островах в Океании, с ним связались неизвестные люди, предложившие Денису то, от чего он не сумел отказаться. Всего лишь неторопливый и осторожный сбор и подготовка информации, подготовка к побегу в момент, когда "Уаджет" будет атакован. Взамен Денису обещали устроить так, чтобы его приняли в первую партию колонистов, которые должны были отправиться на Марс в рамках программы "Эллада", как высококлассный специалист-компьютерщик.

Денису дали день на размышление, и тогда он думал, что это был самый страшный день в его жизни. В конце концов, сломленный и подавленный долгим и мучительным выбором, он согласился и встретился с неизвестными ему личностями. Дальше было просто — его кратко проинструктировали, как и когда надо будет действовать. Имела место быть и маленькая операция по ликвидации "спящей" памяти Дениса, гарантировавшей то, что если он провалится, неизвестные так и останутся неизвестными. Вся штука заключалась в том, что он будет помнить об этой встрече, но при попытке сканирования мозга у допрашивающих ничего не выйдет.

Спустя три дня после этого Денис получил письмо, в котором говорилось, что после по программе отбора он зачислен в экипаж первого корабля, который к тому моменту уже был готов на три четверти, ожидая завершительной фазы работ на орбите Земли. Денис, конечно же, не поверил, но после короткого диалога с представителем Центра отбора в России по Сети, был обескуражен — это действительно было правдой. Он почти что колонист!

Уже значительно позже, Денис узнал о том, с кем он имеет дело — бывший маршал Диир Моканди, возглавляющий нечто, называемое "Брахман". Денис покопался в некоторых источниках, и нашел, что брахман на древнеиндийском обозначает абсолют,

высшую силу. Дениса испугала мысль, что теперь он сообщник какого-нибудь религиозного ордена, у руля которого стоит таинственно воскресший после собственного самоубийства бывший маршал Конфедерации. Впрочем, Денис быстро выкинул это из головы. У него было много работы, до приведения плана в действие еще оставалось несколько лет. Он уже вытащил свой счастливый билет — в каком-то смысле, буквально, билет на космический колониальный транспорт, и теперь его мало что заботило. К тому же, в этот период он познакомился со своим новым шефом — Анной, и их отношения быстро переросли из обычного общения в бурный роман. Они поженились, и Ковалев позабыл о своем ужасе, перспективе остаться навсегда на этом мире.

"Будь ты проклят, ублюдок", со слабой ненавистью подумал Денис. Моканди, конечно же, во всем виноват только он. Сумасшедший старик, задумавший что-то непонятное, уничтожил все то, к чему Денис так стремился. Он дал ему надежду в виде зачисления в экипаж первого транспорта, и он же лишил его этого чудного шанса на спасение. Это было куда хуже, чем если бы Денис не получал никаких обещаний. Это всегда очень чувствительно — разрушенная мечта, бывшая на полпути к воплощению в реальности.

"Почему они не убили меня?"

Этот вопрос тоже терзал Ковалева. Если бы он умер, или хотя бы не выходил из этой искусственной комы, все было бы проще. "Уаджет" теперь бережет его, даже не смотря на все то, что он сделал. Хотя сам Денис не понимал, что случилось. Его воспоминания обрывались в тот момент, когда он бежал по снегу в ту сторону, откуда до его слуха доносились звуки приближающегося винтокрыла, который был должен вытащить его оттуда. Но потом…

Потом он увидел, как транспорт взрывается, и как его окружают несколько фигур в светло-серых скафандрах оперативников "Уаджет". Потом была тьма, которая не исчезает до сих пор.

Денис понимал, что его допросили при помощи препаратов, и он выдал им все, что было в его памяти. Он не знал, подействовал ли трюк с "затемнением" памяти о встрече с представителями Моканди и его договоре. Денис вообще ничего не знал о том, что происходит. Он не мог двигаться, не мог ничего видеть из-за какого-то прибора, закрывающего его глаза — он чувствовал мягкое прикосновение резины к собственному лицу. Ковалев предполагал, что он по-прежнему находится в саркофаге для допросов, но он не знал, сколько времени он провел в нем и

сколько еще проведет.

Возможно, Моканди уже взял реванш, "Панцирь мира" над Денисом уже уничтожен, и он доживает последние часы, до тех пор, пока функционируют системы жизнеобеспечения. А быть может с Моканди уже покончено, и участь Ковалева решается. В любом случае, нет никаких гарантий, что когда он закроет глаза и снова провалится в бесконечное белое полотно забытья, сможет их открыть… спустя какое-то время. Денис, думая об этом, никак не мог определиться, хочет ли он этого. Наверное, да. Будет глупо верить в то, что его реабилитируют, и даже если это чудо случится, Денис не знал бы, чем посвятить свою жизнь после того, что он сделал. Он все еще жив, но уже можно считать его мертвым.

Денис сомкнул веки, ни чувствуя ровным счетом никакой разницы. Тьма была перед ним, даже когда глаза Дениса были открыты.

"Я больше не хочу просыпаться".

* * *

Первый день февраля подходил к концу. Смены дежурящих на своих постах старших координаторов закончились несколько часов назад, но многие из них не спешили расходиться по домам или направляться в свои квартиры, расположенные внутри "Панциря мира". Работа и служба за последние две недели были тяжелыми, так как велись в напряженном, быстром темпе. Однако высокое всеобщее расположение духа многие объясняли тем, что разгоревшийся конфликт вчера пережил свой перелом вместе с уничтожением двух из четырех баз "Брахмана". Не смотря на эти две убедительные победы, в штабе никто и не думал расслабляться. Темп работ и внимательность сейчас были важны как никогда. Враг "Уаджет" был слишком силен и опасен, даже после таких потерь.

Анна задержалась, как и многие другие, вовсе не потому, что ей не хотелось идти к себе домой. За последние дни ее старый кабинет-квартира, расположенный в "Панцире мира" вновь стал ее домом, как это было в первые два года службы в чине старшего координатора. Возвращаться к себе домой она так и не решалась, уже спустя неделю после своей реабилитации. После выполнения задания по поиску разбившегося на Новой Земле самолета она чувствовала себя гораздо лучше. Возможно, потому что осознавала всю важность этой операции, полностью изменившей ход противостояния с "Брахманом", возможно, потому что ее

наградили медалью "Уаджет", носившей название "Меч Гора". Аня не знала, но ей по большому счету было все равно.

Сидя за столиком в одном из кафе штаб-квартиры, подперев щеку рукой, она с интересом смотрела на новую подопечную доктора Федоровой. Она познакомилась с Катей только сейчас — как и доктор, Вересова уже облачилась в белый халат с косой линией "молнии", и лишь ее макияж, измененные хирургическим путем цвет глаз на насыщенно черный, и иссиня черные волосы говорили о том, что даже получив рабочее место, о котором можно только мечтать, эта последовательница учений Падения не отвернулась от своих старых идеалов. Вокруг было относительно немного штабистов, и в воздухе висел гомон множества голосов, кое-где слышался усталый негромкий смех.

-..Прежде всего, Ткань — это сплоченный единый организм, имеющий способность распадаться на более мелкие составляющие вплоть до клеточного уровня, так и наоборот. Невозможно точно сказать, сколько форм имеет Ткань, но мы различаем семь отдельных основных фаз развития, в которых она может пребывать. Первая фаза — "сфера", первичный суперкластер. Именно в таком состоянии Ткань появилась на Земле, пребывая из Воронки. Вторая — "покров", плотная прослойка биомассы, фаза, в которой большая часть Ткани на Земле и пребывает. Третья — "бродяга", самая часто встречающаяся. Четвертая — "проекция", имитация каких-либо форм жизни, приспособленных для активного перемещения по территории и воздуху. Пятая фаза — "малыш", левитирующие сферы размером с футбольный мяч. Шестая — "споры", распыленная Ткань, активная фаза заражения и распространения, и седьмая — "микроб", организмы Ткани на уровне микроорганизмов. Ткань способна видоизменятся и переходить в любую из этих фаз своего развития, в зависимости от количества собственной биомассы.

— И от чего зависит скорость перетекания из одной фазы в другую? — спросила доктор, с явным удовольствием слушающая свою подопечную в этом импровизированном экзамене.

— От условий окружающей среды.

— Правильно. Знать бы еще, чем руководствуется Ткань, выбирая ту или иную форму, — вздохнула Аня.

— Узнаем, — пообещала Юля. — Теория разума у Ткани не доказана…

— Но и не опровергнута.

— Будем надеяться, что со временем мы узнаем больше. Вот только отстроим "Стагирит-2" заново, и Катя мне поможет.

— Справиться бы еще с "Брахманом", хотя бы для начала.

— Не ворчи, Аня. Лучше скажи, что там нового слышно с фронта. Вроде как говорили, что на Шри-Ланке удалось взять кое-кого в плен, и нашим удалось добыть часть какой-то информации, которую боевики Моканди не успели уничтожить.

Аня вздохнула:

— Прости Юль, сама ничего об этом не знаю. Ты ведь знаешь, как работает контрразведка. Они обожают так поступать — добыть что-то новое и молчать до упора.

— Хм, базы на Шри-Ланке и в Австралии были захвачены нами еще вчера вечером, — задумчиво проговорила Юля. — Думаю, время сейчас не ждет, и долго молчать и тянуть они не станут. Главнокомандующий лично заинтересован как можно быстрее покончить с "Брахманом" и вернуться к Ткани.

— Это было бы просто замечательно, — тихо проговорила Катя, держа обеими руками чашку с кофе.

— Мы уже многое знаем, но вместе с этим у нас остаются еще сотни вопросов, касающихся Ткани, — заметила доктор. — Наверное, мы никогда не сумеем узнать всю правду об этом существе. Банально не успеем: военные настроены слишком решительно, чтобы дать время для работы "Стагириту-2".

— Ответы порождают новые вопросы, — сказала Аня, пожимая плечами. — Так было и так будет всегда.

— Да, и все же это печально… Жаль, что этот необычный организм является нашим врагом. Сколько многого мы смогли бы узнать, если бы Ткань не была столь агрессивна!..

— Пожалуйста, Юля, — Анна поморщилась. — Только не начинай сначала.

— Я пыталась пошутить, — скупо улыбнулась Федорова.

— Внимание! — ожил селектор, и все разговоры утихли почти сразу. Анна не могла поверить, что большое количество людей, только что безмятежно болтавших друг с другом, теперь молчат, и выражения их лиц сохраняют лишь только жалкую часть той беспечности, которая только что полностью владела ими.

— Произведен запуск транспортов из воздушных доков с первого по пятый. Подготовка к запуску с шестого по десятый.

— Они начали, — сказала Аня, понявшая, о чем идет речь.

— Штурм? — неуверенно спросила Катя.

— Да. Они выпускают транспорты с десантом для его доставки на "Серафим". Видимо, авианосец достиг точки сбора.

"Все равно они начали очень быстро. Нашей контрразведке удалось узнать что-то ценное от пленных боевиков?"

Аня тяжело сглотнула, думая об этом. Волнение и тревога охватили ее, когда она подумала о том, что, возможно, стоит

непременно вернуться на свое рабочее место. Конечно, ее уже сменили, но она видела, как многие посетители кафе покидают кресла, выходя в служебные коридоры штаб-квартиры.

— Вот как, — доктор закрыла глаза. — Стало быть, счет перешел на часы.

"Да", подумала Аня, наклоняясь к своей чашке, "мы всего лишь хотим побыстрее покончить с этим".

— Думаю, нам лучше вернуться на свои посты, — сказала доктор.

— Даже нам? — спросила Катя, явно встревоженная услышанным по селектору.

"Она выглядит так, как будто это нас собираются штурмовать, а не мы", подумала Анна.

— Да, даже нам, — кивнула Федорова. — Но не сейчас.

— Это, конечно, очень важно. Но пока они начнут саму операцию, пройдет еще много времени, — согласилась Аня.

"Нужно отдохнуть до того, как наша штурмовая группа начнет", подумала она, "хотя бы чуть-чуть. Перевести дух перед тем, как все закончится".

IV. Новая жизнь

Пасмурное утро закончилось, и начался тусклый и жаркий день. Косые сумеречные лучи солнца, с трудом преодолевающие заслон низких облаков, падали в серые спокойные воды океана. Мадагаскар был хорошо виден с палуб двух линкоров, двигающихся к острову уже на малой скорости. У самого горизонта виднелась темная полоса суши, пустынный пляж и почти невидимые из-за расстояния очертания города Раапи.

"Мы начнем отсюда. Мы уже идем за тобой, сумасшедший ублюдок".

Владислав Рощин, стоящий на палубе у поручней, посмотрел на далекий, но явственно различимый темный силуэт "Серафима". Воздушный исполин был хорошо виден даже на расстоянии в несколько километров — он напоминал чудовищных размеров насекомое, в нем было что-то и от осы и скорпиона одновременно. Влад, зажавший губами почти истлевшую сигарету-стимулятор, следил за зависшим на солидной высоте суперсамолетом, вдыхая наркотический дым и холодный, свежий запах океана. Налетающий ветер трепал его прямые светлые волосы, заставляя щурится.

Два линейных корабля, принадлежавших флоту Индии, шли прямым курсом к своей цели. На их борту расположились лишь небольшие силы оперативников, которые должны были войти в первую волну атакующих. Вторая группа десанта морской пехоты будет доставлена к месту разворачивающихся событий по воздуху с "Серафима".

Объединенные Силы Конфедерации все же предложили небольшую помощь "Уаджет" в заключительном сражении. Точнее, предпоследнем — план операции "Серебряный жук", по слухам стремительно разработанный и приведенный в действие за считанные часы, предусматривал атаку только на одну базу "Брахмана" из оставшихся двух. Спешка была вынужденной, и даже Влад слышал кое-какие подробности, которые ему совсем не понравилось. Пленные боевики, допрошенные посредством сканирования мозга, а так же некоторое количество информации на захваченной базе в Австралии, открыли командирам "Уаджет" нечто такое, чего они не на шутку всполошились.

"Брахман" обладал баллистической ракетой, капсулы-боеголовки которой будут начинены жидкой Тканью. Было установлено и то, что ракета уже почти готова и пусковая установка находится где-то возле базы "Брахмана" на Мадагаскаре. Этого было достаточно, чтобы немедленно начать

действовать. Влад так же слышал, что оперативные группы "Уаджет" прижимают к побережью последние силы "Брахмана" на юге африканского континента, где располагалась еще одна уцелевшая база, но главное сражение будет здесь, сегодня.

Влад мог бы гордиться — подразделение морской пехоты "Прибой" будет главным участником начавшейся операции по уничтожению бункера Моканди и пусковой установки. В конце концов, они были элитой вооруженных сил и до вступления в "Уаджет", и именно им будет отведена роль основной штурмовой группы. Сражения на Шри-Ланке и Австралии показали, что ветераны Второй экспедиции, сражающиеся на стороне Моканди, более подготовлены и опытны, чем молодые оперативники "Уаджет" подготовленные к войне с Тканью, а не с людьми. По большому счету им пришлось столкнуться с настоящими бесстрашными головорезами. Однако боевикам "Брахмана" не хватало огневой мощи, и даже киберы оказались не эффективными против той тактики, по которой действовали оперативники.

Теперь все будет честно. Морская пехота, в которой служил Влад, была прекрасной школой. Влад, имевший в своем прошлом обучение в настоящем военном училище и звание старшего лейтенанта, после своего зачисления в "Уаджет" стал простым оперативником, но у него не убавилось навыков ведения боя с людьми. Этим он, как и многие другие бойцы "Прибоя", выгодно отличались от большинства других оперативников, набранных в основном из милиционных формирований, ополченцев, служивших только в Фортах.

"Главное, чтобы этот ублюдок не отмочил что-нибудь под занавес, мать его".

Этого опасался не только Влад. Он чувствовал, как напряжены остальные бойцы "Прибоя", он знал, что командиры и главнокомандующий, прибывшие сюда на "Серафиме", трясутся от мысли о каком-нибудь подвохе, какой-нибудь ошибке, о чем-то, что они упустили и что приведет к катастрофе. Они боялись сюрпризов — а Влад, смотрящий на берег Мадагаскара, чувствовал, что они будут. Они опасались, что, как и в Пакистане, все они снова стали жертвой обмана, и настоящая база Моканди и пусковая установка находятся вовсе не здесь, а в лучшем случае на юге Африки. Засечь месторасположение пусковой установки так и не удалось — уникальная технология маскировки от сверхчувствительных сенсоров и радаров была серьезной помехой для "Уаджет", но мало кто сомневался, что пусковая шахта располагается где-то здесь, на Мадагаскаре. Один из пленных офицеров "Брахмана" подтвердил это, и теперь весь остров

находился под пристальным наблюдением нескольких спутников. В конце концов, они боялись, что Моканди все же успеет запустить свою ракету. Кто знает, сумеют ли ее перехватить системы противоракетной обороны "Серафима", или орбитальные лазерные спутники.

— Пятый, шестой, седьмой, восьмой — собраться! — ожил голос в динамике микрофона.

"Пора", Влад сделал торопливую затяжку и с сожалением бросил окурок за борт. Отвернувшись, он потрусил в сторону посадочной площадки, на бегу натягивая на голову капюшон-маску. По палубе к большим транспортным винтокрылам, в чьих лапах-захватах под брюхом крепились транспортные восьмиосные вездеходы, бежали другие оперативники из подразделения "Прибой". Влад и остальные, шумно грохоча ботинками по пандусам, взбежали внутрь вездеходов, занимая свои "волкодавы", закрепленные внутри транспортных машин.

Спустя несколько минут ожили винты транспортов. Влад ощутил, как они поднимаются с посадочных площадок, чтобы направится в сторону берега. На небольшом терминале перед ним раз за разом крутили повтор короткого брифинга, заключавшего в себе суть операции "Серебряный жук". Все просто — высадка на пляж, изучение территории на предмет наличия вражеских сил, после чего атака на южные окраины брошенного города. Мимо места высадки до самого Раапи проложена старая дорога — идеальное условие для движения на мотоциклах с большой скоростью. По данным разведки, в городе полно боевиков, но мало техники. Судя по всему, "Брахман" уже потерял почти все свои киберы, и военной техники, способной оказать хоть какое-то мало-мальски приличное сопротивление наступающей армаде у Моканди почти не осталось.

Сам экс-маршал должен был находиться в старом бункере, находящемся за восточными окраинами города и где-то поблизости, видимо, располагалась и ракетная шахта. Атаковать бункер напрямую никто из штабистов не решился. Вначале следовало покончить с силами врага на поверхности, прежде чем лезть вниз.

В городе морпехи "Уаджет" объединяются со второй волной десанта, состоящей из оперативников второй формации и некоторого количества техники, в большинстве своем представленной ракетными трайками "Велоцираптор" и несколькими "Красными львами", чтобы выкурить из многочисленных укреплений тех, кто окажет сопротивление. "Уаджет" и в этот раз будет иметь полное превосходство в воздухе: множество винтокрылов и самолетов вертикального

взлета и посадки, как транспортных, так и военных. Два линкора Индии окажут помощь в артобстреле самых укрепленных позиций врага. Дальше будет самое сложное: морпехи должны проникнуть внутрь бункера Моканди, разыскать и арестовать бывшего маршала, ликвидировав угрозу запуска ракеты.

"Как все просто на словах", язвительно подумал Влад. Он считал сегодняшний бой проверкой всех своих боевых качеств. Это будет тяжелый день в его жизни, возможно, самый напряженный и страшный за все его жизнь.

— Внимание, подготовка к сбросу.

— Полная готовность!..

Влад почувствовал, как они падают. Захваты транспорта больше не держали вытянутое тело "Волчицы", и он пережил захватывающие секунды в ощущении свободного падения. Потом глухой, сотрясающий и вибрирующий удар и громоподобный шум волн.

Транспорты сбрасывали вездеходы в воду на расстоянии в пять километров от линии берега. Командование отдало такой приказ, опасаясь, что подходящие близко к берегу винтокрылы станут легкой мишенью для вражеской системы ПВО.

Где-то неподалеку точно так же высаживали вторую группу "Прибоя", только на этот раз транспорты стартовали с "Серафима". Машины, оказавшиеся в воде, медленно набирая ход двигались к берегу. Большая часть "Волчиц" во время движения находилась под водой, и Влад с замиранием сердца слушал, как бурлит вода за бронированными бортами вездехода.

— Полная готовность! — голос командира грани. — Высадка через десять минут.

Влад еще раз проверил свое снаряжение. Есть гранаты, запасные магазины, его "романов-70" заряжен и готов к бою, компьютер скафандра и окуляры работают исправно.

"Все в порядке", подумал он, с нетерпением думая о предстоящем бое. Он ненавидел эти моменты, когда, находясь в стальном брюхе воздушного или наземного транспорта, он представляет собой такую легкую и доступную мишень.

— Внимание, обнаружен противник!

В это же время гул воды стих, и его сменил ровный рык мотора "Волчицы", выбирающейся на покатый берег. Вездеход преодолел несколько метров и остановился, качнувшись всем корпусом на амортизаторах. По транспортному отсеку машины прокатился предупреждающий сигнал — и мотоциклы плавно поднимались со своих консолей на воздушных подушках, освобожденные и готовые к высадке. Люки стремительно опустились, и серый свет, плеснувший внутрь транспорта,

осветил фигуры, пригнувшиеся к рулям своих скоростных мотоциклов.

— Пошли!!

Влад вывернул рукоять акселератора, и его "волкодав" с глухим рычанием скакнул вперед, по плавной дуге преодолевая расстояние от высокого пола посадочной площадки вездехода до грязно-серого песка пляжа.

Вокруг высаживался десант "Уаджет". Многочисленные вездеходы, выползшие на берег, выпускали из своих шлюзов десятки мотоциклов, на ходу стремительно выстраивающихся в боевые построения.

Уже столетие, как на Мадагаскаре официально никто не жил. Люди, ранее населявшие остров покинули его после Войны терактов, и о дальнейшем возвращении сюда не могло быть и речи. Слишком близко была Африка, уже две трети которой было поражено крупными кластерами Ткани.

Влад, бегло окинувший взглядом зеленые горные склоны, подумал, что природа в здешних краях не сильно пострадала за последнее время. Наверняка здесь воздух свеж и чист, но Влад не чувствовал его через фильтры своей маски, и животный мир здесь по-прежнему богат, в отличие от других мест на этой планете, покрытых язвами техногенного влияния людей и следами множества войн.

— Внимание, дальние сканеры "Серафима" засекли приближение вражеского объекта!

— Продолжаем высадку, всем к бою, — спокойно сказал по общей связи командующий "Прибоем" регистратор Панкрашин. Влад и остальные морпехи, не останавливаясь, вскидывали вверх руки с винтовками, уперев приклады в сгиб руки, управляя мотоциклами одной рукой.

Три сотни морских пехотинцев заполнили почти весь пляж в течение минуты после начала высадки. Задерживаться здесь они не могли, даже не смотря на приближение врага, и уже спустя минуту после получения сообщения о появлении противника они волной устремились на север, вдоль побережья, к давно заброшенному городу.

Ожил передатчик:

— Два звена "Москитов" идут на перехват. Цель идет на малой высоте, с северо-запада.

Влад поднял голову и увидел его. Цель, двигающаяся им наперерез из-за гор на небольшой высоте больше всего напоминала винтокрыл, но необычная форма и крупные размеры давали понять, что это одна из моделей киберов. Машина обладала иссиня-черным цветом брони, плавно покачиваясь в

воздухе с низким рычащим гулом. Владу еще не доводилось видеть подобных летательных аппаратов.

"Что это? Бомбардировщик? Транспорт? Где его прикрытие?"

— Всей штурмовой группе, огонь не открывать, им займутся "Москиты". Повторяю, огонь пока не открывать, продолжаем выполнять операцию по плану.

Голос Панкрашина успокаивал. Десант быстро освобождал линию песчаного берега, выбираясь на потрескавшееся полотно старой дороги, и на высокой скорости двигаясь на север. Необычная машина в небе снизила скорость и теперь, неотступно следуя за десантниками, начинала спускаться. Влад, смотрящий только перед собой, опасающийся отвлечься на эту штуку и врезаться в кого-нибудь из напарников. Их скорость движения была велика, и последствия столкновения сейчас, на таком участке будет наверняка смертельными. Все, что им оставалось теперь, так это сжав зубы двигаться вперед. Было ясно, что штурмовые винтовки будет бесполезны против такой громады…

В воздухе появился новый звук, и Влад узнал его. Первая тройка "Москитов", маленьких боевых самолетов, была уже близко.

"Ну же, не подведите"…

Над их головами с грохотом разорвались снаряды, и "Москиты" ушли вперед, заходя на новый вираж, чтобы, откорректировав скорость, сделать новые выстрелы уже прочно сидя на хвосте у кибера. Влад, не удержавшись, быстро взглянул в сторону врага.

Он уже горел, и огненный шлейф, тянущийся за преследователем, перерастал в длинный дымный хвост. Кибер был уже совсем близко, почти заслоняя небо над десантниками, но по-прежнему, он никак не препятствовал их продвижению вперед. До сих пор не прозвучало ни одного выстрела с его стороны.

"Что он делает?"

Этот вопрос, похоже, сейчас задавал себе каждый десантник, их командир и пилоты "Москитов", операторы, командиры и главнокомандующий "Уаджет", наблюдающие за происходящим на береге с "Серафима". Было ясно, что этот кибер не несет на своем борту оружия, и сейчас своими действиями лишь сбивает с толку всех прибывших сюда.

В тот момент, когда Влад посмотрел на него, в корпус летающей машины врезались еще три пары снарядов, и вторая тройка "Москитов", нагнав цель, теперь следовала вместе с первой, вися на хвосте у врага и готовясь повторить залп.

— Аккуратней, вашу мать, если он развалится в воздухе!..

— Отставить огонь! Цель прямо над нами!

Влад только сейчас понял, что происходит. Эту машину не смогут сбить, пока она находится над ними в воздухе. С отчаянием он еще раз поднял взгляд на кибера.

Преследователь был уже совсем близко. До поверхности оставалось не более пятидесяти метров, и его все еще удерживали в воздухе три пары огромных винтов. Полет машины был по-прежнему быстрым и плавным, но теперь она подрагивала, словно уже готовая в любой момент обрушиться вниз.

— "Прибой"! — голос Панкрашина а наушнике звучал бодро и почти что весело. — Прибавили ходу, девочки и мальчики, сейчас он отстанет и "Москиты" закончат работу.

Влад сконцентрировался на цели, к которой они двигались. Угроза, похоже, миновала. Теперь их задача выбраться из этой зоны, чтобы не угодить под обломки. Судя по оглушительному звуку винтов, кибер начал заваливаться на бок, постепенно теряя скорость. То, что он должен был сделать, из десанта морской пехоты так никто и не понял, а в следующие мгновения понимать уже было некому, нечем и не зачем.

Последнее, что Влад успел ощутить лишь чудовищный жар, разлившийся по спине, и очертания окружающих его морпехов и мотоциклов, пейзаж и далекие окраины заброшенного города вдруг быстро растворились в ярко-белой волне света.

* * *

"Серафим" в окружении своей пока что немногочисленной свиты из "Москитов", кружащих рядом, ярко осветился новым миниатюрным солнцем, полыхнувшем за много километров впереди. Парящий на высоте более семи тысяч метров над Индийским океаном, воздушный колосс медленно вновь погрузился в сумрачные тона, царящие здесь, наверху, под самым плотным покровом облаков с редкими просветами солнца, чьи лучи медленно плыли по броне суперсамолета.

С момента, когда на побережье возникла вспышка, и ослепительный белый свет прыснул во все стороны, а эфир тут же заполнился короткими докладами пилотов патрульных "Москитов", прошла целая минута. Секунды, тянущиеся одна за другой, слились в единую вечность, полную тишины, нарушаемую лишь тихим звуком работающей аппаратуры. Сигнал сирены, сработавший сразу после взрыва, отключили спустя несколько секунд.

Люди, занимавшие свои места в креслах в центральной рубке

управления "Серафима", молчали, пораженные произошедшим и еще не веря в случившееся. Они ожидали дальнейших распоряжений от главнокомандующего, но тот так же молчал, глядя на свой терминал.

Капитан суперсамолета, старший координатор Морозов сглотнул, глядя, как в "окне" его терминала отображается проекционная сетка взрыва. Радиус поражения, ударная волна и излучение были слабыми, но Морозов учувствовал в более чем в двух десятках операций против Ткани за все время своей службы в "Уаджет", и сейчас, глядя на свежую информацию, поступающую на свето-экран с места взрыва, он мог точно сказать, что такого урона Корпусу еще никто и никогда не наносил.

Кириченко, неподвижно смотрящий на свой экран, сухо откашлялся, и Морозов вздрогнул, услышав этот звук. Он хорошо знал главнокомандующего, и знал его вспыльчивый нрав. Будет не удивительно, если и сейчас он разразится проклятиями, злобной солдатской матерщиной, сейчас его лицо исказится от ярости, и он отдаст новые приказы относительно "Брахмана".

— Рапорт, — тихо и хрипло проговорил Кириченко.

Капитан "Серафима" пристально посмотрел на главнокомандующего. Кириченко, ссутулившись за своим креслом и облокотившись на стол, неотрывно смотрел на терминал. Его глаза были пусты.

— Ядерный взрыв на побережье, — произнес один из операторов. — Мощность чуть менее одной мегатонны. Кибер класса "Икар" самоликвидировался, получив критические повреждения.

— "Икар?" — переспросил Морозов. — Этот вид киберов использовался только в качестве транспортов, разве нет? Насколько мне известно, он не был вооружен атомным оружием.

— Так точно. Судя по всему, бомба была внутри робота. Киберы этого класса были экранированы, и наши датчики не смогли засечь наличие подобного оружия на его борту.

— Наши потери? — снова тихо спросил Кириченко.

— Наш морской десант, — оператор запнулся, прежде чем закончить, — полностью уничтожен. Так же потеряны шесть "Москитов".

— Транспорты? "Волчицы" на побережье?..

— Уничтожены ударной волной, товарищ главнокомандующий.

— На связи каперанг Прасад с "Вайо", — подал голос другой оператор. — Запрашивает дальнейшие инструкции.

Морозов подумал о том, что сейчас творится на кораблях Конфедерации, пришедших сюда. Да, этих ребят из морских

вооруженных сил Индии предупредили, на что они идут. Но навряд ли они ожидали такого, как ядерный взрыв на первом же этапе штурма.

— Продолжаем операцию, — глухо проговорил Кириченко, слепо глядя перед собой. — Высаживаем воздушный десант в Раапи. Александр?

Морозов, встрепенувшись, посмотрел на главнокомандующего, смотрящего на капитана безумным усталым взглядом. Морозову показалось, будто одним этим взрывом Моканди забрал у Кириченко все силы.

"Он знал регистратора Панкрашина многие годы".

— Выпустить все "Москиты" и "Шершни".

— Есть, — кивнул Морозов.

— Депешу на "Вайо": открыть огонь по Раапи. Использовать все виды снарядов, кроме химических. У Прасада есть двадцать минут, после чего пусть прекращает огонь и отступает.

Рубка вновь погрузилась в работу. Люди, отходящие от увиденного, снова возвращались в рабочее русло.

Кириченко молчал, чувствуя на себе беглые взгляды капитана "Серафима" и других членов экипажа. Его потрясение было велико.

За последнее столетие Моканди стал первым, кто вновь применил атомное оружие против людей. Это не могло не волновать. Человек, который прибегает к помощи подобного, явно надеется на что-то большее, чем просто выиграть эту войну, которая на фоне глобального катаклизма в лице Ткани казалась мелкой и склочной.

Кириченко не мог найти ответов на волнующие его вопросы.

"Он действительно сумасшедший? Или же и вправду надеется сокрушить нас, заставить отступить? Выиграть время для своего биологического оружия?"

Оставалось надеется, что многочисленный воздушный десант, получивший распоряжение начать атаку, раскроет все тайны умирающей террористической структуры, положит ей конец и возьмет этого безумца живым.

Это было очень важным моментом всей операции "Серебряный жук". Кириченко был немало удивлен, когда вчера вечером получил сообщение от "Шелкопряда": Моканди во чтобы то ни стало нужен живым. Представители "Шелкопряда", вышедшие на связь с главнокомандующим, объяснили это тем, что бывший маршал знает нечто важное о Ткани, и, в конце концов, даже если он и безумец, то он герой Второй экспедиции, и не смотря на преступления, совершенные против "Уаджет", его жизнь должна быть сохранена. Его оружие в виде крылатой

баллистической ракеты с начиненными жидкой Тканью боеголовками должно быть уничтожено еще до запуска, его маленькая армия должна прекратить свое существование — но сам экс-маршал должен уцелеть.

Кириченко так не считал. Будь у него такая возможность, он бы уничтожил все базы "Брахмана", едва узнав их месторасположение, не считаясь с тем, находится ли на них бывший маршал Конфедерации или нет.

"Стоит ли ввести новый приказ?"

Это будет непросто. Конечно, главнокомандующий может прямо сейчас отдать негласную директиву о ликвидации Моканди, и позже, на докладе "Шелкопряду" списать все на случайность, ошибку, непредвиденные обстоятельства, повлекшие за собой гибель бывшего маршала.

Это будет слишком очевидным и главнокомандующего быстро раскусят. За его действиями и распоряжениями пристально следят, и подобный приказ будет расцениваться как месть за мгновенную гибель более чем пятисот высококлассных специалистов "Уаджет".

Кириченко сжал кулаки, и на его лице отобразилось ненависть и нечто болезненное, мучительное.

Моканди необходим живым. И не дай бог, если этот безумец убьет себя. Кириченко понимал, что подобный поворот событий не светит лично ему ничем хорошим. Он и сам бы оказался не прочь посмотреть в глаза этому человеку, узнать, почему он причинил столько бед, зачем уничтожил столько людей.

"Ради чего? Чтобы запустить свою ракету?"

Если он просто безумец — смерть для него будет лишь в благость, и она не даст утешения тем, кто погиб по вине бывшего маршала. Но если Моканди за всем этим преследует какую-то цель, то просто необходимо взять его живым.

Кириченко вновь подумал о той опасности, которую из себя представлял маршал и его оружие.

"Что он задумал? На основе похищенной "Принцессы" он создает биологическое оружие — зачем?"

Это было чистым безумием. Судя по данным, которые удалось перехватить во время финальной фазы уничтожения базы в Австралии, Моканди планирует нанести удар по Конфедерации. Среди пленных, которых удалось с таким трудом добыть, оказался высокопоставленный офицер, из которого удалось узнать чуть больше.

Кириченко по-настоящему испугался, когда понял, что все это правда. Им чертовски повезло, что они вообще узнали о существовании "Махат", хотя первоначально информацию

подобного рода в штаб-квартире восприняли скептически. Такого просто не могло быть, откуда у бывшего маршала Конфедерации может взяться баллистическая ракета? Однако даже сквозь сомнения Кириченко почти сразу понял, что это правда. Медлить больше было нельзя, и именно поэтому "Брахман" должен быть сокрушен именно сегодня, сейчас, пока еще не поздно. Второго шанса не будет. Судя по всему, сборка ракеты уже давно завершена, и подготовка к ее запуску перешла в финальную стадию. Ее старт может состояться в любой момент.

"Если это случится, сумеем ли мы ее перехватить?"

Кириченко не знал этого, и меньше всего хотел проверять это, когда радары "Серафима" засекут запуск. Теоретически, сам воздушный авианосец вполне мог перехватить ракету, едва она стартует. Конечно же, космические силы Конфедерации были так же предупреждены, но смогут ли старые лазерные спутники орбитальной защиты и уже давно отмотавшие свой срок годности системы противоракетной обороны вычислить, перехватить и сбить ракету, если ее упустит "Серафим" — это был еще тот вопрос. Еще одной проблемой было и то, что месторасположение шахты совпадало с координатами старого бункера, где и находился Моканди. Это обозначало, что о применении мощных видов вооружений по этому объекту не могло быть и речи. Взрыв ракеты обозначал высвобождение жидкой Ткани, а это было бы провалом всей операции. Если жидкая Ткань высвободится, тогда уже ничто не спасет ни штурмующих, ни обороняющихся.

"Прошло не так уж много времени с тех пор, как Моканди исчез, после своего возращения из Второй экспедиции. За эти годы ему удалось создать свою тайную армию, найти способ безопасно и эффективно разделить кластер Ткани, добыть ракету, восстановить старую пусковую шахту. Он без малого удачливый гений".

Кириченко думая об этом, слушал доклады операторов и членов экипажа, сообщавших о начале обстрела кораблями берега и старта транспортов с десантом. Мысли и догадки о том, что же руководит этим загадочным и очень опасным человеком не давали ему покоя.

* * *

Ударная волна от ядерного взрыва прокатилась по всему побережью и достигла Раапи уже совсем слабой, не способной причинить какие-либо серьезные разрушения. Мощный поток воздуха пронесся по пустынным улицам и площадям города,

вышибив уцелевшие стекла и заставив поднять огромные клубы пыли и мусора.

Взрыв почувствовали и те, кто скрывался в подземном бункере. Не смотря на толщину стен и потолков, а так же солидную глубину на несколько мгновений всем работникам и защитникам подземного укрепления был явственно слышан свирепый гул, и ощущалась сильная вибрация пола.

Моканди, капитаны Судзуки и Клиффорд, и еще несколько офицеров, находящиеся в главном помещении штаба, смотрели на широкое призрачное полотнище свето-экрана, на котором отображались картинки с дюжины камер, расположенных на поверхности. Собравшиеся здесь люди — уцелевшая верхушка "Брахмана" — молча наблюдали за действиями вражеских десантников, и когда "Икар" выполнил свою задачу, большой зал, заполненный светлым пластиком и обилием аппаратуры не огласился возгласами победы. Диир и его сподвижники наблюдали, как огненный шар стремительно проглатывает десант противника, и как взрывная волна катится в сторону Раапи, на крышах высотных строений которого и были расположены камеры. Никто из них не издал ни звука.

— Мы все-таки сделали это, — глухо проговорил Моканди, не отрывая взгляда от свето-экрана.

— В нашем распоряжении есть еще один киберсамолет и заряд, господин маршал, — напомнил Судзуки. — Прикажите подготовить их?

— Нет. Нет, этого достаточно. Это ужасно, что я пошел на такой шаг… — Моканди покачал головой. — К тому же, во второй раз это уже не сработает…

"Остается надеяться, что ты и твои люди не подведут меня, Тацуми", подумал бывший маршал, сжимая челюсти. Он не стал говорить этого вслух, его верный капитан и так все прекрасно понимал, как и все, кто оказался сегодня здесь, на глубине более тридцати метров, в ожидании развязки.

Они почти успели. В эти часы заправка капсул-боеголовок "Махат" уже перешла в заключительную стадию. Оставалось лишь бережно и надежно закрепить боеголовки на корпусе ракеты и в последний раз проверить их системы наведения. Сама ракета уже давно была готова к своему триумфальному запуску.

"Пять часов".

Последняя просьба старшего техника перед тем, как она вернулась к работе. Сердце старого маршала сжималось каждый раз, когда он думал об этом. Пять часов противостояния с главным врагом на пути к Абсолюту, и участь человечества будет решена.

"Сможем ли мы продержаться столько времени? А если и сможем — преодолеет ли ракета зенитные системы?.."

Моканди не знал. Он лишь понимал, что кульминация близка. Он терпеливо ждал в течение десяти лет, но теперь чувствовал, что эти последние часы обернутся для него настоящей пыткой.

Все усугубляло появление "Серафима". Моканди был крайне обеспокоен появлением в небе этой воздушной базы. Он уже давно не слышал и не видел подобных воздушных объектов, и даже не подозревал, что подобный суперсамолет есть на вооружении "Уаджет". Эпоха подобных воздушных громадин уже давно миновала. Насколько знал Моканди, на борту подобной махины было самое разнообразное вооружение и довольно развитые системы противоракетной и воздушной обороны, и "Серафим" имел все шансы сбить стартовавший "Махат". Самым пугающим было то, что у "Брахмана" не было никакого вооружения для того, чтобы уничтожить такой крупный и хорошо защищенный объект, как "Серафим". Кажется, это было тем самым пунктом, который Диир упустил из своего плана.

Моканди раз за разом прокручивал в голове события минувших лет. Когда он принял окончательное решение, когда инсценировал свое самоубийство, скрывшись здесь, на Мадагаскаре, он до сих пор считал, что поступает правильно. После того, что он узнал о Ткани, Диир понимал, что ошибки быть не может. Неизвестно как, неизвестно почему, но люди и это существо являли собой единое целое. Ткань понимала это, но люди — нет. Бывший маршал знал, что некоторые из его офицеров не разделят его точку зрения и не ответят на его призыв объединиться, чтобы помочь Ткани развить свое вторжение и ускорить процесс "обращения". Моканди привлек к себе лишь тех, в чьих помыслах и преданности он был уверен. Только им он открыл истинную тайну предназначения Ткани, равно как и настоящую причину, по которой огромный организм присоединяет к себе все формы жизни на этой планете.

За эти десять лет он многого добился. Он потратил большую часть своего состояния с умом: приобретение техники, создание и оснащение небольших баз, формирование собственного научного корпуса. Конечно же, самым главным его достижением за эти годы являлись создание "Щита Хакасу", того самого экрана, не позволяющего остальному миру наблюдать за "Брахманом". Дальше была уникальная разработка, схожая с той, которая существовала у Конфедерации — универсальное покрытие, подавляющее активность Ткани. Именно благодаря этому покрытия сейчас осуществлялись все манипуляции с уже

расщепленной "Принцессой". На пути к своей великой цели маршал достиг тех высот в тех областях, которые раньше бы ему никогда и ни за что не дались. Видит бог, он был счастлив, живя эти десять лет своей мечтой о том, что он собирается сделать.

Десять лет — большой срок для одного человека. Подводя итог этой прошедшей эпохе, Моканди не ощущал прежнего счастья, лишь грусть и тревогу.

"Кажется, моя мечта вот-вот воплотится в реальность, и я ждал вовсе не этого".

Сейчас он должен был принести в жертву все свои достижения. Этого требовали обстоятельства сложившейся ситуации и стремительно разворачивающихся событий.

"Сегодня второе февраля, день, когда я дам этой планете надежду на полное очищение и новую жизнь для остатков несчастного человечества… Запуск "Махат". Это все, что мне нужно сделать в этой жизни. После этого я могу умереть спокойно. Пусть Абсолют достанется тем глупцам, которые не понимают и не видят истины".

— Господин маршал, на связи капитан Мио, — сказал один из офицеров, стоящий у аппаратуры связи.

Маршал встрепенулся. Он вспомнил миниатюрную китаянку, возглавлявшую воздушные силы на базе в Южной Африке.

— Она использует шифрованный односторонний канал связи, — офицер обернулся к Моканди, и вновь перевел взгляд на экран терминала. — Передает, что командир базы полковник Масар убит, уничтожены все восемь киберов…

— Ч-черт, — пробормотал Клиффорд.

— Мио передает, что она и ее звено возвращаются сюда. Прибудут на место через

— Сколько их? — спросил Моканди.

— Двенадцать штурмовиков, господин маршал.

Диир опустил голову, закрывая глаза. Он хорошо знал полковника Масара, который был одним из первых офицеров Моканди, завербованных в ряды "Брахмана". Мио успеет прибыть сюда к самому разгару сражения, но что они смогут противопоставить тем силам, которые собрали здесь "Уаджет"? Ее штурмовики обречены быть сразу втянуты в бой, без возможности дозаправиться, и пилоты будут вовлечены в новое сражение без отдыха после столкновения с "Уаджет" в Африке и перелета через пролив, разделяющий африканский континент и Мадагаскар.

"И все же ее отряд сможет задержать атакующих. Нам осталось лишь выиграть совсем немного времени, и для этого сгодится все, что у нас осталось".

— Внимание, многочисленные воздушные цели! Идут к нам

со стороны вражеского воздушного корабля-носителя.

"Итак, началось", подумал Моканди, по-прежнему не шевелясь, "они пошли на штурм. Их не остановил вид уничтожения первой волны десанта. Они понимают, что будет, если они будут бездействовать и дальше".

— Какие будут приказы, господин маршал? — подал голос Клиффорд.

Моканди посмотрел на командира наземных сил, которому достанется роль командующего обороняющихся наземных сил "Брахмана", ждущих сейчас в Раапи. Клиффорд был относительно молод, и кажется, ему не терпелось броситься в бой.

"Ты и вправду так хочешь сразиться с ними, Стэн? Или же тебе просто не терпится поставить в этом деле точку и покончить со всем этим поскорее"?

— Мы должны выиграть время для заключительной подготовки и проверки "Махат", сказал Моканди. — Силы Уаджет должны быть остановлены на поверхности на подходах к бункеру.

— Подразделения "Лакшми-3" и "Чандрагупта-2" готовы, — тут же отрапортовал один из офицеров.

— Взводы "Лакшми-1", "Лакшми-2" и "Чандрагупта-1" на своих местах, господин маршал, — поддержал второй.

— Хорошо, — Моканди коротко и тепло улыбнулся. — Сделайте все возможное, чтобы враг не добрался сюда. Я… Я очень прошу вас об этом.

— Не извольте беспокоится, господин маршал.

— Будет исполнено!

Клиффорд вытянулся в струнку и отдал честь старому маршалу.

— Прежде, чем вы уйдете, я бы хотел спросить вас об одной вещи, — сказал Моканди. — Если вы считаете, что я ошибался все эти годы, то я прошу сказать об этом мне сейчас.

— Вы были и остаетесь самым прекрасным командиром на этой несчастной проклятой планете, господин маршал, — сказал Клиффорд. — Вы были таковым еще во время Второй экспедиции, и остаетесь им и сейчас.

— Мы верим вам, господин маршал.

— Я был счастлив воевать под вашим началом, господин маршал.

Глядя на их открытые лица, Моканди почувствовал себя значительно легче. Его сомнения перед лицом полного уничтожения и провала всей этой задумки с запуском баллистической ракеты все же развеялись.

Он еще раз тепло улыбнулся им:

— Я благодарю вас. Выполняйте, — Моканди смотрел, как

Клиффорд и его офицеры покидают зал. Он прекрасно понимал, что видит их в последний раз, и тяжелый темный обруч сомкнулся на его груди.

Теперь в светлом зале остались только он, Судзуки и пара операторов у терминалов связи. Оглядев их, маршал подумал, что они будут единственными, кто застанет великую победу "Брахмана", или же настолько великое поражение.

Взгляд Диира вернулся к Судзуки.

— Вы, Тацуми, останетесь здесь.

Смуглый мелкорослый капитан молча вытянулся и откозырял, после чего достал из кобуры пистолет и протянул его рукоятью вперед маршалу.

— Спасибо, — Моканди принял оружие. Да, пожалуй, так будет лучше. Те, кто идет сюда, настроены решительно, и они наверняка попытаются взять его в плен. Этого нельзя было допустить ни коим образом.

Моканди посмотрел на оружие в своих руках. Да, так действительно будет лучше. Судзуки молча дал ему пистолет, и, кажется, бывший маршал Азиатской Конфедерации Содружества понял его правильно.

В конце концов, Диир знал, на что идет.

* * *

Многочисленные шлюзы "Серафима" открылись, их квадратные и прямоугольные зевы озарялись проблесковыми маячками. Из них первыми прыснула пара беспилотников. Эти легкие и подвижные аппараты, издалека похожие на бумажные самолетики, сразу же устремились в сторону Раапи. Следом выбрались десятки десантных вертолетов — маленьких, юрких и подвижных машин. В несколько мгновений парящий под грязно-серыми тучами "Серафим" стал напоминать большой потревоженный улей. "Москиты" быстро окружили свою воздушную базу, ожидая, пока мелкие вертолеты построятся снаружи, чтобы начать свое продвижение к Мадагаскару. Последними из открытых шлюзов медленно выплывали более крупные воздушные машины, тяжелые транспорты класса "Титан", несущие в себе до ста человек десанта или некоторое количество техники, и боевые "Шершни". Эти самолеты были одной из немногих последних разработок в области вооружений, стоящие на службе у "Уаджет". Совместившие в себе функции летающей крепости и танка, вооруженные пулеметами, скорострельными пушками, ракетами и огнеметом, "Шершни" с системой

вертикального взлета и посадки идеально подходили для ведения боевых действий в городских условиях. К сожалению, "Уаджет" располагал лишь несколькими такими самолетами, а их размеры смогли позволить доставить сюда только четыре подобных штурмовика.

В тусклых лучах солнца, пробивавшегося через тучи, свора направилась в сторону побережья, держа курс правее от зловещего грибообразного облака, поднявшегося над сушей, стараясь по дуге обойти опасное место, чтобы зайти на Раапи с северо-востока. Линкоры, развернувшиеся на север, медленно двигались вперед. Их орудия уже открыли огонь, и когда воздушная кавалькада проходила над ними, с кораблей в сторону города ударили ракетные установки линкоров.

"Я не хочу умирать".

Стас, ссутулившийся на своем месте, чувствовал, как трясутся его руки. Пристегнутый эластичным ремнями к своему креслу напротив закрытого шлюза, он смотрел только себе под ноги. На его талии крепился массивный плотный пояс пневматического парашюта. Вокруг сквозь гул винтов слышались голоса оперативников, негромко переговаривающихся между собой.

— Кавелин, — раздался голос Леши в наушнике.

— Да, — тихо отозвался он.

— Я слышал, после победы всем силам, принимавшим участие в боях, будут предоставлен отпуск, — лениво проговорил Алексей.

Стас молчал.

— Стас, слышал?

— Да, — ответил он, медленно сгибая и разгибая пальцы.

— Махну в Китай или Корею, — с удовольствием сказал Евсеев. — Там есть отличные курорты… Куда-нибудь, где народу поменьше.

— А Таня? — глухо спросил Стас.

— Возьму с собой, куда же еще. Посмотрим, как китайцы после кризиса живут. Я слышал, что совсем неплохо. Сам-то куда?

— Не знаю.

— Полетели с нами. Вон и девку себе найди. Вчетвером там пошатаемся.

Стас молчал. Он был слишком отрешен от происходящего вокруг, чтобы должным образом осмыслить все то, что ему говорил Леша. Наверное, тогда бы он смог подивится тому, как Евсееву в такой обстановке удается думать о чем-то другом, кроме как о предстоящем бое.

"Я не хочу умирать".

-..Вот что, Стас, если все же не захочешь полететь, тогда

одолжишь деньжат немного, а?

— Ладно.

— Вот спасибо. Но ты все равно давай быстрей определяйся…

— Разговоры! — оборвал их и многих других старший координатор.

Стас вздрогнул, выпрямившись и заерзав на своем месте, обернувшись на своих подчиненных. Стас, получивший звание ведущего, теперь руководил боевым звеном из пяти человек. Он не знал этих молодых, почти что необстрелянных мужчин и женщин, явно питавших к своему новому командиру прохладные чувства, если не безразличие, хотя самому Стасу было плевать. Ему казалось полным безумием, что его отправляют на боевую операцию после всего лишь нескольких часов вводной тренировки командования звеном оперативников-стрелков. Стас уяснил многие моменты, касающиеся командованием и контролем состояния своих бойцов через меню компьютера боевого скафандра, проецирующего новую информацию прямо поверх изображения окуляров.

Стас встретился с безразличными взглядами трех парней и двух молодых женщин, и отвернулся, брезгливо поджав губы. Ему изначально не хотелось командовать, он был почти что против своего назначения на новую должность и повышение.

"Просто делайте, что я говорю, и постарайтесь там не сдохнуть".

Вся атмосфера огромного транспорта, заполненного десантниками, была пропитана нервным воодушевлением. Стас чувствовал, как это подавляет его, видел этот заведомо приподнятый настрой, когда поднимал глаза и озирался по сторонам: люди, окружающие его, были настроены на победу.

— Всем приготовится, приближаемся к берегу.

— Маски! — скомандовал старший координатор по каналу связи.

— Приготовить парашюты. Высадка через две минуты.

Стас неохотно выполнил требуемое. Начиналась работа, и он не был к ней готов.

Над многочисленными прямоугольными шлюзами, тянущимися вдоль стен, загорелись плафоны, заливающие сумрак большого десантного отсека зловещим красным светом.

Спустя несколько мгновений шлюзы открылись, и внутрь хлынули потоки свежего воздуха. Стас невольно прищурился, позабыв, что его лицо и глаза закрывает маска и окуляры.

Десантники поднимались со своих мест, перехватывая оружие и еще раз проверяя действие компьютеров и свою амуницию. Стас и остальные приблизились к открытым узким шлюзам, за

которыми открывался вид на океан. Уже в третий раз за эту зиму он вновь покидал заснеженную Сибирь, оказываясь в местах, с которыми никак не вязались определения холода и снега. Это казалось донельзя странным и непривычным для него, как для человека, который ранее никогда не покидал пределы родной страны.

Стас вздохнул и подсел чуть ближе к шлюзу.

— Засек многочисленные цели.

— "Группа-один", снизить скорость, пропустить вперед "Москиты".

Глубокие темные воды океана внизу сменились короткой линией прибоя, сразу за которой раскинулся Раапи. Воздушные машины пролетели над пальмовой аллеей, идущей вдоль заброшенной дороги, и Стас и остальные теперь смотрели на раскинувшиеся внизу дымящиеся руины, еще недавно бывшие домами, стоявшими у самого побережья. Это произвело должное впечатление на оперативников:

— Не слабо…

— Корабли прекратили огонь?..

— Будет обидно, если эти недоумки вновь начнут стрелять, пока мы высаживаемся…

— Тишина в эфире! — зло оборвал старший координатор.

— "Группа-один", высаживайтесь здесь. "Группа-три" и "два", следуйте дальше.

Стас смотрел, как легкие вертолеты и два тяжелых транспорта снижаются и сбавляют ход, готовые произвести высадку десанта на свежие руины. Их "Титан" в окружении других летательных аппаратов должен был доставить группу Стаса ближе к центру города.

— Внимание, обнаружен противник.

Стас непроизвольно вздрогнул, стиснув пальцами края открытого проема, когда совсем рядом с их транспортом прошел ярко сверкающий огонь, оставляя за собой белоснежный, медленно тающий след.

"Кавагути", подумал он, тяжело сглотнув. Эти японские ракетные комплексы, используемые силами Конфедерации еще десять лет назад, до сих пор считались опасным оружием, способным поражать цели на огромных расстояниях, успешно противостоя даже современным системам обороны от подобных "игрушек".

— Беспилотники засекли противника. Многочисленные цели на крышах и верхних этажах. Их здесь десятки!

— Штаб, это "Молот-1". У нас здесь работка для "Москитов", разберитесь, — голос пилота транспорта, слышимый по каналу

общей связи, был на удивление расслабленным. Он никак не вязался с той картиной, которую оперативники могли наблюдать через открытые десантные шлюзы: в серое небо над городом с крыш низких, убогих на вид зданий уходили все новые и новые самонаводящиеся ракеты, и Стас уже видел фигуры в черных камуфляжах, держащие на плечах короткие трубы ракетных комплексов. Судя по всему, пока что электроника транспортов "Уаджет" успешно справлялась со своей задачей; ракеты летели куда угодно, но только не в свои воздушные цели. "Москиты" сопровождения, пилоты которых получили новые приказы, бросились в атаку. Сквозь гул множества винтов и шум ветра выстрелы и взрывы были слышны достаточно хорошо.

— Приближаемся к точке сброса.

— Беспилотники фиксируют минные заграждения на некоторых улицах и в зданиях центра города.

"Титан" начал снижать скорость, и Стас, оторвавшись от вида города, занимавшего теперь весь обзор вокруг, бросил взгляд вниз. Транспорт выбрал относительно свободное место на широкой улице в одном из центральных кварталов, до которого не добрались снаряды, пущенные с "Вайо" и второго вспомогательного судна. До земли всего ничего, метров пятьдесят, а то и меньше. Стас, вцепившись обеими руками за края узкого шлюза, почувствовал, как заходится в бешеном ритме сердце. Как и большинство других оперативников "Уаджет" он превосходно овладел несложными навыками, необходимыми для спуска при помощи пневматического парашюта, но одно дело иметь за плечами опыт на виртуальном тренажере, каким бы реальным он не казался, и совершенно другое — сделать это сейчас. Этот прыжок будет коротким, но, без сомнения, волнительным.

— Пошли! — гаркнул в наушнике Вяземский.

"Дьявол", подумал Стас с замиранием сердца бросая руку на пояс и отталкиваясь ногами от пола, прыгая вперед. Клавиша активации парашюта была нажата им спустя лишь мгновение, как под ним осталось несколько десятков метров до грязно-серого дорожного покрытия.

Воздушный поток подхватил его почти сразу. Стасу удалось сохранить необходимое для безопасной посадки положение тела в падении, не закувыркавшись в воздухе. Спустя несколько секунд он выставил вперед ноги, почти что ощущая, как тает "заряд" парашюта, чтобы жестко ткнуться пятками в пыльное крошево, покрывающее улицы заброшенного города.

Он не успел прийти в себя, припадая на одно колено и отстегивая пояс парашюта, пока рядом с ним с шумом

приземлялись другие оперативники, как вновь ожил наушник:

— Внимание, третья колонна. Дождаться завершения высадки, начать развернутое наступление к центру города.

Стас узнал голос Вяземского. Бывший старший ведущий третьей грани теперь уже был полевым командиром третьей колонны "Уаджет", координатором. Карьерный скачок этому офицеру предсказывали уже давно, и он пришелся как раз на время конфликта с "Брахманом".

Вниз, из открытого шлюза транспорта уже спускались трайки, покачивающиеся в объятиях воздушных потоков своих парашютов. Стас перевел взгляд на дома улицы, где они высадились, опускаясь на колено и припадая к прицелу "романова". Врага не было видно, однако раскаты выстрелов из "Кавагути" доносились достаточно часто. Им отвечали орудия "москитов", и над головами десантников все гудело от множества винтов и бьющих вниз потоков воздуха. Не смотря на активность шустрых "Москитов", небо над головами оперативников расчерчивали белые следы все новых и новых ракет, сбитых противоракетными системами своих воздушных целей.

Стас чувствовал себя неважно. Он смутно осознал, что не хочет стрелять по людям, даже по вооруженным. Даже по тем, кто без малейших колебаний убьют его. Он вновь вспомнил, как несколько лет назад пристрелил безоружных людей, и даже сейчас вспоминая об этом, Стас содрогнулся всем телом. Он безумно испугался того, что сегодня, быть может, судьба вновь предоставит ему подобное испытание.

Стас хрипло вздохнул, стискивая пальцами штурмовую винтовку.

— Третья колонна — пошли!

Стрелки и гранатометчики засеменили вперед, держа оружие наготове. Стас переключился на канал связи со своими подчиненными, следовавшими за ним. Их шаги были неестественно тихими из-за внушительного слоя пыли и мелкого мусора, покрывавшего проезжую часть улицы. Ноги оперативников почти сразу до колен покрылись этой дрянью. Вокруг было бы пугающе тихо, если бы не шум завязавшихся боев первых групп, высадившихся в других местах, гулких выстрелах ракетных комплексов. Ветер до сих пор носил по пустым улицам обрывки полуистлевшей бумаги.

— Внимание, беспилотник обнаружил многочисленные цели внутри ближайших зданий. Сохранять…

Голос старшего ведущего утонул в первых выстрелах и разрывах. Стас метнулся в сторону, спасаясь за углом ближайшего дома, крикнув в микрофон своим, чтобы залегли и

не дергались. С балконов верхних этажей пятиэтажных зданий ударили гранатометы и вспыхнули желтые мерцающие языки огня со стволов автоматического оружия. Пули и гранаты били сверху в грязно-серое покрытие проезжей части и тротуаров, поднимая высокие фонтаны пыли, находя в этой густой завесе свои цели.

Стас, окутанный серыми клубами пыли, прижавшийся плечом и боком к стене и уперевшись в нее головой так, как если бы хотел проломить ее, стиснув зубы, думал лишь о том, что ему не хочется умирать в этот пасмурный день.

* * *

Начавшаяся пальба по высадившимся десантникам "Уаджет" расставила все точки, обозначив начало завершения этого конфликта. Никто не сомневался в поражении боевиков "Брахмана", вопрос был только во времени и количестве потерь. Судя по начавшемуся хаосу и ожесточенной перестрелке, сдаваться ветераны Второй экспедиции не желали.

Настя успела сделать лишь несколько шагов прочь от места своего приземления, как раздавшийся за ее спиной взрыв страшной силы заставил ее обернуться. Один из "Титанов", проводящих высадку десанта над соседнем перекрестке за небольшим кварталом, получил прямое попадание из "Кавагути". Передняя часть воздушного транспорта окуталось облаком огня и обломков, и винтокрыл, теряя переднюю пару элеронов со все еще вращающимися винтами, дрогнув, начал заваливаться носом вниз. Спустя несколько мгновений вторая белоснежная змея ракеты ударила в него еще раз и "Титан" взорвался окончательно, развалившись в воздухе на несколько крупных частей.

— Вторая грань! — прогремел в эфире голос Керчина. — Перегруппироваться! Многочисленные цели справа!..

Компьютер скафандра исправно передавал схематическую картинку районов Раапи, над которыми кружили беспилотные самолеты. Вокруг радиально расходящихся белых точек — своих — раз за разом проступали красные, обнаруживаемые и опознаваемые беспилотниками как противники.

"Их здесь десятки!"

Грохот автоматического оружия нарастал по мере того, как все новые и новые отряды "Уаджет" встречали сопротивление огромного количества боевиков противника. В бой вступили уже приземлившиеся трайки, и "Москиты", запоздало прибывшие к месту гибели транспорта, начали свою напряженную и опасную

работу, поливая огнем пулеметов крыши и балконы ближайших зданий. Рядом с Настей и другими оперативниками, бегущим к ближайшему зданию, с грохотом рухнул и разлетелся на куски фрагмент стены с оконной рамой, вышибленной очередью с одного из "Москитов".

Только сейчас Настя испытала страх. Это случилось не перед вылетом, ни во время высадки, и даже не в тот момент, когда загремели выстрелы и когда "Титан" взорвался. Именно сейчас, когда она прижалась к стене рядом с остальными оперативниками второй грани, когда они выиграли несколько мгновений до того, как старшие координаторы сориентируются в сложившейся обстановке и дадут приказы, когда только что начавшийся бои стремительно перетек в жаркое сражение.

"Я хочу домой", вдруг с ясной отчетливостью поняла Настя. Эта мысль в ее сознании была необычайно яркой и четкой, такой же, как и вспышка нового взрыва, прогремевшего в тусклом небе над их головами, где взорвался один из "Москитов", чьи системы противоракетной обороны не справились со своей задачей. Заворожено глядя, как объятый огнем корпус сбитой машины в окружении обломков падает вниз, Настя все еще думала о том, что больше не хочет служить в "Уаджет". Это решение начало медленно выкристаллизовываться в ней с тех самых пор, когда они противостояли танковому клину на восточных окраинах Фрактала две недели назад. Теперь оно созрело, и Настя вдруг поняла, почему.

Она хотела быть полезной, приобщившись к настоящему крестовому походу против Ткани. Вместо этого она получила все то, с чем она имело дело еще до вступления "Уаджет". Смерть людей от рук других людей, на фоне заката всей цивилизации. Теперь даже Фрактал со своими сказочными возможностями и аурой вселенской защищенности не сможет удержать ее. Настя поняла, что больше не хочет ничего этого. Она не желает убивать ни людей, ни Ткань. Она провела на службе в "Уаджет" всего лишь полгода, и этого было достаточно для окончательного вердикта. На самом деле, все это время она хотела лишь вернуться домой к человеку, который любил ее, и которого любила она.

Настя вспомнила встречу со Стасом, которую она назначила наследующий день после их возвращения из Пакистана, когда завершилась операция "Жара". Это было всего лишь девять дней назад, но Настя плохо помнила все детали из-за скверного настроя и бессонной ночи. Перед ее глазами появилось узкое лицо Стаса, и она вспомнила его слова.

"Мне тоже бывает страшно".

Настя тогда так и не смогла понять, что он имел в виду. Но теперь, кажется, она все поняла. Да, возможно, Стас был прав. Это очень страшно, жить в таком мире, как этот, но тот, кому удастся избавиться от страха, освободиться от вечного смятения, одиночества и потаенного, тревожного чувства недосказанности и лжи, которые сопутствовали Насте последние полгода.

На площадь обрушился дождь стальных дымящихся обломков, и Настя, моргнув, успела пригнуться за мгновение до того, как на самый центр открытого пространства рухнул сбитый "Москит". Со злобным рыком взрыва брызнули во все стороны обломки. Ударная волна опрокинула и оглушила многих, и когда Настя пришла в себя, она долго не могла отойти от произошедшего. Ей казалось, будто земля под ногами до сих пор дрожит от этого страшного удара и взрыва. Прижавшись спиной к стене дома, она, вслушивалась в эфир, в котором, к чести остальных членов второй грани, царил относительный порядок. Изредка кто-то ругался и отпускал недвусмысленные междометия относительно сложившейся ситуации. Кто-то, как заведенный, с паническими нотками в голосе беспрестанно звал врача.

— Вторая грань, полная готовность!

Настя поискала взглядом Керчина, и окуляры быстро "нашли" командира. Он в окружении нескольких оперативников замер, прижавшись к стене у широкого дверного проема, ведущего внутрь семиэтажного здания. Стекла пневматических дверей были выбиты внутрь полутемного холла ударной волной ядерного взрыва.

— Зачищаем это здание! Пошли!!

Оперативники бросились внутрь, убираясь прочь с опасных улиц, беззвучно ступая толстыми подошвами по резиновому покрытию и битому стеклу. Настя последовала за ними, и за ней двинулись те, кто оставался снаружи.

В холле этого здания царил полный беспорядок. Потемневшая от времени и пыли плитка была завалена мелким хламом, прозрачными пластиковыми листами какой-то документации. Темный слой пыли был явственно стоптан, уводя вперед своеобразной тропой, состоящей из следов тех, кто скрывался внутри этого сооружения. Настя успела увидеть далекую стойку администратора, второй этаж с полупрозрачными пластиковыми бортиками и давным-давно замершим эскалатором. Керчин, идущий впереди, выглянул направо, в то время как второй оперативник, идущий рядом с ним, поднял ногу и с шумом отпихнул с дороги тумбочку на колесиках. Густой и громкий звук, с которым она откатилась в сторону, подействовал словно сигнал: Настя увидела движение наверху, в сумраке

второго этажа, и как над бортиками вспыхнули яркие желтые цветы выстрелов вражеских винтовок. Оперативник, только что оттолкнувший тумбочку, опрокинулся на спину; Керчин мешком ткнулся в пол. Только что молчащий канал связи взорвался криками, и оперативники, стоящие следом за только что застреленной парой, как по команде вскинули винтовки и огрызнулись ответным огнем.

Думать было не когда — была пора стрелять. Настя, познавшая эту нехитрую мудрость еще во время службы в ополчении, вскинула "романов-70" наравне со всеми, нажимая на спусковую скобу и целясь в ярко-синюю полосу пластикового заграждения, проводя дулом по дуге…

Спустя несколько минут все было кончено. Оперативники, потерявшие в этом столкновении пятерых, прочесывали коридоры и комнаты первого этажа.

Боевики "Брахмана" были уничтожены. Настя, шагающая вглубь холла, видела несколько неподвижно замерших на полу фигур в черных боевых скафандрах. Их вид не заставил дрогнуть Настю, скорее всего из-за того, что их лица были закрыты черными щитками шлемов-сфер, и даже вид медленно расползающихся луж крови не смогли заставить ее содрогнуться.

Она остановилась перед телом убитого боевика, ничком лежащего у дверного косяка, изуродованного косой цепью черных пулевых отверстий. Взгляд Насти задержался лишь на одной детали из обмундирования этого убитого солдата, и ее вид заставил разом ожить самые теплые воспоминания и покончил со всеми сомнениями.

"Я вернусь. Да, я вернусь домой, сразу после того, как мы закончим здесь, на Мадагаскаре".

Мысль о том, что уже через неделю она сможет вернуться в Иркутск, вновь увидеть Сергея и родной дом заставила ее улыбнуться, почувствовать, как теплеет в груди от просыпающегося предвкушения от своего простого и тихого счастья. Больше не будет этого самообмана, больше не будет притворства. Все, что она хочет, это вновь вернуться домой и прожить с любимым человеком пусть и не спокойно в этом опасном и гибнущем мире, но хотя бы так, чем в призрачной погоне за призрачной надеждой спасения судеб других людей.

Настя, накинув ремень винтовки на плечо, наклонилась и отстегнула от мертвого тела кобуру с пистолетом "Вега" — той же моделью, которую ей когда-то подарил Сережа.

Больше не думая ни о чем постороннем, на бегу пристегивая ремни кобуры через плечи, она попыталась сосредоточиться на предстоящей работе. Если она и вправду хочет выбраться отсюда,

чтобы вернуться домой то ей предстоит закончить начатую тяжелую работу.

Как и всем остальным.

* * *

Наблюдать за действиями всей третьей колонны второй формации из бронированной капсулы-кабины командного трайка "Велоцираптор" было удобно и относительно безопасно. Оба беспилотника передавали четкие картинки и данные наблюдательной специальной аппаратуры на внешние антенны трайка, и по этой информации можно было легко судить о ходе развития событий. Обычное автоматическое оружие не могло пробить броню трайка, и пока что единственную угрозу для водителя представляли лишь вооруженные "Кавагути" гранатометчики противника, коих здесь на начало боевого столкновения оказалось достаточно много.

Впрочем, уже сейчас даже эта угроза сошла на нет. Сражение, завязавшееся в центральных районах Раапи несколько часов назад, уже завершилось, и сейчас опасность на поверхности могли представить лишь заминированные улицы и здания. Чуткая аппаратура на борту обеих беспилотных самолетов позволяла выявить все опасные зоны города, которых следовало лишь избегать, благо, что первая фаза операции "Серебряный жук" была завершена. Основные силы "Брахмана" на поверхности были уничтожены, и теперь силы "Уаджет" начали стягиваться к северным окраинам Раапи. Именно там беспилотники зафиксировали необычные всплески энергии, идущие из-под земли.

"Бункер и ракетная шахта. Моканди где-то там".

Александр Вяземский, координатор третьей колонны, думал о том, что им еще предстоит сделать. Его подразделение успешно справилось с поставленной задачей, понеся потери, несколько превысившие предполагаемые штабистами при разработке плана операции. Двадцать семь человек убитыми, еще двадцать тяжело ранены и уже доставлены в госпиталь на борту "Серафима". И это еще было не так уж много — первой и второй колоннам так же сегодня здорово досталось.

Вяземский понимал то к чему, и он видел, насколько опасным противником для них оказались хорошо вооруженные и подготовленные люди. "Брахману" не хватило элементарной огневой мощи: не один он содрогнулся от мысли о том, что было бы, обладай Моканди современными образцами техники.

Огромную проблему доставили лишь его ветераны Второй экспедиции, выкурить из укрепленных сооружений Раапи подчас оказалось непросто.

Трайк Вяземского замер посреди улицы, нетронутой жарким боем. Здесь он пребывал последний час операции, заправляя всеми делами третьей колонны. Александр был и на самом острие атаки, и был вынужден отступить лишь после пятого, предпоследнего залпа легких ракет трайка. Навряд ли с "Серафима" в ближайшее время будут высланы винтокрылы снабжения для доставки боеприпасов на поле боя, и последний залп Вяземский решил приберечь на всякий случай.

Александр, откинувшись на спинку высокого и удобного кресла, наблюдал за видеосъемкой, ведущейся и транслируемой с беспилотных самолетов и камер, встроенных в окуляры старших ведущих. Он впервые участвовал в роли командира целой колонны — более трехсот человек — и единственное, о чем он сейчас смутно сожалел было осознание того, что он впервые командует крупным подразделением в операции против людей, а не против Ткани. Вяземскому нравилось работать полевым командиром "Уаджет"; теперь ему не придется наравне с остальными старшими ведущими и оперативниками таскаться в боевом скафандре по полю боя, и маловероятно, что он когда-нибудь выступит на поле боя в чем-то ином, чем стандартный черный мундир офицера "Уаджет", с кроваво-красными погонами. Сейчас же он в любой момент мог переключиться на любую из камер обычных ведущих и оперативников всей третьей колонны, чтобы оценить обстановку "глазами очевидцев". Пока в этом не было необходимости, и Александр ожидал завершения маневров, одновременно с этим прослушивая эфир в ожидании новых распоряжений и команд, которые могли прийти с "Серафима".

Суперсамолет все это время кружил на значительном удалении от города, держась на небольшой высоте. Раз за разом "Серафим" описывал круг, двигаясь удивительно беззвучно и неторопливо для своих размеров, словно исполинская птица, выискивающая добычу в этих землях. Александр мог наблюдать его через камеры наружного наблюдения. Снаружи значительно потеплело, и день медленно перетекал в вечер. Солнце, выглянувшее из-за низких туч, смотрело вниз больным, воспаленным оранжевым глазом, заставив вытянуться многочисленные щербатые и уродливые тени.

В мутное небо над городом поднимались дымные столбы редких пожаров. Нечего и говорить, сегодня "Уаджет" и "Брахман" хорошенько прошлись по Раапи всем, чем располагали в плане вооружений.

"Это никого не волнует. Когда мы закончим с "Брахманом", то уйдем отсюда, и Мадагаскар еще на десятилетия останется незаселенным".

Александр переключил изображения камер, вновь сосредоточившись на данных телеметрии беспилотных самолетов. Судя по ним, основная часть пехотных соединений "Уаджет" под прикрытием воздушных сил, уже выбралась на окраины Раапи. В городе остались незначительные силы; несколько маленьких подразделений, в том числе несколько "Красных львов" и трайков. Операция "Серебряный жук" медленно но верно перетекала во вторую фазу: обнаружение входа в бункер Моканди, поиск и нейтрализацию экс-маршала и блокирование его чудо-оружия.

Александр сильно сомневался в том, что Моканди обладает подобной штукой, как баллистическая ракета с капсулами, наполненными Тканью. Тем не менее он ничуть не спорил с тем доводом, что с Моканди и его преступной группировкой нужно было покончить здесь и сегодня.

— Внимание, обнаружен вероятный противник, — ожил передатчик. — Двенадцать штурмовиков класса "Меркурий", без опознавательных маяков, идут с юго-запада…

— Обнаружен вход в бункер, передаем координаты, — доложился второй оператор с "Серафима".

Вяземский тихо выругался. Нет хорошей новости без плохой. Он ожидал, что разведка еще провозится с обнаружением замаскированного входа в бункер, но и сюрприз в виде прибывшего воздушного подкрепления несколько озадачил Александра, рассчитывавшего на то, что сегодня с них хватит.

Он посмотрел на экран радара. Вне всяких сомнений, эти красные точки на синем поле, идущие в сторону белых, собравшихся в самом центре, и есть те самые "Меркурии". Беспилотники услужливо указали на карте региона месторасположение обнаруженного входа в бункер. Разведка не ошиблась — это был север Раапи, и те самые зловещие импульсы, идущие из-под земли, шли именно отсюда.

Вяземский завел двигатель трайка и вновь посмотрел на показания радара. Навстречу самолетам противника уже выдвинулись "Шершни".

"Похоже, идут из Южной Африки", подумал Александр о подкреплении противника, сжимая пальцы на руле трайка. Стоило подойти поближе к месту, обозначенному как месторасположение входа в подземное укрепление Моканди. В конце концов, именно его колонна в эти минуты занимается бункером "Брахмана".

Трайк лихо развернулся на неширокой улице, и Вяземский

направил его в сторону северо-западных окраин Раапи. С камер беспилотников можно было видеть, что там пролегает старая дорога, по которой можно было бы быстро обогнуть север города, в котором было предостаточно опасных заминированных участков. Вздымая широкий шлейф пыли и мелкого мусора, трайк быстро покатил по пустынным улицам города. Его ободья высоких и узких колес ярко сияли в лучах солнца.

В воздухе завязался бой. В своей самоубийственной атаке штурмовики противника явно хотели прорваться к "Серафиму", но "Шершни" обрушили на них шквальный огонь своих орудий, избавляясь от последний ракет, неизрасходованных в ходе первой фазы операции. Даже через броню Вяземский слышал гулкие и мощные удары взрывов, гремящих в воздухе.

"Велоцираптор" выскочил за пределы города и взмыл по крутому короткому подъему на дорожное покрытие. Мягко качнувшись на своих высоких вилках-амортизаторах, трайк круто развернулся, отбросив прочь ржавый полусгнивший остов автомобиля. Александр скептически поджал губы, мысленно обругав себя за невнимательность: только сейчас он понял, что здесь он не сумеет прокатиться с ветерком. Тут и там на дороге виднелись брошенные автомобили, однако эта дорога была самым безопасным и коротким путем на северные окраины города. Трайк, так и не сумев набрать приличную скорость, теперь аккуратно лавировал между остовами техники. Вяземский не решился ехать напролом и брать их всех на таран, опасаясь повредить переднее колесо и системы управления.

"Ну вот и все. От силы еще пара часов, и можно будет уматывать с этого долбанного острова. Остальным пусть занимаются спецы".

Под "остальным" Александр понимал информационные носители подземного штаба Моканди, а так же пресловутую баллистическую ракету. Их работа, как работа военных, пусть и не специализирующихся на обычной войне, почти закончена. Думая о скором возвращении во Фрактал, Вяземский чувствовал себя спокойней и увереннее. Его, как командира, беспокоила судьба подопечных ему людей, и время, оставшееся до завершения операции "Серебряный жук", которой они поставят жирную точку в этом конфликте, он воспринимал с острой болезненностью и нервным, нетерпеливым беспокойством.

Трайк взобрался по пологому склону на взгорье и здесь Александр свернул направо. Здесь раскинулся огромный пустырь, в центре которого раскинулись многочисленные нагромождения остатков домов и остовы самой разнообразной техники. Вяземский смог различить крупные фрагменты огромных

грузовых самолетов, а так же некоторых машин, явно имевших отношение к военной технике, но он так и не смог узнать в них что-либо конкретное.

Вход в бункер Моканди располагался где-то здесь.

Александр сбросил скорость и остановился, когда до развалин осталась пара десятков метров. Здесь было полно оперативников из его колонны, однако сам Вяземский, давший приказ на начало проникновения в бункер еще двадцать минут назад, не видел никакого смысла отправлять вниз всех подопечных. Большая часть из них будет ожидать здесь, готовая прийти на помощь и оказать поддержку тем, кто уже вел бой с последними защитниками Моканди. Все, что оставалось Александру сейчас, так это следить за развитием событий и контролировать ситуацию здесь, наверху. Завершение операции он встретит на этом месте.

Вяземский, слушая переговоры оперативников по связи, усмехнулся.

"Завершение операции… Как же я жду его".

— Всем старшим ведущим с первую по пятую грань — рапорт, — проговорил он в бусину микрофона, поворачиваясь в сторону экранов, на которые транслировались картинки с камер окуляров оперативников. Слушая короткие доклады, Александр откинулся на спинку кресла. Кажется, его подчиненные, ввязавшиеся в бой с последними силами "Брахмана" все понимают лучше него самого. Как опытный командир он понимал, что сейчас не стоит им мешать. Окончательный разгром "Брахмана" ознаменует нечто большее, чем просто победу над преступным бандформированием. Это будет началом нового времени и новой жизни, и до этого момента оставалось совсем немного времени. Александр чувствовал, что те, кто закончит этот конфликт, и сделают последние выстрелы по последним врагам "Уаджет", понимают это лучше всех.

* * *

Стас нырнул за угол, спасаясь от беглого огня, который велся из противоположной части коридора. В те мгновения, когда он пребывал на открытом месте, краем глаза он уловил мерцающие огненные вспышки-цветки, изрыгающие в его сторону невидимую тупоносую смерть. Он вжался спиной и плечом в стену, жадно хватая ртом воздух и невольно вздрагивая каждый раз, когда пули били в стену рядом с ним. Сердце бешено билось где-то под кадыком.

Этот проклятый бункер был гораздо больше, чем Стас себе представлял.

Сразу три грани третьей колонны начали вторжение в подземное укрепление Моканди. До этого им и так пришлось не сладко: тяжелый бой в городских условиях даже с немногочисленным и относительно плохо вооруженным противником вывел из строя многих. Те, кому на сегодня посчастливилось не поймать свои заветные порции свинца, были на пределе. Это сражение чересчур затянулось, но сменить уставших и выдохшихся оперативников было некому. При этом командование не хотело давать поблажек оставшимся боевикам и их лидеру, опасаясь если не запуска ракеты, то успешной попытки бегства бывшего маршала. Поэтому почти сразу же после завершения уличных боев изрядно потрепанную третью колонну бросили на север, на кладбище техники, где в одном из насквозь прогнивших остовов огромного транспортного самолета располагался вход в подземное укрепление.

Подрывникам пришлось повозиться, чтобы вскрыть огромную дверь укрепления, и позже они потеряли еще несколько драгоценных минут, пока пара инженеров не вырубила первоначальные системы защиты. По крайней мере, они что-то сделали с ней, и Стас, глядя на всю эту возню, даже не хотел думать о том, что будет, если они ошибутся.

У "Брахмана" были сомнительные шансы на победу в открытом столкновении даже на начало операции. Сейчас же, когда основная часть обороняющихся была уже перебита, Стас невольно задумывался о том, что если у Моканди есть сюрприз для "Уаджет", то время, когда его предстояло ввести в игру было на подходе. Боевики противника не собирались сдаваться; даже здесь, прижатые к своим огневым рубежам, они отстреливались уверенно и спокойно, словно бы перевес был полностью на их стороне. Они продолжали держаться, не смотря на довольно успешное подавление сопротивления и быстрое продвижение оперативников по коридорам и уровням подземного комплекса.

"Они знают, что им не уйти", думал Стас, "для них это последнее сражение… Почему никто из них не сдался?"

Возможно, это было не так, и кого-то все же удалось взять в плен еще во время сражения в городе. Даже если и так, Стас подозревал, что пленных будет мало.

Его грань была здесь же, и пока Стас делал все, чтобы эти пятеро не лезли на рожон и держались поближе к нему. Он не думал, что будет сильно переживать, если кого-нибудь из них подстрелят, но внутренний голос упрямо твердил свое: следи за этими клоунами, не допусти, чтобы кто-нибудь не пережил

сегодняшний безумный день…

"На сегодня уже и так предостаточно трупов".

Первая, вторая и третья грань рассредоточилась по первым трем уровням подземного комплекса. Сколько подземных этажей было в этом бункере никто не знал, и Стас предполагал, что начало вторжения в бункер лишь только начало главного противостояния с обороняющимися боевиками.

"Здесь их лидер".

Мысль о том, что Моканди где-то здесь пугала Стаса, и он не мог понять почему. Этот человек стал причиной многих бедствий, он задумал воплотить в жизнь нечто ужасное, и теперь Стас невольно испытывал страх к этому человеку. Тот, кто столь спокойно и решительно положил на кон свою жизнь, и жизни других людей лишь для того, чтобы выполнить задуманное, привести в действие давно подготавливаемый план не мог вызвать у него каких-либо иных эмоций.

"Расслабься. Он уже наверняка пустил себе пулю в лоб".

Они продолжили штурм, продвигаясь вперед медленно и зачастую надолго застревая на одном участке, силясь подавить сопротивление противника. Шаг за шагом они продолжали двигаться дальше, оставляя за собой залы и коридоры с изуродованными пулями стенами и разбитой аппаратурой, а так же неподвижные тела в легких черных скафандрах. Иногда среди них оставались и тела в белых скафандрах оперативников "Уаджет".

Спустя двадцать минут ожесточенной перестрелки все утихло. Стас сдернул с потного лица маску, всматриваясь вперед. Последние двое боевиков, застреленные несколько секунд назад, лежали на небольшом перекрестке.

— Продвигаемся дальше, — скомандовал старший ведущий, и два десятка оперативников, многие из которых так же избавились от масок-капюшонов, выдвинулись вперед. Кажется, они добрались до последних помещений на этом уровне.

Пока старший ведущий отдавал распоряжения, разделив их отряд на несколько групп, Стас бросил взгляд на Лешу и Настю. Эти двое так же сняли свои маски, и выглядели они смертельно уставшими.

"Сам я, должно быть, не лучше".

Леша, тяжело привалившийся плечом к стене, ответил мрачным загнанным взглядом исподлобья, к котором не было ничего, кроме тупой усталости. Стасу стало не по себе от этого взгляда, и он с трудом ободряющее улыбнулся ему, поспешно переведя взгляд на Настю. Она где-то разжилась трофеем: Стас, разглядывающий пистолет в кобуре, крепящийся на портупее на

уровне диафрагмы, не мог припомнить, чтобы оперативники ходили с таким оружием. Пистолет "Вега" не отличался хорошей убойностью, хотя целиком и полностью подходил для боя в городских условиях, или для личной самообороны.

— Кавелин!..

Стас вздрогнул.

-..Ты, Юргин, Малышев, Андреева и Кудрявцев — в ту сторону! — старший ведущий ткнул рукой в сторону коридора, уводящего направо.

Стас кивнул. Он не совсем понял замысла старшего, решившего делить звенья разных подразделений. Вместе с ним в обозначенном направлении должны были пойти двое из его звена и двое из второй грани.

— Пошли, — глухо проговорил он, и оперативники выдвинулись вперед. Позади старший ведущий отдавал последние распоряжения, судя по которым, большой отряд был теперь разделен на несколько маленьких, каждый из которых должен был выдвинуться в разном направлении и завершить работу на этом уровне.

Стас мысленно кивнул сам себе. Здесь все было просто, есть враг и есть оружие, при помощи которого этого самого врага нужно уничтожить. Он прекрасно понимал всю ясность и доступность того, что происходило на каждом поле боя, вне зависимости от времени, места и условий сражения: так было и так будет всегда.

В этом ответвлении было подозрительно тихо. Позади загремели выстрелы завязавшихся перестрелок с оставшимися боевиками, и акустика этих коридоров усиливала звуки боя, делая их неестественно громкими и при этом глухими. Стас, быстро переступая полусогнутыми ногами, припавший к прицелу своей винтовки, чувствовал, как волнение берет свое. Ему казалось, будто с каждым шагом он и вверенные ему люди идут в уготованную ловушку.

Коридор стал значительно шире, и Стас не заметил, как темные стальные стены вдруг резко сменились белым пластиком. От его напряженного внимания, сконцентрированного лишь на готовности убить любого человека в черном скафандре, появившегося в его прицеле, ускользнул момент "перехода". Теперь же белым было вокруг практически все, стены, пол и потолок. При виде этого он поежился от возникшей у него ассоциации с внутренним обустройством "Панциря мира".

Впереди послышались негромкие голоса и Стас, шедший впереди небольшого отряда в паре с одним из оперативников-стрелков из своего звена замер на месте, подав знак рукой

остальным немедленно остановиться.

— Кавелин, обнаружен враг, — тихо проговорил он в бусину микрофона. Ему никто не ответил, и судя по этому молчанию и грохоту оружия, докатывающемся до них, ввязавшимся в бой оперативникам было не до него. Стас и его отряд ушли вперед на совсем небольшое расстояние от того "перекрестка", где старший ведущий начал делить их группу. Здесь нечего было рассчитывать на подкрепление, и справляться придется самим.

Стас быстро обернулся и окинул взглядом лица тех, с кем он пришел сюда. Поймав тревожный взгляд Насти, он поспешно отвернулся, дав рукой сигнал, который мог означать лишь одно — "ищем и уничтожаем".

"Мы ведь за этим сюда и пришли, верно?.."

Они свернули за угол и так же быстро и бесшумно ступая, бросились в открытый широкий дверной проем, откуда доносились приглушенные голоса. Судя по все тому же обилию белого пластика, в душу Стаса в самый последний момент закралась мысль о том, что больше всего этот блок подземного уровня, равно как и этот зал, в который они ворвались, больше всего похож на центр управления.

Загремели первые выстрелы — Стас успел увидеть несколько фигур в черных скафандрах и мундирах. Он нажал на спусковую скобу, и его короткая очередь срезала вражеского офицера, стоящего у стены перед терминалом. Следом он ощутил удар в правую руку, и окружающая его реальность утонула в всплеске немыслимой боли, которая, пыхнув в глазах сверхновой, тут же погасла. Оглушенный Стас пошатнулся, когда белый цвет пластиковых покрытий на какой-то миг плеснул ему в глаза. Он мельком посмотрел вниз и увидел, как неестественно медленно падает рука в бежевом, плотно обтягивающем рукаве и перчатке; как все еще стреляет штурмовая винтовка, рукоять которой обхватили пальцы этой руки, и как брызжет невероятно красная кровь с рваной раны, в обрамлении белых и красных лоскутов крови и ткани скафандра.

"Моя рука"…

Стас чувствовал, как начинает неуловимо быстро проваливаться в белое марево, исходящее откуда-то извне, словно бы кто-то прибавил света в лампах. В следующий миг стремительно подкатывающее забвение, словно прибой погасило все его чувства, подобно мощной волне, сметающей слабый огонь костра с берега, и боль угасла. Белый цвет померк, уступив место глубокой тьме.

* * *

— Достаточно, господа, — негромко проговорил Моканди, когда все было кончено. — Кажется, мы сделали все, что было в наших силах.

К завершению короткой перестрелки с оперативниками "Уаджет" в зале остались лишь Диир, Судзуки и еще один офицер. Остальные боевики, защищавшие этот зал, были перебиты или серьезно ранены.

"Они уже совсем близко".

Моканди ощущал, как его бьет легкая нервная дрожь. Все началось и закончилось так быстро, что запоздалый страх бывший маршал ощутил только сейчас. Он не шелохнулся, в то время как люди убивали друг друга, отчасти потрясенный происходящим. Несколько пуль ударило в пластик стены совсем рядом с ним.

"Что было бы, если они попали в меня?"

Пожалуй, это уже не имело никакого значения. Судя по раскатистым выстрелам, докатывающимся до этого зала из глубин уровня, штурмующие бункер группы оперативников "Уаджет" вступили в бой с последними обороняющимися силами "Брахмана".

Моканди опустил голову и прерывисто вздохнул. Он принес в жертву все, что у него было, но и теперь он не был намерен отступать. Пора было положить конец этому побоищу, и последним приказом дать начало новой эре человечества.

— Господин маршал, — Судзуки, окинув взглядом тела на полу, повернулся к Моканди, сжимая в руках крупнокалиберную винтовку.

— Господин маршал, здесь становится небезопасно. Пора уходить, пока не поздно.

— Да, Тацуми. Время вышло.

Моканди выпрямился и расправил плечи. Взглянув в глаза своему капитану, который до последнего остался верен своему командиру, Диир отвернулся к терминалу.

"Итак, "Махат". Осталась только эта она".

Ракета была готова к своему триумфальному полету уже как час — полностью заслуга технической группы "Брахмана", ведущей свою работу даже в таких условиях. Капсулы, наполненные Тканью, ждали своего часа. Через полчаса они найдут свои цели над территорией Конфедерации Содружества.

Однако Моканди тянул с запуском до последнего. Возможно, он все еще сомневался в возможностях "Щита Хакасу", установленного на "Махат". Эти сомнения взошли в его душе только сегодня, и ему было смешно. Его базы и техника были экранированы этими чудесными генераторами, и ни разу не подвели за все десять лет существования "Брахмана". Но теперь,

когда развязка была близка, сомнения и страх пожирали остатки былой непреклонности и выдержки. Что будет, если ракету сумеют перехватить на низкой орбите? Страх за гибель своего детища не отпускал Моканди, и он так и не решился дать команду на запуск сразу же, как получил последний рапорт от техников. Трудно рисковать воплощением своей мечты и всего смысла жизни, но бывший маршал понимал, что это нужно сделать. Пусть даже его и ждет провал — сам факт старта "Махат" будет его победой, будет его вызовом всем этим людям, которые сегодня пришли сюда за ним и его последователями.

Моканди щелкнул тумблером, поднимая взгляд на широкий терминал перед собой — канал связи был открыт. Пора было сделать то, ради чего он погибли его солдаты. Если он позволит страху побороть себя в последний момент, он предаст их всех.

"Я не предатель".

— Приступить к запуску.

Где-то совсем недалеко, за большим количеством толстых перегородок и грунта ожили двигатели "Махат". Моканди не видел и не слышал этого, но он буквально почувствовал, как ожила эта ракета, до сих пор спящая в своем надежном подземном коконе из стали, как от ее блестящего корпуса отсоединяются шланги и фермы, и как приходят в движение механизмы, которые должны были в считанные секунды открыть шахту. Безликое нечто, заключенное в пять десятков небольших капсул, очень скоро обретет свою свободу. Подумав об этом, Моканди улыбнулся.

Спустя несколько секунд после того, как он отдал приказ, послышался нарастающий гул. Пол под ногами едва заметно завибрировал, и все подземное укрепление задрожало от пришедших в действие двигателей ракеты.

— Господин маршал, пора, — торопил Судзуки.

Моканди промолчал. И что теперь? Совсем неподалеку есть пятикилометровый туннель, где автоматизированный вагон доставит его и всех, кто уцелел, на спрятанный под землей аэродром. Скоростной самолет с генератором "Щита Хакасу" сможет оторваться от любого преследования — и Моканди думал, что сейчас "Уаджет" и думать забудет о нем, когда у них прямо перед носом произведет взлет баллистическая ракета. Но что же потом? Куда ему лететь, где скрываться? За эти несколько дней он потерял почти все, над чем работал все эти годы. На этой планете у него нет никакого убежища, и все те, кого он мог бы назвать своим другом, уже мертвы.

"Кажется, мой единственный выход — развернуть самолет на север и лететь до ближайшего Сада Ткани".

Моканди невесело усмехнулся. Да, возможно, это было бы прекрасным решением. Просто добраться до разросшихся кластеров Ткани и покончить с существованием в этой оболочке, в этом виде и этой форме, которую бывший маршал ненавидел всей душой.

Он вспомнил свою резиденцию на берегу Индийского океана, вспомнил серый, пустынный пляж и мрачный океан под тяжелым и низким небом, лишенным солнца. Он жил в том доме на протяжении нескольких лет, думая о том, как "Брахман" набирает силы, готовясь воплотить в жизнь его мечту о полном объединении человечества внутри Ткани, которая хочет совершить это, но не может сказать об этом.

Что ж, он, бывший маршал Азиатской Конфедерации Содружества, сделал все, чтобы помочь ей в этом.

До взлета ракеты остались считанные мгновения. Моканди понимал, что не сможет уйти отсюда, пока не убедиться в том, что "Махат" покинула шахту и устремилась вверх, положив начало новой эре.

* * *

Он возвращался. Медленно, но верно, пока еще даже не в силах осознать то, что все еще жив. Скорлупа тьмы вокруг него бесшумно трескалась и ломалась, неохотно освобождая разум, освобождая и возвращая его.

Стас чувствовал, что замерзает. Ощущение знобящего холода, пока еще легкого было первым, что он почувствовал, но именно поэтому этот холод показался обжигающим. Кроме холода была и смертельная усталость, разливающаяся по всему телу от правой руки, которую он уже не чувствовал.

Тьма под веками растворилась, и забрезжил мутный бежевый свет. Звуки были вторым, что пробудилось в этом белоснежном мареве. Стас слышал нарастающий гул, зародившийся где-то извне, где-то глубоко, где-то внутри. Он не мог понять, что он слышит и чувствует, и это было неважным. Сейчас им владел лишь смертельная река холода. В наушнике кто-то надрывно орал, почти что панически, что-то требуя, нечто, что было необходимо сделать прямо сейчас. Смысл слов ускользал от Стаса.

"Как холодно"…

Он открыл глаза, слепо уставившись в потолок над собой. Его мысли сейчас занимал лишь один вопрос — он жив? Он все еще жив? Связать воедино тот факт, что он лежит на пластиковом

полу одного из штабных помещений подземного бункера и то, что он все еще способен мыслить, никак не получалось. Связь с окружающей реальностью была слабой, и в какой-то миг Стас понял, что это вообще невероятно, что ему удалось прийти в себя. Вместе с этим он никак не мог понять, что произошло. Заглушенная, тупая и дергающая боль в правой руке — отстреленной руке — и этот страшный мороз, пожирающий его вместе с тем, как кровь покидала его тело, говорили ему лишь о том, что спасения не будет. Через несколько минут для него все будет кончено.

Стас тяжело и прерывисто вздохнул, перекатив голову в другую сторону. Он тут же обмер, наткнувшись взглядом на Настю.

Она лежала совсем рядом. Брызги крови обильно покрывали ее бежевый скафандр, но Стас не видел, куда в нее попали. Он мог смотреть лишь в ее лицо, которое частично скрывали светлые прямые волосы. Разметавшиеся по ее лицу, их кончики были беспорядочно разметаны по полу, тонув в темно-красной крови. Стас был ослеплен этим зрелищем. Он даже не мог представить, что вокруг них столько крови, яркой, всепоглощающей на этом пронзительно белом фоне. Он смотрел в ее темно-зеленые глаза, все еще открытые, еще не подернувшиеся страшной стеклянной дымкой, разом превращающей лицо в кукольную посмертную маску. Нет, этого не было — пока что. Ее лицо все еще было живым, и ее немигающий взгляд был прикован лишь только к нему.

— Настя, — позвал Стас, так и не поняв, назвал ли он ее имя или же ему это только почудилось, чувствуя, что начинает проваливаться куда-то вниз. Он не мог точно описать свои чувства, и здесь и вправду подходило лишь одно определение: падение куда-то вниз, столь глубоко, что возвращение навряд ли будет иметь место. И Стас испугался; испугался только сейчас, только ощутил приближение этой титанической, немыслимо огромной черной волны, зародившейся в его сознании, готовой поглотить его. Он понял, что сейчас умрет.

Страх вернул ему силы и ясность ума. Окружающая реальность буквально обрушилась на него невидимым потолком, но Стас понимал, что это ненадолго. Он почувствовал мелкую дрожь пола, услышал ясно и четко гул и нарастающий рокот, услышал голоса людей, стоящих где-то впереди.

Взгляд Стаса заметался по лежащей рядом с ним Настей, и замер, наткнувшись на пистолет в ее нагрудной кобуре. Почти не осознавая того, что он делает, Стас протянул к ней левую руку.

Кобура расстегнулась легко и быстро, однако взять "Вегу" как

полагается, действуя одними лишь пальцами левой руки было крайне неудобно. Стас попытался оттолкнуться уже несуществующей рукой от пола, но ему удалось лишь чуть-чуть приподняться, оторвав от пола плечи и голову. Если бы присутствующие в этом зале люди смотрели в его сторону, они бы давно убили его.

Первая пуля врезалась в спину боевика с винтовкой в руках, бросив его вперед. Второй боевик стремительно обернулся к Стасу, и вторая пуля с убийственной точностью угодила ему промеж глаз. Брызнув кровью, офицер кулем обрушился на пол.

Стас оглох ослеп от выстрелов. На какой-то миг он потерял последнюю цель, безоружную, в отличие от остальных, одетую не в черные скафандры, а в серый мундир. Он моргнул и вгляделся вперед, не опуская пистолет.

Моканди смотрел прямо на него. Стас не знал, сколько метров их разделяет — шесть? семь? — но сейчас он видел только лишь его лицо, его глаза, так, если бы этот сухощавый мелкорослый старик стоял сейчас прямо перед ним. Стас не увидел на этом лице ни страха, ни сомнений — только задумчивое спокойствие, граничащее с величественной мудростью. Он мгновенно вспомнил лицо маршала, которое видел на фотографиях. Оно было более молодым, но этот взгляд черных глаз еще тогда был все таким же проницательным, смотрящим вглубь, насквозь, навылет.

Стас вспомнил и другое. Безоружные люди, которых он застрелил несколько лет назад. Этот образ вернулся и сейчас, и вместе с видом спокойно стоящего у стены маршала, когда вокруг начинало твориться нечто зловещее, чудовищное, произвел на Стаса подавляющее впечатление. Ледяной панический ужас пронзил его, как игла пронзает насекомое. Человек, стоящий перед ним, не боялся смерти ни сейчас, ни когда-либо ранее. Моканди действительно знал нечто такое, что возвышало его над всем происходящим вокруг.

На лице старого маршала сохранялось все то же спокойное выражение, когда он поднял руку с пистолетом. За какое-то мгновение до того, как он нажал на спусковую скобу, Стасу почудилось, будто старик едва заметно улыбнулся ему, спокойно и ободряюще.

Он все прекрасно понимал.

"Вега" в руке Стаса оглушительно, злобно грохнула, с ревом послав пулю вперед. Мундир на груди бывшего маршала взорвался кровавыми брызгами. Он выронил пистолет, сделав два шага назад, упал спиной на стену и сполз вниз, оставив на белом пластике кровавую кляксу и размазанный след. Его ноги

разъехались и маршал, тяжело усевшись, уронил голову на грудь и опрокинулся на бок.

Стас бессильно откинулся на спину, хватая ртом обжигающе горячий воздух. Перед глазами поплыли безобразные амебы, и он, закрыв глаза, понял, что ему остается совсем немного. Сейчас он хотел, чтобы все поскорее закончилось, чтобы стихли этот рев и грохот, чтобы утихла дрожь, и чтобы вернулась тьма, тишина и спокойствие.

"Я ведь не о многом прошу", шевельнулась в его сознании мысль, и Стас вымученно улыбнулся. Чувствуя, как его бьет озноб, он перекатил голову налево, чтобы еще раз увидеть лицо Насти, и чтобы понять, жива ли она еще. Однако он так и не увидел ее. Белое марево вновь вернулось, и это было верным признаком конца. Или нового забытья, из которого он уже навряд ли очнется.

Вновь ожил наушник, и знакомый, но так и не узнанный Стасом голос прокричал:

— Кавелин! Стас, где ты?!

"Поздно. Уже поздно. Проваливайте-ка отсюда, пока можете", подумал он. Стас вполне мог бы сказать это, но он уже ничего не хотел. Он медленно шел на глубину невероятного бежевого моря беспамятства, и с каждой секундой эти воды темнели.

"..Пока можете".

* * *

-..Мощный выброс энергии в точке Квадра-один-двадцать пять! — выкрикнул один из операторов.

— Обнаружен запуск ракеты! — подтвердила тактический офицер.

Капитан "Серафима", бросивший быстрый взгляд на Кириченко, вздрогнул от увиденного зрелища. На лице главнокомандующего застыло тупое выражение шока. Он неподвижно сидел на своем месте, сцепив перед собой руки в белых перчатках, и его взгляд, направленный вперед, не выражал ровным счетом ничего.

"Господи. Он все же сделал это. Он запустил свою чертову проклятую ракету!"

Главнокомандующий зажмурился, стискивая зубы и пальцы. Он не понимал, как и почему это произошло. Он и его люди прибыли сюда, на край света, чтобы сказать своими действиями этому безумцу — остановись. Они не раз отправляли по каналам связи призывы сдаваться.

Никто не внял и не ответил. Пленных боевиков крайне мало, все остальные предпочли погибнуть за своего безумного маршала, а это значило, погибнуть за его идею, воплощенную в этом проекте. И теперь он обрел свою жизнь. Вот же она, ракета, то, над чем работал этот сумасшедший! Где-то там, внизу, шахта уже открылась и сейчас они своими глазами увидят ее.

"Во что же они верили? В Моканди? Его слова, призывы? Почему? Зачем?"

Над землей появилась черная точка, под которой ослепительно вспыхнула ярко-белая искра. Оставляя за собой белый, медленно тающий инверсионный след, "Махат" бесшумно и изящно выскользнула из своей шахты и начала стремительно набирать высоту.

Кириченко, Морозов и остальные могли видеть это через широкие панорамные окна рубки управления. Черное, вытянутое тело "Махат", перечеркивающее белым следом темно-оранжевое вечернее небо, притягивало взгляды, заставляя забыть обо всем. Оторваться от этого воистину страшного зрелища было сложно.

— Подготовить турель к залпу, огонь по моей команде, — не отрывая взгляда от уходящей вверх ракеты, глухо проговорил Кириченко.

— Готовность через десять секунд! — отозвался оператор-канонир, с бесстрастным выражением лица повернувшись к своему терминалу.

— Срочное отступление. Всем воздушным единицам вернуться на борт "Серафима". Сколько наших сил еще в Раапи?

— Семь единиц легкой техники и третья колонна, товарищ главнокомандующий.

— Срочно транспорты туда, живо! Подобрать всех! — в голосе Кириченко послышались панические нотки отчаяния.

Морозов понял, что так испугало Кириченко, и от этой догадки его прошиб ледяной пот, и воротник кителя показался ему удавкой. Нет, сам запуск ракеты был не так страшен, как последствия ее уничтожения. Ведь если верить докладам разведки, в капсулах, что несет "Махат", жидкая Ткань, самая опасная форма этого организма. На побережье после ядерного взрыва повышенный фон, и если сбитая ракета рухнет обратно, Ткань, подкормленная радиацией, сожрет все на восточном побережье Мадагаскара в считанные секунды. К ночи здесь будет полноценный кластер, новый Сад Ткани.

Морозов сглотнул, глядя за взлетом ракеты. Позади него Кириченко уже почти что едва сдерживал себя в руках. Экипаж и старшие координаторы ошеломленно молчали. Кажется, главнокомандующий и капитан были единственными, кто пока

понимал, что произошло:

— Разворот! Разворот, мать вашу так! Двигатели на полную, убираемся отсюда!

Капитан "Серафима" быстро взглянул на штурмана, молча кивнув ему.

— Начинаем маневр разворота, — подтвердил штурман, сжимая руки на штурвале.

— Турель к бою готова! — доложил канонир.

Суперсамолет начал разворот, готовясь включить двигатели на полную, когда все воздушные машины приблизятся на максимально близкое расстояние, достаточное для проведения стыковки. На его гладкой верхней поверхности, больше напоминающей панцирь, открылся люк, и наружу высунулась ракетная турель на гибком длинном кронштейне. Свет садящегося солнца тускло отблескивал на паре узких ракет, покоящихся на своем ложе, пока что равнодушно уставившихся вперед своими острыми носами.

"Москиты" и "Шершни" устремились обратно к своему воздушному "улью". Их было не так уж и много к этому часу в воздухе, и большинство пилотов вернулись на "Серафим" еще час назад, когда с боевиками в Раапи было покончено. Это несколько облегчало задачу экстренного отступления, но внизу оставались несколько подразделений "Уаджет". В сторону северных окраин Раапи устремились транспорты.

— Объект преодолел высоту в две тысячи метров, — доложил оператор.

— Огонь, — выдохнул Кириченко, откидываясь на спинку кресла. Терять время дальше было слишком опасно. Они и так рисковали, не уничтожив ее сразу же, как только "Махат" стартовала. Главнокомандующий не имел никакого представления, чем напичкана только что взлетевшая, заявившая о своем существовании баллистическая ракета, чем экранирована и защищена от наведения. Узнать об этом придется в течение ближайших минут.

Больше всего главнокомандующий "Уаджет" беспокоился о том, кто остался внизу, и что произойдет сейчас. Единственное, что осталось им, так это подобрать всех своих и уматывать отсюда, покуда целы.

Сверху, с интервалом в секунду, донеслись глухие удары и затихающее шипение и рев.

— Ракеты пошли, — доложил канонир.

— Депешу в генштаб Конфедерации, срочно, — проговорил Кириченко, расстегивая воротник мундира. Конечно же, там уже засекли запуск, но и предупредить лишний раз об этом не

помешало.

Турель с ревом пустила ракеты, которые, подрагивая в воздухе, взмыли вверх, прочь от покатого корпуса "Серафима". Внимание всех, кто находился в рубке, теперь было приковано к двум серебристым иглам, стремительно ушедшим вверх, вслед за "Махат".

— Воздушное звено "Дзета" докладывает, что они подобрали последних оперативников третьей колонны.

Доклад старшего координатора в этом напряженном молчании не возымел должного эффекта. Кириченко подумал о том, что теперь их здесь точно ничего не держит. Он вскользь подумал о Моканди. Безумный старик добился своего. Жив ли он сейчас? Наверное, да, но это сейчас уже не имело никакого значения. Когда "Махат" будет сбита — а он очень надеялся на это — спустя меньше двух минут на восточном побережье начнется настоящий ад. Те, кто выжил и остался внизу, уже обречены.

Главнокомандующий вновь вернулся мыслями к ракете, уходящей все выше и выше. Он был уверен, что пока "Серафим", уже развернувшийся и готовящийся увеличить на максимум скорость двигателей, ждал возвращения своих транспортов, ни у кого другого на борту этого колосса не было никаких иных мыслей, кроме как о уходящей в чернеющую высь сверкающей точке.

* * *

— Стас!

Пять неподвижных тел в бежевых скафандрах, распростертые на полу в брызгах крови. Вокруг — изрешеченные пулями стены, несколько разбитых терминалов, тела боевиков.

Станислав с хрипом вздохнул, с трудом приподнимая веки. Длинные тонкие волосы липли к бледному лицу.

Леша подбежал к нему, махнув рукой молодой женщине с красным крестом на груди скафандра.

— Жив, гаденыш!.. А ну-ка… — довольно ухмыляясь, Евсеев, забросив винтовку на плечо, приподнял Стаса, придерживая его за плечо и голову. Медик склонилась над Кавелиным, быстро прихватывая рану эластичной салфеткой с парой индикаторов на одном из кроев. С тихим шипением салфетка стремительно обхватила края раны, на глазах образуя аккуратную культю. В кровь раны были вброшены обезболивающие и дезинфицирующие препараты, и Стас ощутил, как закружилась голова.

Алексей быстро осмотрел поле отгремевшего боя. Этих

пятерых подстрелили здесь, как куропаток, однако те, кто сделал это, убиты, или же спаслись бегством. Леша понимал, что это не имело значения. "Уаджет" закончил здесь на сегодня, на завтра, на целую неделю вперед и много-много лет. Объявленная срочная эвакуация говорила о том, что дела пошли совсем плохо.

Леша всмотрелся в неподвижное тело пожилого человека в сером мундире, лежащее у противоположной стены под большим терминалом, и злорадно ухмыльнулся. Переведя взгляд на Стаса, он бегло осмотрел и тела убитых здесь оперативников. Взглянув в лицо Насти, он безразлично отвел взгляд.

— Повезло же тебе, — прокричал он в ухо Станиславу, вопросительно взглянув на медика. Она кивнула, подхватывая подсумок и винтовку, и Алексей легко и спокойно вздернул Стаса на ноги, закидывая его левую руку на свою шею.

— Слышишь меня?! А теперь ножками, ножками! Давай, пошли, мать твою, переставляй костыли быстрее!..

Они побежали обратно, и Стас едва успевал переставлять ноги вслед за Евсеевым, который довольно быстро помчался по коридору вслед за медиком. В наушнике надрывался Вяземский, требующий, чтобы все выбирались из-под земли. В бункере уже прекратились перестрелки, и только что утих гул и грохот — ракета ушла вверх, покинув свою шахту. Теперь здесь были слышны лишь приглушенные шаги оперативников и их голоса. Все, кто выжил, спешили наверх, еще толком не понимая, что происходит.

— Там есть еще кто живой?

— Нет, все здесь, Забираем раненных и уматываем, живее!

Стас потерял сознание еще раз, и очнулся только лишь когда Евсеев волочил его по длинному и широкому коридору, в конце которого виднелся полукруглый выход. Снаружи все окрасилось в темно-оранжевые тона, и клубы пыли влетали внутрь коридора, нагнетаемые воздушными потоками, исходящими от десантных транспортов.

— Забрали первую группу, прием, — донеслось в наушнике.

— Отлично, давайте живее, у нас меньше двух минут! — прокричал Вяземский.

"Мы уходим", заторможено подумал Стас, глядя, как выход приближается к нему. Кажется, Лешу не сильно заботило то, что его "живой груз" вырубился по дороге наверх.

— Погоди, — едва слышно проговорил Стас, вновь вставая на ноги, и на этот раз ему почти удалось самостоятельно удержать равновесие. Хватая горячий воздух приоткрытым ртом, он неуклюже побежал, все еще держась за шею напарника.

Они выскочили наружу, и у Стаса закружилась голова. Даже

несколько шагов, сделанных самостоятельно, жуткая слабость от пережитой боли и большой потери крови заставили вновь тяжело привалиться на Алексея. Мутный солнечный свет ослепил его, и если бы не Леша, он бы упал прямо на выходе из бункера, не в силах вновь подняться на ноги.

В двух десятках метрах от выхода на пустырь торопливо опустился десантный винтокрыл, вздымая огромную волну песка и пыли. Второй винтокрыл уже поднялся в воздух, устремившись прочь, в сторону побережья. Здесь остались лишь дюжина человек — последние из оперативников, кто выбрался из бункера. Леша, щурящийся на поднявшуюся пыль, посмотрел направо и увидел, как на трайк Вяземского, стоящий неподалеку, быстро и плавно опустился грузовой транспорт, подхватывая "Велоцираптор" захватами и взмывая в небо, подобно хищнику, поймавшему свою добычу.

Оперативники бросились по короткому пандусу внутрь транспорта, и за шумом винтов в воздухе прогремел взрыв, похожий на раскат грома. Алексей, мельком бросивший взгляд вверх, молча подхватил Стаса и бросился к винтокрылу.

Высоко в небе над их головами теперь росло кольцо из огня и обломков.

Евсеев, взбежав по пандусу, небрежно сбросил Стаса на скамью:

— Все, уходим, быстрее!

— Подобрали всех, взлетаем! — прокричал в микрофон помощник пилота, стоящий у открытого пандуса. Винтокрыл дрогнул и оторвался от земли, начав набирать высоту и скорость. Стас, неуклюже привалившийся головой и плечом к стенке, мутным взглядом смотрел, как в открытом проеме грузового входа уменьшаются в размерах и остаются внизу уродливые остовы и обломки древней техники, среди которых скрывался вход в бункер. На какой-то миг он увидел и зияющее жерло шахты, ранее скрытой под слоем песка и мелкого стального мусора. От пережитого болевого шока, кровопотери и воздействия медицинской салфетки он не мог понять и осознать того, что видит. Картина, открывающаяся взору из открытого шлюза, казалась Стасу невероятным фильмом, прокручиваемым где-то внутри его сознания.

Нестройная вереница воздушных машин стремительно пересекала обреченный Раапи, догоняя удаляющийся "Серафим". Они проделали две трети пути до суперсамолета, когда на окрестности города упали первые обломки уничтоженной "Махат".

Изуродованные куски обшивки и крупные фрагменты

обрушились на Раапи, вздымая вверх облака пыли. Стас видел, как несколько обломков угодили в дома, разрушая их, и как вверх, из поднимающихся темно-серых клубов поднимаются полупрозрачные, белесые нити жидкой Ткани. Они росли, быстро сбавляя темп и замирая на несколько мгновений в воздухе на огромной высоте, подобно стеблям фантастических растений, словно бы затвердев и застыв, как стекло. Спустя несколько мгновений эти "стебли" свивались в причудливые косицы, покачивающиеся над крышами небольших строений, уничтожая и разрушая их этими дерганными движениями.

Винтокрылы, увеличивая скорость, пересекли восточные окраины города, пролетев над дорогой и маленькой пальмовой рощей. Через открытый шлюз Стас смотрел, как позади город, поглощаемый Тканью, превращается в страшное сочетание построек и чужой жизни, разрастающейся, сливающейся в единое целое. Внизу замелькали воды океана, и теперь город, точнее то, что от него осталось, был виден целиком. Ткань уже заполнила основную часть улиц Раапи своей массой, достигнув невероятных размеров. Издалека, в лучах садящегося солнца, безликое чудовище теперь напоминало подрагивающий холм белесой плоти, из которого вверх тянулись извивающиеся ростки. Обломки сбитой ракеты все еще продолжали падать.

Темная ладонь забытья легла на глаза, и Стас сомкнул веки, вновь покорно проваливаясь в темную пустоту.

Эпилог

Два месяца спустя.

Пронзительно синее небо было чистым от горизонта до горизонта, и солнце испускало ослепительно яркий белый свет. Оно было настолько ярким, что казалось, будто небосвод над головой полностью охвачен белым огнем. Лучи отражались от снега, и пологие склоны сопок внизу сияли, впитывая в себя весеннее солнце.

Аня отрешенно смотрела за широкое тонированное стекло. Сегодня, не смотря на ясную погоду, дул сильный ветер. Его силы было достаточно, чтобы отменить любую воздушную прогулку куда бы то ни было, но Аня настояла на том, чтобы пилот немного изменил маршрут полета из "Стагирита-2" в штаб-квартиру.

Винтокрыл двигался над самой землей, стараясь не подниматься слишком высоко. Воздушная машина перемахнула через последнюю сопку и сбавил ход. На белоснежном покрове раскинулась прямоугольная площадка, очищенная от снега, и этот темно-серый фон плоского участка казался неестественно ярким на белом фоне. Из этой площадки тут и там торчали невысокие сваи, в центральной части возвышались поставленные друг на друга контейнеры с остатками разобранных стен.

"Здесь когда-то был "Перстень", подумала Аня, когда воздушная машина коснулась широкими лыжами посадочных шасси выровненной площадке. Шум двигателей начал затихать и обороты винтов — падать, когда Аня, запахнув куртку, дернула в сторону ручку и большая створка отъехала в сторону. Внутрь салона хлынул свежий морозный воздух и яркий солнечный свет. Аня, широко раскрыв глаза, глубоко вдохнула эту дикую свежесть зимней тайги. Она не стала доставать из кармана солнцезащитные очки, и, свесив ноги, спрыгнула вниз.

Здесь было тихо и спокойно. Воздушные потоки, свободно гуляющие наверху, не спускался в эту низину между заснеженными сопками. Сделав несколько шагов вперед, она остановилась, обведя взглядом открывшуюся перед ней картину. Нет, в душе ничего не проснулось, и неприятные воспоминания не дали полноценно очнуться мыслям о том, что когда-то здесь располагалось место ее работы. Вместе с разрушением "Перстня" во время диверсии, устроенной Денисом, рухнул и старый, привычный мир, которому Аня отдавала себя всю. Она уже свыклась с этой мыслью. Впервые за всю зиму и начавшуюся весну она посетила это место, где раньше располагался "Перстень". Она

тянула до последнего, страшась этого места, опасаясь, что вновь проснется уже позабытая боль и разочарование.

Нет, ничего этого не произошло. На этой площадке уже не было ничего, что напоминало бы о прошлом, и Ане сейчас казалось, будто она вообще впервые прибыла в эту низину. Вздохнув полной грудью, она рассеяно улыбнулась, зашагав вперед и щурясь на солнце.

Многое изменилось с тех самых пор, как завершился этот короткий, но жаркий конфликт. "Уаджет" стремительно восстанавливал свои силы после тех потерь, которые понесла эта организация. Конечно же, о былом спокойствии теперь никто не думал. Жестокий урок, обошедшийся "Уаджет" жизнями полусотни оперативников и полевых офицеров, был уяснен. Однако, что бы там не говорили источники массовой информации и статистика, они потеряли самое главное, нечто, что было дороже многих десятков жизней.

"Время. Нам всегда не хватает только его".

Удар по "Уаджет" отбросил все устремления и планы командования на много месяцев назад. Ткань не будет ждать, пока люди опомнятся от пережитых потрясений и перестанут вязнуть в мелких склоках между собой. Теперь Корпусу предстояло наверстать упущенное как можно скорее и как можно эффективней. Аня не часто виделась с Юлией и ее новой молодой помощницей из Томска, они обе были погружены в свою работу. Она пару раз встречалась с главнокомандующим после завершения операции "Серебряный жук", и по его лицу она видела, что вместе с уничтожением "Брахмана" проблем ничуть не убавилось.

Аня взглянула на часы. Пожалуй, она может еще задержаться здесь на минуту, не больше. У нее в штаб-квартире полно работы. "Уаджет" вновь открыл вербовку новобранцев из регулярной и милиционных армий России, стремясь быстро восполнить свои потери и отобрать в свои ряды все самое лучшее, чем на данный момент располагали воинские формирования.

Аня закрыла глаза, вспомнив Дениса. Воспоминания о муже — бывшем? — ожили так внезапно и неожиданно именно сейчас, что она несколько опешила от них. После того, что совершил Денис, она видела его только один раз, в подвальных блоках "Панциря мира", где их допрашивали. До сих пор о его судьбе ей было ничего неизвестно. Аня не знала, жив ли он, или же по-прежнему существует там, глубоко под землей, погруженный в искусственный сон. Мысли о нем сейчас заставили шевельнуться в ее душе нечто болезненное, и Аня поспешно мотнула головой, тщетно пытаясь выбросить из головы образ Дениса, его влажное

лицо, неестественно бледную кожу лица и черную маску, закрывающую его глаза, его влажные шепчущие губы…

Аня подумала о том, что будет дальше с этим местом. Отстраивать новый комплекс, конечно же, никто не будет. Возможно, ограничатся маленьким скромным мемориалом в память тем, кто погиб здесь во время диверсии.

Она тяжело и прерывисто вздохнула, чувствуя, как начинает болеть голова. Налетевший ветер растрепал ее прямые черные волосы, заставив поежится, словно бы говоря ей о том, что здесь больше нечего делать ни ей, ни кому-либо еще из того большого города за сопками. Аня не стала возражать этому порыву. Окинув взглядом вид ровной темной площадки, она отвернулась, зашагав обратно к винтокрылу. Ей не верилось, что здесь когда-то была часть ее маленького мирка. Теперь его нет, и вместе с ним исчезла и эта самая часть единого целого.

"Путь это будет просто заброшенным пустырем".

Она решила, что так действительно будет лучше. Пусть она вообще больше никогда не возвращается сюда, ни на воздушной машине, ни мыслями.

Ане не хотелось, чтобы воспоминания о жизни, которая осталась в прошлом и навсегда канула в небытие, вновь вернулись к ней.

* * *

Собственная квартира казалась чужой и нелепой в собственной тишине и пустоте. Теперь она производила такое же впечатление, как и летом, когда Стас впервые перешагнул ее порог. Не смотря на то, что он прожил здесь уже много месяцев, он вновь воспринимал ее заново.

Стас решительно закрыл дверь. Посмотрев на тускло блестящие цифры "34", он поджал губы, и, отвернувшись, зашагал по открытому балкону к лифту, стараясь не смотреть на улицу через парапет.

Двери сомкнулись, и лифт с тихим урчанием начал спускаться вниз.

Стас не шевелился, слушая, как работает пневматическая система. Он смотрел только лишь перед собой, на черный шов сошедшихся створок, и на несколько секунд, пока был слышан монотонный шум, заключенный в тесной и все так же не совсем чистой кабине, он сосредоточился взглядом только на этих двух полосках черной резины. Стас понимал, что больше не может избегать собственных мыслей, поступая так, как он делал

последние два месяца. Жизнь возвращалась в свое русло, и теперь он готовился осмыслить все произошедшее с ним еще раз. Это было необходимо сделать, если он намерен продолжить свою службу в "Уаджет" и жизнь во Фрактале, но Стас не понимал, действительно ли он хочет остаться после того, что с ним произошло.

Стас вздрогнул, когда лифт остановился и двери открылись перед ним. Он тяжело моргнул, ощущая сонную тяжесть век, и шагнул вперед. Створки дверей подъезда бесшумно разошлись перед ним, и Стас вышел на улицу, широко раскрытыми глазами глядя на чистое весеннее небо.

На дворе было уже девятое апреля, и ему не верилось в это. Почти весь февраль и весь март Стас провел в одном из госпиталь-блоков штаб-квартиры, отходя от серьезного ранения. Он потерял много крови и силы возвращались к нему медленно. Врачи сумели вырастить ему новую руку, хотя Стас, после своего "пробуждения" плохо помнящий то, что происходило в бункере Моканди, не сумел воспринять ее как нечто необычное. Она была его, можно сказать "родной": выращенная из его же стволовых клеток по последним технологиям, она функционировала так же, как и потерянная рука. После операции Стас часто разглядывал ее, словно бы силясь понять, в чем подвох, или же найти какой-то ужасающий изъян. Био-протез был безупречным, хотя пальцы слушались команд мозга пока что слабо и медленно. Три дня назад, перед тем, как его окончательно выписали, хирург сказал Стасу, что слабость и некоторая нечувствительность руки будет присутствовать еще некоторое время. Тогда Стас невольно подумал о старшем брифинг-инструкторе Левашове, уже долгое время передвигающегося на подобного рода био-протезах, до сих пор несколько неуверенно и чуть неуклюже. Стас не стал расспрашивать хирурга, но, кажется, "некоторое время" могло затянуться и на десятилетия. Впрочем, Стас был рад и тому факту, что не остался калекой.

Стас помнил свое "пробуждение". Он очнулся только третьего февраля, поздним вечером в медицинской палате, погруженной в бархатистый темно-синий сумрак. С момента завершения операции "Серебряный жук" прошло уже более суток. Он был слаб и испытывал острую жажду. Стас не мог поднять голову и посмотреть на то, что осталось от его правой руки, однако мысль о том, что он все еще жив, успокоила его. Дни полетели один за другим, сливаясь в одно бессмысленное светлое полотнище. Стас очень много спал, или же бессмысленно смотрел в потолок перед собой, слушая работу медицинской аппаратуры. В середине февраля его посетили Костя и Дима Светличевы, Леша и Таня. Им

разрешили побыть лишь совсем немного, но Стас был рад видеть их. Он слабо улыбался, глядя на своих друзей, но его сердце сжималось от тоскливой боли — среди них не было Насти.

За день до операции его навестила Лена, та самая, с которой он познакомился осенью. Она была весела и оптимистично настроена, и Стас был слегка шокирован ее поведением. Словно бы ничего и не случилось, словно бы он не был на самом краю, едва не погибнув. Однако у него хватило ума понять, что она поступает так для того, чтобы приободрить его. Их разговор был коротким и полон всякой бессмысленной чепухи, но на всем его протяжении Лена держала его пальцы левой руки, и напоследок чмокнула в щеку.

Глядя на нее, и позже, после того как она ушла, Стас вспоминал Настю.

Настя снилась ему дважды. В первый раз он увидел ее во сне где-то в первых числах марта. Стас вновь лежал на белоснежном пластиковом полу, и Настя лежала рядом с ним, в бежевом боевом скафандре, забрызганным ярко-алой кровью. Ее светлые волосы так же тонули в растущей кровавой луже, и ее лицо было повернуто к нему. Только ее зеленые глаза были закрыты, и вместо этого шевелились ее губы. Стас силился понять, что она хочет сказать, пока она не умерла. Он проснулся в холодном поту, темноте больничной палаты, задыхаясь от ужаса и безграничной тоски.

Позавчера ночью он снова видел этот же сон, и теперь Стас думал о том, что эта череда кошмаров — лишь только начало.

Стас вдохнул холодный воздух, поежившись и заморгав на яркий свет. Он поднял воротник пальто, доставая из кармана черные перчатки. Не удержавшись, Стас пристально всмотрелся в кисть правой руки, медленно поворачивая ее из стороны в сторону. Вздохнув, он надел перчатки, зашагав по дорожке прочь от дома неуверенными шагами человека, самого не знающего, зачем он покинул стены и выбрался на этот теплый свет. Выйдя на улицу, он отбросил черную прядь прямых волос в сторону от остроносого лица, пряча руки в карманы и пальто и направившись в сторону окраин.

Он шел, глядя только лишь себе под ноги, дав мыслям свободу. Сейчас это было трудно, но Стас понимал, что он должен как-то это пережить. И было даже не важно, останется ли он во Фрактале дальше. Прежде, чем браться решать такие вопросы, следовало разобраться самим с собой.

В голове крутились мысли, касающиеся только победы "Уаджет". Стас не протестовал: это было лучше, чем вспоминать лица погибших. Уничтожение "Брахмана" и ракеты со страшной

"начинкой" капсул-боеголовок окрылило командование. Всерьез велись разговоры о скором возобновлении подготовки к полномасштабному наступлению против Ткани. В средствах массовой информации вовсю гуляло новое определение — Третья экспедиция против Ткани, которая должна стать победоносной. Ведь на этот раз противостоять безликому чудовищу будут не обычные солдаты, а подготовленные и оснащенные всем необходимым для достижения своей цели специалисты из "Уаджет". Волна оптимистических заявлений лидеров различных стран уже прокатилась по всей Конфедерации.

Стас вернулся мыслями к пережитому в бункере. А ведь он едва не схлопотал себе серьезные проблемы. В штабе провели целое расследование, опираясь на кадры видеосъемки с компьютеризированных окуляров скафандров и показания свидетелей. Конечно же, командование интересовал Моканди. Стас смутно догадывался, что наворотил каких-то дел, ведь именно он убил старика.

Пока он находился в госпитале, его навестили четверо старших координаторов, занимающихся расследованием дела смерти бывшего маршала. Стас, как мог, описал происходящее в бункере и честно признался в том, что он стрелял в Диира Моканди. На тот момент ему было все равно, чем для него закончится это разбирательство. Однако все улеглось. Его больше никто не тревожил, и вопрос о виновности Стаса в убийстве человека, которого нужно было взять живым в ходе операции "Серебряный жук", кажется, был закрыт. Возможно, никто сильно и не возражал по поводу такого оборота дел, и что будет дальше со Стасом — покажет только время. Его никто не собирался ни наказывать за содеянное, ни награждать, и Стаса вполне это устраивало.

Неожиданно для самого себя Стас вспомнил Десаи, старого наркоторговца из Индии. При их последней встрече он что-то говорил об ангелах бедствий, и Стас замедлил шаг, вспоминая их встречу.

"Когда ангелы бедствий вернутся, тебе станет плохо и солнце вновь померкнет в твоих глазах… он так сказал"?

Да, Десаи и его "цветочная магия". Стас понял, почему он вспомнил старика именно сейчас. Он и его "снадобья" помогли бы Стасу избавиться от всего того, что сейчас он испытывал. В конце концов, Десаи знал в этом толк.

Он не заметил, как достиг юго-восточных окраин Фрактала. Стас шел, куда глаза глядят, и за час его неторопливой прогулки его ноги сами привели его сюда. Он глотнул прохладного воздуха, глядя на тихую аллею. Слева, за невысоким ограждением

расположилось предприятие по ремонту воздушной техники, справа, через дорогу — заснеженные деревья маленького парка. Узкий тротуар, уводящий вперед, сворачивал вместе с дорогой налево. Стас помнил это место.

Он направился вперед, размышляя о том, что ему теперь нужно делать. Все его сослуживцы сейчас отдыхают за границей, и он здесь почти один. Лена, конечно же, сможет помочь выкарабкаться из этой страшной ямы, в которой он оказался. Она вовсе не против того, чтобы составить ему компанию, хотя бы на ближайшее время — как казалось самому Стасу, и он боялся разочароваться.

Он перешел через дорогу и на секунду замер перед лестницей, уводящей на мост через монорельс. Поднявшись наверх, Стас остановился, вспоминая тот вечер, когда он и Настя были здесь, погруженные в мысли о прошлом.

"Но… Это ведь пройдет, разве нет?.."

Стас сглотнул, приблизившись к скамье и усаживаясь на то место, где в тот вечер он сидел, чувствуя теплые потоки восходящего воздуха. За парапетом плавно изгибающаяся влево линия монорельса, чистая от снега, ярко сияла на солнце. Стас широко расставил ноги, наклонившись вперед и упершись локтями в колени. Образы прошлого вновь очнулись, начав сменять друг друга, и Стас ничего не мог поделать, кроме как переживать их вновь и вновь. Он вспоминал тот морозный вечер, когда он и Настя были здесь, закрыв глаза и опустив голову, пытаясь сосредоточится только на нем и при этом прекрасно осознавая, что как только ее образ появится перед ним, он будет стараться забыть ее как можно скорее.

"Ничего. Это пройдет".

Только сейчас он ощутил всю тяжесть того бремени, которое он пережил и которое ему еще предстоит пережить, только сейчас Стас понял, насколько тщетны их попытки избавить этот мир от Ткани и вернуть ему хотя бы часть былого вида. Он понял, что это будет невозможно сделать до тех пор, пока их души будет глодать страх и безграничная тоска по тем, кто исчез. Стас понимал, что так было и так будет всегда, но эта борьба с самим собой была тяжелее, чем с кем бы то ни было. Стиснув зубы, Стас поднял руки и спрятал лицо в ладонях. Он оставался неподвижным, но его плечи теперь мелко вздрагивали.

"Это пройдет".

Стас представил, будто Настя сидит рядом с ним, и он не спешил разрушать эту жалкую иллюзию. Сквозь душащие слезы он чувствовал, что у него еще будет полно боли и разочарований на эту проклятую весну, и все их нужно пережить, не смотря ни

на что. Нужно было как-то жить дальше, даже если уже ничего нельзя было изменить обратно — мир все так же продолжал таять, как тихо и незаметно тает снег под теплыми лучами весеннего солнца.

Август 2008 — январь 2011.